КУНЦОВО

и

древнiй сѣтунскiй станъ.

ИСТОРИЧЕСКIЯ ВОСПОМИНАНIЯ.

СОЧИНЕНIЕ

И. Забѣлина.

Изданiе К. Солдатенкова.

Цѣна 2 руб.

МОСКВА.
ТИПОГРАФIЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ В., Д. ШИЛОВОЙ.
1873.

КУНЦОВО

и

древній сѣтунскій станъ.

КУНЦОВО

и

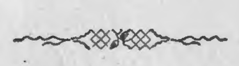
древній сѣтунскій станъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

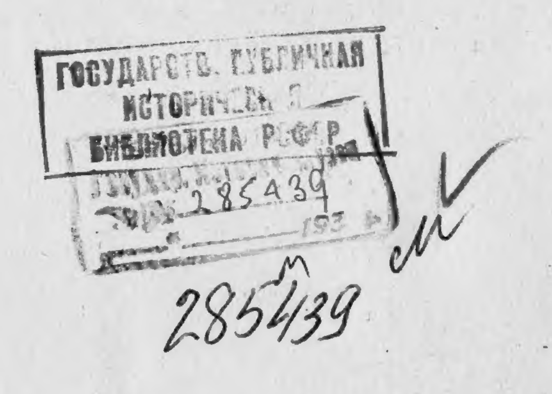
сочиненіе

И. Забѣлина.

Изданіе К. Солдатенкова.



МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ В., Д. ШИЛОВОЙ.
1873.



ЛИТ. ВАХМАНЪ.

ТОЧНАЯ КОПІЯ СЪ РИСУНКА СДѢЛАННАГО ВЪ 1779 ГОДУ СЪ ПОРТРЕТА БОЯРИНА ЛЬВА КИРИЛОВИЧА НАРЫШКИНА

Москва съ своими окрестными селеніями и дачами раскинута въ такой прекрасной мѣстности, что по справедливости почитается однимъ изъ живописнѣйшихъ городовъ Европы. Коренные москвичи, конечно, этого не замѣчаютъ: они уже достаточно пригляделись къ родной красотѣ своего роднаго города; но свѣжій глазъ путешественника и особенно художника находитъ эту красоту не только въ общихъ панорамахъ столицы, съ любой стороны, но и въ каждомъ уличномъ закоулкѣ, который лишь бы открыто смотрѣлъ на Кремль или на одну изъ тѣхъ же панорамъ. Красота мѣстоположенія становится еще больше привлекательною отъ своеобразія и многочисленности старинныхъ, особенно церковныхъ, построекъ Москвы, которыя придаютъ ей такой оригинальный, просторный, ни съ чѣмъ несравнимый типъ стараго русскаго города, что всѣ другіе старые города Великой Руси относительно своей красоты и пространства очень справедливо именовали себя только уголками Москвы. „Нашъ городокъ — Москвы уголокъ!" говорилось и въ Ярославлѣ, и въ Твери, и повсюду, гдѣ приходило на мысль опредѣлить типическія черты красивой мѣстности и красиваго построенія стариннаго города. Народъ же свое удивленіе передъ старою Матушкою-Москвою выразилъ особымъ и очень сильнымъ присловьемъ: „Кто въ Москвѣ не бывалъ—красоты не видалъ!" Поговорка эта, выразившаяся въ послѣдствіи и литературно, стихомъ: „Что

Матушки Москвы и краше, и милѣй!" сложилась, конечно, въ то еще время, когда Москва на самомъ дѣлѣ была единственнымъ на Руси городомъ, достойнымъ удивленія. Это было задолго до построенія приморскаго красавца Петербурга, и въ ту эпоху, когда старѣйшій и первый на Руси, днѣпровскій красавецъ, Кіевъ, совсѣмъ было удалился отъ русскихъ созерцаній въ чужую землю. Въ этотъ-то промежутокъ времени, между рожденіемъ Петербурга и удаленіемъ отъ Руси Кіева, выросла Москва и явилась не только истинною русскою силою, но и настоящею русскою красотою, какой прежде по всей Русской Землѣ не было видано. Что Московская красота носитъ въ себѣ черты восточныя и мало походитъ на западный обликъ, то въ этомъ развѣ есть что либо унизительное, что либо недостойное человѣчества и человѣчности. Развѣ Востокъ неизмѣнно долженъ обозначать только Скиѳа, Гунна, Татарина и всякаго степнаго варвара, съ именемъ котораго такъ любятъ смѣшивать на Западѣ и Русское имя. Живя на востокѣ, имѣя постоянное дѣло съ Востокомъ, Москва физически не могла выростить себя совсѣмъ по западному образцу, съ которымъ въ дабавокъ не сошлась характеромъ по Вѣрѣ и по нѣкоторымъ политическимъ началамъ. Но за то она неутомимо шла не собственно къ западнымъ, а вообще къ европейскимъ цѣлямъ развитія и успѣла присвоить своему родному Востоку именно европейскія силы народнаго совершенствованія. Къ томуже при внимательномъ и ближайшемъ разсмотрѣніи, восточный обликъ Москвы окажется вовсе не восточнымъ, а въ полной мѣрѣ русскимъ, въ полной мѣрѣ самобытнымъ созданіемъ русской народности. Если народъ отмѣтилъ свой взглядъ на Москву такимъ выразительнымъ присловьемъ, то онъ помышлялъ здѣсь не объ одной внѣшней красотѣ города, а столько же и о самобытномъ русскомъ характерѣ этой красоты. Высшую красоту старинный русскій народъ созерцалъ въ Божіемъ храмѣ, а въ Москвѣ было столько церквей, что трудно было ихъ и перечесть—сорокъ сороковъ! Кромѣ красоты мѣстоположенія, пестрая, кудрявая, своеобразная архитектура этихъ церквей, золотыя маковки, золо-

тыя главы, стройныя колокольни, царскіе и боярскіе высокіе хоромы, терема и вышки съ самыми разнообразными и замысловатыми кровлями, которыя возвышались шатрами, бочками, скирдами, епанчами и т. п.; затѣмъ круговыя каменныя и деревянныя стѣны съ башнями и воротами, красотѣ и отдѣлкѣ которыхъ удивлялись даже иноземцы; длинные ряды деревянныхъ уличныхъ построекъ, по большей части деревенскихъ же вырѣзныхъ избъ, утопавшихъ въ зелени садовъ и огородовъ, раздѣленныхъ по мѣстамъ полянками и всподьями,—все это, пестрое, веселое, заключавшее въ себѣ столько согласія съ лѣсною природою страны, представляло въ сущности только общій типъ красоты каждаго русскаго города, соединяло въ себѣ общія русскія черты не только городскія, но и сельскія, деревенскія, и потому восхищало русское чувство прелестью роднаго облика всей Русской Земли, по преимуществу Земли деревенской.

Впрочемъ и западные иноземцы, послы и посланники, подъѣзжавшіе къ Москвѣ въ XVI и XVII ст. большею частію отъ Смоленска, по Можайской дорогѣ, именно отъ мѣстности Кунцова, приходили въ неописанный восторгъ, когда съ Поклонной Горы открывалась имъ въ самомъ дѣлѣ восхитительная панорама и самаго города и окружающихъ красивыхъ мѣстъ, расположенныхъ между Воробьевыми Горами, направо, и Тремя Горами, на лѣво, съ обширнымъ лугомъ или цѣлымъ полемъ Ходынки, съ безконечными лѣсами по сторонамъ, уходящими и теперь далеко за горизонтъ. Они говорили, что видъ на Москву издали, т. е. именно съ этого пункта, по обширности и великолѣпію города, есть одно изъ прекраснѣйшихъ зрѣлищъ, какія удавалось имъ когда либо видѣть. Благочестивые изъ нѣмцевъ прямо сравнивали Москву съ Іерусалимомъ, разумѣя въ этомъ имени всё прекрасное и великолѣпное, чѣмъ только городъ можетъ отличаться по своей красотѣ. Первыя легенды о построеніи или о началѣ Москвы тоже называли ее Іерусалимомъ. Но нѣмцы прибавляли, что внутри Москва была похожа на Виѳлеемъ и тѣмъ подавали намекъ, что въ сущности это былъ городъ деревенскій, бѣдный, во многомъ изъ

своего устройства напоминавшій конюшню или скотный дворъ. Какъ бы ни было, но красотою своего мѣсторасположенія Москва приводила въ восхищеніе европейскихъ путешественниковъ, которые на своемъ пути конечно видали много хорошаго и могли оцѣнить прекрасную мѣстность Москвы по достоинству. Ихъ же словами можно было выразить туже народную поговорку, что кто въ Москвѣ не бывалъ, красоты не видалъ.

Однако сама Москва повидимому вовсе не помышляла о своей природной красотѣ. Она вообще думала, что въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ ничего особеннаго, о чемъ бы можно было толковать, и потому не оставила намъ никакихъ литературныхъ памятниковъ, гдѣ бы выражались и изображались мысли и чувствованія старинныхъ москвичей относительно тѣхъ красотъ природы, посреди которыхъ они жили и которыхъ вовсе не замѣчали.

Говорятъ, что у старой Москвы дѣйствительно не было никакой чувствительности къ красотамъ своей природы. Покрайней мѣрѣ въ этомъ были крѣпко убѣждены всѣ первыя чувствительныя сердца, впервые заговорившія въ Москвѣ о природѣ, утверждая, что и самаго слова природа съ такимъ понятіемъ у старинныхъ русскихъ людей не существовало. Но если не существовало слова и понятія, то стало быть въ старинномъ русскомъ образованіи и развитіи не существовало цѣлой области высокихъ поэтическихъ созерцаній и наслажденій своею жизнію.

Этому, на первый разъ, пожалуй, можно повѣрить, если кто знаетъ, какъ мало радости испытывали старинные русскіе люди, созидая наше теперешнее относительное благополучіе; въ какой тяжкой исторической работѣ, въ какомъ государственномъ и общественномъ, нравственномъ и умственномъ гнетѣ они переживали свой скорбный, трудовой вѣкъ. Можно сообразить, что этимъ людямъ было не до восхищеній и не до умиленій передъ красотами природы. Они тѣже самыя прекрасныя окрестности Москвы, вмѣсто восхищенія ими, принуждены были вскапывать для своихъ могилъ, защищая ихъ шагъ за шагомъ отъ враговъ; принуждены были поливать ихъ своею

благодатною кровью въ отчаянныхъ битвахъ съ Крымскимъ Ханомъ или съ гордымъ Ляхомъ, нашествія которыхъ или ихъ угрозы нападеній продолжались чуть не до временъ Петра. И мы, къ сожалѣнію, очень крѣпко забываемъ, что въ то время не существовало еще самаго простаго, но самаго важнаго для всякихъ чувствованій обстоятельства, которымъ вполнѣ пользуемся теперь, именно не существовало безопасности отъ внезапнаго нашествія врага. Можно очень вѣрно сказать, что допетровская Москва стояла еще, какъ и древній Кіевъ, на границѣ кочевыхъ степей и безпрестанно отбивалась отъ степныхъ варваровъ. О какихъ красотахъ природы можно было думать въ это время? Но слѣдуетъ ли изъ этого, что старинные русскіе люди въ самомъ дѣлѣ не были чувствительны къ природѣ, въ самомъ дѣлѣ были уже совсѣмъ одичалыми безчувственными варварами, какъ отчасти старались показать наши первыя чувствительныя сердца, заговорившія литературно о своихъ чувствахъ. Это вопросъ настолько любопытный въ исторіи нашего общественнаго развитія, что необходимо покрайней мѣрѣ затронуть его, собравши на первый разъ нѣсколько свидѣтельствъ и указаній по этому предмету.

Извѣстно, что какъ бы человѣкъ не былъ дикъ, какъ бы не былъ онъ обиженъ природою, онъ все-таки чувствуетъ, что она ему не только мать, но и цѣлый безпредѣльный міръ поэзіи, гдѣ всякому пониманію, даже и самому низменному по своему развитію, бываетъ свѣтло и радостно, бываетъ однимъ словомъ хорошо. Здѣсь намъ невольно приходитъ на память давно знакомый поэтическій образъ отброшеннаго людьми и одичалаго Лёвки въ Запискахъ доктора Крупова. Докторъ психіатръ не многими чертами, но очень глубоко и полно выразилъ именно такое отношеніе простаго, не утонченнаго развитіемъ пониманія и чувства къ красотамъ матери-природы. Однажды докторъ предложилъ юродивому Лёвкѣ идти въ лѣсъ. Лёвка съ радостію отвѣчалъ: „Пойдемъ! пойдемъ далеко, хорошо будетъ, очень хорошо!“ Послѣ долгаго пути, Лёвка вывелъ доктора на открытое высокое мѣсто надъ рѣкою съ обширнымъ и прелестнѣйшимъ сельскимъ видомъ, какими такъ

богата область Великой Руси. Одичалое дитя природы—Лёвка могъ выговорить только одно: „Здѣсь хорошо, здѣсь хорошо!"—Чтоже хорошо? спросилъ докторъ, испытывая, что скажетъ идкарь, и получилъ отвѣтъ: „Лёвка не знаетъ,—такъ хорошо!" т. е. безъ мудрости, просто хорошо. Въ этомъ одномъ словѣ по большой части выражаются восхищенія природою и у людей съ утонченнымъ вкусомъ и образованіемъ, по той причинѣ, что непосредственное, сильное и глубокое чувство очень рѣдко и вообще не скоро находитъ слова для своего выраженія.

Такимъ образомъ о прирожденномъ человѣку чувствѣ природы намъ говорить нечего: оно само есть лучшая, возвышеннѣйшая природа въ человѣкѣ. Очевидно, что люди, не находившіе такого чувства у русскихъ стараго вѣка, смѣшивали понятія и, говоря о чувствѣ природы, разумѣли здѣсь одну лишь сентиментальность, въ добавокъ одну лишь слезливую и отчасти жеманную чувствительность, съ которою вовсе не былъ знакомъ нашъ старый вѣкъ, но которая, явившись уже въ ближайшую къ намъ эпоху, разумѣется имѣетъ также свое важное значеніе въ русскомъ развитіи.

Надо сказать, что нашъ старый допетровскій вѣкъ по своему эстетическому и нравственному развитію весь цѣликомъ принадлежалъ еще той первобытной эпохѣ, когда человѣкъ жилъ съ природою за одно, вовсе не отдѣлялъ себя отъ природы, т. е. вовсе не разсуждалъ о ней со стороны своихъ впечатлѣній, вовсе не допытывался, какъ она хороша, почему, отчего хороша, и всякое свое созерцаніе ея красотъ выражалъ, какъ Лёвка, однимъ словомъ: хорошо—такъ, просто—хорошо! Разсужденія и размышленія о чувствѣ природы или о своей чувствительности къ природѣ обыкновенно возникаютъ въ то время, когда человѣкъ уходитъ въ самого себя, углубляется въ дремучіе лѣса собственнаго чувства и собственной мысли. Тамъ, естественно, глазъ-на-глазъ онъ встрѣчается съ своими впечатлѣніями и восхищается ими даже больше, чѣмъ самою природою. Въ этомъ самоуглубленіи чувства и лежитъ основаніе такъ называемаго „сентиментальнаго" отношенія къ природѣ. Въ немъ чувство проникается мыслію и природа

становится для человѣка свѣтлымъ и очаровательнымъ зеркаломъ, въ которомъ сентиментальность всего больше любитъ созерцать самое себя, т. е. всего больше любитъ мыслить природу, размышлять, бесѣдовать съ природою, сознавать ее. Ясно, что такое утонченіе въ развитіи чувства бываетъ уже плодомъ цивилизаціи, плодомъ жизни, умудренной наукою, усовершенствованной искусствомъ, вообще жизни, руководимой исключительно сознательными силами развитія. Нашъ старый вѣкъ такими богатствами еще не обладалъ и потому жилъ какъ сама природа, въ круглой непосредственности и безъискусственности и любилъ природу безъ разужденій и безъ размышленій, какъ могутъ любить только дѣти. Наивное дѣтство и было основою его эстетическаго и нравственнаго развитія.

Конечно этотъ возрастъ народной жизни соединяется всегда, въ условіяхъ быта политическаго и общественнаго, съ прямымъ варварствомъ; но относительно чувства природы, относительно поэтическихъ созерцаній онъ варваромъ не бываетъ и всегда остается лишь наивнымъ дитею природы, которую ему нечего отыскивать въ рощахъ и лугахъ или на берегу ручейковъ и рѣчекъ: онъ, какъ дитя, постоянно находится у ней же на рукахъ, въ ея материнскихъ объятіяхъ.

Сентиментальное исканіе природы совпадаетъ съ тѣмъ моментомъ народнаго развитія, когда дитя сходитъ съ рукъ природы, становится на ноги и самъ начинаетъ ходить безъ ея руководства, т. е. когда онъ выростаетъ и начинаетъ смыслить, когда начинается періодъ жизни сознательной. Это, какъ мы замѣтили, происходитъ отъ распространенія въ народной жизни цивилизующихъ началъ, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ литературѣ, въ смыслѣ художественнаго словеснаго творчества, въ смыслѣ искусства. Вотъ почему и исторія чувствительныхъ, сентиментальныхъ сердецъ, впервые появившихся въ московскихъ окрестностяхъ, начинается не слишкомъ далеко отъ нашего времени.

Нельзя отрицать, какъ увидимъ, что таковыя сердца появлялись и въ старое время, но они появлялись одиночно и не были выразителями общаго сентиментальнаго настройства жизни.

Первый, кто съ особеннымъ талантомъ, увлекательно и поэтически заговорилъ не только о красотахъ московской природы, но и объ Русской Исторіи, былъ Карамзинъ, а первое произведеніе, которое до крайности и разнѣжило и умягчило московскія грубыя сердца, была повѣсть: Бѣдная Лиза (1792 г.). Извѣстно, какое свѣжее и сильное впечатлѣніе эта Лиза произвела на тогдашнюю Москву. Это была первая весенняя пѣснь соловья, первые сладкіе звуки о прекрасномъ въ природѣ, о прекрасномъ въ природѣ человѣка, о прекрасномъ въ природѣ всякой мѣстности. Повѣсть прямо и начиналась сентиментальнымъ вступленіемъ, въ нѣкоторомъ родѣ интродукціею или увертюрою, именно о красотахъ московской природы.

„Можетъ быть, писалъ авторъ, никто изъ живущихъ въ Москвѣ, не знаетъ такъ хорошо окрестностей сего города, какъ я, потому что никто чаще моего не бываетъ въ полѣ, никто болѣе моего не бродитъ пѣшкомъ, безъ плана, безъ цѣли—куда глаза глядятъ—по лугамъ и рощамъ, по холмамъ и равнинамъ. Всякое лѣто нахожу новыя пріятныя мѣста, или въ старыхъ новыя красоты“.

Описавъ за тѣмъ красивую мѣстность Симонова монастыря, авторъ заключаетъ: „Часто прихожу на сіе мѣсто и почти всегда встрѣчаю тамъ весну; туда же прихожу и въ мрачные дни осени, горевать вмѣстѣ съ Природою! ....Но всего чаще привлекаетъ меня къ стѣнамъ монастыря воспоминаніе о плачевной судьбѣ Лизы, бѣдной Лизы. Ахъ! я люблю тѣ предметы, которые трогаютъ мое сердце и заставляютъ меня проливать слезы нѣжной скорби!“

Въ этой интродукціи заключилась какъ бы программа для новыхъ чувствованій, какія должны были испытывать Москвичи, обозрѣвая свои окрестности. Съ той поры чувствительныя и мечтательныя души, или справедливѣе сказать всѣ друзья природы, для которыхъ не были чужды поэтическія созерцанія, направили свои прогулки къ Симонову монастырю, гдѣ вдали зеленѣла завѣтная рощица надъ завѣтнымъ же небольшимъ прудомъ, въ которомъ утопилась несчастная Лиза. Не только москвичи, но даже и пріѣзжіе изъ городовъ, кто

былъ близокъ литературнымъ интересамъ, тоже хаживали, даже зимою, взглянуть на чувствительный Лизинъ прудъ. Извѣстный авторъ баллады „Громвалъ“, по происхожденію казанецъ, купеческій сынъ, Каменевъ, о которомъ Пушкинъ сказалъ, что онъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма и сталъ романтикомъ, пріѣхавъ однажды зимою (1799 г.) въ Москву, такъ описываетъ свое путешествіе къ этой завѣтной мѣстности: „Третьяго дня день былъ ясный. Вздумалось мнѣ воспользоваться пріятною погодой и побывать въ томъ монастырѣ, въ окрестностяхъ коего жила нѣкогда Бѣдная Лиза. Въ три часа за̀-полдни пріѣхалъ я къ нему. Монастырь построенъ на горѣ; видъ хорошъ и окрестности расположены точно такъ, какъ г. Карамзинъ описываетъ. Съ правой стороны, верстахъ въ двухъ разстоянія видна почти вся Москва... Съ полуденной стороны, подъ самыми стѣнами, растетъ густой кустарникъ, а саженяхъ въ 80-ти р о щ и ц а. Видно, что та самая, близъ коей Лиза жила съ матерью; только очень, очень, не густа, и наперечетъ не болѣе пятидесяти деревъ, безъ порядка разсѣянныхъ“. Вымыслъ поэта сталъ дѣйствительностью; нѣжныя сердца чертили на деревьяхъ вензель Лизы или собственные вензеля съ отмѣтками даже числа и года, когда совершали сюда чувствительное путешествіе; вырѣзывали чувствительные стишки тогдашнихъ поэтовъ, вообще старались чѣмъ либо увѣковѣчить память своего сердца. До того времени безъименный прудъ получилъ имя: Л и з и н ъ п р у д ъ, которое вырѣзывается и до сихъ поръ на планахъ Москвы. И этотъ прудокъ, такимъ образомъ, поступилъ въ число достопримѣчательностей города, не менѣе важныхъ для его исторіи, какъ и другіе памятники, ибо въ этомъ имени выразился, и не московскій только, но общерусскій поворотъ литературнаго развитія на новую дорогу. Съ того времени москвичи „научились любоваться красотами Натуры“. Загородныя мѣста освѣтились поэтическимъ чувствомъ и стали привлекать къ себѣ, какъ новый источникъ удовольствія, какого наши предки быть можетъ никогда и не испытывали. Съ того времени живописныя окрестности Москвы огласились

вздохами и ахами, оросились слезами тихой поэтической грусти; пѣвцы-стихотворцы запѣли романсы и пѣсенки о рощахъ и лугахъ, повѣствователи разсказывали все о той же Бѣдной Лизѣ на всѣ лады. Явилась даже „Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевыхъ горъ“ (1804 г.). Самъ Жуковскій посвятилъ свою чувствительность и романтику „Марьиной Рощѣ“ (повѣсть, 1809 г.).

Само собою разумѣется, что увлеченіе, произведенное Бѣдною Лизою, вызвавшее въ литературѣ многочисленныя подражанія, не замедлило вскорѣ и само превратиться въ приторную пошлость, которую точно также не замедлила осмѣять здравая сатира. Передразнивая въ точности чувствительныхъ повѣствователей, эта сатира нарисовала безвыходное положеніе новаго автора, который не знаетъ, гдѣ пріютить героевъ-любовниковъ своей новой повѣсти, гдѣ найти мѣсто для дѣйствій своей чувствительности, ибо куда не забредетъ меланхоликъ безъ плана и цѣли, вездѣ воспоминанія, вездѣ наслажденіе для памяти сердца! „Напрасно молодые авторы будутъ искать около Москвы какого нибудь мѣстечка для поселенія героевъ-любовниковъ, старушекъ, пустынниковъ.... Все уже занято!..Воробьевы горы—заняты;окрестности Симонова—заняты; Марьина роща—занята! Лизы, Тани, Кати, Маши, со всѣми семействами и знакомцами, отмежевали себѣ поля, горы, лѣса, долины, и уже некуда водить читателей...“ Наконецъ авторъ находитъ мѣсто для поселенія своихъ любовниковъ: это Лужники, *) что за Дѣвичьемъ монастыремъ. „Безподобно!... Прелестно!...“ восклицаетъ онъ. „Я заставлю гулять по Лужникамъ всю чувствительную публику московской столицы...: Моя повѣсть будетъ такъ интересна, такъ трогательна, что Лужники сдѣлаются сходбищемъ всѣхъ меланхоликовъ обоихъ половъ; не останется кругомъ ни одной березы, ни одного дуба, ни одной сосны, на которыхъ бы не были вырѣзаны стишки...“

Конечно, было очень много смѣшнаго въ подобныхъ изліяніяхъ чувствительности, которая съ разсудочной и остроум-

---

*) Остроумный намекъ о лужѣ, хотя слово Лужники означаетъ мѣстность луговую.

ной точки зрѣнія всегда оказывается довольно глуповатою. Но въ этомъ сентиментальномъ настройствѣ литературныхъ вкусовъ все таки слышался хотя и слабый отголосокъ общеевропейскихъ гуманныхъ стремленій: чувствительность къ красотамъ природы вызывала чувствительность къ человѣку. Въ туманныхъ образахъ сентиментальности всетаки виднѣлся, хотя тоже въ большомъ еще туманѣ, идеалъ, которому имя было—человѣчность, и который вмѣстѣ съ тѣмъ и въ тѣхъ же повѣстяхъ очень ясно заявлялъ свои требованія о правахъ человѣка на свободу и независимость чувства. Для русскаго общества это былъ первый привѣтливый голосъ, звучавшій объ освобожденіи человѣческихъ чувствъ изъ крѣпостной зависимости многообразныхъ бытовыхъ порядковъ, нажитыхъ вліяніемъ и развитіемъ стараго Домостроя. Всѣ эти Бѣдныя Лизы въ одномъ смыслѣ выговаривали одно слово, очень наглядно изображенное тою же сентиментальною поэзіею въ слѣдующихъ стихахъ:

Но кто, о сердце! можетъ
Противиться тебѣ?
Какой законъ святѣе
Твоихъ врожденныхъ чувствъ?
Какая власть сильнѣе
Любви и красоты.

Очень понятно, что русское общество, воспитанное въ крутыхъ запретахъ стараго благочестія или въ сухихъ и черствыхъ сказаніяхъ семинарской схоластики, при появленіи такой проповѣди, почувствовало для своихъ впечатлѣній какъ бы свободу и радости весенняго возрожденія жизни...

Оно съ небывалою жадностью стало читать повѣсти, романы, поэмы, стихи, и съ этого только времени научилось чувствовать и понимать художественныя красоты литературныхъ произведеній, научилось вообще черпать въ литературѣ новыя и изящныя наслажденія, какихъ не испытывало прежде. Это было великое завоеваніе цивилизаціи для перевоспитанія общественныхъ нравовъ и вкусовъ. Здѣсь же заключается и историческій смыслъ сентиментальнаго направленія въ нашей

литературѣ. Но сдѣлавъ свое дѣло, водворивъ нѣжное и мягкое въ черствой и грубой средѣ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ поставило себя исключительною цѣлью для литературныхъ вкусовъ, что, конечно, было ошибкою и за что оно должно было вскорѣ превратиться, какъ упомянуто, въ приторную пошлость. Очень также понятно, что московскую исторію пробужденія въ обществѣ чувства природы или любви къ природѣ Карамзинъ начиналъ съ своего же времени, не оставляя ничего на долю нашимъ предкамъ даже первой половины восьмнадцатаго, не говоря уже о допетровскихъ вѣкахъ. Въ „Запискахъ стараго московскаго жителя“ (Вѣстникъ Европы 1803 г.) онъ говоритъ объ этомъ по случаю чувствительной покупки букета ландышей.

Однажды авторъ, оставшись весною въ Москвѣ безъ общества, скучалъ и не зналъ, чѣмъ отвлечь себя отъ скуки. „Отъ скуки всего лучше писать, размышлялъ онъ. Но о чемъ?“ Критики современныхъ нравовъ или современныхъ порядковъ онъ опасался, не желая прослыть злымъ сатирикомъ или попасть въ число брюзгливыхъ стариковъ, которые все новое осуждаютъ. „Нѣтъ, рѣшилъ онъ, брошу на бумагу замѣчанія самыя невинныя и служащія неоспоримымъ доказательствомъ того, что все идетъ къ лучшему на свѣтѣ, покрайней мѣрѣ у насъ на Руси... Но въ такомъ случаѣ должно подумать....“ Въ эту минуту онъ слышитъ у своего окна женскій голосъ: „Господинъ! Господинъ! Не надобно ли вамъ цвѣтовъ... Смотрю, продолжаетъ авторъ, и вижу сельскую невинность, которая, остановясь передъ окномъ моего низенькаго домика, показываетъ мнѣ букетъ свѣжихъ ландышей. Встаю съ креселъ, какъ молодой человѣкъ, даю деньги, беру цвѣты, нюхаю ихъ и снова ищу въ головѣ мыслей.... Но чего лучше? Этотъ букетъ можетъ быть темою.... Безъ сомнѣнія!.... Задумываюсь на минуту и восклицаю: Слава нынѣшнему просвѣщенію и великимъ успѣхамъ его въ Москвѣ бѣлокаменной!“

„Такъ, на моей памяти образовалась въ нашей столицѣ сія новая отрасль торговли: на моей памяти стали продавать здѣсь ландыши. Естьли докажутъ мнѣ, что въ шестидесятыхъ годахъ хотя одинъ сельскій букетъ былъ купленъ на московской ули-

цѣ, то соглашаюсь бросить перо свое въ первый огонь, который разведу осенью въ моемъ каминѣ.... Изъ чего мы, философы, заключаемъ, что московскіе жители просвѣтились: ибо любовь къ сельскимъ цвѣтамъ есть любовь къ натурѣ; а любовь къ натурѣ предполагаетъ вкусъ нѣжный, утонченный искусствомъ. Какъ первые пріемы философіи склоняютъ людей къ вольнодумству, а дальнѣйшее употребленіе сего драгоцѣннаго элексира снова обращаетъ ихъ къ вѣрѣ предковъ: такъ первые шаги общежитія удаляютъ человѣка отъ натуры, а дальнѣйшіе, сново приводятъ его къ ней. Старинные русскіе бояре не заглядывали въ деревню, не имѣли загородныхъ домовъ и не чувствовали ни малѣйшаго влеченія наслаждаться Природою (для которой не было и самаго имени въ языкѣ ихъ); не знали, какъ милы для глазъ ландшафты полей, и какъ нуженъ для здоровья деревенскій воздухъ.... Правда, что они были здоровѣе нашего; но это неизъяснимое чудо!... О варварство! они гуляли только въ своихъ огородахъ, гдѣ, сидя подъ тѣнію черемухи, пивали холодный медъ изъ стопъ оловянныхъ; не имѣли даже и цвѣтниковъ; въ глаза не знали великолѣпной душистой розы, которую уже во время царя Михаила Ѳеодоровича привезъ въ Москву голштинецъ Петръ Марселисъ *)!“

Въ другомъ мѣстѣ, въ своемъ „Путешествіи вокругъ Москвы“, упоминая о Шереметевскихъ подмосковныхъ, славномъ нѣкогда Кусковѣ и Останкинѣ, Карамзинъ выражаетъ свое недовольство ихъ мѣстоположеніемъ и по этому случаю дѣлаетъ общую отмѣтку:“ Вообще можно сказать, что наши старинные бояре для сельскихъ жилищъ своихъ не искали живописныхъ мѣстъ, которыхъ довольно въ окрестностяхъ Москвы. Одинъ Кирила Полуектовичъ Нарышкинъ умѣлъ выбрать несравненное Кунцово на высокомъ берегу Москвы-рѣки, гдѣ представляется взору самый величественный амфитеатръ.“

„Только при государѣ Петрѣ Великомъ, продолжаетъ авторъ, знатные начали строить домы въ подмосковныхъ; но

*) Прежде въ Россіи извѣстны были однѣ дикія розы (шиповникъ).

еще за 40 лѣтъ передъ симъ богатому русскому дворянину казалось стыдно выѣхать изъ столицы и жить въ деревнѣ. Какая разница съ нынѣшнимъ временемъ, когда Москва совершенно пустѣетъ лѣтомъ; когда всякой дворянинъ, насытившись зимою городскими удовольствіями, при началѣ весны спѣшитъ въ село, слышать первый голосъ жаворонка или соловья! А кто долженъ остаться въ Москвѣ, тотъ желаетъ по крайней мѣрѣ переселиться за городъ; число сельскихъ домиковъ въ окрестностяхъ ея годъ отъ году умножается; ихъ нанимаютъ не только дворяне, но и купцы. Мнѣ случилось въ одной подмосковной деревнѣ видѣть крестьянскій сарай, обращенный въ комнату съ диванами; тутъ въ хорошее время года живетъ довольно богатый купецъ съ своимъ семействомъ. Въ городѣ у него каменный домъ и большой садъ; но онъ говоритъ: „что̀ можетъ сравняться лѣтомъ съ пріятностію сельской жизни?“ Самые ремесленники любятъ уже веселиться хорошимъ днемъ на чистомъ воздухѣ. Поѣзжайте въ воскресенье на Воробьевы горы, къ Симонову монастырю, въ Сокольники: вездѣ множество гуляющихъ. Портные и сапожники съ женами и дѣтьми рвутъ цвѣты на лугахъ, и съ букетами возвращаются въ городъ. Мы видали это въ чужихъ земляхъ, а у насъ видимъ только съ нѣкотораго времени, и должны радоваться. Еще не такъ давно я бродилъ уединенно по живописнымъ окрестностямъ Москвы и думалъ съ сожалѣніемъ: „какія мѣста! и никто не наслаждается ими!“ а теперь вездѣ нахожу общество!“

„Однимъ словомъ, русскіе уже чувствуютъ красоту природы, умѣютъ даже украшать ее. Объѣзжайте подмосковныя: сколько прекрасныхъ домиковъ, англійскихъ садовъ, сельскихъ заведеній, достойныхъ любопытнаго взора просвѣщенныхъ иностранцевъ! Напримѣръ, село Архангельское, въ 18 вер. отъ Москвы, вкусомъ и великолѣпіемъ садовъ своихъ можетъ удивить самого британскаго лорда; счастливое, рѣдкое мѣстоположеніе еще возвышаетъ красоту ихъ. Рощи — гдѣ дикость природы соединяется съ удобностями искусства и всякая дорожка ведетъ къ чему нибудь пріятному: или къ хо-

рошему виду, или къ обширному лугу, или къ живописной дичи—наконецъ заступаютъ у насъ мѣсто такъ называемыхъ правильныхъ садовъ, которые ни на что не похожи въ натурѣ и совсѣмъ не дѣйствуютъ на воображеніе. Скоро безъ сомнѣнія перестанемъ рыть и пруды, въ увѣреніи, что самый маленькій ручеекъ своимъ быстрымъ теченіемъ и журчаніемъ оживляетъ сельскія красоты гораздо болѣе, нежели сіи мутныя зеркала, гдѣ гніетъ вода неподвижная.... Знаете ли что и самый Московскій булеваръ (Тверской, который тогда только начинали разводить), каковъ онъ ни есть, доказываетъ успѣхи нашего вкуса? Вы можете засмѣяться, государи мои; но утверждаю смѣло, что одно просвѣщеніе раждаетъ въ городахъ охоту къ народнымъ гульбищамъ, о которыхъ, напр., не думаютъ грубые Азіатцы, и которыми славились умные Греки. Гдѣ граждане любятъ собираться ежедневно въ пріятной свободѣ и смѣси разныхъ состояній; гдѣ знатные не стыдятся гулять вмѣстѣ съ не-знатными, и гдѣ одни не мѣшаютъ другимъ наслаждаться яснымъ лѣтнимъ вечеромъ: тамъ уже есть между людьми то счастливое сближеніе въ духѣ, которое бываетъ слѣдствіемъ утонченнаго гражданскаго образованія. Предки наши не имѣли въ Москвѣ гульбища; даже и мы еще весьма не давно захотѣли имѣть сіе удовольствіе; но за то очень любимъ его. Жаль только, что нашъ булеваръ скупъ на тѣнь и до крайности щедръ на пыль; онъ же, къ несчастію, именемъ своимъ напоминаетъ булевары Парижскіе, столь прекрасные и сѣнистые!“

Изъ этого повѣствованія мы можемъ вывести весьма опредѣленное понятіе, что наши предки даже первой половины XVIII ст. были въ сущности варвары, кочевые азіаты, люди безъ чувства и безъ вкуса къ изящнымъ удовольствіямъ, какія встрѣчаемъ при созерцаніяхъ окружающей природы. Конечно, настоящее варварство человѣка, его дикіе и тупые вкусы, нигдѣ не обнаруживаются съ такою выразительностью, какъ именно въ этомъ рѣшительномъ отсутствіи въ человѣкѣ чувства природы. Но намъ кажется, что Карамзинъ повторилъ здѣсь лишь старую, заученную съ молода, пѣсню, которая и до сихъ

поръ еще разсказываетъ, что старинные русскіе люди едвали имѣли человѣческій образъ и во всякомъ случаѣ походили больше на животныхъ, чѣмъ на людей. Это сказано рѣзко, но разобравши существенныя черты такого убѣжденія о нашей старинѣ, это будетъ сказано очень справедливо. Убѣжденіе это вырабатывалось въ теченіи цѣлаго столѣтія и Карамзинъ здѣсь является только невольнымъ его отголоскомъ, высказываетъ только обычныя и привычныя, ходячія сужденія по этому предмету. Такія понятія о родной старинѣ, какъ и обо всемъ, что̀ носило русское имя, стали выростать изъ нѣкотораго барскаго высокомѣрія русскихъ европейцевъ передъ старою и по существу своей исторіи все таки мужицкою Русью, изъ просвѣщенной ихъ гордости, или изъ гордости ихъ просвѣщенія передъ низменнымъ уровнемъ нашего стариннаго общаго невѣжества. Это случилось въ ту пору, какъ русскіе европейцы стали чувствовать себя истыми французами по образованію и настоящими нѣмцами по управленію государствомъ, когда два слова—баринъ и мужикъ, образовали посреди себя пропасть въ отношеніи культурнаго развитія общества.

Нельзя было и не загордиться русскому человѣку этимъ новымъ просвѣщеніемъ, потому что все оно сосредоточивалось главнымъ образомъ на внѣшности, только на цивилизованной формѣ, которая какъ разъ приходилась въ ростъ и въ мѣру нашему барскому тщеславію, той чертѣ народнаго характера, которая описана даже въ старыхъ нашихъ пѣсняхъ-былинахъ, ибо хвастать на пиру, т. е. передъ обществомъ, чѣмъ бы то ни было въ древней Руси было не только правиломъ порядочнаго общежитія, но и лучшимъ украшеніемъ людской бесѣды.

Допетровская Русь конечно представляла очень рѣзкую и очень невыгодную для нея противоположность съ французскою Европою второй половины XVIII вѣка, и именно въ отношеніи формъ и манеръ общежитія и всякаго выраженія своихъ мыслей и чувствъ. Русь была по-деревенски груба во всемъ, и въ нравахъ, и въ обычаяхъ, и въ своей исторіи, и въ своей литературѣ, каковой въ добавокъ для свѣтскаго чтенія почти вовсе не существовало. О грубости и простоватости

общежитія, даже въ боярскомъ кругу, и говорить нечего: оно вполнѣ было крестьянское, деревенское. И вдругъ, посреди этой сплошной деревенщины-засельщины являются утонченныя до волоска и въ сущности придворныя манеры француза изъ салоновъ Людовика XV, являются манеры мягкія и нѣжныя, любовныя по чувству и вполнѣ человѣчныя по мысли, покрайней мѣрѣ съ виду. Невозможно было устоять передъ обаяніемъ такой образованности и общество покорилось ей вполнѣ съ тѣмъ увлеченіемъ, которое не помышляетъ о крайностяхъ. Увлеченіе новыми идеями, понятіями, мыслями, даже формами, которыя сколько нибудь возвышаютъ человѣка въ собственныхъ глазахъ, всегда бываетъ гордо, заносчиво и даже задорно, потому что всегда отличается достаточнымъ, а иногда и круглымъ невѣжествомъ въ тѣхъ именно вещахъ, какія почитаетъ ниже круга своихъ новоусвоенныхъ созерцаній. Умные сатирики того вѣка, напоминая обществу о крайностяхъ новаго просвѣщенія, описываютъ исторію его увлеченій такимъ образомъ:

„Мы сперва были просты, правдивы и нѣсколько грубы въ обхожденіяхъ; но по неусыпному попеченію господъ французовъ, которые завели у насъ петиметровъ, стали нынѣ проворны, обманчивы и учтивы. Сперва мы походили на статуи, представляющія важныхъ людей, коими нынѣ украшаются сады; но теперь стали выпускными куклами, которыя кривляются, скачутъ, бѣгаютъ, повертываютъ головою и махаютъ руками; сверхъ же сего мы пудримся и опрыскиваемся благовонными водами. Скажите, не лучше ли мы нашихъ прадѣдовъ? Конечно всякой бы глубокомыслящій человѣкъ, и самъ бы Аристотъ удивился нашему превращенію. Я думаю, что не легко было господамъ французамъ передѣлать насъ на свой образецъ: мы много походили на грубыхъ древнихъ римлянъ и почитали Катоновы добродѣтели. Но, слава Богу, для нашего счастія они свое дѣло окончили, и можемъ сказать безъ хвастовства, что мы имъ ни въ чемъ не уступаемъ. Вѣрно, мы превосходимъ всѣхъ людей на свѣтѣ, и такихъ совершенныхъ, каковы мы и наши учители французы еще свѣтъ не.

производилъ, да сомнительно, чтобъ и впредь могъ произвесть".

„Нѣмцы, голландцы и англичане никогда бы нравовъ нашихъ не просвѣтили. Однимъ французамъ честь сія предоставлена была. Одно только обхожденіе со французами и путешествіе въ Парижъ могло хотя нѣкоторую часть россіянъ просвѣтить. Безъ французовъ развѣ могли мы назваться людьми? Умѣли ли мы прежде порядочно одѣться и знали ли всѣ правила нѣжнаго, учтиваго и пріятнаго обхожденія, тонкими вкусами утвержденныя? Безъ нихъ мы не знали бы, что такое танцованье, какъ войти, поклониться, напрыскаться духами, взять шляпу, и одною ею разныя изъявлять страсти и показывать состояніе души и сердца нашего. Если бы не переняли мы отъ французовъ пріятнаго и вольнаго обхожденія съ женщинами, то могли ли мы безъ сего пріятную вести жизнь. Нынѣ женщинъ въ заперти и подъ покрывалами ихъ лицъ не держатъ: всѣ онѣ наружѣ. Чтожъ бы мы, сошедшись въ женское собраніе, говорить стали? Развѣ о курахъ да цыплятахъ разговаривать бы стали.... Женясь на закрытой покрываломъ и дурно воспитанной дѣвкѣ, развѣ былъ бы я щастливъ? Отъ обхожденія нашего со французами, переняли мы ихъ тонкость, живость и гибкость, такъ что я нѣсколько часовъ могу разговаривать съ женщиною, и вѣрно знаю, что ей не будетъ скучно. Съ учеными людьми и съ художниками я также могу разговаривать: ибо имена нѣсколькихъ французскихъ ученыхъ людей и художниковъ я могу упомнить наизусть, такъ въ однихъ похвалахъ имъ, могу часа два-три провести. Словомъ, помощію обхожденія моего со французами, я ни чему не учась, сдѣлался ученымъ человѣкомъ, и могу разговаривать и критиковать дѣла военныя, гражданскія и политическія; осмѣивать государственныя учрежденія и показывая себя все знающимъ, ни чему ни удивляться."

Вотъ въ этомъ-то послѣднемъ, но главномъ обстоятельствѣ, чтобъ говорить беззастѣнчиво обо всемъ, сказать много и не сказать ни одного факта, ни дѣла, въ этомъ-то искусствѣ обработывать въ себѣ умственную пустоту и сосредоточилась вся

задача нашей тогдашней европейской образованности, которую мы справедливо можемъ называть собственно барскою или придворною образованностью, ибо въ народные закоулки она не заходила и оставалась только достояніемъ барства. Такъ, къ сожалѣнію, поняло наше верхнее общество задачу европейскаго просвѣщенія. Очевидно, что такое понятіе должно было народиться не въ Академіи Наукъ и не въ Университетѣ, а именно при Дворѣ. *)

Это была особаго рода культура или выработка русской умственности и нравственности по придворному французскому образцу или по придворному французскому масштабу, который опредѣлилъ на долго характеръ не только русскаго образованія, но и характеръ самой политики, какъ внѣшней, такъ особенно внутренней, гдѣ, въ слѣдствіе такого исключительно придворнаго наклона и направленія образованности, неоказывалось ни въ чемъ никакой устойчивости, а все подвергалось перекрестнымъ вѣтрамъ придворныхъ отношеній. „При дворѣ и рѣчи не бываетъ о глубокихъ и прочныхъ чувствахъ; тутъ все поверхностно и подчиняется условнымъ законамъ, которые безпрестанно измѣняются," какъ описываетъ придворный бытъ искушенная опытность тамошней жизни. **)

Сами иностранцы, наблюдавшіе за ходомъ нашей тогдашней цивилизаціи, во всѣхъ ея видахъ и явленіяхъ, обозначили важнѣйшіе и общіе ея недостатки именно такими чертами, которыя вполнѣ характеризовали ея придворное происхожденіе. „У васъ, говорили они, все перемѣнчиво: законы мѣняются, какъ ленты, мнѣнія, какъ жилеты, всякаго рода предначертанія, какъ моды. Продать домъ у васъ также ни почемъ, какъ лошадь; постоянно лишь одно непостоянство и ничто не цѣнится, потому что нѣтъ ничего увѣковѣченнаго. Это первое зло. Другое зло не менѣе важно: во всѣхъ жилахъ государства обращается какой-то духъ недовѣрія и обмана. Этимъ духомъ

*) Растопчинъ прямо и приписываетъ начало нашей французоманіи Двору Елисаветы и главному руководителю въ этомъ отношеніи Шувалову.

**) Русскій Архивъ на 1871 г. стр. 33.

сверху до низу заражены всѣ пути управленія и онъ производитъ страшныя опустошенія.“ *)

Очень понятно, что придворное свойство цивилизаціи и всего образованія требовало совсѣмъ иной подготовки въ отношеніи воспитанія и ученія, требовало совсѣмъ особой науки. Раболѣпно подражая высшимъ сферамъ обхожденія и полировки, вся масса людей, не желавшихъ отставать отъ общаго потока новой цивилизаціи, выработала съ теченіемъ времени особый кругъ или курсъ извѣстнаго рода познаній и, такъ сказать, наукъ, необходимыхъ для полученія степени просвѣщеннаго и цивилизованнаго человѣка.

Болтать съ совершенною свободою по французски у этихъ людей значило имѣть высокое образованіе и вообще: говорить по французски значило тоже, что быть человѣкомъ образованнымъ, развитымъ, просвѣщеннымъ, даже ученымъ. Вотъ почему русское цивилизованное общество съ особымъ стараніемъ и усердіемъ, достойнымъ лучшихъ цѣлей, посвящаетъ слишкомъ цѣлое столѣтіе (отъ половины XVIII до половины XIX-го) одному только изученію, такъ сказать, „французскихъ разговоровъ“, изученію одной лишь разговорной свѣтской фразы французскаго языка, вовсе не помышляя о наукѣ и запасаясь свѣдѣніями лишь на столько, на сколько они могли еще больше усовершенствовать, развить и укрѣпить ту-же разговорную фразу. Очень естественно, что вся эта пресловутая образованность сама была одною лишь фразою, безъ содержанія, безъ серьезной, дѣльной мысли, которую она вообще не любила и даже очень ея боялась, подвергая строгой цензурѣ и всякому преслѣдованію все, что мало мальски выдвигалось изъ общаго уровня не однимъ словомъ, но и дѣломъ въ словѣ.

Пріобрѣтенная свѣтская тонкость и гибкость ума съумѣла обойдти всѣ сколько нибудь дѣльныя для гражданской свободы политическія и общественныя идеи европейской образованности, съумѣла какъ-то чудесно совмѣстить въ своихъ понятi-

*) Руccкiй Архивъ 1866, стр. 1502.

яхъ смѣлыя воззрѣнія энциклопедистовъ съ закоренѣлыми воззрѣніями самаго дикаго крѣпостничества. Такимъ образомъ хвастливая высота просвѣщенія заключилась лишь въ новомодномъ кафтанѣ и въ танцовальной манерѣ поведенія. Исторія скажетъ, конечно, что при всей пустотѣ этого рода цивилизаціи, для народнаго полированія она была тоже необходима; что французъ гувернеръ, кто бы онъ ни былъ, хотя бы полный невѣжда по образованію, все таки приносилъ въ страну неповоротливыхъ медвѣдей иныя, поворотливыя формы обхожденія и уже тѣмъ однимъ заставлялъ чувствовать силу и высоту образованія. Но исторія скажетъ также, что корпусъ офранцуженныхъ такимъ способомъ россіянъ, съ своей стороны, приносилъ Русской Землѣ, въ дѣлѣ гражданскаго и государственнаго развитія, несравненно болѣе затрудненій и помѣшательствъ, чѣмъ достойныхъ способовъ и образовательныхъ средствъ; что въ этомъ отношеніи, такое французское иго было ни чѣмъ не лучше ига татарскаго; и просвѣщенные французы очень справедливо судили, говоря, что „высшій слой русскаго народа, хотя и заимствовалъ оболочку французской образованности, но заимствовалъ ее больше отъ стороны разврата, чѣмъ отъ стороны истиннаго просвѣщенія и напрасно даже и подъ такою оболочкою скрываетъ свое скиѳское и татарское происхожденіе: оно повсюду и очень ярко обнаруживается во всемъ.“

Какъ бы ни было, но именно французская отдѣлка русскаго человѣка приводила наше тогдашнее общество въ несказанный восторгъ и заставляла его искренно вѣровать, что все хорошее, истинно высокое, честное, благородное, истинно просвѣщенное началось въ Россіи только съ этого дня; что до того времени русскіе люди въ самомъ дѣлѣ походили какъ бы на каменныхъ истукановъ, которые украшали нѣкогда курганы въ нашихъ пустынныхъ степяхъ.

Надо замѣтить, что самая сатира, начавшая свое дѣло еще со времени Петра и особенно живо заговорившая въ первыя десять лѣтъ царствованія Екатерины II, очень много способствовала распространенію и утвержденію того же мнѣнія о

русской старинѣ. Правда, что въ своихъ обличеніяхъ она не щадила ни той, ни другой стороны. Возмущенная русскою ложью французскаго воспитанія и полированія, она смѣло обрисовывала всю пустоту, легкомысліе и крайній развратъ новаго общества и рядомъ чертила яркими, почти художественными чертами безобразіе стараго общества, его дикія деревенскія помѣщичьи привычки, суевѣрные дикіе нравы и обычаи, общее непроницаемое невѣжество и заматерѣлое крѣпостничество. Все это, конечно, было великою заслугою только-что начинавшейся литературы, ибо позоръ обличеній темнаго безобразія жизни, сознательнаго и безсознательнаго, водворялъ съ тѣмъ вмѣстѣ свѣтлыя понятія объ истинныхъ и высокихъ идеяхъ человѣческаго развитія. Но за обличенною ложью французскаго воспитанія и образованія оставалась великая правда европейской или общечеловѣческой образованности, во имя которой и въ виду идеаловъ которой сатирики и разливали свою остроумную жолчь; оставалась великая правда гражданской свободы, этой единственной точки опоры для всякихъ патріотическихъ воззрѣній и стремленій. Между тѣмъ, позади старо-русскаго обличеннаго и осмѣяннаго безобразія не оставалось и не видѣлось ничего, не указывалось ничего, что могло бы стоять на собственныхъ ногахъ предъ строгимъ судомъ общечеловѣческихъ идеаловъ развитія. О русскихъ достоинствахъ сатира говорила только общими мѣстами, въ родѣ напр. такихъ замѣтокъ, что предки были хотя грубы, но прямы; были правдивы, любили отечество и т. п. Здѣсь на помощь должна была явиться Исторія, но свою Исторію мы и теперь мало знаемъ, а въ то время она хранилась еще въ недоступныхъ для публики древнихъ хартіяхъ и была вовсе неизвѣстна даже самимъ защитникамъ „древнихъ россійскихъ добродѣтелей.“ Образованный же классъ изучалъ ее по запискамъ иностранцевъ и конечно вполнѣ усвоивалъ себѣ ихъ иноземную точку зрѣнія на Русь, въ которой, въ эти чужія и по большей части фанатически пристрастныя очки, онъ видѣлъ одно только скиѳское варварство и вообще почиталъ Русскую Исторію несчастною и очень скучною ис-

торіею одного лишь рабства. Масса же яркихъ обличительныхъ картинъ стараго варварства и рабства дѣлала свое дѣло, распространяя въ образованномъ обществѣ пренебреженіе, презрѣніе и даже барскую брезгливость ко всему русскому: брезгливость нравственно и свѣтски опрятнаго человѣка ко всякой нравственной или же деревенской грязи, въ какой французскому изящному и вольному воспитанію по естественной причинѣ должно было представляться все русское.

Въ спорахъ за русскія достоинства и добродѣтели, защитникамъ не на что было опереться. У насъ не было самой главной и коренной національной добродѣтели, именно народной и гражданской свободы. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ мы могли похвалиться передъ образованнымъ европейцемъ? Тѣмъ, что создали обширное и крѣпкое государство? Но все оно сверху донизу держалось деспотизмомъ крѣпостнаго права и въ этомъ отношеніи ни чѣмъ не отличалось отъ наиболѣе извѣстнаго Европѣ нашего же государства XVI и XVII вѣковъ, такъ что, по здравому разсужденію, на повѣрку выходило, что создали мы собственно одно лишь обширное крѣпостное рабство, въ которомъ, въ одномъ, по убѣжденію нашего же высшаго образованнаго общества, находилась основная наша сила и слава. Понятно, что такую силу и славу въ разговорахъ съ европейцемъ необходимо было прятать подальше, по возможности неупоминать объ ней, или всячески ее маскировать. А такъ какъ крѣпостное право для своей фундаментальной поддержки требовало обширнаго же и всесторонняго невѣжества народной массы, то здѣсь, чтобы не показаться въ глазахъ Европы скиѳомъ, оставалось только презирать свой народъ и, выгораживая себя, умывая во всемъ руки, доказывать, что этотъ темный народъ вовсе даже и не способенъ къ развитію и къ принятію европейской цивилизаціи. Вотъ весьма основательныя и историческія причины, почему русская свѣтская образованность совсѣмъ отдѣлила свои интересы отъ интересовъ своей Земли, сдѣлалась совсѣмъ чуждою своей Землѣ и представляла въ сущности лишь очень блѣдную и тощую колонію образованности парижской.

Когда заходилъ разговоръ о древнихъ русскихъ добродѣтеляхъ, то свѣтское остроуміе очень скоро рѣшало вопросъ, искусно размалевывая нашъ старый бытъ и исторію яркими красками деревенщины-засельщины.

„Ваша любовь къ отечеству и ко древнимъ россійскимъ добродѣтелямъ ничто иное, какъ сумазбродство," писалъ сатирически одинъ защитникъ французскаго воспитанія. „Пріятель мой! вы поздно родились или не въ томъ мѣстѣ, гдѣ бы вы мнѣніями своими могли прославиться... Вамъ бы должно родиться давно, давно, то есть, когда древнія россійскія добродѣтели были въ употребленіи, а именно: когда русскіе цари, въ первый день свадьбы своей, волосы клеили медомъ, а на другой день парились въ банѣ вмѣстѣ съ царицами, и тамъ же обѣдали; когда всѣ науки заключалися въ однихъ святцахъ; когда разныя меды и вино пивали ковшами; когда женилися, не видавъ невѣсты своей въ глаза; когда всѣ добродѣтели замыкалися въ густотѣ бороды; когда за различное знаменованіе креста сожигали въ срубахъ, или изъ особливаго благочестія живыхъ закапывали въ землю; словомъ сказать, когда было великое изобиліе всѣхъ тѣхъ добродѣтелей, кои отъ просвѣщенныхъ людей именуются нынѣ варварствомъ..."

Русскій и мужицкій сдѣлались синонимами, однозначащими словами, потому что образованный баринъ, какъ сказано, совсѣмъ сталъ чужимъ для Русской Земли и отрицался русскаго имени, какъ злаго татарства. Пріобрѣтя относительную вольность и свободу самъ, онъ однако, какъ совсѣмъ чужой, старался всякими средствами оставить все русское въ прежнемъ рабствѣ. Практическія послѣдствія такого образа понятій выразились не только въ мелочахъ домашняго быта, но и въ крупныхъ явленіяхъ государственнаго устройства и управленія. Образованный баринъ стыдился имѣть въ своей библіотекѣ русскую книгу, а если она и попадала къ нему, то на переплетѣ онъ ставилъ ея заглавіе по французски: Les oeuvres de Mr. Lomonosoff. Русскаго языка онъ не употреблялъ, потому что совсѣмъ его не зналъ и не учился по русски: да-

же и домашнюю семейную переписку онъ велъ по французски. Чужой языкъ, чужая литература и исторія, конечно, отклоняли и малѣйшее знакомство съ собственною Землею, которая вся представлялась для этой барской образованности одною неизмѣримою деревнею, населенною неумытыми мужиками и бабами. Съ деревни надобно было только исправно получать оброкъ. По этому только поводу и возникали заботы объ ея устройствѣ и управленіи. На оброчныя деньги выстраивались великолѣпные дома, и въ городѣ, и въ загородныхъ дачахъ, съ роскошными садами, оранжереями и т. д., выписывались по дорогой цѣнѣ изъ Италіи мраморы и картины, изъ Франціи цѣлыя библіотеки въ отличныхъ французскихъ переплетахъ; заводились крѣпостные театры, ставились роскошныя оперы и балеты, давались роскошные праздники и балы, устроивались непостижимые фейерверки, которые прославлялись даже въ напыщенныхъ одахъ, и т. д. Словомъ сказать на оброчныя крестьянскія деньги баринъ жилъ въ уровень съ самыми богатыми, знатными и просвѣщенными людьми тогдашней Европы. И онъ глубоко былъ убѣжденъ, что такая жизнь можетъ и должна существовать только для него одного, что деревня вообще не способна и недостойна по своему варварству участвовать на этомъ пиру богатаго Лазаря, что она вообще не только бѣдный Лазарь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необузданный дикарь, котораго необходимо держать въ ежовыхъ рукавицахъ; и по меньшей мѣрѣ малосмысленный ребенокъ, требующій всесторонней опеки, вѣчнаго надзора, надсмотра и добраго попеченія лишь о томъ, дабы ничего превышающаго его малолѣтное понятіе, ничего развращающаго его смыслъ до него не доходило, чтобы дѣтскій умъ навсегда такъ и оставался дѣтскимъ умомъ. Отсюда всѣ особенныя напряженныя старанія, дабы деревня не просвѣтилась свѣтомъ европейскихъ идей, кои понимать не можетъ, да и не должна; отсюда безчисленный рядъ мелкихъ и крупныхъ запретительныхъ уставовъ и порядковъ по всѣмъ направленіямъ жизни, отдававшихъ власть въ государствѣ различнымъ прикащикамъ, по идеалу стариннаго барскаго деревенскаго управленія. Понятіе о государствѣ нисколько не отличалось

отъ простаго понятія о крѣпостной деревнѣ, на чемъ собственно и держалась вся внутренняя политика.

Самые дары цивилизаціи, въ родѣ почты, театра, общественныхъ садовъ, даже городскихъ бульваровъ и т. п., барская образованность устроивала главнымъ образомъ лишь для одной себя, предоставляя народу по явной уже необходимости пользоваться ими, въ самомъ дѣлѣ, какъ бы какимъ милостивымъ подаркомъ, милостивымъ подаяніемъ, на которое конечно никто никакого положительнаго права имѣть не можетъ.

Ко всѣмъ вновь заводимымъ общественнымъ удовольствіямъ и зрѣлищамъ имѣли доступъ лишь дворяне, по снисходительности еще купцы и всякихъ подобныхъ чиновъ люди, кромѣ подлыхъ, именемъ которыхъ обозначались по барски мужицкіе кафтаны и посадскія поддѣвки. Конечно, на такихъ сходбищахъ вообще необходимо и должно было соблюдать опрятность въ одеждѣ и вѣжливость въ поступкахъ, что, разумѣется, существовало же въ извѣстной степени и въ народѣ и что служило бы еще большимъ полированіемъ его нравовъ; но кафтаны и поддѣвки не допускались именно потому, что въ нихъ уже сами собой предполагались и неопрятность и невѣжливость.

„Съ простымъ народомъ не таково легко дѣло имѣть, какъ съ людьми значащими, — писалъ въ 1816 г. одинъ очень извѣстный и очень почитаемый баринъ. Имъ (т. е. простому народу) и милость безъ великаго искусства обратится въ пагубу. Простой народъ таковъ, что безъ величайшаго искусства они себя самихъ и того, который даетъ задавятъ.... (*). Россія все еще татарщина, въ которой долженъ быть государь самодержавный, подкрѣпляемый множествомъ дворянъ, а въ

(*) Это баринъ разсказываетъ по случаю раздачи бѣдному народу денегъ въ помощь послѣ раззоренія въ 1812 году, при чемъ въ толпѣ было раздавлено нѣсколько старухъ и стариковъ, какъ, по его словамъ, случилось и при императорѣ Павлѣ, когда такихъ бѣдняковъ раздавлено 11 человѣкъ. Но баринъ клонитъ свою рѣчь главнымъ образомъ къ крестьянской вольности, о дарованіи которой тогда носились слухи и въ высшихъ сферахъ, противъ чего онъ и направлялъ свое перо. Русскій архивъ 1872 г. №. 10. Письма Поздѣева.

отсутствіе ихъ, таковыхъ же почти дворянъ, ихъ прикащиковъ, кои малѣйшія искры неповиновенія, неплатежа податей и поставки рекрутъ, воровства, грабежа, разбоевъ и всякаго насильства, тушатъ въ началѣ эти искры, не давая имъ возгорѣться до того, что и никакія войска въ этакой обширной имперіи съ крестьянами не сладятъ... Россія такова, что эту татарщину исправниками да палками не усмиришь!... Наши русскіе мужички таковы, что они младенца изъ утробы матерней вырѣзывали, то судите — это паче нежели звѣри!..“

Такова была философія барской образаванности относительно русскаго мужичка, который въ ея понятіяхъ былъ представителемъ вообще всего русскаго, какъ и на самомъ дѣлѣ онъ былъ единственнымъ представителемъ старой Руси, всей ея мужицкой и варварской Исторіи, которая, согласно съ тѣми же понятіями, ничего достойнаго памяти не произвела да и не могла ничего произвести кромѣ сплошнаго невѣжества, деспотизма съ верху и поголовнаго рабства съ низу. Барская образованность вообще такъ поставила свои воззрѣнія относительно всего русскаго, что бѣднымъ крѣпостнымъ русскимъ людямъ приходилось иной разъ не шутя доказывать, что душа у нихъ не голикъ, а такая же человѣческая душа, какъ и у господъ.

Очень естественно, что первое литературное слово, заговорившее о человѣческихъ чувствахъ, не могло съ разу высвободиться изъ этихъ оковъ барской мысли и по необходимости должно было выразить не только сомнѣніе, но и увѣренность, что русскіе люди вообще не были склонны, даже не были способны чувствовать по человѣчески, ибо были паче нежели звѣри, какъ говорилъ баринъ XIX вѣка, подобно тому, какъ отмѣтилъ первый лѣтописецъ о языческомъ еще времени: „живяху звѣринскимъ образомъ, живуще скотски.“

Карамзинъ, какъ видѣли, въ этомъ смыслѣ обрисовалъ исторію московской чувствительности къ природѣ; но вѣрный истинному призванію литератора, онъ въ тоже время, говоря о любви къ отечеству и народной гордости, не могъ не замѣтить, что мы излишне смиренны въ мысляхъ о народномъ

своемъ достоинствѣ, что смиреніе въ политикѣ вредно, что кто самого себя не уважаетъ, того безъ сомнѣнія и другіе уважать не будутъ; и настаивалъ и доказывалъ, что русскій долженъ покрайней мѣрѣ знать свою цѣну, что русскимъ нужно покрайней мѣрѣ вниманіе отъ русскихъ же.

Однако общество было послѣдовательцѣе своего историка и на основаніи его же приговоровъ о жалкомъ состояніи умовъ, нравовъ, вкусовъ древней Руси, выводило очень правильно свои заключенія, что ничего русскаго уважать въ самомъ дѣлѣ невозможно. Какъ скоро что либо касалось старины, оно постоянно твердило объ ней одну и туже пѣсню и постоянно рисовало ее красками мужицкаго невѣжества.

„О деревенской жизни встарину, въ захолустьѣ, нельзя судить по нынѣшнему, говоритъ одинъ карамзинистъ, развивая тему своего учителя. Для насъ она была бы тошнѣе нынѣшней; но они привыкли: это была ихъ натура. Мы любимъ общество образованное, котораго и нынче тамъ не находишь; мы любимъ картины природы: тогда о нихъ не имѣли понятія.—Мудрено ли, что Сумароковъ и его послѣдователи описывали въ своихъ эклогахъ выдуманные нравы и выдуманную природу, и то и другое не наши?—Нравы были совсѣмъ не поэтическіе и не изящные; а природы вовсе не было!—Какъ не было? — Не было, потому что природа существуетъ только для того, кто умѣетъ ее видѣть, а умѣетъ душа просвѣщенная!—Природа была для тогдашняго помѣщика тоже, что она теперь для мужика и купца.—А какъ они смотрятъ на природу?—Мужикъ видитъ въ великолѣпномъ лѣсѣ—бревна и дрова; въ бархатныхъ лугахъ, эмальированныхъ цвѣтами—сѣнокосъ; въ прохладной тѣни развѣсистыхъ деревъ—что хорошо бы тутъ положить подъ голову полушубокъ и соснуть, да комары мѣшаютъ.—А купецъ видитъ въ лѣсу, шумящемъ столѣтними вершинами—барошные доски, или самоваръ и круглый пирогъ съ жирной начинкой, необходимыя принадлежности его загороднаго наслажденія; въ серебристомъ источникѣ, гармонически журчащемъ по златовидному песку—что хорошобы его запрудить плотиною,

набросавши побольше хворосту да навозу, да поставить тутъ мельницу и получать бы пользу.—Послѣ этого есть ли для нихъ природа? Потому-то и Сумароковъ населялъ свои эклоги сомнительными существами пастушковъ и пастушекъ, что нечего было взять изъ сельской существенности; потому-то и для нашихъ старинныхъ помѣщиковъ—природы совсѣмъ не было.“

„Посмотрите на наши старинныя пѣсни. Въ нихъ найдете вы иногда—кого нибудь во чистомъ полѣ; иногда рябинушку кудрявую; иногда цвѣтики лазоревые; но все одни части природы, несовокупленныя вмѣстѣ, и тѣ только по отношенію къ лицу. А найдете ли вы гдѣ нибудь полную картину, взятую изъ природы?—Нигдѣ.“

Совершенно справедливо. Въ народной поэзіи намъ не слѣдуетъ и отыскивать такой картины, ибо для ея изображенія необходимъ сознательный духъ художника, необходимо искусство, которое одно только и способно дать жизнь такой картинѣ, создать эту картину, между тѣмъ какъ народная поэзія есть прямое непосредственное произведеніе самой природы, безсознательное и безъискусственное выраженіе ея же непосредственнаго чувства. Въ народной пѣснѣ говоритъ о себѣ сама природа, а не сознающій духъ художника; и говоритъ она лишь о томъ, что̀ и ка̀къ чувствуетъ и вовсе молчитъ о томъ, какъ она мыслитъ и какъ понимаетъ свое чувство; оттого она говоритъ по частямъ и не совокупляетъ въ мысленное единство впечатлѣній все-таки своего же чувства, но не мысли.

За то народная поэзія, не своими частями, а въ общемъ своемъ составѣ всегда начертитъ вамъ величественную и чудную картину своей природы, какъ скоро, хотя бы научно, вы соберете ея разсѣянныя части въ одно цѣлое. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли сомнѣваться, что первобытная языческая вѣра каждаго народа, вся его миѳологія, въ сущности представляетъ лишь одинъ поэтическій образъ безпредѣльнаго восторга и восхищенія предъ матерью природой во всѣхъ ея явленіяхъ и картинахъ, что слѣдовательно вся миѳологія каждаго наро-

да есть собственно образъ чувствительности того народа къ своей природѣ. Въ этомъ заключается сущность всякаго миѳа, который въ своихъ созерцаніяхъ стоитъ къ природѣ неизмѣримо ближе насъ, чувствуетъ ее неизмѣримо сильнѣе насъ.

Послѣ того можемъ ли сказать, что нашъ предокъ, какой бы варваръ онъ не былъ, меньше насъ чувствовалъ красоту природы, меньше насъ любилъ природу именно въ ея картинахъ. Онъ не размышлялъ, не разсуждалъ, не перешептывался съ нею — это правда. Онъ еще не былъ мыслитель, онъ еще не былъ душею просвѣщенною, или искушенною въ наукѣ и искусствѣ; но онъ обладалъ, если можно такъ сказать, чувствомъ самой природы и съ религіозною искренностью не только восхищался ею, но и поклонялся ей, какъ божеству, въ любви и въ страхѣ. Онъ точно также, какъ и сентиментальные обожатели природы, населялъ ее живыми существами; но эти существа не были шаловливыми амурами XVIII вѣка, переносившими только любовные и меланхолическіе вздохи прелестныхъ пастушекъ и пастушковъ или унылыхъ меланхоликовъ; не были выразителями только плотской или платонической любви, или меланхоліи отъ любви,—нѣтъ, это были древнѣйшіе сожители его миѳическихъ созерцаній, въ которыхъ онъ видѣлъ не образы сладостныхъ мечтаній, а образы живой дѣйствительности. Вообще народная поэзія свидѣтельствуетъ одно, что человѣкъ вездѣ и во всѣ времена оставался человѣкомъ, то есть любилъ и обожалъ природу; любилъ не мыслью разсудка, а горячимъ чувствомъ дѣтской наивности или невинности.

Переходя изъ отдаленной и поэтической области первобытныхъ миѳовъ въ кругъ жизни прозаической, или практической, гдѣ борьба за существованіе или работа для насущнаго по необходимости огрубляла и притупляла поэтическіе восторги человѣка и стремила его лишь къ однимъ грубымъ и черствымъ интересамъ дня,—и здѣсь однако мы не можемъ сказать, чтобы его сердце совсѣмъ уже лишалось поэтической чувствительности къ красотамъ природы. Сельскій или торговый хозяинъ, хотя бы и просвѣщенная душа, конечно смотритъ на луга и

лѣса прежде всего какъ на сѣно и дрова, но по той причинѣ, что онъ работникъ, ищущій выгоды и пользы, а не праздный мечтатель, ищущій наслажденій для памяти сердца.

Къ тому же наши сомнѣнія, что такіе люди неспособны наслаждаться природою основываются главнымъ образомъ на томъ обстоятельствѣ, что эти люди по обыкновенію молчатъ, выражаютъ свои впечатлѣнія однимъ только словомъ: „здѣсь хорошо", и никогда не высказываютъ своихъ чувствъ въ литературной формѣ. Но возможно ли требовать отъ рабочихъ людей литературныхъ занятій, на которыя прежде всего надобенъ досугъ цѣлой жизни и сплошной праздникъ для ума и чувства, между тѣмъ какъ рабочій и вообще дѣловой человѣкъ, хотя бы и просвѣщенная душа, для наслажденія природою, пользуется только временнымъ отдыхомъ. Со стороны писателей нѣтъ ли въ этомъ случаѣ увлеченія и высокой мѣры писательскаго чувства передъ чувствомъ рядовымъ, молчаливымъ, безсловнымъ? Намъ кажется, что такое увлеченіе много способствовало и обрисовкѣ нашихъ старыхъ предковъ круглыми невѣждами въ чувствахъ природы и чуть не звѣрями. Дѣйствительно, объ ихъ чувствительности къ природѣ мы не имѣемъ свидѣтельствъ въ родѣ сентиментальныхъ повѣстей, стихотвореній и т. п., но за то они оставили намъ множество доказательствъ дѣловыхъ, которыя устраняютъ всякое сомнѣніе въ ихъ чувствахъ. По той причинѣ, что они были исключительно только практиками жизни и ни какой ея мечты и теоріи не понимали, они очень мало и совсѣмъ даже не говорили о своихъ чувствахъ, почитая это глупымъ, а болѣе всего грѣшнымъ, ибо и самое чувство любви, дающее такую чувствительную окраску природѣ, они почитали дьявольскимъ наважденіемъ, отъ котораго слѣдовало отмаливаться у свв. Кирика и Улиты. Таковъ, къ сожалѣнію, былъ складъ ихъ понятій и всего умоначертанія, совсѣмъ исключавшій всякую возможность отдаваться сентиментальному настройству въ отношеніи къ природѣ и отнюдь не дозволявшій излагать это настройство не только въ литературной письменной, но даже и въ простой словесной, или разговорной формѣ. Вотъ почему они съ свои-

ми чувствами стоятъ предъ нами совсѣмъ нѣмыми. Однако и между ними, какъ и между нами, не сплошь да рядомъ, а одиночно, являлись мечтательныя души, избранныя натуры, которыя точно также неутомимо искали мудрой или поэтической бесѣды съ природою; и между ними являлись просвѣщенныя съ этой стороны души. Но эти мечтательныя и созерцательныя души не довольствовались только вздохами да ахами въ рощахъ и лугахъ, сидя въ задумчивости надъ ручейками и описывая свои впечатлѣнія въ нѣжныхъ стихахъ. Нѣтъ, увлеченные идеаломъ душевнаго спокойствія и нравственной тишины, которыхъ возможнѣе было ожидать въ уединеніи отъ міра, въ безмолвіи природы, они уходили прямо въ глубокіе лѣса, отыскивая не мечтательную, а настоящую пустыню, дикую, совсѣмъ безлюдную, гдѣ и оставались на весь свой вѣкъ, избирая всегда самое красивое и во всѣхъ отношеніяхъ удобное мѣстоположеніе для своихъ размышленій о суетѣ сего міра.

Вотъ почему всѣ наши монастыри и пустыни основаны въ самыхъ красивыхъ мѣстностяхъ, какія только можно было отыскать въ той или другой глухой сторонѣ. Въ повѣстяхъ о построеніи монастырей мы найдемъ сказанія, которыя съ особеннымъ чувствомъ изображаютъ даже неутомимое исканіе такихъ мѣстъ. Кириллъ Новоезерскій (XV вѣкъ) ходилъ по странамъ 20 лѣтъ, обошелъ страны подмосковныя, псковскія, новгородскія, поморскія, пока не было ему указано чудеснымъ образомъ мѣсто для тихаго пристанища на Красномъ островѣ Новаго Озера, украшенномъ вельми древесами, гдѣ подъ густою елью, согнувъ ея вѣтви, пустынникъ и устроилъ себѣ первую хижу или хижину.

Въ этихъ повѣстяхъ находятся многочисленныя и прямыя свидѣтельства о томъ, что красивое мѣсто не только было необходимымъ условіемъ для устройства монастыря, но оно же всегда доставляло духовное веселіе пустынникамъ.

„И обрѣте мѣсто, боръ бяше велій, чаща, при озерѣ, но зѣло красно всюду, яко стѣною ограждено водами, и полюби его.“

„И возлюби оно мѣсто, ибо было угодно зѣло къ монастырскому строенію и красно, и воду имуще довольну, какъ стѣнами нѣкими водою окрестъ ограждено....“

„Ходя по пустыни и веселуяся духовнѣ, смотряя мѣсто, окружено источники водными, какъ нѣкими стѣнами... Проходя могія пустыни, обрѣтоша мѣсто красно и высоко на рѣцѣ и возлюби его зѣло....“

Такимъ образомъ для болѣе нагляднаго доказательства, что и предки чувствовали природу, мы одного только не имѣемъ, не имѣемъ памятниковъ литературнаго выраженія этой безмолвной, но глубокой любви къ природѣ, какою обладали всѣ наши древніе пустынники. Впрочемъ за нихъ воспѣли пустыню калики перехожіе, которые свой стихъ такъ и назвали: Похвала пустыни.

О прекрасная пустыня!
Самъ Господь пустыню восхваляетъ!
Отцы въ пустынѣ пребывали
И дивіемъ овощіемъ питались,
Изъ горъ воды́ испивали.
Древа во пустыняхъ выростали,
Различными цвѣты разцвѣтали;
Ко древамъ птицы прилетали,
На кудрявыя вѣтви посѣдали;
Онѣ райскія пѣсни́ воспѣвали,
Отцевъ во пустыняхъ утѣшали.
О прекрасная пустыня!...

Положимъ, что пустынники были, какъ мы сказали, натуры исключительныя, рѣдкія, уходившія къ безмолвію природы по той причинѣ, что не могли мириться съ суетою и злобою дня. Но и другой порядокъ людей, самый многочисленный, который не мечталъ о пустынѣ, а былъ доволенъ собою, а слѣд. и цѣлымъ міромъ; и этотъ людской міръ точно также всегда искалъ себѣ удовольствія въ красотахъ природы и устроивалъ свои древнѣйшія усадьбы въ мѣстностяхъ очень красивыхъ, о чемъ весьма наглядно могутъ засвидѣтельствовать всѣ наши старинные города и первая Москва. Въ древнее время для по-

стройки города красивое мѣстоположеніе составляло тоже какъ бы неизмѣнное и неизбѣжное условіе. Припомнимъ наши городки и городища, которыми Русская Земля усѣяна изъ конца въ конецъ. Ихъ исторія по изслѣдованіямъ Ходаковскаго уходитъ въ миѳическую древность и всѣ они насыпаны и расположены въ прекрасныхъ мѣстахъ, такъ что Ходаковскій ставитъ это обстоятельство въ неизмѣнное же условіе при существованіи городища. Были ли это языческіе храмы и капища, или ограды и укрѣпленія для простаго жилья въ дикомъ мѣстѣ, все-таки они показываютъ съ какимъ сочувствіемъ къ природѣ устраивали ихъ первые обитатели Русской Земли.

Начальный строитель самой Москвы в. к. Юрій Влад. Долгорукій (1107 — 1157 г.), избравшій такую красивую мѣстность для маленькаго городка, вовсе не помышлявшаго сдѣлаться когда либо центромъ громаднаго государства, былъ по всѣмъ примѣтамъ большой любитель природы и красивыхъ мѣстъ. У него и въ Кіевѣ былъ дворъ красный, по теперешнему прекрасный, а за Днѣпромъ другой свой дворъ, загородный, въ родѣ нашей дачи, онъ самъ называлъ раемъ. Эти два слова: красный (въ южно-русскомъ: червоный) и рай издревле служили топографическимъ обозначеніемъ мѣстностей, которыя красотою своего положенія выдавались изъ ряда другихъ. Красный Лугъ, Красный Вязъ, Красная Сосна, Красная Горка, Красное Село, Червоный Градъ, Червоная Балка и т. д., также какъ и Рай, Райки, Раево, Райгородокъ и т. п. суть обычныя топографическія и географическія имена, встрѣчающіяся во множествѣ во всѣхъ русскихъ и славянскихъ поселеніяхъ.

„Данилу же (королеви) идущю по озеру и видѣ при березѣ гору красну и градъ бывшій на ней прежде, именемъ Рай (1255 г.).

„То мѣсто, якоже небесный рай, благовонными насажденъ цвѣтами,“ говоритъ житіе, Саввы Звѣнигородскаго о мѣстѣ, гдѣ построенъ былъ Саввинскій монастырь, указывая, какъ вообще предки называли красивыя мѣстности.

Свидѣтельство о кіевскомъ загородномъ раѣ основателя Москвы для насъ особенно важно, какъ неопровержимое доказательство, что почти за 800 лѣтъ до нашихъ дней загородныя дачи, а слѣдовательно и загородная жизнь были въ такомъ же уваженіи, какъ и теперь. Есть въ добавокъ и народная пословица, очень чувствительно отдѣляющая красоту деревенской жизни отъ суеты и шума жизни городской. Она сказывается такъ:“ Москва царство, а деревня рай!“

Во всѣхъ приведенныхъ короткихъ словахъ, написанныхъ и сказанныхъ не съ мыслью о поэтическомъ творчествѣ, а съ мыслью изъяснить дѣло, заключается однако прямой смыслъ, что природа въ своей красотѣ была очень понимаема и въ отдаленные вѣка нашей исторіи. По новости вопроса и не имѣя времени входить въ болѣе подробныя разысканія, мы ограничиваемся только тѣми чертами, какія пришли на память. Впрочемъ можемъ указать даже и такое свидѣтельство, гдѣ уже прямо говорится, что природа есть источникъ высшихъ изящнѣйшихъ духовныхъ наслажденій, гдѣ слѣдовательно проводится сознательная мысль объ ея поэтическомъ значеніи для человѣка. Конечно это сказано въ видѣ поучительнаго церковнаго слова, какъ иначе и случиться не могло; но сказано съ прямою цѣлью обратить пустую и скотоподобную свѣтскую, мірскую жизнь именно къ удовольствіямъ изящнымъ, къ развлеченіямъ, достойнымъ человѣка.

Извѣстно, какъ монашествующее духовенство смотрѣло въ старину на мірскія свѣтскія удовольствія, какъ оно сурово и строго преслѣдовало всякое ихъ выраженіе, причисляя весь этотъ поэтическій міръ жизни къ самымъ грязнымъ грѣхамъ, совершаемымъ только въ угоду дьяволу. Живой міръ, конечно, не всегда и даже очень рѣдко былъ послушенъ такимъ увѣщаніямъ и продолжая оставаться живымъ, дѣлалъ иной разъ возраженія, что такой заповѣди по многимъ уважительнымъ причинамъ вмѣстить не можетъ. На такое возраженіе и сказанъ былъ однажды очень замѣчательный отвѣтъ.

Въ одномъ изъ своихъ поучительныхъ Словъ о соблюденіи Евангельскихъ заповѣдей, митрополитъ Даніилъ (1522—1539),

по обычаю поучая мірянъ оставить мірскія грѣховныя утѣхи, грѣховную сладость жизни со всѣми ея обольщеніями, разсуждаетъ именно о сказанномъ возраженіи мірянина, что не всѣмъ же быть иноками—монахами, что не всѣмъ же ростить волосы и идти въ пустыню, что мірянинъ домъ имѣетъ, жену, дѣтей, рабовъ, многія печали житейскія, и потому сохранить такого поученія не можетъ.

Въ отвѣтъ на эти замѣчанія святитель говоритъ, что онъ вовсе не того желаетъ, чтобы всѣ сдѣлались монахами, но чтобы всѣ оставили угожденіе тѣлу и наслаждались бы духовно, оставили бы веселости грѣховныя и взамѣнъ ихъ искали бы въ жизни удовольствій безгрѣшныхъ, невинныхъ и болѣе изящныхъ.

Дабы поселить омерзеніе и отвращеніе къ животнымъ удовольствіямъ, къ плотскимъ сластямъ, святитель рѣзкими чертами и яркими красками рисуетъ нравы и обычаи нашего тогдашняго общества, преслѣдуя особенно тогдашнихъ петиметровъ, жившихъ и въ началѣ XVI ст. съ тѣми же единственными цѣлями наименьше трудиться и наибольше наслаждаться жизнью. Въ этомъ случаѣ его „слово" заслуживаетъ еще бо́льшаго любопытства, ибо выводить яркую противоположность модной старины съ модною новизною XVIII вѣка, (см. выше стр. 17). Надо замѣтить, что слово святителя было обращено именно къ богатому и знатному сословію, которое, въ добавокъ, и въ то уже время прилѣплялось къ нѣкоторымъ западнымъ обычаямъ, противъ чего и возставалъ особенно святитель.

„Ты христіанинъ, говоритъ онъ, а творишь противное Богу́: умомъ и сердцемъ и всякими вещами ты подражаешь и угождаешь блудницамъ. По обычаю блудницъ ты себѣ уставилъ такой нравъ: волосы свои не только бритвою и даже съ тѣломъ обрѣзаешь, но и щипцемъ изъ корня исторгаешь. Женщинамъ, что ли, ты завидуешь и мужское свое лице въ женское стараешься преобразить. Или весь хочешь женщиною быть? О помраченіе сластей плотскихъ! О безуміе конечное! С в о б о д н о е (мужское существо) оставивъ, къ р а б о т н о м у (порабо-

щенному женскому существу) бѣжишь! (Мудрость вѣка такъ въ то время понимала значеніе женщины). Нѣтъ, не хочу, говоришь, быть женщиной! Говоришь, что ты мужчина. А если такъ, ты мужчина и женщиной не хочешь быть, то зачѣмъ ты волосы съ бороды и съ ланитъ щиплешь, изъ корени вырываешь, или бритвою брѣешь?"

„Зачѣмъ ты лице много умываешь, и ланиты натираешь, утворяешь ихъ червлеными, красными, свѣтлыми; уста тоже свѣтлы, чисты, червлены очень дивно утворяешь? Подобно, какъ иныя жены, по обычаю, съ особымъ искусствомъ ухитряютъ себѣ красоту, такъ и ты украсилъ, натеръ, умызгалъ, помазалъ благоуханіемъ, очень мягкими утворилъ, чтобы тѣмъ всѣхъ прельстить. Да и все тѣло свое бесчисленными измовеніями и натираніями ты устрояешь, такъ что оно блистаетъ и свѣтится какъ будто какой самоцвѣтный дивный камень. Всю плоть ты готовишь на прельщеніе и соблазнъ. Мужское ли это дѣло?"

„Какая тебѣ нужда выше мѣры умываться и натираться, остригать или брить бороду и ланиты, остригать очень часто и самую голову; и подвѣсивъ подъ бородою сіяющія красивыя пуговицы, украшаться вообще такъ, какъ и женщинамъ не подобаетъ. Какая тебѣ нужда не только выше мѣры умывать свои руки, но еще и перстни златые или серебряные надѣвать на персты?"

„Подражая и угождая блудницамъ, измѣняешь ты одежды, уставляешь походку, носишь сапоги вельми червленые, шитые премудростно шелкомъ, серебромъ, и съ золотомъ, и съ бисеромъ; и такъ малы, что отъ тѣсноты согнѣтенія твоихъ ногъ претерпѣваешь великую нужду. Но все таки блистаешь: вотъ скачешь, вотъ рыкаешь и ржешь, уподобляясь жеребцу."

„Какой тебѣ прибытокъ надъ птицами (ловчими) дни изнурять или какая тебѣ необходимость псовъ (охотничьихъ) множество имѣть; какая тебѣ похвала ходить на позорища; какое тебѣ любомудріе всуе спорить и препираться?"

„Ты христіанинъ, а ты пляшешь, скачешь, блудные слова говоришь, многое глумленіе и сквернословіе дѣлаешь и въ гусли, и въ смыки, въ сопѣли, въ свирѣли возсмѣваешь. Непре-

станно, какъ самый сатана соблазняешь всѣхъ людей: баснословишь, смѣхотворныя притчи приводишь, смѣешься, грохочешь, всякую кознь, всякое ухищренье творишь смѣхотворное.“

„Ты объѣдаешься какъ скотъ и пьянствуешь день и ночь и очень часто и до блеванія, такъ что и голова болитъ и умъ помрачается.“

„Какимъ образомъ сохранить тебѣ чистоту, когда ты съ сладостью прекрасныя лица обзираешь; какъ тебѣ сердечное умиленіе воспринять, когда ты со отроки доброзрачными водворяешься и бесѣдуешь и свѣтлость ихъ лица любишь смотрѣть...“

„Завидѣвъ лице прекрасной женщины или иное женовидное прекрасное, юнѣющееся лице, объюхавъ свѣтлое и мягкое тѣло, и притекъ, обнявши, цѣлуешь, мызжешь, руками осязаешь, и такъ бываешь безстыденъ и безуменъ, восхитився къ ней бѣсовскою любовью, что какъ бы внутрь себя вмѣстити ее хочешь; такъ помраченъ бываешь, какъ безсловесный, какъ жеребецъ нѣкій сластно яростивый, ржая и сластію распаляяся, огнемъ горя; или какъ вепрь къ свиньѣ своей хохотствуя и употѣвая и пѣны испущая... Позавидовавши безсловеснымъ, ты словесное естество въ безсловесное порабощаешь!“

„Бѣгаешь на дьявольскія позорища, какъ свинопасъ; собираешь игранія, плясанія. И въ домъ свой, къ женѣ и къ дѣтямъ, приводишь скомороховъ, плясуновъ, сквернословцевъ, погубляя себя, дѣтей, жену и всѣхъ твоихъ домашнихъ, пуще древняго потопа. И всему злу ты бываешь ходатай. „Ей-ей не я, говоришь, но это оные плясцы и глумотворцы.“—Какъ же говоришь оные, когда все твое, и еслибъ ты не хотѣлъ, оные не стали бы творить глумы, не стали бы плясать.“

„Ты не только не ищешь небеснаго, но и на небо не взираешь. Ни во что почитаешь красоту небесную. Какъ свинья, долу никнешь, смотришь только около себя: о красотѣ сапожной весь свой умъ напрягаешь и о прочихъ одеждахъ, какъ женихъ или какъ невѣста къ жениху идущая.“

„Господь своимъ ученикамъ и худѣйшихъ сапоговъ не повелѣлъ имѣть, а не то что двухъ одеждъ. А мы не только про-

стыхъ, сверхъ нужды, но множество и драгоцѣнныхъ одѣяній имѣемъ. Даже и подъ сорочкою, гдѣ уже никому невидно, иные носятъ дорогіе пояса, серебромъ и златомъ истканные, утворенные."

„А понятно, что для всѣхъ такихъ роскошныхъ и богатыхъ одеждъ мы должны изыскивать многихъ доходовъ. Если чего тебѣ недостанетъ, какъ привыкъ въ своемъ безуміи много расхода имѣть, то крадешь, насилуешь, грабишь, ябедничествуешь, занимаешь; а потомъ, не имѣя чѣмъ отдать, бѣгаешь, запираешься, клятву переступаешь и другія безчисленныя злыя дѣла содѣваешь."

„Къ вамъ обращаю мое слово, молодые люди! Не уподобляйтесь блуднымъ юношамъ, которые только и думаютъ о красотѣ тѣлесной, только и помышляютъ, чтобъ украситься и убраться больше даже женщинъ различными умываніями, хитрыми натираніями; у которыхъ умъ всегда расширяется лишь объ одеждахъ, объ ожерельяхъ, о пуговицахъ, о поясахъ подъ сорочкою, о сапогахъ, объ остриженіи главы, о повѣшеніи космъ (локоновъ), о намизаніи ока и киваніи главою, объ уставленіи перстовъ, о выставленіи ногъ и т. п."

Отрицая и обличая такимъ образомъ красоту суетной жизни, утопающей только въ плотскихъ сластяхъ, святитель указываетъ обществу иной міръ красоты, и иной міръ истинно человѣческихъ наслажденій и удовольствій.

„Если ты хочешь прохладитися (что значитъ: насладиться), поучаетъ святитель, выйди на крыльцо твоей храмины и гляди: небо, солнце, луна, звѣзды, облака, одни высоки, другіе нижайше ходятъ,—вотъ въ этихъ и прохлажайся, разсматривай ихъ красоту и прославляй Творца-Бога. Вотъ это и есть истинное любомудріе.

„И если хочешь, то и еще прохладися: выйди на дворъ твой, обойди кругомъ твоей храмины, обойди кругомъ другой и т. д., обойди весь твой дворъ, и если что разсыпалось или хочетъ упасть,—созидай, ветхое поновляй, неутвержденное укрѣпи, соръ и навозъ сгребай въ мѣсто, тебѣ же къ плодоносію пригодится. И если хочешь еще лучше прохладиться, выйди въ

твой садъ-огородъ и посмотри туда и туда, и сдѣлай, что требуется къ плодоносію или къ устройству."

„Или еще тебѣ недостало удовольствія: выйди на поле твоихъ селъ и гляди и созерцай твои нивы, умножающія плоды, ово пшеницу, ово ячмень и прочая. И траву зеленѣющуюся и цвѣты красные (прекрасные), горы и холмы, и удолія, и озера, и источники, и рѣки, и сими прохлажайся, наслаждайся и прославляй Бога, который для тебя все это сотворилъ."

„Но на этомъ не останавливайся, а взойди умомъ и взглянина прошлое, отъ самаго твоего рожденія; разсмотри лѣта и мѣсяцы, дни и часы и часци (минуты); и что доброе сотворилъ, утверди смотрѣніемъ, кротостію, чтобъ не разсыпалъ врагъ твоей добродѣтели; если же злое и душепагубное что сотворилъ, покайся, исповѣдайся себѣ, плачь и рыдай; и объ этомъ больше попекись, чтобъ впередъ не согрѣшать. Начни съ малаго, возми себѣ одинъ день, въ который бы не грѣшить, потомъ положи къ нему другой, затѣмъ третій, и по малу по малу въ обычай войдетъ, еже не согрѣшати. Вотъ такъ, прохлаждая себя, прохладишися и радостей многихъ исполнишься и въ настоящемъ, а въ будущемъ вѣчныхъ благъ получишь. Что око не видитъ и ухо не слышитъ, того и на сердце человѣку не взыдетъ."

Чему же вообще научаетъ святитель, дабы хорошо, съ прохладою и съ удовольствіемъ устроить мірскую жизнь? Онъ прямо указываетъ источникъ высшихъ духовныхъ наслажденій въ небесной природѣ; затѣмъ, предлагая занятія во дворѣ и особенно работу въ саду, и съ тою же хозяйскою цѣлью выводя своего мірянина въ поле, останавливается на другомъ обширнѣйшемъ источникѣ новыхъ духовныхъ удовольствій, на природѣ земной со всѣми ея окружающими красотами, которыя и поименовываетъ, отъ зеленѣющей травы съ прекрасными цвѣтами и до ручейковъ и рѣкъ. Ясно, что онъ устремляетъ вниманіе мірянина на тѣже самые предметы, которые пробуждали столько изящныхъ чувствованій и въ ближайшій къ намъ сентиментальный вѣкъ. Но что для насъ всего любопытнѣе, святитель не ограничивается одною внѣшнею приро-

дою, а вводитъ умъ и чувство мірянина внутрь его души, научаетъ его углубляться въ себя, давать себѣ отчетъ въ своей жизни, то есть научаетъ вообще освѣщать свой жизненный путь и свое чувство сознательною мыслію. Правда, что это самоуглубленіе мысли и чувства онъ ограничиваетъ только изслѣдованіемъ грѣха, противъ котораго исключительно и направлена его проповѣдь; но тоже самоуглубленіе неизмѣнно возводитъ умъ человѣка и до высшихъ понятій о природѣ, до тѣхъ высшихъ наслажденій ею, какія свойственны, какъ говорятъ, только душѣ просвѣщенной, то есть просвѣщенной ни чѣмъ инымъ, какъ именно духовною обработкою собственныхъ чувствъ и мыслей. Этого рода просвѣщеніе явилось очень давно. Оно водворилось въ умахъ и чувствахъ съ распространеніемъ христіанства, которое совсѣмъ измѣнило древній образъ человѣчества именно въ отношеніи его пониманія и чувствованія природы. Оно-то и заставило видѣть въ природѣ совсѣмъ не то, что̀ видѣли древніе, заставило человѣка созерцать въ ней не одни ея дивные образы, а вмѣстѣ съ ними и собственную его душу, то есть собственное его чувство и собственную мысль. Такимъ образомъ сентиментальное отношеніе къ природѣ въ его высшемъ и истинномъ значеніи утверждается исключительно на христіанскихъ идеяхъ и вмѣстѣ съ ними распространяется въ человѣчествѣ. Пустыня, то есть просвѣтленная христіанскою мыслію природа, очень рано становится идеаломъ каждой просвѣщенной души.

Свѣтскіе пѣвцы сентиментальнаго вѣка воспѣвали обыкновенно уединеніе, но въ своихъ пѣсняхъ они воспѣвали въ сущности тоже самое, о чемъ пѣли съ незапамятныхъ временъ наши старые калѣки-перехожіе. Различіе заключалось не въ предметѣ чувства и пѣснопѣнія, а въ его свѣтскомъ нарядѣ, въ бо́льшемъ развитіи искусства пѣть, въ большемъ присутствіи созерцаній и понятій мірской жизни.

Привелигированная наша французская образованность, высокомѣрно начинавшая съ самой себя чуть не сотвореніе міра, отрицая въ старинномъ русскомъ человѣкѣ возможность

природной чувствительности, по необходимости должна была отрицать и все то, въ чемъ эта чувствительность могла выказаться, и слѣд. могла бы доказывать со всѣмъ иное, чего офранцуженные россіяне вовсе не желали находить въ нашей старинѣ.

Мы видѣли,что, слѣдуя внушеніямъ этой образованности, и Карамзинъ смотрѣлъ на старую Русь тѣми же барскими глазами и потому въ первое время многое изъ нашихъ древностей объяснялъ невѣрно. Онъ говорилъ, что „старинные русскіе бояре не заглядывали въ деревню, не имѣли загородныхъ домовъ и не чувствовали ни малѣйшаго влеченія наслаждаться природою; что только при Петрѣ знатные начали строить домы въ подмосковныхъ, что еще за 40 лѣтъ, т. е. въ 1760-хъ годахъ богатому русскому дворянину казалось стыдно выѣхать изъ столицы и жить въ деревнѣ...."

Но не должно забывать, что до временъ Екатерины II бояре и всѣ знатные и богатые дворяне находились еще въ крѣпостномъ состояніи, чуть не наровнѣ съ тѣми крестьянами, которыми они владѣли тоже на крѣпостномъ правѣ. Въ существенномъ смыслѣ бояринъ, какъ и всякій знатный и потому непремѣнно близкій ко Двору дворянинъ, былъ дворовымъ человѣкомъ государя; оттого на немъ лежала прямая обязанность всегда находиться предъ лицемъ государя, при его особѣ. Безъ спросу, какъ и барскій дворовый, онъ не смѣлъ никуда отлучиться. Каждый Божій день онъ долженъ былъ являться во дворецъ по утру и вечеромъ, а потому принужденъ былъ отпрашиваться у государя даже на званый пиръ къ пріятелю или родственнику, а тѣмъ паче куда либо за городъ, хотя бы и на богомолье въ какой монастырь. Поѣздка же въ деревню требовала уже непремѣннаго челобитья объ отпускѣ на извѣстный срокъ. Вообще же всякая самовольная отлучка отъ государева лица въ то время была бы причтена къ измѣнѣ и не прошла бы безъ гнѣва и даже опалы.

Царь Алексѣй однажды шутливо даже попрекалъ своихъ бояръ, что всегда безсловно по ихъ челобитьямъ по часту отпускалъ ихъ въ деревню. Это случилось кажется въ 1646 г.,

когда ему было всего только 17 лѣтъ. Въ Маѣ этого года онъ ходилъ съ своими полчанами, съ младшею дружиною, стольниками, стряпчими, дворянами, осѣкать медвѣдя въ одной изъ подмосковныхъ дачь, въ селѣ Озерецкомъ. Желая вѣроятно устроить потѣху на славу, царь звалъ на этого озерецкаго медвѣдя и старшую дружину—бояръ и написалъ къ нимъ потѣшное челобитье, прося убѣдительно пріѣхать и выставляя на видъ, что и онъ съ своей стороны всегда исполнялъ всякія ихъ желанья и челобитья. Между прочимъ боярину князю Куракину было писано: „а ты бояринъ бивалъ челомъ по-часту въ деревню, и я тебя всегда жаловалъ, отпускалъ." При этомъ младшая дружина—боярская молодежь—прибавляла старшей, чтобъ непремѣнно исполнили волю государя, ибо де мірскихъ рѣчей, т. е. мірскаго приговора всегда слушаютъ.

Обыкновенно бояре отправлялись по деревнямъ въ то время, когда и самъ государь выѣзжалъ въ походъ, на дачу, на лѣтнее житье и переѣзды по загороднымъ дворцамъ, въ Коломенское, въ Хорошово, въ Покровское-Рубцово, въ Измайлово, на Воробьеву Гору и пр. Въ такихъ случаяхъ дворцовый городской порядокъ жизни измѣнялся; боярамъ и всѣмъ высшимъ чинамъ становилось нѣсколько свободнѣе: въ загородный дворецъ они ѣздили только по большимъ церковнымъ или царскимъ праздникамъ, или же съ докладами по извѣстнымъ только днямъ, обыкновенно по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ. Наставалъ такимъ образомъ общій отдыхъ, которымъ каждый въ свою мѣру и спѣшилъ воспользоваться и для своихъ поѣздокъ въ деревню.

Такъ въ 1675 г. мая 24 царь Алексѣй выѣхалъ на лѣтнее житье со всѣмъ семействомъ на Воробьеву Гору, назначивъ боярамъ и прочимъ чинамъ пріѣзжать къ себѣ въ походъ только по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ. Въ дворцовыхъ запискахъ въ теченіи этого лѣта находимъ слѣдующія отмѣтки: 17 іюня билъ челомъ государю его духовникъ благовѣщенскій протопопъ Андрей Савиновичъ въ Романовскую свою деревню, въ село Ивановское, и съ сыномъ; и великій государь его пожаловалъ, отпустилъ до ангела царевича Петра (до 29

іюня) и съ сыномъ. Въ тотъ же день билъ челомъ государю въ Саввинскій монастырь молиться и въ деревню бояринъ Артемонъ Сергѣев. Матвѣевъ и съ сыномъ, и тоже былъ отпущенъ до Петрова дня. Въ именины царевича Петра, отправивши празднованіе, послѣ стола, пожаловалъ великій государь отпустилъ по челобитью и по обѣщанію въ деревню праздновать Тихвинской Богородицѣ и молиться, дядьку царевича Ивана, стольника кн. Петра Ив. съ братомъ Борисомъ, Прозоровскихъ, а отпущены до Семенова дни, т. е. до 1 сентября. Тутъ же билъ челомъ государю молиться въ Троицкій монастырь по обѣщанію и конечно также въ деревню окольничій кн. Григор. Аѳан. Козловскій; отпущенъ до Ильина дня, до 21 Іюля. Затѣмъ били челомъ въ деревню окольничій Вас. Сем. Волынскій—отпущенъ до Ильина дня; бояре Петръ Вас. Шереметевъ да кн. Юрій Никит. Барятинскій—отпущены до Успеньева дня. А старѣйшій бояринъ, кн. Юрій Алексѣевичъ Долгоруково билъ челомъ, чтобъ государь пожаловалъ велѣлъ ему жить въ подмосковной своей деревнѣ, въ селѣ Архангельскомъ, покамѣстъ самъ государь возвратится на житье въ Москву. Государь разрѣшилъ, съ условіемъ, чтобъ по присылкѣ и по праздникамъ господскимъ и на царскіе ангелы пріѣзжать изъ деревни ко Двору. *)

Всѣ эти свидѣтельства особенно любопытны въ томъ отношеніи, что вполнѣ подтверждаютъ не только служебную, но и

*) Дворц. Разр. III, 1467, 1493, 1504, 1510. Объ одной изъ боярскихъ поѣздокъ въ деревню въ дворцовыхъ запискахъ находимъ слѣдующее извѣстіе: «Іюня въ 14 день (1675 г.) изволеніемъ Божіимъ были громы великіе и молніи большія и того числа ѣхалъ бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевской изъ подмосковной своей вотчины, изъ села Выхина (9 верстъ отъ Покровской заставы), и его на дорогѣ самого оглушило и во всемъ раздробило; да у негожъ двухъ робятъ верховыхъ (это боярскіе пажи, державники), которые съ нимъ сидѣли въ каретѣ, оглушиложъ, и привезли къ Москвѣ чуть живыхъ и нынѣ лежатъ при смерти. Да у негожъ боярина убило двухъ человѣкъ служивыхъ людей до смерти, а человѣкъ съ десять оглушиложъ и молніею обожгло. Да у негожъ боярина убило громомъ въ каретѣ двухъ возниковъ (лошадей) до смерти.» Этотъ разсказъ обрисовываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и старинные боярскіе выѣзды въ сопровожденіи такого множества слугъ. На другой день іюня 15 страшная гроза разразилась надъ самою Москвою: въ разныхъ мѣстахъ побило громомъ 24 человѣка, а отъ молніи многія башни и дворы загорались.

дворовую крѣпостную зависимость бояръ отъ воли государя. Они же вполнѣ раскрываютъ и то обстоятельство, что старинное боярство вовсе не презирало, да и немогло никогда презирать деревенской жизни, ибо въ допетровское время всѣ бояре, какъ и всѣ служилые люди, иначе себя и не разумѣли, какъ по преимуществу людьми деревенскими; они и юридически именовались вотчинниками и помѣщиками. Вотъ почему и самое слово: природа, въ его эстетическомъ значеніи, для нихъ не существовало; его въ полной мѣрѣ и во всѣхъ смыслахъ замѣняло слово: деревня. Служилые, т. е. весь дворянскій кругъ, за одно со всѣмъ народомъ, одинаково мыслили и разсуждали, что Москва—царство, а деревня—рай, и потому при всякой возможности спѣшили воспользоваться этой райскою, т. е. вполнѣ для нихъ свободною и независимою жизнью. Сила и основаніе самой службы заключались именно въ деревнѣ, ибо службу тянули въ то время не за денежное жалованье, а съ земли, съ извѣстнаго количества десятинъ пашни и всякихъ угодій, а потому большинство дворянства въ деревнѣ раждалось, въ деревнѣ же, за негодностью къ службѣ, въ старости и дряхлости, оканчивало свой вѣкъ. Такимъ образомъ деревня, представляя существенную силу въ хозяйствѣ и въ матеріальной экономической жизни дворянина, по необходимости становилась для него особымъ и наиболѣе привлекательнымъ міромъ и въ его нравственномъ развитіи, гдѣ безъ всякаго сомнѣнія, покрайней мѣрѣ хотя у избранныхъ, оставался уголокъ и для чувствительности къ красотамъ деревенской природы.

Старшій слой дворянства, бояре и другіе знатные и богатые чины, тянувшіе такую же службу только вблизи государя, всегда при его особѣ, жили съ государемъ въ городѣ, въ Москвѣ. Но и здѣсь ихъ деревенскимъ стремленіямъ и привычкамъ дѣлалась значительная уступка. Имъ вопервыхъ, по старому обычаю держать лучшую дружину возлѣ себя, всегда жаловались вотчины и помѣстья подмосковныя, а затѣмъ и въ городѣ, за чертою его стѣнъ, они вначалѣ свободно пользовались свободною землею для устройства своихъ загород-

ныхъ дворовъ, которые, вполнѣ соотвѣтствуя нашимъ теперешнимъ дачамъ, были раскинуты по всей окружности Москвы за чертою Землянаго вала, нынѣшней Садовой, гдѣ и до сихъ еще поръ остаются обширные старинные сады съ обширными прудами и аллеями, насажденными по большой части уже въ XVIII ст. но на прежнихъ дѣдовскихъ мѣстахъ, гдѣ сады, рощи и пруды съ незапамятныхъ временъ составляли одно изъ лучшихъ украшенiй города.

Боярство съ размноженiемъ своего племени, а отчасти и высшее духовенство, до такой степени успѣло застроить окрестности своими дачами, занять ихъ огородами и даже крѣпостными слободами и пашнями, что московскiй посадъ и мелкое московское дворянство въ 1648 г. принуждены были подать государю особое челобитье, въ которомъ просили, чтобъ по прежнему въ Москвѣ было одно государево государство, т. е. чтобъ окрестная земля, выгонъ, животинный выпускъ и выѣздъ въ лѣсъ по дрова принадлежали городу, а не частнымъ владѣльцамъ, не многимъ другимъ государямъ въ родѣ патрiарха, бояръ и пр., которые иззаняли всю окрестность Москвы подъ загородные дворы и огороды, а монастыри и ямщики всѣ выгоны и дороги въ лѣсъ распахали въ пашню, изъ за чего вставали мятежи и междоусобiя, какихъ прежде и не бывало. Можно полагать, что самый московскiй бунтъ 1649 года, поднявшiйся именно на боярское насилiе и на притѣсненiя Земскаго Приказа, получилъ силу и развился особенно по случаю тѣхъ же мятежей и междоусобiй.

Съ того времени правительство привело раздачу такихъ земель въ порядокъ и назначило для каждаго лица, смотря по чину, извѣстную опредѣленную мѣру. Бояре получали по 5000 квадратныхъ сажень; и эта цыфра сходя внизъ по чинамъ уменьшалась до 18 квадр. саж., что̀ получали для своихъ дачь младшiе чины, подьячiе.

Загородные дворы или дачи бояре устроивали, конечно, прежде всего для хозяйственныхъ цѣлей. Это были обширныя помѣщенiя для годовыхъ запасовъ всякихъ деревенскихъ произведенiй, надобныхъ для домашняго обихода, начиная съ зер-

новаго всякаго хлѣба и оканчивая сушеными грибами и ягодами. Но какъ въ число запасовъ непремѣнно входила и живая рыба, то для ея сохраненія необходимы были пруды, садки, такъ какъ для полученія свѣжихъ садовыхъ плодовъ и овощей необходимо было разведеніе плодовыхъ садовъ и огородовъ. Все это мало по малу и являлось на загородномъ дворѣ, который съ прибавкою рощенаго лѣса или рощи, также сѣнокоснаго луга, и съ постройкою боярскихъ хоромъ съ теремами и вышками, естественнымъ образомъ превращался въ красивую усадьбу, полную, какъ чаша, всякимъ деревенскимъ добромъ. Сюда-то на лѣтнее время и переселялись бояре изъ своихъ городскихъ хоромъ.

Англичанинъ Коллинсъ, бывшій въ Москвѣ въ 1662 г., разсказываетъ, что у боярина Хитрово, царскаго любимца и дворецкаго, т. е. министра Двора, въ загородныхъ садахъ (подъ Дѣвичьимъ) жили даже прекрасныя невольницы—польки, которыхъ доставлялъ ему одинъ лекарь-жидъ. Онъ разсказываетъ также, что жена боярина, имѣя важныя причины къ подозрѣнію, стала ревновать; что мужу это очень не понравилось и боярыню, по слухамъ, угостили однажды какимъ-то кушаньемъ, послѣ чего она сдѣлалась очень весела, а поутру была найдена въ постелѣ мертвою. Другіе же говорили, какъ слышалъ Коллинсъ, что ей поднесли отравленную чашу вина, вылечившую ее отъ всѣхъ болѣзней. Произшествіе надѣлало много шуму въ народѣ и конечно прежде всего стало извѣстнымъ царю, который приказалъ боярину, подъ страхомъ удаленія отъ своихъ очей, оставить такую жизнь и снова жениться. Такимъ образомъ еще и допетровскіе бояре населяли свои дачи амурами и нимфами. Не всѣ конечно устроивали свою загородную жизнь съ такими мусульманскими затѣями; но достовѣрно одно, что всѣ поголовно очень любили въ лѣтнее время жить по-деревенски, вблизи деревенскаго хозяйства и всѣхъ удовольствій, какія представляла тогдашняя деревня и каковы были: охота звѣриная и птичья, рыбная ловля, садоводство, пчеловодство. и т. п., и даже цвѣтоводство. Дѣло въ томъ, что о боярской старой жизни мы вообще мало имѣемъ надобныхъ свѣдѣ-

ній, которыя конечно въ изобиліи существовали въ боярскихъ же домашнихъ архивахъ, но по милости офранцуженія боярскихъ умовъ въ XVIII ст. съ презрѣніемъ были отброшены прочь и погибали безслѣдно частію отъ пожаровъ, а больше всего отъ полнаго равнодушія къ памяти о предкахъ, отъ полнаго образованнаго небреженія ко всему, что только напоминало о времени дѣдовъ, потому, что то время почиталось вообще эпохою темнаго варварства. Самая любовь къ сельскимъ и садовымъ букетамъ цвѣтовъ, о которой говоритъ Карамзинъ, должна начинать свою исторію гораздо раньше, не только Екатерининскихъ, но даже и Петровскихъ годовъ, ибо нѣтъ сомнѣнія, что ландыши, какъ и всякіе первые весенніе полевые цвѣты наровнѣ съ грибами и лѣсными ягодами продавались въ городѣ съ незапамятныхъ для Москвы временъ, хотя, конечно, торговля ими не могла быть очень значительна особенно по той причинѣ, что почти у каждаго двора въ городѣ былъ свой садъ и огородъ, а между слободами города существовали еще поля, вполья и луга, такъ что, не заходя очень далеко, и самому можно было нарвать полевыхъ цвѣтовъ у себя по сосѣдству. Отъ XVII вѣка мы имѣемъ свидѣтельства, что букетами цвѣтовъ украшались даже окна въ комнатахъ, по крайней мѣрѣ во дворцѣ. Въ 1670 г. іюня 12 во дворецъ было куплено на рынкѣ 22 стеклянныхъ стопы (родъ стакановъ) съ рукоятками, за 1 рубль 3 алтына 2 деньги, которыя по приказанію царя Алексѣя были поданы съ цвѣтами въ хоромы къ царевичу Алексѣю Алексѣевичу. Припомнимъ, что при томъ же царѣ и потомъ при его сынѣ Ѳедорѣ, на Измайловскихъ стеклянныхъ заводахъ дѣлались для подаванія цвѣтовъ (такъ и сказано) кувшины особой формы, которые, кромѣ употребленія во дворцѣ, продавались отъ Дворца же и въ Гостиномъ дворѣ. Если на рынкахъ Москвы въ XVII ст. существовала торговля стеклянною посудою для цвѣточныхъ букетовъ, называвшихся по старому варварству вѣнками, вѣничками и даже просто вѣниками *), то едвали можно сомнѣваться и въ томъ, что

*) Домашній Бытъ Русскихъ Царей, ч. 1. Изд. 2, стр. 248.

на тѣхъ же рынкахъ существовала и торговля этими вѣниками. Одинъ иностранецъ, Де Бруинъ, бывшій въ Москвѣ въ первые годы Петровскихъ преобразованій, разсказывая, что иноземцы Нѣмецкой слободы старательно разводятъ въ своихъ садахъ плодовыя деревья и культурные цвѣты, которые выписываютъ изъ европейскихъ странъ, прибавляетъ между прочимъ: что „такъ какъ русская почва сама по себѣ родитъ цвѣты плохо, а цвѣты лѣсные очень посредственны, то для Русскихъ нѣтъ бóльшаго удовольствія, какъ подарить имъ пукъ цвѣтовъ, который они съ наслажденіемъ несутъ домой. Впрочемъ, нѣкоторые изъ болѣе знатныхъ Русскихъ, заключаетъ путешественникъ, тоже владѣютъ ужé хорошими садами и разводятъ въ нихъ и цвѣты. „Это ужé относится къ 1702 г. и показываетъ, что какъ будто хорошіе сады въ Москвѣ появились только не за долго передъ тѣмъ и вообще со времени Петра. Между тѣмъ извѣстно, что хорошее нѣмецкое садоводство стало распространяться въ Москвѣ еще съ первой половины XVII ст., когда въ 1630 г. вывезена была даже и махровая роза, и особенно широко раскинулось при царѣ Алексѣѣ. *) Не могло быть, чтобы примѣру этого государя не слѣдовали и знатные и богатые люди изъ бояръ и другихъ чиновъ, тѣмъ болѣе, что воспитатель царя Алексѣя, бояринъ Морозовъ, пробовалъ сѣять даже и въ своихъ нижегородскихъ вотчинахъ какое то заморское сѣмя реинзатъ.

Надо вообще замѣтить, что иностранцы не упускали и малѣйшаго случая похвастать, что Русь просвѣщалась чуть не съ пріѣзда въ Москву каждаго изъ нихъ. Она дѣйствительно просвѣщалась въ допетровское время туго, неподатливо; дѣйствительно и при Бруинѣ русскіе сады очень отличались отъ нѣмецкихъ, которые были чрезвычайно чисты, полны множествомъ цвѣтовъ, а русскіе были запущены, дики, невоздѣланы и безъ всякихъ украшеній; но все-таки кое что изъ иноземной садовой культуры и въ нихъ давно уже процвѣта-

*) См. наши Опыты изученія Русскихъ Древностей и Исторіи, ч. 2-я. въ статьѣ: Московскіе сады въ XVII ст.

ло. Къ тому же иное что и изъ русской дичи заслуживало вниманіе даже самихъ нашихъ просвѣтителей и въ англійскихъ садовыхъ каталогахъ въ 1653 г. обозначалась напр.: Rosa Moscovita, а въ ботаническихъ описаніяхъ 1640 г. Rosa sylvestris russica, вывезенныя изъ Московіи. Полагаютъ, что это былъ особый видъ шиповника съ береговъ Сѣверной Двины.

Въ разсказѣ Бруина для насъ особенно любопытно, что прадѣды очень любили хорошіе цвѣты и съ великою радостію, лучше всякаго подарка, принимали отъ нѣмцевъ цвѣточные букеты. Само собою разумѣется, что эта любовь выросла прежде всего на своихъ доморощенныхъ цвѣтахъ, въ числѣ которыхъ не послѣднее, если не первое мѣсто занимали именно сельскіе полевые цвѣты, воспѣтые вмѣстѣ съ садовыми даже въ народныхъ пѣсняхъ. Стало быть поэзія цвѣтка также не была чужда созерцаніямъ нашихъ далекихъ прародителей.

Но возвратимся къ боярамъ. Мы говорили, что большинство дворянства, служа и питаясь отъ деревенскаго хозяйства, по необходимости должно было все время оставаться и жить въ деревнѣ, выѣзжая на службу временно и случайно, на случай войны. Точно также знатное и высокое его меншинство, служа все время предъ лицемъ государя, въ его столицѣ — Москвѣ, по этому самому, еслибъ и хотѣло, не могло постоянно жить въ деревнѣ. Здѣсь на постоянное житье въ деревню посылались только люди опальные, находившіеся подъ гнѣвомъ государя и потому здѣсь слово деревня означало ссылку. Вотъ по какой причинѣ бояре должны были почитать великимъ стыдомъ и великою напастью болѣе или менѣе продолжительное пребываніе посреди деревенскихъ удовольствій. Это продолжалось до самаго освобожденія бояръ изъ крѣпостной зависимости, т. е. до извѣстнаго указа Петра III, освободившаго ихъ отъ обязанности служить, съ оставленіемъ однако служебнаго права владѣть крестьянами и деревнями. При Екатеринѣ, вступленіе на престолъ которой не ознаменовалось, какъ бывало, погромомъ приближенныхъ и знатныхъ прежняго царствованія, боярство почувствовало еще бо́льшую свободу располагать обстоятельствами своей жизни,

какъ угодно. Образовался мало по малу и по разнымъ причинамъ весьма значительный кругъ людей, совсѣмъ свободныхъ отъ Двора, которые дѣйствительно и удалялись изъ Петербурга на житье въ деревню, то есть въ Москву, ибо со времени утвержденія резиденціи въ Петербургѣ Москва въ самомъ дѣлѣ пріобрѣла старинное значеніе деревни, какъ мѣста ссылки для всѣхъ, кто былъ Двору непріятенъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ первой половинѣ XVIII вѣка русское преобразованное общество, повидимому не особенно любило Петербургъ, не особенно дорожило тамошнимъ житьемъ и, руководясь вѣроятно старинными деревенскими вкусами, тянуло больше къ Москвѣ. При Петрѣ II возникали замыслы даже и резиденцію перенести совсѣмъ въ Москву, а про Елизаветинское время современники записали, что однажды, по случаю ея пребыванія въ 1749 г. въ Москвѣ, Петербургъ долго оставался пустымъ даже и по возвращеніи въ него государыни. Объяснялось это тѣмъ, что большая часть достаточныхъ людей жили въ Петербургѣ по обязанности, отнюдь не по собственному желанію, и когда Дворъ возвратился изъ Москвы, то почти всѣ придворные, дабы остаться въ Москвѣ, наперерывъ брали отпускъ, кто на годъ, кто на полгода, кто на мѣсяцъ или на нѣсколько недѣль. Тоже дѣлали и должностныя лица, начиная съ сенаторовъ. Если же нельзя было воспользоваться отпускомъ, то являлись разные предлоги, мнимыя и настоящія болѣзни мужей, женъ, отцовъ, матерей, дѣтей и т. д., либо тяжбы, либо другія неотлагаемыя дѣла, — однимъ словомъ, прошло слишкомъ полгода пока Дворъ и городъ (Петербургъ) снова населились по прежнему, какъ было до выѣзда въ Москву. Въ этотъ промежутокъ времени петербургскія улицы поросли травою, потому что ѣзда въ экипажахъ совсѣмъ прекратилась.

Такимъ образомъ, когда дворянство получило полную свободу служить или не служить и жить, гдѣ хочетъ, оно потянуло изъ нѣмецкаго Петербурга на родину, въ старую свою столицу Москву.

Кромѣ того при Екатеринѣ для большихъ людей Москва сдѣлалась весьма пріютнымъ уголкомъ, куда можно было, въ

случаѣ разлада и неудовольствій съ Дворомъ и службою, отъѣзжать, какъ говорится іерархически, на покой. Знаменитый Румянцевъ-Задунайскій, по соперничеству въ Турецкой войнѣ съ Потемкинымъ, внезапно впавшій въ немилость и уволенный отъ командованія арміею, писалъ между прочимъ 16 Октября 1789 г. къ тогдашнему градоначальнику Москвы, Еропкину: „теперь мое желаніе непосредственно есть, чтобы водвориться подъ вашимъ покровомъ въ матери градомъ (въ Москвѣ), гдѣ всѣ, мнѣ подобные, по многимъ странствіямъ ихъ, покой обрѣтаютъ.“ (Рус. Вѣстн. 1808, стр. 147.)

Въ Москву такимъ образомъ собиралась вся барская или собственно придворная оппозиція, собирались недовольные въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ и смыслахъ.

Московское высшее общество этого времени охарактеризовано въ перепискѣ Принца Деліня, гдѣ онъ говоритъ о Москвѣ, что „этотъ городъ, дающій понятіе, по нѣкоторымъ отношеніямъ, объ Испаганѣ, похожъ на четыре или пять сотъ замковъ знатныхъ господъ, съѣзжающихся въ нихъ изъ деревень для общежитія. Нигдѣ того не встрѣтишь, что самыя знатнѣйшія особы въ государствѣ, наскучивъ Дворомъ, пріѣзжаютъ сюда затѣмъ, чтобъ свободно жить и говорить. Императрица почти не знаетъ, да и не хочетъ знать объ нихъ; она не любитъ блюстителей наружнаго благоустройства, исполненныхъ внутренняго коварства (?!).—„Что вы думаете объ этихъ господахъ?“ спросила она у меня. Я отвѣчалъ ей, глядя на трехъ или четырехъ престарѣлыхъ камергеровъ, генералъ-аншефовъ и проч.—О Ваше Величество, это самыя почтенныя руины.—„Они не очень меня любятъ, сказала императрица; я не нравлюсь имъ, быть можетъ и потому, что я виновата предъ нѣкоторыми изъ нихъ, или что они не правы передо мною.“ Свободно, но свободно по барски, то есть съ правомъ крѣпостнаго владычества, жить и свободно говорить, разумѣется о правительствѣ, стало съ тѣхъ поръ исключительнымъ обычаемъ знатной барской Москвы. За это коренные москвичи прославляли ее Республикою и Столицею Россійскаго Дворянства, какъ именовалъ ее Карамзинъ.

Но историкъ могъ прибавить, что вмѣстѣ съ тѣмъ она была столицею крѣпостнаго двороваго люда, безъ котораго тогдашнее дворянство не могло существовать, и котораго въ Москвѣ проживало столько, что больше, чѣмъ каждый третій человѣкъ изъ обывателей былъ дворовый; а если къ этому присовокупить еще крѣпостныхъ крестьянъ, то выходило такъ, что изъ троихъ обывателей двое были крѣпостные. Словомъ сказать, двѣ трети населенія Москвы (1788—1793 г.) были крѣпостные.

Въ дѣйствительности, относительно высшаго общества, это была республика и столица крѣпостниковъ, гдѣ, по свидѣтельству современниковъ, обитали праздность и роскоши, гдѣ было много такихъ господскихъ дворовъ, кои своимъ расположеніемъ, обширностію, великимъ, и лишнимъ числомъ служителей, составляли не домъ въ городѣ приличный, но цѣлое селеніе, и гдѣ посреди вольнаго слова о дѣлахъ и дѣйствіяхъ правительства весьма были естественны и вполнѣ натуральны татарскія разсужденія въ родѣ Поздѣева (см. выше стр. 27), очень настойчиво и рѣзко обличавшаго предержащую власть за одно лишь намѣреніе освободить крестьянъ.

Въ сужденіяхъ москвичей (республиканцевъ), замѣчаетъ Карамзинъ „есть какія-то неизмѣнныя правила, но всѣ въ пользу самодержавія: Якобинца выгнали бы, изъ Англійскаго клоба! Сіи правила вообще благородны. Въ Москвѣ съ жаромъ хвалятъ заслуги государственныя, помнятъ старое добро....“ заключаетъ историкъ.

Но въ этой же республикѣ, чуть не въ каждомъ номерѣ тогдашнихъ Московскихъ Вѣдомостей, выходившихъ два раза въ недѣлю, печатались и читались такого рода объявленія о разныхъ продажахъ:

Московскія Вѣдомости 1787 года №№ 1—40:

Его Сіятельство графъ Остерманъ продаетъ изъ состоящаго у него въ опекѣ имѣнія дворовыхъ людей, изъ коихъ нѣкоторые обучены художествамъ; да Масальской округи изъ села Лосева и деревни Каменки на вывозъ крестьянъ отъ 20 до 60 душъ. Желающіе купить могутъ явиться въ домъ его сіятельства у домоправителя.

Въ 6 части (тогда полицейскія части Москвы обозначались не по названіямъ, а по номерамъ) 2 квартала, подъ № 262, продается колесникъ, который весьма хорошо работаетъ, да хорошая овсяная крупа. О цѣнѣ спросить въ ономъ домѣ.

Въ 5 части, 1 квартала, подъ № 83, продается дворовой человѣкъ, умѣющій грамотѣ и который очень хорошо играетъ на флейтраверсѣ.

Въ 7 части, 1 квартала, подъ № 12, въ приходѣ Троицы на Арбатѣ, продается музыкантъ 35 лѣтъ съ женою и дочерью, да крестьянинъ, обученый ткацкому мастерству, 36 лѣтъ, съ женою и двумя дочерьми. О цѣнѣ спросить въ ономъ домѣ у домоправителя.

Въ 12 части, 1 квартала, подъ № 2, въ приходѣ Девяти Мучениковъ, продается кучеръ съ женою 26 лѣтъ, ростомъ 2 арш. 7 верш., цѣна 500 руб.

Въ 13 части, 1 квартала, подъ № 1, продается перукмахеръ 17 лѣтъ, который довольно искусно разумѣетъ причесывать женскіе волосы. О цѣнѣ спросить въ ономъ же домѣ.

Въ 5 части, 1 квартала, подъ № 72, въ приходѣ Трехъ Святителей, у живущаго въ томъ домѣ Господина продается садовникъ 25 лѣтъ, годный въ рекруты, за весьма дешевую цѣну.

За Москвою рѣкою, близъ Москворѣцкаго мосту, на берегу, въ приходѣ Софіи, въ домѣ иностраннаго купца Ивана Нелля, подъ № 1, продается перукмахеръ 21 году, съ женою 19 лѣтъ, умѣющій очень хорошо причесывать мужскіе и женскіе волосы, и также читать и писать. О цѣнѣ спросить въ томъ домѣ у хозяина.

На Поварской, противъ церкви Бориса и Глѣба, въ домѣ Данилова, продается садовникъ 45 лѣтъ съ женою 35 лѣтъ и съ сыномъ 8 лѣтъ и двѣ дочери, который умѣетъ садъ разводить, садить, прививать, стричь шпалеры и деревья, огородные плоды и пчелъ разводить, точетъ трехаршинное сукно, удачно стрѣляетъ, знаетъ бочарное, ростомъ выше рекрутской мѣры. Цѣна 500 руб.

Въ 7 части, 5 квартала, подъ № 454, въ приходѣ Успѣнія на Остоженкѣ, продается человѣкъ 25 лѣтъ въ гусары, или лакеи, и годной при томъ въ рекруты.

Въ 6 части, 2 квартала, на Тверской, близь Межевой, подъ № 151, у живущей вдовы Мавры Озеровой продается дѣвка 17 лѣтъ, которая умѣетъ шить, мыть, крахмалить, утюжить и одѣвать.

Продается человѣкъ 18 лѣтъ, умѣющій сусальное золото бить, да мужикъ 40 лѣтъ. О цѣнѣ спросить въ Плетешкахъ въ 16 части 3 квартала, подъ № 302.

Въ 8 части, 5 квартала, подъ № 418, въ приходѣ Благовѣщенія на Тверской продаются лакей и крестьянскій мальчикъ.

Продаются музыкантъ и перукмахеръ мужской и женской. О цѣнѣ спросить на Тверской въ 6 части, подъ № 81, у живущаго сержанта Чернева. Тутъ же продаются разныхъ шерстей жеребцы и мерены.

Въ 6 части, 2 квартала, подъ № 164, продаются два человѣка: одинъ оффиціантъ 30 лѣтъ, ростомъ 2 арш. 6 верш., а другой, золотыхъ дѣлъ мастеръ, который въ своемъ мастерствѣ очень искусенъ, 25 лѣтъ, ростомъ 2 арш. 6 верш. Цѣна имъ первому 400, а другому 1000 руб.

За Москвою рѣкою, въ 4 части, 4 квартала, подъ № 384, въ приходѣ Спаса въ Наливкахъ, продается человѣкъ 18 лѣтъ, которой очень хорошо брѣетъ и кровь пускаетъ изъ руки и изъ ноги, піявцы припускаетъ и волосы чешетъ, цѣна 300 руб; да буланой иноходецъ, которой бѣжитъ отмѣнно красиво, съ хомутомъ и съ дрожками, цѣна 200 руб.

Въ 15 части, 1 квартала, подъ № 17 продается поваръ 50 лѣтъ.

Продается дѣвка 19 лѣтъ, умѣющая плесть брабантскія кружева, гладить и крахмалить, тонко прясть и кушанье готовить, въ 6 части, 2 квартала, на Тверской, въ домѣ подъ № 151.; спросить у живущей въ томъ домѣ Секретарши.

Московскій купецъ Егоръ Васильевъ Мякишевъ, жувущій на Нѣмецкомъ рынкѣ, въ 19 части, подъ № 61, продаетъ семью людей: мужику 32 годъ, женѣ 16 лѣтъ; у нихъ два сына; одному 8 лѣтъ, другому 1 годъ.

И такъ далѣе.

Идеальное перо историка, съ такимъ краснорѣчіемъ писавшее, что Дворянство есть душа и благородный образъ всего народа,—проходило молчаніемъ эти слишкомъ вещественныя отношенія республики къ своимъ рабамъ, и по всему вѣроятію, по той причинѣ, что его республиканскіе идеалы рисовали себѣ аристократическую республику древнихъ вѣковъ, гдѣ свобода избранныхъ и признанныхъ гражданъ покоилась, какъ на земномъ основаніи, на рабствѣ всего остальнаго населенія, и почитала такой порядокъ въ человѣческихъ отношеніяхъ естественнымъ и неизмѣннымъ закономъ самой „Натуры." Вотъ почему и въ нашей республикѣ могли съ отличнымъ удобствомъ уживаться вмѣстѣ, въ однихъ и тѣхъ же образованныхъ умахъ, самыя возвышенныя идеи любви къ человѣчеству съ самыми низменными побужденіями, какъ наи-

выгоднѣе продать человѣка. Мудрая классическая древность, о которой въ то время много говорили, и которой много подражали, научала многимъ гражданскимъ и человѣческимъ доблестямъ; но, находясь еще въ язычествѣ, она въ своихъ поученіяхъ вовсе не касалась всеобщаго освобожденія рабовъ, ибо по своей философіи почитала рабство, какъ мы замѣтили, явленіемъ естественнымъ. Ея совѣсть въ этомъ отношеніи была пряма и чиста. А это самое очень успокоивало и философію нашихъ доморощенныхъ республиканцевъ, хотя человѣчныя идеи все-таки брали свое и заставляли крѣпостниковъ относиться, напр., къ продажѣ людей съ нѣкоторою застѣнчивостію, которая выражалась уже въ томъ, что при публикаціи очень рѣдко объявлялись имена господъ и указывались только номера ихъ домовъ.

Но какъ ни была республика Москвы привязана къ прапрадѣдовскому крѣпостному рабству, она все-таки займетъ не послѣднее мѣсто въ исторіи нашего общественнаго развитія. Эта республика потому и стала прославлять себя республикою, что завоевала себѣ у Петербурга право свободно или независимо судить о лицахъ и дѣйствіяхъ правительства, то есть, подвергать критикѣ общественныя дѣла страны, о чемъ въ прежнее время и помыслить было страшно.

Вообще, если мы когда либо узнаемъ любопытную исторію о томъ, какими тяжкими путями пробиралось у насъ на Божій свѣтъ, не говоримъ: свободное, а простое независимое и самостоятельное даже разговорное слово, тогда помянемъ добромъ и нашу республику, дававшую извѣстный просторъ такому слову, и при всеобщемъ молчаніи представлявшую въ нѣкоторомъ отношеніи общественную силу, которую въ извѣстныхъ случаяхъ необходимо было уважать. Республика обозначила своимъ появленіемъ зародышъ общественнаго мнѣнія, что и было съ ея стороны истиннымъ завоеваніемъ. Грибоѣдовъ словами Фамусова, конечно, выставилъ одно комическое въ этихъ свободныхъ сужденіяхъ и толкахъ республики, говоря:

А наши старички? Какъ ихъ возметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ... что слово—приговоръ!

Вѣдь столбовые всѣ; въ усъ ни кому не дуютъ
И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что еслибъ кто подслушалъ ихъ — бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили—никогда!
Спаси насъ Боже! Нѣтъ! А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ и.... разойдутся.
Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму.
Я вамъ скажу: знать время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло...

Графъ Растопчинъ одно время принадлежалъ тоже къ республиканцамъ Москвы, то есть, къ лицамъ, потерпѣвшимъ придворное и служебное крушеніе и потому удалявшимся на житье въ Москву. Изъ его переписки можемъ составить понятіе, насколько были смѣлы, остроумны, въ высокой степени мѣтки и вѣрны тогдашнія республиканскія сужденія о лицахъ и дѣлахъ государства. Несомнѣнно, что онъ былъ самымъ замѣчательнымъ представителемъ этихъ республиканцевъ и складомъ своихъ убѣжденій вполнѣ обрисовывалъ основныя черты самой республики, которая состояла по преимуществу изъ однихъ лишь огорченныхъ и оскорбленныхъ умовъ.

Однако московскіе тузы въ дѣйствительности почитали Москву только средоточіемъ своей деревенской жизни и, настроивши въ ней, посреди бѣдныхъ хижинъ, великолѣпныхъ палатъ, всегда поэтому казавшихся для иностранцевъ замками, оставались въ городѣ для общежитія лишь два-три зимнихъ мѣсяца и затѣмъ на все время разъѣзжались въ свои подмосковныя. Привязанность знатныхъ москвичей къ своей республикѣ занимала даже и самое императрицу, которая въ своихъ литературныхъ замѣткахъ иронически отмѣтила слѣдующее: „Москвичи Москву страстно любятъ и думаютъ, что нѣтъ спасенія окромѣ, и что нигдѣ не живутъ окромѣ, какъ въ Москвѣ. Однако всѣ богачи, всѣ имущіе люди послѣднимъ зимнимъ путемъ выѣзжаютъ изъ Москвы и возвращаются къ Рождеству, то есть живутъ въ Москвѣ только отъ декабря по февраль. Большіе господа пребываютъ въ подмосковныхъ....“

Эта эпоха деревенской жизни нашего барства выразила себя въ Москвѣ и ея окрестностяхъ устройствомъ такихъ великолѣпныхъ и обширныхъ садовъ и парковъ, такихъ роскошныхъ дачь, какія и во снѣ не снились даже нашимъ старинымъ царямъ, и сельскому великолѣпію которыхъ, въ Кусковѣ, напр., удивлялся даже австрійскій императоръ Іосифъ. Но въ это время главнымъ предметомъ было уже не плодовое и цвѣточное только, какъ въ старину, а исключительно одно украшенное садоводство съ разведеніемъ множества оранжерейныхъ растеній, изъ которыхъ въ лѣтнее время устроивались цѣлыя рощи, изъ померанцовыхъ и другихъ подобныхъ деревъ, представлявшія въ иное время по свидѣтельству очевидцевъ и именно Карамзина, очаровательные уголки Испаніи или Италіи.

Аллеи, шпалеры, бесѣдки, гроты, мраморныя статуи и группы, пруды величиною въ озеро, прелестные острова, фонтаны, каскады и т. п., все это, хотя и было восхитительно, обворожительно, однако было уже не то, въ чемъ истинный другъ природы находилъ природу. Здѣсь любовь къ природѣ измѣнялась уже въ любовь къ искусству и доходила въ этомъ направленіи до своихъ геркулесовскихъ столбовъ, то есть до стриженыхъ и подбритыхъ аллей, совсѣмъ отвращавшихъ всякую чувствительность къ красотѣ растеній. Дѣйствительно въ это время наши дѣды болѣе просвѣщались чувствомъ къ искусству во всѣхъ его родахъ и видахъ, чѣмъ чувствомъ природы, отчего съ такою стремительностью распространилась и ложная жеманная сентиментальность въ литературѣ и даже въ обычаяхъ и нравахъ. И трудно сказать, какою природою больше наслаждались знатные любители деревенской жизни, тою ли, которая искусственно изображалась въ ихъ садахъ, въ ихъ мраморахъ, картинахъ, бронзахъ, и т. п., или тою, которая безъ всякаго искусства сама себя изображала въ сельскихъ видахъ и во всѣхъ предметахъ простаго деревенскаго обитанія? Намъ кажется, что баринъ все-таки оставался бариномъ, воспитаннымъ и образованнымъ очень искусственно и потому предпочитавшимъ во всемъ ту же ис-

кусственность. Покрайней мѣрѣ общій тогдашній взглядъ на природу ничѣмъ особенно не заявилъ своего вкуса и расположенія къ ея неукрашеннымъ, не набѣленнымъ, не нарумяненнымъ, не напудреннымъ красотамъ, а напротивъ до мелочей выразилъ свою особенную привязанность къ красотѣ поддѣльной, и въ природѣ, и въ мысляхъ, и въ чувствахъ, такъ что самъ Карамзинъ тяготился такимъ направленіемъ общественныхъ вкусовъ и писалъ въ одномъ мѣстѣ: „У насъ и нынѣ обыкновенно думаютъ, что въ деревняхъ надобно садить аллеи, рыть пруды (уже не столько для рыбы, какъ для красоты), строить бесѣдки; у всякаго свой вкусъ—но я люблю тѣ мѣста, которыя для своей пріятности не требуютъ никакихъ искусственныхъ украшеній. Люди не богатые, лѣнивые, а можетъ быть и нѣкоторые люди со вкусомъ пристанутъ къ моему мнѣнію."

Это Карамзинъ говоритъ именно въ укоръ богато-устроенному Кускову съ его обширнымъ прудомъ и въ похвалу Кунцовской природѣ, гдѣ сама мѣстность доставляетъ столько красоты, что для ея украшенія почти вовсе не требуются особенныя ухищренія искусства.

Справедливо, что вѣкъ Елисаветы и Екатерины тѣмъ особенно и достопамятенъ въ исторіи русскаго развитія, что онъ во многихъ отношеніяхъ, не говоря объ экономическихъ и политическихъ темныхъ сторонахъ, былъ какимъ-то роскошнымъ и художественно-устроеннымъ празднествомъ, на которомъ искусство, въ обширномъ значеніи, въ дѣйствительности играло главную роль, выдвигая во всѣхъ родахъ и видахъ истинныхъ и даровитѣйшихъ артистовъ и распространяя свои интересы по всѣмъ уголкамъ тогдашняго общества. Это былъ вѣкъ преобразованія и развитія въ русскомъ обществѣ поэтическаго и художественнаго чувства; и онъ, по слѣдамъ за своими образцами европейскаго развитія, выразилъ свои стремленія къ искусству съ такими увлеченіями, что совсѣмъ забылъ о природѣ, совсѣмъ удалился отъ ея разумѣнія, такъ что потомъ, въ горѣ и отчаяніи, сталъ ее всюду кликать и отыскивать.

Еще гораздо раньше приведенной замѣтки и своихъ разысканій о развитіи въ московскомъ обществѣ чувствительности къ природѣ, путешествуя еще въ Швейцаріи, Карамзинъ писалъ между прочимъ: „Для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями? я съ радостію отказался бы отъ многихъ удобностей жизни, которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ, чтобы возвратиться въ первобытное состояніе человѣка. Всѣми истинными удовольствіями—тѣми, въ которыхъ участвуетъ сердце и которыя насъ подлинно счастливыми дѣлаютъ—наслаждались люди и тогда, и еще болѣе, нежели нынѣ: болѣе наслаждались они любовію, болѣе наслаждались дружбою, болѣе—красотами природы!"

Этимъ мы и заключимъ нашу попытку разъяснить сколько нибудь спорный вопросъ: обладали ли наши предки чувствительностію къ красотамъ природы, чувствовали ли они влеченіе наслаждаться природою, знали ли они, какъ милы для глазъ ландшафты полей и т. п. Вопросъ, какъ видно и изъ приведенной послѣдней замѣтки Карамзина, объяснялся и въ то время съ достаточными противорѣчіями и колебался въ крайностяхъ, между барскою мыслью о старомъ русскомъ, ни къ чему чувствительному не способномъ, варварствѣ и мыслями Ж. Ж. Руссо о томъ, что человѣчество утратило невозвратно всю поэзію прежней первобытной жизни.

Красота и живопись видовъ въ окрестностяхъ Москвы является повсюду, какъ скоро теченіе рѣки образуетъ свой прихотливый, извивистый поворотъ или, по старинному обозначенію, перевертъ *), — эту характерную топографическую черту рѣчныхъ потоковъ всей московской области. Своенравные переверты, дѣйствительно, составляютъ существенный топографическій признакъ такихъ потоковъ и служатъ по большей части основными точками для красиваго и живописнаго мѣсторасположенія окрестности. Пролагая себѣ дорогу въ материковой толщѣ, не одинаково уступчивой и податливой для рѣчнаго ложа, и тѣснясь, по этой причинѣ, у гористыхъ береговъ, потокъ рѣки, при своемъ поворотѣ, почти всегда, въ виду нагорнаго берега, округляетъ обширную луговую долину, иногда до того круглую, какъ котелъ, изъ которой затѣмъ уходитъ дальше въ поле, отыскивая болѣе податливый путь для своего теченія. На вышинѣ одного изъ такихъ перевертовъ основанъ Кремль, то есть самое древнѣйшее поселеніе Москвы; съ вышины другаго смотрятъ на Москву Воробьевы горы; точно такъ, какъ на вышинѣ третьяго красуются Три горы и Дорогомилово и т. д. Вверхъ и внизъ по рѣкѣ повсюду встрѣчаемъ тѣже зеленыя круговины заливныхъ широкихъ луговъ съ господствующею надъ ними высотою какой либо урочищной горы или высокаго берега, подмытаго водою тоже въ круговину и нерѣдко по отвѣсу крутаго. Самое Кунцово

---

*) «А рубежъ Переславлю съ Рязанью отъ Оки рѣки по Лубяной въ верхъ... а отъ верху Лубяной по перевертамъ къ Тысьи, а отъ Тысьи по Щучьей верхъ, а отъ Щучьей по перевертамъ къ Исьи, да по Исьи на низъ до устья, да внизъ по Окѣ рѣкѣ до усть Прони....» С. Г. Г. I, 326, годъ 1496.

потому особенно и славится своею красотою, что стоитъ на одномъ изъ красивѣйшихъ такихъ-же перевертовъ Москвы-рѣки.

Вообще западная сторона ближайшихъ московскихъ окрестностей, гдѣ находится Кунцово, представляетъ въ этомъ отношеніи очень много примѣчательнаго и значительно отличается по характеру своей топографіи отъ такой же восточной подмосковной мѣстности, гдѣ ровныя и потому скучныя лѣсныя пространства очень рѣдко выводятъ къ какому либо красивому уголку. Это происходитъ отъ того, что по западной мѣстности течетъ Москва-рѣка и множество рѣкъ и рѣчекъ, изрывшихъ своими потоками всю эту сторону во всѣхъ направленіяхъ; между тѣмъ какъ въ восточной мѣстности нѣтъ ни одной сколько нибудь значительной рѣки и существующія немногія рѣчки по большей части текутъ въ низменныхъ берегахъ по болотамъ и нисколько не нарушаютъ однообразія остальной равнины.

Прежде, чѣмъ выѣхать въ Кунцово изъ Москвы, надо вспомнить, что изстари здѣсь пролегала дорога въ Смоленскъ и такъ какъ въ древнее время Москвою былъ только самый Кремль, то съ распространеніемъ города, его новыя улицы, застроенныя по той дорогѣ, Воздвиженка въ Бѣломъ городѣ и Арбатская въ Земляномъ городѣ, долгое время, тоже назывались Смоленскими. Теперь это имя остается только за обширнымъ перекресткомъ на мѣстѣ бывшихъ воротъ и укрѣпленій Землянаго города, который называется Смоленскимъ рынкомъ. Здѣшняя мѣстность расположена тоже на красивомъ перевертѣ Москвы-рѣки и образуетъ, подобно какъ и у самаго Кремля, высокій и крутой берегъ, на которомъ встарину раскинута была отдѣльно отъ города слобода Дорогомилова, лежавшая въ двухъ поприщахъ или верстахъ отъ Кремля и названная такъ, по всему вѣроятію, за красоту своей мѣстности. Съ горы дѣйствительно открывается обширный и очень красивый видъ, съ права—на урочище Три горы, съ лѣва—на Воробьевы горы, а прямо на долину, гдѣ пролегаетъ Смоленская дорога, поднимаясь на горизонтѣ также на гору—Поклонную. Теперь

именемъ Дорогомилова обозначается только Ямская слобода за рѣкою.

Встарину подъ Дорогомиловымъ моста не было, а ходилъ на ту сторону паромъ. Вообще этотъ прямой путь по крутизнѣ спуска не совсѣмъ былъ удобенъ для переправы и потому на Смоленскую дорогу ѣздили низомъ за Дорогомилову слободу и переправлялись черезъ рѣку вблизи Дѣвичьяго монастыря у Саввинской слободки (нынѣ церковь Саввы Освященнаго); или же у Пометнаго Вражка возлѣ теперешнихъ торговыхъ бань.

„Дорогое—Милое“ памятно въ исторіи Москвы тѣмъ, что здѣсь находился архіерейскій дворъ Ростовскихъ владыкъ, изъ которыхъ второй по порядку архіепископъ, Григорій, первый и основалъ здѣсь свое пребываніе, построивъ въ 1412 г. надъ Москвою рѣкою церковь Благовѣщенья, называемую теперь по урочищу, что на Бережкахъ. Она находится влѣво отъ Смоленскаго перекрестка, скрытая новѣйшими постройками по улицѣ Плющихѣ, называвшейся прежде Саввинскою и Смоленскою, такъ какъ по ней продолжалась Смоленская дорога до болѣе удобной переправы вблизи церкви Саввы Освященнаго. Противъ самой Благовѣщенской церкви, на той сторонѣ рѣки, влѣво отъ Бородинскаго моста, стоитъ церковь Тихвинской Богородицы, построенная нѣкогда въ Рыбной слободкѣ, Бережки тожъ, принадлежавшей по всему вѣроятію тоже Ростовскому дому, отъ которой и урочище Благовѣщенской церкви стало именоваться также Бережками.

Но историческая память о Дорогомиловѣ не ограничивается только однимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь имѣли пребываніе Ростовскіе владыки. Имя Дорогомилова дѣяніями этихъ владыкъ связано съ однимъ изъ значительнѣйшихъ событій Русской Исторіи, именно съ освобожденіемъ отъ Татарскаго ига и возстановленіемъ окончательной независимости Москвы отъ Золотой Орды. Это событіе относится къ 1480 году и болѣе всего примѣчательно по домашнимъ отношеніямъ тогдашней Москвы, посреди которыхъ московскій, уже вполнѣ самодержавный государь долженъ былъ вытерпѣть

очень сильный отпоръ своимъ намѣреніямъ со стороны всего тогдашняго московскаго общества.

Ханъ Ахматъ, очень хорошо памятуя старое время, когда русскіе князья, по первому призыву, должны были тотчасъ являться въ Орду для отчета въ своемъ поведеніи и вообще для устройства своихъ отношеній къ Ордѣ, задумалъ точно также позвать къ себѣ въ Орду и в. к. Ивана Вас., женатаго уже на греческой царевнѣ Софьѣ Палеологъ, покорившаго Новгородъ, державшаго уже Русскую Землю нетолько честно, но и грозно. На вызовъ Хана московскій государь конечно не поѣхалъ, а послалъ къ нему какое-то объясненіе, которое Хану не полюбилось. Между тѣмъ Иванъ Вас. ссорился въ это время съ своими братьями, да не было у него ладно и съ литовскимъ королемъ, который пользуясь неудовольствіемъ Хана, подговаривалъ его двинуться на Москву вмѣстѣ. Минута была очень благопріятна и Ханъ не сталъ медлить своимъ походомъ. Московскаго государя онъ засталъ въ расплохъ и вотъ съ какой стороны: московскій государь былъ особенно тѣмъ знаменитъ, что любилъ всякое дѣло дѣлать обдуманно, съ большимъ размышленіемъ, наименѣе по военному и наиболѣе по граждански; десять разъ примѣривалъ и отрѣзывалъ одинъ разъ, всегда вѣрно и безъ оглядокъ. Однако къ этому Татарскому приходу онъ вовсе не былъ готовъ, ничего хорошо задуманнаго и хорошо обдуманнаго у него не было. А тутъ еще за плечами стояла домашняя вражда съ братьями. Очень естественно, что, привыкши всегда дѣйствовать умомъ, онъ растерялся, когда приходилось дѣйствовать, какъ говорится очертя голову, безумно и неразумно, т. е. въ сущности бросаться въ опасность ощупью на невѣрный выигрышъ. Словомъ сказать, онъ не былъ человѣкъ азартный, потому что былъ истинный государь, желавшій истиннаго добра государству, а не одного блеска пустой и только личной славы.

Побороться съ Татариномъ у самыхъ стѣнъ Москвы дѣло было не шуточное. По вѣстямъ Ахматъ шелъ со всею своею Ордою. Приближенные бояре Иванъ Ощера, Григорій Мамонъ напѣвали въ уши государю о старыхъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ,

какъ отецъ его Василій Темный попалъ даже въ плѣнъ къ Казанскимъ Татарамъ, именно по тому случаю, что поставилъ съ ними прямой бой. Накладывая ужасъ на государя, они совѣтовали самому ему не выступать противъ Хана, а удалиться подальше на сѣверъ, куда была уже отправлена съ Дворомъ и съ казною государева супруга Софья; совѣтовали, слѣд., въ самую опасную минуту оставить государство безъ головы, а Москву отдать на разоренье. Совѣты свои они подтверждали и другимъ примѣромъ, что и прадѣдъ государя, Дмитрій Донской, не вступалъ тоже въ бой съ Тохтамышемъ и бѣгалъ отъ него на Кострому. Такъ смотрѣли на дѣла государевы ласковцы, люди приближенные, которые больше всего заботились о сохранности своихъ собственныхъ особъ, своего богатства, своихъ женъ и дѣтей. Но иначе встрѣчало опасность духовенство и весь московскій народъ, а впереди всѣхъ духовникъ государя, ростовскій архіепископъ Вассіанъ, жившій въ своемъ Дорогомиловѣ.

По первымъ вѣстямъ государь самъ вышелъ встрѣтить Хана на Коломну, сына Ивана поставилъ въ Серпуховѣ и все войско по берегу Оки, гдѣ была наша тогдашняя степная граница. Но Ханъ, узнавши о такой встрѣчѣ, поворотилъ на Калугу и хотѣлъ перейти къ Москвѣ черезъ рѣку Угру. Надо было подумать и посовѣтоваться, и потому, передвинувъ сына съ главною силою къ Угрѣ, самъ государь возвратился въ Москву въ то именно время, когда Ахматъ уже приближался къ Угрѣ. Народъ московскій, въ страхѣ отъ нашествія забиравшійся въ то время въ городъ Кремль, въ осаду, принялъ своего государя съ большимъ волненіемъ, очень невѣжливо и недружелюбно. Какъ только увидѣли в. князя, ѣдущаго еще на посадѣ, всѣ заговорили, что такъ не водится—бѣгать съ поля отъ врага! „Когда въ мирное время ты, государь, княжишъ надъ нами, кричали ему встрѣчники, то много въ безлѣпицѣ насъ продаешь, (т. е. неправдою судишь, обременяешь налогами), а нынче въ опасное время, насъ же выдаешь ордынскому царю и татарамъ; а разгнѣвилъ ты царя самъ, не платилъ ему выхода.“ Въ городѣ, в. князя встрѣтилъ съ митрополитомъ

владыка Вассіанъ ростовскій. Онъ прямо началъ бранить государя, называя его бѣгуномъ (трусомъ, бѣглецомъ). „Вся кровь на тебѣ падетъ христіанская!“ возглашалъ святитель. „Чего ты бѣжишь и выдаешь народъ въ руки Татаръ безъ битвы? Чего ты боишься смерти? Развѣ ты безсмертный человѣкъ? Смертенъ, какъ и всѣ, а безъ суда Божія не бываетъ смерти, ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю. А дай сюда войско въ мою руку и посмотри, коли я, старый, укрою лице противъ Татаръ!“ И много такъ укорялъ владыка государя, предъ всѣми горожанами, которые тоже со всѣхъ сторонъ поднимали ропотъ и негодованіе. Обличенный государь побоялся даже остановиться въ Кремлѣ въ своемъ дворцѣ и пробрался въ Красное село, гдѣ и оставался во все это время удивительной теперь для насъ борьбы съ своими московскими подданными. Но то было старое время и городская община тогда еще очень многое значила. Опасаясь въ самомъ дѣлѣ чего либо недобраго со стороны москвичей, онъ посылалъ къ сыну грамоту за грамотою, „чтобы часа того былъ на Москвѣ.“ Но и сынъ отказался отъ отца и съ Угры отъ Татаръ не поѣхалъ, крестьянства не выдалъ, сказалъ; „лучше здѣсь умру, а къ отцу не поѣду.“ Между тѣмъ владыка Вассіанъ настаивалъ на своемъ, твердя одно и тоже, чтобъ государь непремѣнно выѣзжалъ съ Москвы къ полкамъ, и едва его умолилъ. Великій князь наконецъ двинулся, но близко къ Татарамъ, къ самой Угрѣ, не пошелъ, а сталъ подальше отъ нихъ и поближе разумѣется къ Москвѣ, на рѣкѣ Лужѣ, въ Кременцѣ, верстъ за 50 отъ Угры. Отсюда онъ послалъ къ Ахмату съ челобитьемъ и съ дарами, выпрашивая милости, чтобы отступилъ прочь и не велѣлъ бы воевать своего улуса—Русской Земли. Въ виду такого униженія, Ханъ запѣлъ старую пѣсню, велѣлъ сказать Вел. Князю, что радъ его жаловать, да только, чтобъ онъ самъ пріѣхалъ и билъ бы челомъ, какъ отцы его ѣздили въ орду къ нашимъ отцамъ, прибавилъ Татаринъ. Но теперь пора была уже не та. О такой поѣздкѣ теперь и подумать было невозможно. Москвичи, во главѣ съ владыкою Вассіаномъ, пожалуй не пожалѣли бы и самого государя, благо былъ у него добрый сынъ. Ве-

ликій князь тянулъ переговоры, а самъ все оглядывался на Москву, боясь рѣшительнаго дѣла, и намѣреваясь еще подальше отодвинуться отъ татарской силы. Въ этихъ мысляхъ утверждали государя все тѣже ближніе бояре, „злые человѣки, сребролюбцы, богатые и брюхатые предатели христіанскіе, а норовники бусурманскіе,“ замѣчаетъ лѣтописецъ,—„самъ дьяволъ шепталъ ихъ устами, тотъ самый, что древле вшелъ въ змію и прельстилъ Адама и Евву.“

Прослышалъ и владыка Вассіанъ, что государь безславно смиряется передъ Ханомъ, молитъ его о мирѣ, слушаясь только прежнихъ своихъ развратниковъ, шепчущихъ, чтобы отступилъ и побѣжалъ отъ супостатовъ прочь. Старецъ, какъ духовникъ государя, имѣвшій полное право говорить ему прямо и смѣло, воспользовался своимъ положеніемъ и написалъ къ нему въ своемъ Дорогомиловѣ длинное посланіе, которое, какъ можно полагать, остановило покрайней мѣрѣ унизительные переговоры съ Ханомъ.

„Наше дѣло, писалъ владыка, напоминать вамъ, государямъ, а ваше дѣло—послушать. Не гнѣвайся на меня за то, что я прежде дерзнулъ говорить тебѣ устами къ устамъ, для твоего же спасенія. Тогда ты обѣщалъ крѣпко стоять за православное христіанство, за отечество, обѣщалъ не слушать льстивыхъ людей, шепчущихъ тебѣ въ ухо, чтобы предать христіанство. Тогда самъ митрополитъ всѣмъ соборомъ благословилъ тебя на подвигъ, наименовалъ тебя пастыремъ добрымъ, который, не какъ наемникъ, завидѣвъ волка, бѣжитъ и спасается самъ и покидаетъ овецъ на расхищеніе. Ты съ бодрымъ сердцемъ вышелъ противъ окаяннаго этого мысленнаго волка, страшнаго Ахмата. И денно и нощно мы всѣ вкупѣ молимъ Бога, чтобъ даровалъ тебѣ побѣду, и надѣемся, что такъ будетъ. Но теперь слышимъ, что волкъ приблизился, похваляется на твое отечество, а ты смиряешься, унижаешься передъ нимъ, посылаешь къ нему пословъ, молишь о мирѣ. Онъ же гнѣвомъ дышитъ и не слушаетъ твоего моленья... А тутъ тебѣ прежніе твои развратники не перестаютъ шептать въ ухо льстивыя сло-

ва, совѣтуютъ не противиться супостатамъ, но отступить, бѣжать отъ волка, оставивши стадо врагамъ. Умоляю тебя, не поддайся такому ихъ совѣту. Внимай себѣ и всему стаду-народу, въ которомъ Духъ Святой тебя поставилъ соблюдать его оборону и спасеніе. И что совѣтуютъ тебѣ эти лжеименитые льстецы? Ни мало не сопротивляясь окаяннымъ и повергнувъ щиты, предать волкамъ христіанство и отечество и бѣглецами скитаться по чужимъ странамъ? Помысли, велемудрый государь, отъ какой славы и въ какое безчестье сводятъ они твое величество. Куда хочешь убѣжать и гдѣ воцаришься, погубивъ порученный тебѣ Богомъ народъ? Слушай, что говоритъ Пророкъ: если взлетишь, какъ орелъ, если и посреди звѣздъ гнѣздо себѣ устроишь, то и оттуда свергну тебя, говоритъ Господь! И мы надѣемся, что не отринетъ и не оставитъ Господь людей своихъ... Вотъ, слышимъ, что безбожный агарянской языкъ, потѣснивъ многія страны, уже двигается на насъ. Поспѣшай скорѣй ему на встрѣчу. Отложи весь страхъ и возлагай о Господѣ въ державѣ и крѣпости: одинъ побьетъ тысячу, а два двинутъ тьмы. Поревнуй преждебывшимъ прародителямъ твоимъ великимъ князьямъ. Они не только Русскую Землю обороняли отъ поганыхъ, но и иныя страны подчиняли себѣ. Игорь, Святославъ, Владиміръ, брали дань на греческихъ царяхъ; а каково Мономахъ бился за Русскую Землю съ окаянными Половцами... И другіе многіе, объ нихъ ты лучше насъ знаешь. А достойный хвалы и славы в. к. Дмитрій, твой прародитель, каково мужество и храбрость показалъ за Дономъ надъ тѣми же окаянными Татарами: самъ впереди всѣхъ бился, не щадя своей жизни. Не устрашился онъ татарскаго множества, не побѣжалъ передъ ними, не сказалъ въ своемъ сердцѣ: жену имѣю и дѣтей, и многое богатство, если и землю мою возмутъ, то гдѣ въ другомъ мѣстѣ поселюсь. Нѣтъ, онъ не колебался, а тотчасъ выѣхалъ, впереди всѣхъ, и сталъ лицомъ къ лицу противъ войскъ Мамая. За то и Господь ему помогъ, за то и донынѣ, какъ крѣпкій подвижникъ, онъ похваляемъ и славимъ, не только отъ людей, но и отъ Бога. Ангеловъ удивилъ и людей возвеселилъ своимъ мужествомъ!“

„Если ты и теперь все еще мыслишь и настаиваешь, что находишься подъ клятвою прародителей, неподнимать руки противъ ордынскаго царя, такъ послушай: ты самъ царь боголюбивый. Когда клятва вынуждена бываетъ, то прощать и разрѣшать ее намъ повелѣно; а мы прощаемъ и разрѣшаемъ и благословляемъ, и митрополитъ и мы, и весь боголюбивый соборъ: не на царя идти, но на разбойника и хищника и богоборца. Да и который пророкъ пророчествовалъ или который апостолъ или святитель училъ, чтобъ повиноваться передъ этимъ сквернымъ самозваннымъ царемъ тебѣ великому русскихъ странъ христіанскому царю? Попустилъ Богъ нашествіе Батыя, который пришелъ разбойнически, поплѣнилъ и поработилъ всю нашу землю, и воцарился надъ твоими прародителями, не бывши самъ царь, ни отъ рода царскаго. Тогда Богъ прогнѣвался на насъ и какъ чадолюбивый отецъ наказалъ насъ, но не столько за наши согрѣшенія и неисправленія передъ Нимъ, а больше всего за наше отчаяніе, за то, что не уповали на Него. Но и тогда и нынѣ и вовѣки все тотъ же Господь, потопившій Фараона, избавившій Израиля. Государь! Человѣческое есть согрѣшать или, иначе сказать, падать и покаяніемъ вставать. Ангельское есть никогда не падать, бѣсовское же— не вставать и отчаяваться. Если всѣмъ умомъ и всею душею, не словомъ только, но самымъ дѣломъ очистимъ себя отъ грѣховъ, Милосердый Господь насъ помилуетъ и не только освободитъ и избавитъ отъ новаго Фараона, отъ этого поганаго Ахмата, но намъ ихъ поработитъ!...“

Такова была знаменитая Дорогомиловская грамота Вассіана. Она достопамятна не по смѣлости разговора съ государемъ-самодержцемъ, а по тѣмъ политическимъ убѣжденіямъ, которыми всегда крѣпилась, сохранялась и спасалась наша старая Русь посреди всякихъ напастей и бѣдствій.

Однако государь съ своими боярами думалъ иначе, тянулъ дѣло, сколько возможно, и въ прямой бой съ татариномъ вступить не рѣшался. Между тѣмъ настала осень, лютая и морозная, а съ Дмитріева дни, 26 октября, стала и самая зима, съ самыми крутыми морозами. Ордынскій царь хвалился, что того толь-

ко и ждетъ, чтобъ стали рѣки; тогда, повсюду будетъ дорога; и онъ свободно двинется къ Москвѣ. Но теперь онъ и самъ испугался. Его степняки, добиваясь перелезть чрезъ Угру больше мѣсяца и встрѣчая съ нашей стороны постоянный отпоръ, стали наги, босы, ободралися; съ морозомъ воевать имъ было уже невозможно. Ахматъ видимо собирался отступить, а московскій государь этого не могъ или не хотѣлъ понять и отодвинулъ свои войска отъ берега, чтобы совокупить ихъ, какъ говорилъ, въ одно мѣсто, и тогда, общими силами, встрѣтить натискъ врага. Но тогда явилось преславное чудо Пресв. Богородицы: какъ только отступили наши отъ берега, татары въ страхѣ тоже побѣжали прочь, подумавши, что Русь даетъ имъ берегъ и хочетъ биться; а наши тоже самое подумали о татарахъ, что они уже перешли рѣку и заманиваютъ въ засаду. Было дивное диво: двѣ многочисленныя рати одна отъ другой бѣжали, не гонимыя ни кѣмъ, гонимыя только страхомъ. Государь, пользуясь случаемъ, отступилъ еще ближе къ Москвѣ, къ Боровску, сказавши, что вотъ молъ на тѣхъ поляхъ съ ними бой поставимъ, а все только слушая богатыхъ и брюхатыхъ предателей христіанства, своихъ ближнихъ бояръ.

Такимъ образомъ страшное Батыево нашествіе, которымъ похвалялся Ахматъ, обѣщая повторить его въ полной мѣрѣ, обратилось въ призракъ. Обстоятельства этого чуднаго событія, какъ мы сказали, очень примѣчательны по участію въ немъ всенароднаго общественнаго мнѣнія, котораго такимъ яркимъ выразителемъ явился владыка Вассіанъ, и которое не удовлетворилось тѣмъ, а занесло и въ самыя лѣтописи, на память будущимъ родамъ, это волненіе народной мысли противъ предателей отечества, которыхъ оно видѣло въ ближнихъ боярахъ государя. Лѣтописецъ не безъ ироніи послѣ отмѣчаетъ о возвращеніи въ Москву в. к. Софьи: „Пріиде в. к. Софья изъ бѣговъ, бѣгала за Бѣлоозеро и съ боярынями отъ татаръ, а не гонялъ никто. И по которымъ сторонамъ ходили, тѣмъ стало пуще татаръ отъ боярскихъ холоповъ, отъ кровопійцевъ христіанскихъ. Воздай же имъ Господи по дѣламъ ихъ! И по лукавству начинанія ихъ, воздай же имъ; и по дѣламъ рукъ ихъ

дайже имъ, Господи! Были ихъ (бояръ) жены тамъ (въ бѣгахъ), и возлюбили они бояре своихъ женъ, больше нежели православную христіанскую вѣру и св. церкви, помышляя предать христіанство. Ослѣпила ихъ злоба ихъ! Пишу не въ укоръ имъ, но да не похваляются несмысленные въ своемъ безуміи, разсказывая, что мы де своимъ оружіемъ избавили Русскую Землю. Но пусть молчатъ и славятъ Бога и его Пречистую Матерь, ибо Тотъ насъ спасъ. А добрые и мужественные пусть радуются и прилагаютъ брань къ брани и мужество къ мужеству противъ басурманства.“

„О храбрые, мужественные русскіе сыны! восклицаетъ затѣмъ лѣтописецъ. Потщитесь сберечь свое отечество, Русскую Землю, отъ поганыхъ; не пощадите своихъ головъ, да не узрятъ очи ваши плѣненія и грабленія, убіенія чадъ вашихъ, поруганія женъ и дочерей вашихъ. Вспомните, какъ пострадали отъ Турокъ иныя великія и славныя земли: Болгары, Греки, Хорваты, Босняки, Морея, Манкупъ и Каѳа въ Крыму и прочія. Онѣ не встрѣтили враговъ мужественно и погибли, и погубили свое отечество и землю, и скитаются по чужимъ странамъ бездомкомъ, бѣдны и странны, укоряемы, поношаемы, оплеваемы, какъ трусы! Пощади Господи отъ такой бѣды насъ, православныхъ христіанъ!“

Вотъ какими мыслями и пожеланіями исполнено было тогдашнее московское стадо—народъ, когда пастухи-правители готовы были предать его въ руки волка — татарина. И выходитъ на повѣрку, что если разберемъ хорошенько дѣла нашей исторіи, то увидимъ въ ней новаго дѣятеля, работавшаго въ созданіи независимаго русскаго государства, быть можетъ еще больше и сильнѣй, чѣмъ сами московскіе государи, которымъ исключительно приписываютъ этотъ подвигъ историки. Такимъ дѣятелемъ всегда былъ самъ народъ, по необходимости переносившій крутую русскую неволю отъ своихъ властей, но никогда и нигдѣ не выносившій чужой неволи, татарской, нѣмецкой, литовской и т. д.

Вотъ почему Дорогомиловская грамота Вассіана, напоминающая государю, чтобъ слушалъ внимательно голосъ самого

народа, а не шептанье приближенныхъ, принадлежитъ въ нашей исторіи къ самымъ дорогимъ памятникамъ, гдѣ съ такою силою высказываются не одни церковныя поученія, а именно давнишнія всенародныя понятія объ обязанностяхъ государя передъ своимъ народомъ; давнишнія, идущія отъ самаго начала нашей исторіи всенародныя убѣжденія, что первое дѣло въ народной жизни есть политическая самостоятельность и независимость ни отъ какой чужой власти. Въ этомъ отношеніи всенародное мнѣніе, при всякихъ случаяхъ, всегда стояло впереди и указывало самимъ князьямъ и государямъ, куда слѣдовало идти прямѣе къ цѣли.

Кромѣ того, все это событіе раскрываетъ передъ нами необыкновенную простоту и прямоту отношеній государевой власти къ народу, которая еще не умѣла хитрить съ нимъ и дѣйствовала откровенно и открыто, съ общаго совѣта, подвергаясь и со стороны народа открытымъ и прямодушнымъ осужденіямъ за недостатокъ воли или желанія исполнить народный приговоръ. Когда опасность была на носу, всѣ это знали до послѣдняго человѣка и каждый принималъ мѣры, дѣйствуя открыто по общему убѣжденію.

За Дорогомиловымъ, сейчасъ за рѣкою, отъ самаго берега, начинался древній Сѣтунскій станъ, названный такъ по рѣкѣ Сѣтуни, которая впадаетъ въ Москву-рѣку у Воробьевыхъ горъ, противъ Дѣвичьяго монастыря. Онъ заключалъ въ себѣ пространство верстъ на 25 отъ В. къ З. вдоль по Смоленской дорогѣ, гдѣ послѣднимъ мѣстомъ этого стана было селеніе Окулово. Столько же было и ширины поперекъ стана въ его широкомъ концѣ, именно на его срединѣ, гдѣ теперь деревня Сѣтунь и гдѣ рѣка Сѣтунь приближается своимъ поворотомъ къ большой дорогѣ. По правой, сѣверной сторонѣ, Станъ ограничивался извилистыми берегами Москвы-рѣки, до впаденія въ нее, нѣсколько подальше Ильинскаго, рѣчки Медвенки, которая ограничивала Сѣтунскій станъ съ запада. За этою рѣчкою продолжался уже Медвенскій станъ, а за Москвою-рѣкою былъ Горетовъ станъ. Съ лѣвой или южной стороны границею стана была рѣка Сѣтунь съ своими притоками, рѣчками, ручьями и оврагами, которые въ иныхъ мѣстахъ доводили эту границу до дорогъ Каменки и Боровской. Сосѣдніе станы этимъ мѣстамъ были Ратуевъ или Таракмановъ, начиная отъ Воробьевыхъ горъ, и Сосенскій—въ верховьяхъ Сѣтуни, по рѣчкѣ Сосенкѣ. Большая Смоленская, иначе Можайская дорога, или Можай, какъ зовутъ ее крестьяне, пролегала какъ разъ по самой срединѣ всей древней мѣстности Сѣтунскаго Стана.

Слово станъ обозначаетъ остановку на пути и переноситъ насъ въ сѣдую древность нашей исторіи, когда первые князья сами еще ходили собирать съ населенія дани и пошлины, уроки и оброки, а вмѣстѣ давать людямъ судъ и земскую управу. Дѣлая съ этою цѣлью свои пути-походы и останавливаясь

въ наиболѣе выгодныхъ для того мѣстахъ, они тѣмъ самымъ опредѣляли и центръ земской управы, каковымъ сама собою являлась становая квартира князя или его сборщика. Естественно, что съ развитіемъ государства эти старыя сборныя мѣста остались особыми округами, на которые правительственно распредѣлились городскіе уѣзды, что мы и застаемъ подъ Москвою, весь уѣздъ которой былъ раздѣленъ на станы и волости. Прозывались эти станы больше отъ рѣкъ и рѣчекъ и отъ разныхъ урочищъ, гдѣ становились княжескія власти, и даже по имени перваго или особенно знаменитаго почему либо управителя становъ.

Во всемъ Сѣтунскомъ Стану самое памятное въ нашей исторіи и примѣчательное по своей топографіи мѣсто, это—Поклонная Гора. Съ ея высоты изстари русскій народъ привыкъ воздавать поклонъ Матушкѣ-Москвѣ, какъ при встрѣчѣ, восхитительной по красотѣ и обширности вида на древнюю столицу, такъ и на прощаньи, когда здѣсь же въ послѣдній разъ онъ обозрѣвалъ родную красоту любимаго города. Прямо черезъ Поклонную Гору шла въ старое время дорога на Западъ, такъ сказать въ Европу; вотъ почему по этой самой дорогѣ Европа и совершала на насъ свои военныя нашествія, подобно тому, какъ Азія—Татары совершали свои нашествія по другой Поклонной же Горѣ, лежащей на Серпуховской дорогѣ, у Верхнихъ Котловъ. Первое зло Москвѣ со стороны Европы было отъ Литвы, еще въ XIV вѣкѣ, при Ольгердѣ. Но злѣе зла Москва невидывала, какъ отъ Поляковъ въ 1611—1612 годахъ, а потомъ при Французахъ въ 1812 г. Въ эти достопамятные годы ея участь рѣшалась именно у здѣшней Поклонной Горы: въ нашествіе Поляковъ—на берегахъ Сѣтуни, въ нашествіе Французовъ—на берегу Москвы рѣки, въ деревнѣ Фили. Эти мѣста ознаменованы однимъ и тѣмъ же рѣшеніемъ властей—отдать Матушку-Москву въ руки враговъ, съ тою разницею, что въ 1812 г. такое рѣшеніе было вынуждено могуществомъ военныхъ обстоятельствъ и Москва приносилась въ жертву государственной и народной независимости; а въ Смутное время тоже рѣшеніе явилось какъ бы вѣнцомъ боярскихъ

смутъ и интригъ, и Москва измѣнно отдавалась въ жертву государственной и народной зависимости и полной неволи. Извѣстно, что по низведеніи съ престола царя Василья Шуйскаго государствомъ владѣли семь первостепенныхъ бояриновъ. Они не иначе, какъ изъ зависти другъ къ другу и изъ высокомѣрія предъ своимъ братомъ, русскимъ, не рѣшились возстановить царскій престолъ въ какомъ либо вновь избранномъ русскомъ родѣ и согласились отдать государство лучше въ руки иноземца, польскаго королевича Владислава. Пройдохи изъ ихъ партіи устроивали это дѣло уже давно и по призыву самой же боярской Думы панъ гетманъ Жолкѣвскій подвигался уже въ то время къ Москвѣ съ полною надеждою на успѣхъ этого измѣннаго замысла. Подойдя къ Москвѣ, онъ расположилъ свой станъ сначала на Хорошовскихъ лугахъ, въ виду Кунцова, а потомъ подвинулся поближе и сталъ на Сѣтунскихъ лугахъ, подъ Поклонною Горою. Сюда прибыло къ нему изъ Москвы посольство отъ бояръ, порѣшившее съ гетманомъ, что быть на московскомъ Царствѣ польскому королевичу, слѣдоват. здѣсь впервые Москва была сдана въ польскія руки. Послѣ того у Дѣвичьяго монастыря, на половинѣ дороги между Москвою и польскимъ лагеремъ, какъ говоритъ Маскѣвичъ, раскинуты были посольскіе шатры, гдѣ и произошло окончательное утвержденіе избранія на царство польскаго королевича и принесена торжественная ему присяга. 19 августа Жолкѣвскій въ своемъ Сѣтунскомъ лагерѣ у Поклонной Горы далъ всѣмъ знатнѣйшимъ боярамъ роскошный пиръ, который стоилъ ему очень дорого, потому что при этомъ онъ роздалъ много подарковъ, „не отпустивъ и самаго послѣдняго москвича съ пустыми руками.“ Чрезъ три дня и гетману былъ данъ отвѣтный пиръ въ Кремлѣ первымъ бояриномъ княземъ Мстиславскимъ.

Такъ какъ Поклонная гора лежала на Польской дорогѣ въ Москву, то обыкновенно на ней же всегда останавливались и приходившіе послѣ того польскіе полки. Отсюда въ 1612 г. и въ тѣхъ же числахъ августа дѣйствовалъ Ходкѣвичъ противъ Нижегородскаго ополченія; сюда, послѣ битвы у Пречи-

стенскихъ воротъ съ Пожарскимъ, онъ отступилъ, какъ въ свое надежное убѣжище. Затѣмъ въ 1618 г., тоже около осенняго времени, въ сентябрѣ, королевичъ Владиславъ приходилъ подъ Москву, какъ запоздалый кандидатъ на московское Царство. Съ нимъ приходилъ и знаменитый Сагайдачный. Они собрались на старомъ, очень знакомомъ для поляковъ мѣстѣ, въ Тушинѣ и въ Павшинскихъ лугахъ. Отсюда былъ двинутъ ими приступъ къ Москвѣ, мимо Поклонной Горы, къ слободѣ Дорогомиловой, гдѣ 27 сентября 12 тысячъ Запорожцевъ съ Сагайдачнымъ вступили въ бой съ московскими полками и вѣроятно потѣснили москвичей, такъ что 30 сентября королевичъ успѣлъ обложить Москву со стороны Арбатскихъ воротъ, но все-таки былъ отбитъ съ большимъ урономъ.

Ровно черезъ двѣсти лѣтъ, по случаю новаго европейскаго нашествія на Москву, Поклонная Гора снова дѣлается свидѣтельницею великихъ историческихъ рѣшеній, происходящихъ тоже у ея подошвы. Въ 1812 г. на самой Поклонной Горѣ какъ бы само собою возникло рѣшеніе Кутузова отдать Москву Наполеону безъ боя, рѣшеніе, которое послѣ только формально было утверждено военнымъ совѣтомъ въ крестьянской избѣ деревни Филей, находившейся тогда еще вблизи большой дороги.

Какъ при полякахъ все дѣло устроивалось властями и народъ не совсѣмъ понималъ, что творится надъ его головою, такъ и теперь народъ тоже до послѣдней минуты не разумѣлъ, что станется съ Матушкою-Москвою, отдать ли, защищать ли ее хотятъ. Но теперь было другое время: не смута боярства продавала Москву чужимъ людямъ, а опасеніе смуты въ самомъ народѣ заставляло таить горькую необходимость національной жертвы отъ постороннихъ глазъ. Извѣстно, какъ патріотически настроены были въ эту пору умы простыхъ москвичей. Самъ главнокомандующій, Растопчинъ, своими воззваніями такъ поднялъ и охрабрилъ эти умы, что было необходимо свести ихъ съ опасной высоты съ великою осторожностію.

Самъ главнокомандующій еще за нѣсколько дней до сдачи Москвы писалъ московскому народу: „Я жизнію отвѣчаю, что злодѣй (Наполеонъ) въ Москвѣ не будетъ". „Небойтесь ничего, увѣрялъ онъ во все это время, —нашла туча, да мы ее отдуемъ, все перемелется, мука будетъ... Ей Богу, братцы, государь на васъ, какъ на Кремль надѣется!..." Тогда въ народѣ ходили смутные толки о томъ, что Наполеонъ идетъ—волю несетъ барскимъ людямъ, всѣмъ крѣпостнымъ. Эти слухи казались своего рода особымъ Наполеономъ и Растопчинъ очень заботился, дабы сохранить полную тишину въ столицѣ, и потому съ большимъ умѣньемъ и ловкостью народнаго трибуна дѣйствовалъ исключительно только на патріотическіе инстинкты самозащиты и самосохраненія отъ нашествія врага. „Государь изволилъ приказать, беречь матушку-Москву!" — писалъ онъ въ Дружескомъ посланіи къ московскимъ жителямъ. Въ точномъ смыслѣ это значило беречь ее отъ ея внутренняго крѣпостнаго волненія, почему онъ и просилъ народъ: „если кто изъ нашихъ или изъ чужихъ станетъ Наполеона выхвалять и сулить и то и другое (намекъ на слухи о волѣ крѣпостныхъ), то какой бы онъ ни былъ, за хохолъ да на Съѣзжую: тотъ, кто возметъ, тому честь, слава и награда; а кого возьмутъ, съ тѣмъ я раздѣлаюсь, хоть пяти пядей будь во лбу; мнѣ на то и власть дана.... А я вѣрной слуга царской, Русской баринъ, и православной христіанинъ!" Этими словами уже рѣшалась участь несчастныхъ Верещагиныхъ.

Надо замѣтить, что Растопчинъ выступилъ въ патріотическій походъ противъ французовъ и русской французоманіи еще въ 1807, издавши свои „Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ". Скоро ему явился достойный соратникъ на литературномъ поприщѣ, С. Н. Глинка, начавшій издавать съ 1808 г. журналъ, Русскій Вѣстникъ, представившій въ сущности лишь одно болѣе подробное и обширное развитіе тѣхъ же „Мыслей", почему и Растопчинъ, естественно, съ первой же книжки сталъ сотрудникомъ новаго журнала, хотя черезъ годъ же въ чемъ то разошелся съ Глинкою и снова по необходимости долженъ былъ сблизиться съ нимъ уже въ 1812 г.

Новый журналъ по естественнымъ причинамъ явился горячимъ выразителемъ отмѣченной литературою, еще въ половинѣ XVIII ст., подобной же крайности русскихъ умозрѣній, что все русское, даже нелѣпое или крѣпостное, хорошо и добродѣтельно, а все иноземное, даже истинно человѣчное и свободное, дурно и развратно. Къ сторонѣ всего русскаго была обращена идиллія, нѣжная мечта, которая въ мягкихъ и ласковыхъ краскахъ изображала даже всякую крѣпостную и барскую дичь. Къ сторонѣ всего иноземнаго была обращена сатира или, сказать вѣрнѣе, простонародное глумотворство и гаерство, которое било, какъ говорится, прямо въ жилу, т. е., въ виду собиравшейся въ то время Наполеоновской грозы, вызывало естественные народные инстинкты самозащиты. Очень понятно, что въ такихъ обстоятельствахъ не только журналъ, но и самъ редакторъ, пріобрѣли въ обществѣ громадную популярность и, по обстоятельствамъ времени, важное политическое значеніе, которое особенно развернулось въ самый годъ Наполеонова нашествія. Тогда „Русскій Вѣстникъ облекся въ плоть и кровь", замѣчаетъ кн. Вяземскій. „Одно заглавіе его было уже знамя. Глинка перенесъ свою литературу на площадь. Онъ попалъ на свою колею. Онъ былъ рожденъ народнымъ трибуномъ, но трибуномъ законнымъ, трибуномъ правительства. Онъ умѣлъ по православному говорить съ православными. Рѣчами своими онъ успокоивалъ и ободрялъ народъ. И то и другое по обстоятельствамъ было нужно".

Новый журналъ вызванъ былъ къ жизни политическими обстоятельствами времени, именно непомѣрными завоеваніями Наполеона, которыя угрожали порабощеніемъ всему европейскому міру, а слѣдовательно и намъ. Естественно возникла мысль, что, въ сущности, это новый Мамай, котораго и слѣдовало въ томъ самомъ видѣ представить обществу. Но здѣсь здравая мысль о внѣшней политикѣ совсѣмъ не попадала въ тонъ съ общимъ направленіемъ нашей барской образованности, для которой французы уже издавна были „отцы родные", такъ что говорить противъ нихъ, разоблачать ихъ, почиталось въ нѣкоторомъ отношеніи святотатствомъ и вообще

недостойнымъ варварскимъ поношеніемъ самой цивилизаціи и самого просвѣщенія. Это обстоятельство на самомъ дѣлѣ было такого рода крайностью или такого рода клиномъ, который выбивать иначе не представлялось возможнымъ, какъ тоже клиномъ или такою же крайностью и отъ редактора во многихъ случаяхъ требовалось поведеніе и неустрашимость Донъ—Кихота.

Предъ вступленіемъ непріятеля въ Москву, Глинка сдѣлался центромъ и руководителемъ общаго патріотическаго воодушевленія. По стогнамъ града онъ самъ читалъ Растопчинскія воззванія и посланія къ московскому народу и первый записался въ ратники Московскаго Ополченія раннимъ утромъ 11 іюля, когда былъ полученъ Высочайшій манифестъ о вторженіи непріятеля и о собраніи поэтому случаю новыхъ ополченій. Въ тотъ же день въ Москвѣ ожидали прибытія государя, объявившаго всенародно, что въѣзжаетъ въ столицу именно для совѣщанія съ народомъ объ общей опасности и руководствованія будущими ополченіями. Эта вѣсть воодушевила всѣхъ поспѣшить на встрѣчу любимаго государя и народъ послѣ молебна изъ собора и церквей прямо потянулся за Дорогомиловскую заставу, откуда ждали государева пріѣзда.

„Около трехъ часовъ по полудни, пишетъ Глинка, надѣвъ въ петлицу золотую мою медаль, чтобы свободнѣе протѣсниться сквозь безчисленные сонмы народа, пошелъ я вслѣдъ за ними, желая прислушаться къ мнѣнію народному и прибавить новую статью въ Русскій Вѣстникъ. Не вмѣщая въ стѣнахъ своихъ радости и восторга, казалось, что вѣковая Москва, сдвинувшись съ исполинскаго основанія своего, летѣла на встрѣчу государя. Всѣ сердца ликовали; на всѣхъ лицахъ блистало веселіе....“

„Размышляя о дивномъ полетѣ духа русскаго, часу въ шестомъ вечера очутился я на Поклонной Горѣ, гдѣ тогда была дубовая роща. Земля какъ будто бы изчезала подъ сонмами народа; иные читали воззваніе къ первопрестольной столицѣ Москвѣ; другіе спокойно и съ братскимъ радушіемъ передавали другъ другу мысли свои... Рѣчи лились рѣкою и пла-

менѣли рвеніемъ любви. Вмѣшивался и я въ разговоры, но еще охотнѣе прислушивался къ живымъ и, такъ сказать, самороднымъ изреченіямъ духа Русскаго.“

„Между тѣмъ донеслась въ рощу молва, что у заставы Драгомиловской народъ намѣренъ выпрячь лошадей изъ государевой коляски и нести ее на плечахъ до Кремля. Сонмы народа, сидѣвшіе на Поклонной Горѣ, безъ всякаго посторонняго возбужденія и какъ будто-бы смолвясь душами и мыслію воскликнули: „не уступимъ! Мы впереди; мы скорѣе поспѣемъ; мы на себѣ понесемъ коляску государеву оттуда, гдѣ ее встрѣтимъ.“ Потомъ, оборотясь ко мнѣ, сказали: „а вы, ваше благородіе! ведите насъ!“ Я провозгласилъ: „Ура! впередъ!“ И тысячи голосовъ повторили: Ура! впередъ! Все быстро двинулось. Воздухъ огласился звуками родныхъ пѣсенъ; шапки и шляпы летѣли вверхъ. Въ это время душевнаго разгула народнаго, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ (въ послѣдствіи директоръ моск. театра) возвращался изъ подмосковной. Увидя меня и за мною народъ, онъ приказалъ остановиться коляскѣ и спросилъ: Сергѣй Николаевичъ! Куда идешь?—„Веду къ государю народъ,“ отвѣчалъ я.—1812 года іюля 11-го порывистый духъ народа сдѣлалъ меня вождемъ своего усердія. Начинало смеркаться. Пѣсни и ура не умолкали. На закатѣ солнца мы были уже на семнадцатой верстѣ. Останавливая всѣхъ проѣзжихъ, народъ спрашивалъ: скоро ли будетъ государь? Наконецъ около 10 часовъ услышали, что государь остается въ Перхушковѣ, гдѣ находился тогда и гр. Растопчинъ. Въ туже ночь извѣстилъ я, гдѣ слѣдовало (въ полиціи), что народъ по собственному порыву душъ своихъ двинулся на встрѣчу государя и что разошелся съ сокрушеніемъ сердечнымъ. А потому и просилъ, чтобы на другой день напечатать что-нибудь ободрительное для народа. Не знаю, почему приказано было за мною присматривать....“

„Все дремало и въ домахъ и на улицахъ и въ окрестностяхъ Москвы: но не дремала любовь. Подмосковные крестьяне деревни Филей или села Покровскаго, нетерпѣливо ожидая проѣзда государева, отправили двухъ гонцовъ въ село Перхуш-

ково, которые, быстро прискакавъ оттуда, успѣли извѣстить причетъ церковный о выѣздѣ государя. Немедленно изъ села Покровскаго, священникъ Григорій Гавриловъ поспѣшилъ въ облаченіи на Поклонную Гору съ серебрянымъ блюдомъ, на которомъ возлежалъ крестъ Господень, а престарѣлый дьяконъ держалъ свѣчу. Поровнявшись съ причетомъ, государь вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и съ глубокимъ вздохомъ облобызалъ крестъ Господень. Священникъ изъ стиховъ Пасхи возгласилъ: да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его."

Государь въѣхалъ въ Москву въ полночь и потому встрѣча его совершилась тихо. За то на другой день, 12 іюля, и въ слѣдующіе дни народному восторженному увлеченію любви и преданности своему государю не было предѣловъ. Одинъ очевидецъ приписалъ къ печатнымъ запискамъ Глинки (М. 1818 г.) слѣдующія строки: „Государь (въ какой-то изъ этихъ дней) верхомъ ѣхалъ на лошади къ Иверской Богоматери, народъ цѣловалъ его мундиръ, ноги, даже лошадь. Государь утиралъ платкомъ слезы отъ умиленія. Народъ вырвалъ изъ рукъ платокъ, изорвалъ въ клочки, говорилъ, что даръ царя, и цѣловали ихъ."

Съ пріѣздомъ государя, въ Москвѣ возобновились времена Нижняго Новгорода, времена Минина и Пожарскаго. Какъ тогда, такъ и теперь понеслись жертвы на общее дѣло: дворянство отдало по 100 человѣкъ съ тысячи вооруженныхъ и съ продовольствіемъ на три мѣсяца. Купечество, сверхъ общаго оклада по гильдіямъ, тотчасъ опредѣлило особый сборъ по подпискѣ и тутъ же въ собраніи съ небольшимъ часа въ полтора было собрано полтора милліона. Самъ главнокомандующій Растопчинъ описываетъ это достопамятное дѣло такимъ образомъ: „Въ другой залѣ, гдѣ было купечество, я былъ пораженъ впечатлѣніемъ, которое произвело на нихъ чтеніе манифеста. Въ началѣ слушали съ глубочайшимъ вниманіемъ; потомъ стали появляться знаки нетерпѣнія и негодованія. Когда Шишковъ дошелъ до словъ, что „непріятель приближается съ лестью на устахъ и съ оружіемъ въ рукахъ", произошелъ взрывъ него-

дованія: били себя въ голову, рвали волосы; ломали руки; слезы бѣшенства текли по лицамъ, напоминавшимъ древнихъ героевъ. Я видѣлъ человѣка, который скрежеталъ зубами. Въ шумѣ нельзя было разслышать словъ; слышны были одни вопли и крики негодованія. Это было зрѣлище единственное въ своемъ родѣ. Въ эту минуту русскій человѣкъ выражалъ свои чувства свободно; онъ забывалъ, что онъ рабъ, и возмущался при мысли, что ему угрожаетъ иноземное иго. Тутъ опять выступили наружу истинно-русскія свойства. Эти люди сохранили и одежду и характеръ народа; ихъ бороды придавали имъ почтенный и величественный видъ" *).

„Московскій городской голова, имѣя 100 т. р. капиталу, первый подписалъ 50000 рублей. Онъ перекрестился, сказавъ: мнѣ Богъ далъ, я отдаю отечеству." **)

---

*) Здѣсь Растопчинъ, какъ русскій европеецъ и баринъ—крѣпостникъ, смотрѣвшій все-таки съ высока на народную массу, и никогда не подозрѣвавшій въ ней какихъ либо истинно гражданскихъ движеній, не могъ иначе объяснить себѣ этого воодушевленія, какъ слѣдующею отмѣткою: «Подобно предкамъ, у нихъ не было другихъ правилъ, другихъ законовъ, кромѣ тѣхъ, которые выражаются въ слѣдующихъ четырехъ поговоркахъ, служащихъ для нихъ основою всѣхъ добрыхъ и дурныхъ поступковъ: Великъ русскій Богъ; Служить царю вѣрой и правдой; Двумъ смертямъ не бывать; Чему быть, того неминовать.»

**) Тогда болѣе значительныя пожертвованія принесли: Градскій Глава Алексѣй Алексѣевичъ Куманинъ 50 тысячь; Кирьяковъ Гр. Абр. 50 т., Алексѣевъ Семенъ 50 т., Кожевниковъ Петръ Ив. 40 т., Пищальниковъ Петръ 40 т., Бородина Ѳедосья купеческая жена 40 т., Лукутины Семенъ и Василій по 30 т., Чороковъ Григорій 30 т., Лухмановъ Дмитр. 35 т., Корзинкинъ Андр. 25 т., Пантелеевъ Ѳед. 25 т., Живовъ Ив. 25 т., Антипинъ Петръ купецъ 2 гильдіи 25 т., Савельевъ Андр. 25 т., Мазуринъ Алексѣй 25 т., Карташовъ Ананій 25 т., Ярцевъ Матв. 25 т., Жильцовъ Мих. 2 гильдіи 20 т., Горголи Анаст. нѣжинскій грекъ 3 гильдіи 20 т., Левинъ Егоръ 20 т., Заикинъ Андр. 20 т., Ливенцевъ Ив. 20 т., Солдатенковъ Егоръ Вас. 20 т. Оконнишниковъ Ив. 15 т., Бродниковъ Ѳед. 15 т., Александровъ Андр. 15 т., Лобковъ Ив. Прок. 15 т., Козновъ Лука 15 т., Дубровинъ Гавр. 15 т., Кожевниковъ Ѳед. 10 т., Мухинъ Ив. 10 т., Марковъ Григор. 10 т., Лепехинъ Сем. 10 т., Савостинъ Алексѣй 10 т., Черновъ Петръ 10 т., Колесниковъ Вас. 10 т., Самгинъ Никол. 10 т., Титовъ Мих. и Захаровъ Никол. 20 т., Насоновъ Ив. 10 т., Лахтинъ Козьма 10 т., Веденисовъ Ив. 10 т., Красильниковъ Ив. 10 т., Рахмановъ Андр. 10 т., Васильевъ Евсей и Ѳед. 15 т., Шестовы Викулъ съ братьями 15 т., и многіе другіе, жертвовавшіе по 5 тысячь.

Тотъ же Растопчинъ, говоря о дворянскихъ жертвахъ, отмѣчаетъ, что необыкновенная ихъ щедрость на крѣпостныхъ ратниковъ, вмѣсто 40, какъ было предложено вначалѣ, по 100 человѣкъ съ тысячи, произошла главнымъ образомъ отъ двухъ запѣвалъ, изъ которыхъ одному дать больше ничего не стоило, ибо у него не было никакой собственности въ Московской губерніи, а другой былъ съ здоровыми легкими, былъ подлъ, глупъ и дурно принятъ при Дворѣ и предлагалъ Растопчину свой голосъ за честь быть приглашену къ императорскому обѣду, дѣйствовалъ, слѣд., съ цѣлью высунуться впередъ.

„И вотъ какъ можно увлечь собранія, и какъ часто они рѣшаютъ и дѣйствуютъ по одному увлеченію и безъ размышленія!“ прибавляетъ Растопчинъ, указывая, что часто человѣкъ прославляется героемъ за дѣйствіе или слово, въ которыхъ быть можетъ самъ же тотчасъ раскаивается.

Другой свидѣтель событій разсказываетъ, что купцы тотчасъ послѣ своей щедрой подписки подняли цѣны именно на оружіе, которое стали продавать въ шесть и чуть не въ 10 разъ дороже прежняго. Точно также подняли цѣны на всѣ работы мастеровые и даже съѣстные припасы высоко вздорожали; и вообще свидѣтель выставляетъ особенно на видъ, что пожертвованія дворянства были гораздо дѣйствительнѣе и полезнѣе для отечества, чѣмъ пожертвованія купцовъ, мѣщанъ и цѣховыхъ, которые приносили въ жертву однѣ только деньги въ ассигнаціяхъ, въ то время не имѣвшихъ будто-

---

Иногородные купцы: Петербургскій Ив. Рахмановъ 10 т., Ростовскій Ив. Боршовскій 10 т:, Ревельскій Антонъ Гюберъ 15 т., Переяславскій Козма Крестовниковъ 40 т.

Изъ сословія дворянъ: сформировали на свой счетъ цѣлые полки: гр. Салтыковъ—гусарскій, гр. Дмитріевъ-Мамоновъ—козацкій, Н. Н. Демидовъ—егерьскій, кн. Гагаринъ—пѣхотный; пожертвовали: графъ Влад. Гр. Орловъ 100 тысячь, графиня Анна Алексѣев. Орлова 100 т., князь Николай Борис. Юсуповъ 10 т. да каразеи на 40 т., князья Александръ и Сергѣй Голицыны 100 т., полковница Ирина Ив. Бекетова 55 т., греческій дворянинъ Зой Павл. Зосима 30 т., графъ Сергѣй Петр. Румянцевъ 15 т., кн. Александръ Никол. Долгоруковъ съ супругою 10 т., полковникъ Ив. Петр. Бекетовъ 10 т.; Театръ—чиновники, актеры, актрисы, музыканты и пр. 10 т.; отъ Троицкой Лавры 70 т. да $5\frac{1}{2}$ пудъ серебра въ слиткахъ и посудѣ; московскій мѣщанинъ Андрей Яльчинской разной деревянной посуды 35300 штукъ и т. д.

бы ни какой цѣны. Но очевидно это говоритъ тоже любящій себя дворянинъ, который въ добавокъ былъ очень не расположенъ къ Растопчину и обвинялъ даже и его въ этой дороговизнѣ всѣхъ необходимыхъ вещей для ополченія. Растопчинъ дѣйствительно открылъ 21 августа продажу дешеваго, но плохаго оружія въ арсеналѣ, примолвивъ, что „за это всѣ скажутъ ему спасибо, а осердятся одни изъ ружейнаго ряда, но воля ихъ, Богъ ихъ проститъ.“

Какъ бы ни было, но Москва, не дворянская и чиновная, а народная, сильно подогрѣваемая воззваніями Растопчина и Глинки, храбро готовилась встрѣтить и побить Наполеона. Глинка, предводитель народа 11 іюля на Поклонной Горѣ, вслѣдъ за тѣмъ, 19 іюля, получилъ орденъ св. Владиміра 4 степени за любовь къ Отечеству, доказанную сочиненіями и дѣяніями. Вмѣстѣ съ тѣмъ Растопчинъ ему объявилъ: „Священнымъ именемъ государя императора развязываю вамъ языкъ на все полезное для отечества, а руки на триста тысячь экстраординарной суммы. Государь возлагаетъ на васъ особенныя порученія, по которымъ будете совѣщаться со мною.“ Особенныя порученія, какъ видно изъ всѣхъ обстоятельствъ, заключались въ томъ, чтобы направить народную мысль на одно мѣсто, на встрѣчу Французовъ, и оберегать народъ отъ всякихъ другихъ помысловъ и возбужденій относительно крѣпостнаго призрака воли, котораго, какъ мы сказали, городская власть да и все тогдашнее общество опасались едвали не больше, чѣмъ самого Наполеона. Москва была средоточіемъ народнымъ и потому своимъ движеніемъ противъ крѣпостнаго права могла всполошить всю страну. Такъ покрайней мѣрѣ разсуждали тогдашніе умные и осторожные люди и во главѣ ихъ главнокомандующій Москвы.

Въ своихъ запискахъ Глинка свои особенныя порученія описываетъ скромно и не говоря прямо, ибо прямымъ словомъ объ этомъ вопросѣ ни тогда, ни послѣ говорить было невозможно. „Немедленно приступилъ я къ тѣмъ особеннымъ порученіямъ, съ которыми нерѣдко и въ Москвѣ и внѣ стѣнъ ея сопряжена была опасность жизни. Но тогда жизнь была

для меня послѣднимъ условіемъ.... Провидѣніе помогало мнѣ оживлять души добрыхъ гражданъ, успокоивать ихъ умы и внушать имъ мѣры осторожности, предостерегая ихъ отъ смущенія и торопливой робости. Непрестанное присутствіе мое на площадяхъ, на рынкахъ и на улицахъ московскихъ сроднило со мною взоры, мысли и сердца московскихъ обывателей. Дѣйствуя открытою грудью и громкимъ словомъ, я не прикасался рукою къ сотнямъ тысячамъ, ввѣреннымъ мнѣ вмѣстѣ съ свободою развязанныхъ устъ. Однажды только по запискѣ моей препровождены были въ село Крылацкое кушакъ и шапка крестьянину Никифору, благословившему на брань трехъ сыновъ своихъ...“—300 тысячъ такимъ образомъ остались въ честныхъ рукахъ не тронутыми. Народъ и безъ денегъ былъ возбужденъ противъ врага до крайности, а о другомъ чемъ онъ и мыслить не могъ въ виду ужасныхъ строгостей относительно всякихъ слуховъ и толковъ, которые, какіе бы ни были, обзывались безъ различія страшнымъ въ то время словомъ — измѣною. Растопчинъ отъ 26 іюля доносилъ государю. „Въ городѣ до такой степени спокойно, что должно удивляться. Причиною безстрашія суть ненависть къ Наполеону и надежда въ скоромъ времени увидѣть его уничтоженнымъ. Государь! Вашъ народъ — образецъ храбрости, терпѣнія, добродушія!“

„Спокойствіе въ городѣ, говоритъ историкъ войны 12 года Михайловскій-Данилевскій, содѣлывало ненужными всякія особенныя мѣры, хотя, впрочемъ были приняты нѣкоторыя предосторожности, напримѣръ, отрѣзали у большихъ колоколовъ веревки, чтобы нельзя было ударить въ набатъ. Послѣдствія показали, что и сія мѣра была лишняя. Въ Москвѣ, какъ и во всей коренной Россіи не нашлось предателей, надъ которыми должно гремѣть проклятію потомства.“—„А что бы ни по какому случаю не было набатнаго шуму, въ разсужденіи того московское начальство взяло всѣ предварительныя и всѣ нужныя мѣры,“ прибавляетъ въ своихъ запискахъ Глинка.

Извѣстія, распространяемыя въ городѣ знаменитыми Растопчинскими афишками, приносили въ сущности обманъ за обманомъ о положеніи военныхъ дѣлъ и не только успокоивали, но постоянно поджигали самохвальные народные инстинкты. Между тѣмъ осторожные люди мало по малу выбирались изъ Москвы. Купцы съ своими товарами двинулись съ половины іюля, т. е. тотчасъ, какъ было объявлено о грозившей опасности указомъ о собраніи Ополченія. Въ ихъ выѣздѣ ничего не было необыкновеннаго, ибо въ эту самую пору они всегда отправлялись къ Макарью на ярмарку. Дворянство тронулось съ августа. Для народа, котораго увѣряли повсюду, что опасности никакой не предвидится, а если и приблизится непріятель, то его легко побьютъ, этотъ дворянскій выѣздъ казался дѣломъ не совсѣмъ обыкновеннымъ и потому по дорогамъ дворяне встрѣчали большія непріятности, или лучше сказать, какъ замѣчаетъ одинъ очевидецъ дѣла, были въ величайшей опасности отъ подмосковныхъ крестьянъ, которые называли удалявшихся трусами, измѣнниками и безстрашно кричали имъ въ слѣдъ: „Куда, бояре, вы бѣжите съ холопами своими? Али невзгодье и на васъ пришло? И Москва въ опасности вамъ не мила уже?“ Проѣзжіе платили молча непомѣрно дорогія цѣны за все, за кормъ лошадей, за постой. Торговаться и спорить пора уже миновала. Иные даже и совсѣмъ лишались лошадей, экипажей, имущества и возвращались пѣшкомъ въ Москву же. Увѣряя народъ, что Москва не будетъ тронута непріятелемъ, что и подступить къ ней ему не дадутъ, самъ Растопчинъ однако не совсѣмъ такъ понималъ дѣло и описывая государю, послѣ взятія непріятелемъ Смоленска, готовность москвичей стать поголовно на защиту своей Матушки, прибавлялъ: „Я взялъ свои мѣры, чтобы ничего здѣсь не осталось, если непріятель дойдетъ до Москвы, но начну укладывать, когда непріятель будетъ около Вязьмы.“ А на другой день 14 августа онъ писалъ: „Жители требуютъ оружія и оно готово, но я имъ вручу его наканунѣ дня, который долженъ будетъ рѣшить участь Москвы. Если Провидѣніе опредѣлило Напо-

леону въ нее войдти, то онъ не найдетъ ничего для удовлетворенія своего корыстолюбія. Деньги будутъ вывезены; вещи зарыты. Армія и Москва соединятся воедино для спасенія Россіи...“

Извѣстіе о Бородинскомъ дѣлѣ было передано народу, въ такомъ смыслѣ, что москвичи по всѣмъ концамъ воскликнули: „Побѣда! Побѣда!“ и потянули къ Иверской служить благодарственные молебны. Но скоро обнаружилась печальная истина. „До 26-го числа, я употребилъ всѣ средства къ успокоенію жителей и ободренію общаго духа, доносилъ Растопчинъ государю, но поспѣшное отступленіе арміи, приближеніе непріятеля и множество прибывающихъ раненыхъ, коими наполнялись улицы, произвели ужасъ. Видя самъ, что участь Москвы зависитъ отъ сраженія, я рѣшился содѣйствовать отъѣзду малаго числа остававшихся жителей. Головою ручаюсь, что Бонапартъ найдетъ Москву столь же опустѣлою, какъ Смоленскъ,“ который, прибавимъ, былъ сожженъ.

До послѣдней минуты Москва ничего не знала, что съ нею будетъ. Растопчинъ энергически подготовлялъ народъ къ сраженію. Всѣ толковали тогда о Поклонной Горѣ, какъ самомъ выгодномъ мѣстѣ дать отпоръ непріятелю. Носилась молва, что явится туда среди толпы и преосвящ. старецъ, митрополитъ Платонъ. Почти наканунѣ входа непріятеля въ городъ, именно 30 августа, Растопчинъ извѣщалъ жителей, что Свѣтлѣйшій князь Кутузовъ сказываетъ, что „Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, братцы, не смотрите на то, прибавлялъ онъ, что Присутственныя Мѣста закрыли, дѣла прибрать надобно, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся. Когда до чево дойдетъ, мнѣ надобно молодцевъ и городскихъ и деревенскихъ; я кличь кликну дни за два, а теперь не надо, я и молчу! Хорошо съ топоромъ, недурно съ рогатиной, а всево лучше вилы тройчатки; Французъ не тяжеле снопа арженаго“. По разсказу очевидца, это-то объявленіе, вмѣсто утѣшенія и тишины, и произвело въ народѣ ужасное волненіе. Охрабрившись, народъ сталъ разбивать кабаки, разграбилъ Питейную Конто-

ру; по улицамъ кричали: „давай непріятеля, гдѣ непріятель?“ Несметная толпа, по большой части пьяныхъ, собралась по старинѣ у Лобнаго мѣста. Тамъ разсуждали и объявляли всѣмъ, что „гр. Растопчинъ сзываетъ уже сыновъ Отечества на Три Горы, куда и самъ явится предводительствовать народомъ для отраженія врага отъ Москвы; и что завтрашній день съ восходомъ солнца туда должно сбираться, кто съ чѣмъ можетъ.“ Дѣйствительно въ народѣ ходило уже новое воззваніе градоначальника. „Братцы! писалъ онъ. Сила наша многочисленна и готова положить животъ, защищая Отечество, и не впустить злодѣя въ Москву. Но должно пособить, и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкій своихъ выдавать. Москва наша мать. Она насъ поила, кормила и обогатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, Земли Русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ, и конные и пѣшіе; возьмите только на три дни хлѣба; идите со крестомъ; возмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ-Горахъ; я буду съ вами; вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ; вѣчная память, кто мертвой ляжетъ; горе на Страшномъ Судѣ, кто отговариваться станетъ.

Попрежнему стоялъ въ народѣ слухъ, что самъ митрополитъ явится на Три-Горы, или на Поклонную Гору, благословить Русское воинство къ рѣшительному бою. Помня свою исторію, народъ иначе и мыслить не могъ. Старецъ Платонъ, утружденный лѣтами (75 лѣтъ) и болѣзнями, еще въ день Бородинской битвы прибылъ въ Москву изъ Виѳаніи, гдѣ жилъ на покоѣ. Онъ дѣйствительно бодрствовалъ духомъ и намѣренъ былъ остаться въ Москвѣ, когда всѣ отъ нея бѣжали. Викарный преосвященный Августинъ и всѣ близкіе умоляли старца возвратиться въ Виѳанію, указывая, что враги уже близко и что быть можетъ Москва будетъ оставлена имъ въ жертву. Старецъ твердилъ одно: „Что же сдѣлаютъ мнѣ враги?“

На другой день 31 августа народъ потянулъ на сборное мѣсто, на Три Горы, защищать Москву. „Боже мой! свидѣтельствуетъ очевидецъ. Съ какимъ сердечнымъ умиленіемъ взи-

ралъ я на православный Русскій народъ, моихъ соотечественниковъ, которые стремились съ оружіемъ въ рукахъ, дорого отъ корыстолюбивыхъ торговцевъ купленнымъ; шли съ пиками, вилами, топорами и съ духомъ истиннаго патріотизма въ одинъ голосъ кричали: „Да здравствуетъ батюшка нашъ Александръ!“ Малѣйшая поддержка этого патріотическаго взрыва и Богъ знаетъ, взошелъ ли бы непріятель въ Москву?“

„Народъ въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячь, такъ что трудно было, какъ говорится, яблоку упасть, на протяженіи 4 или 5 квадратныхъ верстъ, съ утра до вечера не расходился въ ожиданіи предводителя, графа Растопчина... Но полководецъ не явился и всѣ съ горестнымъ уныніемъ разошлись по домамъ“. Въ тотъ же вечеръ и старецъ-Платонъ удалился въ Виѳанію. Все это былъ политическій обманъ и шумиха. Въ оправданіе Растопчина надо сказать, что онъ и самъ до послѣдней минуты ничего не зналъ, что станется съ Москвою, а онъ былъ ея главнокомандующій! „Я сообщалъ московскимъ жителямъ все, что получалъ отъ главнокомандующаго арміями, пишетъ онъ въ своей оправдательной запискѣ. (Р. В. 1813. II, 71.) Я даже не былъ приглашенъ 1 числа сентября на военный совѣтъ, гдѣ было рѣшено оставить Москву; о чемъ узналъ уже въ 11 часовъ вечера чрезъ письмо Свѣтлѣйшаго князя Кутузова, требовавшаго у меня проводниковъ чрезъ городъ на Рязанскую дорогу.“

Въ день 1-го сентября рано утромъ москвичи увидѣли, что на Поклонной Горѣ копошится наше войско и сооружаютъ укрѣпленія, что по всей окрестности двигаются полки. Вечеромъ вся мѣстность освѣтилась бивачными огнями. Ихъ зарево освѣщало половину неба, такъ что и въ городѣ на улицахъ было свѣтло. Для всѣхъ было очевидно, что готовится подъ Москвой битва.

Народъ никакимъ образомъ не могъ представить себѣ возможности, чтобы Москва была оставлена и отдана непріятелю безъ боя. Но то же думали и въ арміи. Кутузовъ, отступая послѣ Бородинскаго дѣла къ Москвѣ, былъ убѣжденъ, что подъ стѣнами столицы должно произойдти сраженіе рѣшительное

для успѣховъ всей кампаніи, а слѣд. и для участи государства. О томъ же размышлялъ и самъ Наполеонъ и, готовясь къ новой битвѣ, сосредоточивалъ свои войска на столбовой дорогѣ въ Москву. 31 августа наша армія ночевала въ Мамоновѣ, въ 20 верстахъ отъ города. Здѣсь отданъ былъ приказъ, начинавшійся словами: „Не безъизвѣстно каждому изъ начальниковъ, что армія Россійская должна имѣть рѣшительное сраженіе подъ стѣнами Москвы“. Еще наканунѣ генералъ Беннигсенъ былъ посланъ пріискать у самой Москвы выгодное мѣсто для баталіи. Позиція была избрана и 1 сентября рано утромъ армія выступила изъ Мамонова къ Москвѣ, располагаясь постепенно по назначеннымъ мѣстамъ, вокругъ Поклонной Горы. Правое крыло этой позиціи примыкало къ изгибу Москвырѣки впереди деревни Филей, центръ находился между Волынскимъ и Троицкимъ - Голенищевымъ, а лѣвое крыло стояло на Воробьевыхъ горахъ. Арріергардъ оставался у деревни Сѣтуни. Кутузовъ выѣхалъ впередъ войска, дабы осмотрѣть какъ слѣдуетъ избранную позицію. На Поклонной Горѣ онъ и остановился. Ему поставлена была скамейка и скоро около него собрались генералы. Прибылъ въ это время встрѣтить армію и градоначальникъ Москвы Растопчинъ. Всѣ долго разсуждали о томъ, какъ быть. Мѣсто гористое, изрытое оврагами и рѣчками совсѣмъ было не пригодно для битвы и если объ немъ долго размышляли, такъ это потому, что въ виду, во всей красотѣ, представлялась Москва, которую оставить безъ боя для всѣхъ казалось невозможнымъ. Неудобства позиціи придумали исправить полевыми укрѣпленіями и съ этою цѣлью сооружали уже редуты на Поклонной Горѣ, остатки которыхъ по мѣстамъ и теперь видны. Дѣло было очень затруднительно всего болѣе въ нравственномъ, въ патріотическомъ отношеніи, такъ какъ военныя соображенія не представляли и малѣйшей возможности оставаться на этомъ мѣстѣ. По мнѣнію Барклая-де-Толли, въ случаѣ пораженія, здѣсь вся армія была бы уничтожена до послѣдняго человѣка. Онъ говорилъ Растопчину: „Если сдѣлаютъ глупость и будутъ сражаться на этомъ мѣстѣ, единственное, чего я желаю — это, чтобъ меня убили“. Кутузовъ,

все время ничего рѣшительнаго не высказывалъ, и выслушавъ Ермолова, съ особеннымъ жаромъ доказывавшаго, что сраженія здѣсь дать не возможно, взялъ его за руку и, пощупавъ пульсъ, спросилъ: Здоровъ ли ты, голубчикъ? Но Растопчину онъ повторялъ, что Москвы такъ не отдастъ, что и въ улицахъ будетъ драться. Между тѣмъ по дорогѣ отъ Мамонова понеслись облака пыли, изъ-за которой мѣстами показывались идущія войска, артиллерія, обозы. Въ раздумьи, опершись на задокъ своихъ дрожекъ, Кутузовъ долго смотрѣлъ на проходившія мимо его войска и потомъ въ часъ по полудни уѣхалъ съ Поклонной Горы въ деревню Фили, гдѣ была назначена главная квартира.

Рѣшивши въ мысляхъ, какъ поступить, онъ однако не объявилъ никакого рѣшенія генераламъ, сказавъ только на ухо принцу Евгенію Виртенбергскому: „Въ этомъ случаѣ мнѣ приходится положиться только на самого себя, каковъ бы я не былъ, уменъ или простъ (глупъ).“ Вслѣдъ за тѣмъ графъ Растопчинъ, подойдя къ принцу, сказалъ съ жаромъ: „Еслибъ у меня спросили, что дѣлать, я отвѣтилъ бы: разрушьте столицу прежде чѣмъ уступите ее непріятелю. Таково мое мнѣніе, какъ графа Растопчина; но, какъ губернаторъ, обязанный заботиться о благѣ столицы, не могу подать такого совѣта“.

До вечера не было никому извѣстно на что рѣшится фельдмаршалъ. Часу въ пятомъ онъ позвалъ къ себѣ, въ избу на совѣтъ генераловъ. Ждали долго Беннигсена, который пріѣхавъ, какъ старшій послѣ Кутузова поставилъ вопросъ: выгоднѣе ли сражаться предъ Москвою или оставить ее непріятелю? Кутузовъ прервалъ его, замѣтивъ, что вопросъ поставленъ не сообразно, ибо прежде всего необходимо раскрыть всѣ обстоятельства; и затѣмъ самъ объяснилъ подробно невыгоды позиціи, и заключилъ, что все дѣло въ сохраненіи арміи, съ которой только и возможно и противиться непріятелю и довершить счастливо войну, что если армія будетъ потеряна, то потеряны и Москва и Россія. Онъ поставилъ Совѣту вопросъ слѣдующимъ образомъ: „ожидать ли нападенія въ невыгодной позиціи или уступить непріятелю Москву?“ Мнѣнія раздѣлились. Бенниг-

сенъ доказывалъ вообще, что стыдно оставить столицу безъ выстрѣла, что слѣдуетъ по всѣмъ соображеніямъ, двинуться наступательно на центръ Наполеоновыхъ войскъ и т. д. Барклай отвѣчалъ, что объ этомъ слѣдовало думать раньше, покрайней мѣрѣ поутру, когда еще можно было и армію такъ расположить, и предлагалъ отступить за Москву къ Владиміру и Нижнему. Съ Беннигсеномъ соглашались: Дохтуровъ, Уваровъ, Коновницынъ и Ермоловъ. Съ Барклаемъ стояли Остерманъ и Толь. Остерманъ повторилъ мысль Кутузова: что Москва не составляетъ Россіи, что главное не столицу защитить, а спасти отечество, слѣд. необходимо сберечь отъ напрасной гибели войско. Прибывшій Раевскій тоже поддержалъ это мнѣніе, прибавивъ, что: „Россія не въ Москвѣ, среди сыновъ она".

Выслушавъ генераловъ, фельдмаршалъ произнесъ свое рѣшеніе: „Съ потерею Москвы не потеряна Россія, сказалъ онъ. Первою обязанностію поставляю сохранить армію и сблизиться съ войсками, идущими къ намъ въ подкрѣпленіе. Самымъ уступленіемъ Москвы приготовимъ мы гибель непріятелю. Изъ Москвы я намѣренъ идти по Рязанской дорогѣ. Знаю, отвѣтственность обрушится на мнѣ, но жертвую собою для блага Отечества". Онъ всталъ со стула и рѣшилъ: „Приказываю отступать!" Была уже ночь, когда военный совѣтъ окончилъ свои разсужденія. Двери достопамятной, но теперь уже не существующей избы *) отворились и генералы одинъ за другимъ стали выходить на улицу. Мало по малу рѣшеніе Кутузова разгласилось. Скорбь, уныніе овладѣло всѣми. Съ именемъ Москвы связаны были понятія „о славѣ, достоинствѣ, даже самобытности Отечества". Уступить безъ боя Москву, значило показать полное безсиліе; это значило, позорно побѣжать отъ врага, отдавая ему на руки родную Землю, какъ беззащитнаго ребенка. По мнѣнію „бо́льшей части высшихъ начальниковъ, говоритъ принцъ Евгеній Виртембергскій, дальнѣйшее отступленіе казалось не сообразнымъ съ правилами самой чести: они полагали, что Москва долженствовала

*) Она стояла одиноко на мѣстѣ прежней деревни Филей и сгорѣла въ 1869 году.

быть для русскаго воина тѣмъ, чѣмъ могила для каждаго смертнаго. За ними былъ уже другой міръ.“ Во всякомъ случаѣ одна уже безвѣстность, что будетъ дальше, была достаточна для того, чтобы привести всѣхъ въ уныніе. „Солдаты были мрачны, офицеры унылы“, пишетъ Растопчинъ. Говорятъ, самъ Кутузовъ всю ночь сокрушался не меньше другихъ и нѣсколько разъ плакалъ. Всѣ чувствовали невыразимое горе, что приходится уступать врагу, идти отъ него безъ битвы, но всѣ забывали, что желанная битва у стѣнъ Москвы уже совершилась еще 26 августа подъ Бородинымъ. Французы прямо и называли ту битву Московскою, подъ стѣнами Москвы. Наименованіе въ наше время Дорогомиловскаго моста Бородинскимъ выразило эту истину вполнѣ.

Только послѣ военнаго совѣта, въ 8 часовъ, а по свидѣтельству Растопчина въ 11 часовъ вечера Кутузовъ увѣдомилъ его, что съ горестію оставляетъ Москву безъ боя, что армія пройдетъ черезъ городъ на Рязанскую дорогу и потому просилъ проводниковъ изъ полицейскихъ офицеровъ. Тогда градоначальникъ объявилъ всѣмъ воинскимъ и полицейскимъ командамъ и вѣдомствамъ, чтобы выступали изъ Москвы. Пожарная команда съ трубами отправлена на Владиміръ. Посланы были чиновники разбивать бочки съ виномъ на Винномъ Дворѣ и жечь на Москвѣ рѣкѣ всѣ барки со всякимъ добромъ, которыя неуспѣли отойдти изъ Москвы. „Спасайтесь! спасайтесь!“ повторялось на улицахъ Москвы еще наканунѣ, 31 августа, а теперь эта мысль овладѣла всѣми. Преосвященный Августинъ между тѣмъ ожидалъ весь вечеръ увѣдомленія отъ Растопчина, въ какое время назначитъ идти крестнымъ ходомъ на Три-Горы и получилъ извѣстіе, что Кутузовъ оставляетъ Москву. Тогда преосвященный, посреди темной осенней ночи, поднялъ изъ собора Владимірскую икону Богоматери, а изъ часовни Воскресенской Иверскую икону и съ этою святынею выѣхалъ изъ города на Владиміръ. На улицахъ въ это время такой былъ шумъ отъ выѣзжавшихъ экипажей, что слова нельзя было разслышать. Тѣснота была не вообразимая, повсюду одинъ другаго старался опередить.

А вокругъ по небу стояло зарево отъ пылавшихъ по мѣстамъ селъ и деревень, отъ воинскихъ огней вокругъ Поклонной Горы.

Говорятъ, что еще утромъ въ тотъ день, послѣ торжественной литургіи, преосв. Августинъ намѣревался всю соборную святыню, св. мощи и чуд. иконы, и всѣ драгоцѣнности отправить въ Вологду; но градоначальникъ не разрѣшилъ ему этого, изъ опасенія поселить уныніе въ народѣ.

По дорогѣ народъ встрѣчалъ архипастыря укоризнами, что не истинный онъ пастырь — оставляетъ свое стадо, Москву, что такъ поступаютъ только наемники. И здѣсь, помня свою старую историческую жизнь, народъ иначе мыслить не могъ.

„А народное буйство въ Москвѣ, бывшее въ тотъ же вечеръ, 1-го сентября, описать нельзя“, говоритъ очевидецъ. По улицамъ начиналась вольная попойка. Возбужденная толпа намѣревалась встрѣтить непріятеля именно вилами, какъ научалъ ее въ теченіи всего времени самъ градоначальникъ. 2 сентября, въ понедѣльникъ, рано утромъ она собралась у его дома на Лубянкѣ и, по его же обѣщанію, потребовала похода на Три-Горы, чтобъ шелъ онъ предводительствовать и отражать непріятеля отъ Москвы. Графъ вышелъ къ народу и громогласно возвѣстилъ: „Подождите братцы! Мнѣ надобно еще управится съ измѣнникомъ! Вотъ измѣнникъ! вскричалъ онъ. Отъ него погибаетъ Москва!“—Здѣсь онъ выставилъ народу несчастнаго Верещагина (2 гильдіи купеческій сынъ 23 лѣтъ), вся вина котораго заключалась лишь въ томъ, что онъ перевелъ изъ гамбургской газеты на русскій языкъ письмо Наполеона къ Прусскому королю и рѣчь его, произнесенную къ князьямъ Рейнскаго союза, конечно, враждебныя для Россіи, которыя скоро распространились въ спискахъ по городу. Растопчинъ въ 14 часовъ времени отыскалъ виновнаго и въ оффиціальномъ объявленіи отъ 3 іюля придалъ этому дѣлу характеръ государственнаго преступленія, беззастѣнчиво назвавши Верещагина сочинителемъ д е р з к о й бумаги, въ которой Наполеонъ называлъ Русскихъ потомками Чингизъ-Хана, говорилъ, что желаетъ возстановить Польшу и грозилъ,

что поразитъ древнихъ Тирановъ Европы и прежде шести мѣсяцевъ будетъ въ обоихъ Россійскихъ столицахъ. Бумага была очень ужасна по той причинѣ, что ея Французское самохвальство на этотъ разъ встрѣтилось лицомъ къ лицу съ самохвальствомъ Русскимъ, ибо градоначальникъ только накануне 1 іюля выдалъ въ народъ первую свою афишу, гдѣ съ прибаутками отъ лица выпившаго мѣщанина хвасталъ, что Наполеону: „нетокмо што Ивана Великаго, да и Поклонной Горы и во снѣ не увидать!“ Такимъ образомъ вопросъ о Верещагинѣ заключалъ въ себѣ тотъ смыслъ, что „нраву моему не препятствуй.“ Сенатъ, разсматривавшій дѣло, отмѣтилъ въ своемъ опредѣленіи, что молодой человѣкъ „поступилъ изъ одной вѣтренности.“

Бѣдный Верещагинъ, на возгласъ градоначальника, успѣлъ только громко же сказать: грѣхъ, вашему сіятельству, будетъ! Ординарецъ графа тотчасъ „ударилъ его саблею въ лицо; несчастный палъ, испуская стоны, народъ сталъ терзать его и таскать по улицамъ.“

Тогда будтобы приведенъ былъ другой преступникъ, родомъ французъ, взятый за то, что осуждалъ въ чемъ-то русскихъ. Графъ пригрозилъ ему осторожнѣе говорить о націи, гостепріимно его принявшей, и когда тотъ сталъ оправдываться, велѣлъ ему замолчать и прибавилъ: „Ступай, я прощаю тебя; но прошу, когда придутъ сюда разбойники, твои земляки, разскажи имъ, какъ наказываютъ у насъ измѣнниковъ.“ Говорятъ, что послѣ того, воспользовавшись смятеніемъ народа съ Верещагинымъ, градоначальникъ, въ заднія ворота своего дома выѣхалъ совсѣмъ изъ Москвы.

Въ ночь на 2 сентября наши обозы и артиллерія отъ Поклонной Горы двинулись въ Дорогомиловскую заставу; за ними передъ разсвѣтомъ послѣдовали войска. „Идемъ въ обходъ!“ отвѣчали солдаты на вопросы любопытныхъ, куда они передвигаются, и тѣмъ какъ-бы предрѣшали уже знаменитое фланговое движеніе фельдмаршала. По русскому простому смыслу отвѣтъ былъ такъ сообразенъ, что ничего другаго и сказать было невозможно. Нѣтъ сомнѣнія, что эта солдатская

мысль въ дѣйствительности утвердила намѣреніе полководца обойдти непріятеля съ тылу. Самъ Кутузовъ у заставы увѣрялъ народъ и головою ручался, что непріятель погибнетъ въ Москвѣ.

Съ войскомъ и за войскомъ тронулись и всѣ москвичи, которые не желали оставаться въ городѣ. Всѣ спасались, кто куда и какъ могъ.

Отступленіе защищалъ славный Милорадовичь. Ему фельдмаршалъ приказывалъ употребить всѣ мѣры, чтобы задержать непріятеля до тѣхъ поръ, какъ наши войска выйдутъ изъ города, и предлагалъ даже, въ случаѣ нужды, почтить древнія стѣны Москвы видомъ сраженія. Утромъ 2 сент. Милорадовичь былъ въ 10 верстахъ отъ города, у деревни Сѣтуни. При движеніи французовъ онъ отступалъ медленно и въ полдень пришелъ на Поклонную Гору. Непріятель потянулся ему въ обходъ, желая отрѣзать его отъ столицы. Между тѣмъ донесено было, что на Дорогомиловскомъ мосту и въ улицахъ артиллерія и обозы сперлись и стоятъ недвижимы. Милорадовичь послалъ къ Мюрату письмо о принятіи по обычаю войны подъ покровительство раненыхъ и велѣлъ сказать на словахъ, что если французы хотятъ занять Москву невредимою, то должны дать нашимъ войскамъ возможность спокойно выйдти изъ города со всею артиллеріею и обозами, а иначе онъ будетъ сражаться передъ Москвою и въ улицахъ до послѣдняго человѣка, и вмѣсто Москвы оставитъ однѣ развалины. Французы вовсе не ожидали такого сюрприза, что столица отдается имъ безъ боя, и очень желали найдти Москву въ порядкѣ, желали отдохнуть въ ней отъ долгихъ и изнурительныхъ походовъ и попировать на просторѣ, какъ слѣдуетъ. „Желая сохранить Москву, отвѣчалъ Мюратъ, соглашаюсь на предложеніе и пойду такъ тихо, какъ вамъ угодно, но съ тѣмъ, чтобы городъ былъ занятъ нами сегодня же.“ Онъ просилъ успокоить жителей, что имъ не сдѣлаютъ никакого вреда, не возмутъ никакой контрибуціи и всячески будутъ заботится объ ихъ безопасности. Когда возвратился посланный, то Милорадовичь, пройдя городъ, былъ уже на Яузѣ.

Наполеонъ шелъ слѣдомъ. Въ 10 часовъ утра онъ остановился въ одной изъ барскихъ подмосковныхъ, въ 12 верстахъ отъ Москвы, въ право отъ большой дороги, быть можетъ въ Сколковѣ, или въ Троекуровѣ, или же въ Спасскомъ-Манухинѣ. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ Мюратомъ и вмѣстѣ съ нимъ повернулъ на церковный дворъ: тамъ они оба расхаживали и разговаривали больше часа, послѣ чего Мюратъ отправился впередъ, а Наполеонъ, на-скоро пообѣдавши, послѣдовалъ за нимъ. Онъ ѣхалъ верхомъ, тихо, соблюдая всевозможныя предосторожности. Бывшіе на пути лѣса и овраги приказывалъ осматривать и самъ съ возвышеній дѣлалъ обозрѣнія. Наполеону оставалось подняться на Поклонную Гору... Было два часа по полудни. Передовые всадники въѣхали на нее; раздались восклицанія: Москва! Москва! Взъѣхавъ на Гору и увидя Москву, самъ Наполеонъ радостно воскликнулъ: „Наконецъ—вотъ онъ, этотъ знаменитый городъ!... Да и пора уже!" прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія. Онъ слѣзъ съ лошади, долго разсматривалъ въ зрительную трубу столицу и ея окрестности, справляясь съ подробнымъ планомъ Москвы, который тутъ же былъ разосланъ по землѣ. Прослѣдивъ во всѣхъ пунктахъ расположеніе своихъ войскъ, онъ приказалъ сдѣлать сигнальный выстрѣлъ, по которому авангарды всѣхъ корпусовъ должны были тронуться. Раздался гулъ орудій. Мюратъ пошелъ къ Дорогомиловской заставѣ, другіе генералы къ Калужской, къ Прѣсненской и Тверской. За авангардами двинулись корпуса.

Непріятель вошелъ въ столицу по пятамъ нашей арміи, такъ что его передовые въ иныхъ мѣстахъ слѣдовали вмѣстѣ съ казацкими полками, охранявшими отступленіе. Въ однѣ заставы къ востоку выходили русскіе, въ другіе отъ запада входили французы. Это было въ самый часъ вечеренъ, когда на Ивановской колокольнѣ по обычному порядку заблаговѣстили было къ службѣ. Разсказываютъ, что входъ непріятеля въ городъ былъ заявленъ нѣсколькими пушечными холостыми выстрѣлами въ улицахъ Москвы, по Арбатской и въ другихъ мѣстахъ. Звонъ на Ивановской колокольнѣ утихъ. Въ 4½

часа въ Кремль Троицкими воротами первые взошли польскіе уланы и тутъ же начали рубить стоявшихъ у арсенала съ оружіемъ въ рукахъ запоздалыхъ нашихъ защитниковъ Отечества, только что вооружившихся противъ врага. Затѣмъ вошла французская кавалерія, ввезена пушка и сдѣланъ выстрѣлъ къ Никольскимъ воротамъ холостымъ зарядомъ, что вѣроятно было общимъ сигналомъ, что Кремль занятъ.

Самъ Наполеонъ остановился у Дорогомиловской заставы, на лѣво отъ дороги, у камеръ-коллежскаго вала. Въ это время Кутузовъ на привалѣ сидѣлъ на скамейкѣ за Коломенскою заставою, близь старообрядческаго кладбища. Наполеонъ, сойдя съ коня, въ спокойномъ расположеніи духа сталъ расхаживать взадъ и впередъ, ожидая изъ Москвы депутатовъ и городскихъ ключей, какъ водилось при взятіи городовъ. На травѣ передъ нимъ лежалъ тотъ же большой планъ Москвы. Ожиданіе было напрасно; но нетерпѣніе его увеличивалось, шаги становились быстрѣй и быстрѣй. Онъ неоднократно посылалъ узнавать, что дѣлается въ Москвѣ и почему не являются московскія власти. Получивъ извѣстіе, что Москва оставлена жителями, онъ не хотѣлъ этому вѣрить и приказалъ государственному секретарю Дарю ѣхать въ столицу за депутаціей, сказавши: „Ступайте туда и приведите ко мнѣ бояръ.“ Но бояре не являлись. Онъ волновался. „Шаги его становились неровны; онъ оглядывался въ разныя стороны, снималъ перчатки и опять ихъ надѣвалъ; вынималъ изъ кармана платокъ, мялъ его, и ошибкою клалъ въ другой карманъ.“ Недоумѣніе героя распространилось и на окружавшихъ его, тѣмъ болѣе, что еще съ утра сдѣланы были распоряженія именно къ торжественному побѣдоносному вступленію въ Москву. Привели наконецъ нѣсколько собранныхъ по улицамъ иностранцевъ, которые разсказали, что городъ пустъ, въ немъ никого нѣтъ. Такая вовсе неожиданная развязка очень смутила и героя и всю его армію. Онъ сѣлъ на лошадь, скомандовалъ: впередъ и впереди кавалеріи въѣхалъ въ Москву. Однако дальше Дорогомиловскаго моста не поѣхалъ. На берегу,

съ права отъ улицы, онъ слѣзъ съ коня, и остался ночевать въ Дорогомиловой ямской слободѣ въ обывательскомъ домѣ. По всей слободѣ разставлены были караулы съ пушками; русскихъ жителей въ ней оставалось только четыре дворника. Между тѣмъ въ Замоскворѣчьи въ четырехъ мѣстахъ показался дымъ и занялся пожаръ.

На другой день, 3 сентября, утромъ, Наполеонъ все-таки съ нѣкоторою церемоніею въѣхалъ въ городъ. Онъ сидѣлъ на маленькой арабской лошади, въ сѣромъ сюртукѣ, безъ всякаго знака отличія. Впереди слѣдовали два эскадрона конной гвардіи. Свита его была многочисленна. Играла музыка. Но на лицѣ героя изображалось сильное негодованіе. Оно возрастало при видѣ со всѣхъ сторонъ поднимавшихся пожаровъ. Въ Кремлѣ, вступя во дворецъ и взглянувъ на обширный и красивый видъ Замоскворѣчья, онъ еще лучше могъ видѣть поднимавшіяся со всѣхъ сторонъ облака дыма и пламени. Къ вечеру пожаръ усилился, а въ полночь самый Кремль находился въ опасности. Въ эту страшную ночь не поспалось герою-завоевателю. Онъ иногда просыпался, выходилъ на балконъ смотрѣть на невиданное имъ зрѣлище и восклицалъ: „Москва погибла! Русскіе сами зажигаютъ!... Какая чрезвычайная рѣшительность! Что за люди! Это Скиѳы!—Вся армія раздѣляла изумленіе своего вождя.“

Свита стала ему совѣтовать выѣхать изъ Кремля куда либо за городъ. Онъ было не соглашался, но убѣдившись въ опасности, что можно и самому сгорѣть въ Кремлѣ, рѣшился выѣхать въ Петровскій Дворецъ. 4 сентября въ два часа по полудни онъ отправился; но прямою дорогою по Тверской ѣхать уже было невозможно. Онъ принужденъ былъ воротиться и проѣхалъ снова Дорогомиловою слободою, вверхъ по рѣкѣ, къ пловучему мосту, вѣроятно подъ Шелепихою, откуда мимо Ваганькова кладбища и пробрался уже къ шести часамъ вечера въ новое свое жилище. Тамъ онъ жилъ до 6-го, а по другимъ до 8 сентября, когда общій пожаръ сталъ утихать.

При разсужденіи о томъ, кто зажегъ Москву, должно прежде всего остановиться на простомъ, но очень важномъ обстоятельствѣ: кто первый подложилъ огонь, кто заготовилъ поджигательныя средства? Въ этомъ случаѣ явно передовымъ лицемъ выставляется самъ градоначальникъ—Растопчинъ. Пожаръ Москвы таился уже цѣлые два мѣсяца въ томъ патріотическомъ напряженіи народа, которое постоянно поддерживалось и возжигалось его же афишами и воззваніями, и которое, какъ скопленіе горючихъ нравственныхъ веществъ, по необходимости должно было ознаменовать себя тѣмъ или другимъ выходомъ или взрывомъ. Дѣло Верещагина обнаружило, что съ толпою шутить и балясничать не совсѣмъ безопасно. Москвичи со словъ же градоначальника были убѣждены, что непріятель къ нимъ придти не посмѣетъ, а если и придетъ, такъ они его отбросятъ вилами, какъ соломенный снопъ. А отбросить нельзя, такъ что же дѣлать, какъ не жечь все кругомъ, чтобъ не гдѣ было врагу и головы приклонить. Вотъ здѣсь, въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, передовымъ лицемъ не явно, а очень скрытно является нашъ историческій складъ народнаго ума и воли, который въ теченіи вѣковъ и во всѣхъ случаяхъ одинаково работалъ, когда приходилось бороться съ какимъ бы то ни было врагомъ. Пожаръ въ нашей исторіи, и государственной, и общественной, самый бѣдовый герой. Искони въ нашихъ народныхъ понятіяхъ огонь былъ товарищемъ меча и какъ скоро ослабѣвалъ мечь, тотчасъ принимался за свое дѣло огонь. Въ добавокъ онъ всегда служилъ выраженіемъ чувства мести. Стародавній историческій русскій обычай на томъ и стоялъ, чтобы нашествіе врага встрѣчать огнемъ, сожигая свои-же домы и тѣмъ досаждая врагу пуще меча. Извѣстно также, что старина почитала за правило, въ случаѣ нашествія непріятелей и осады, сожигать городскую окрестность до-чиста. И въ это время бродила въ народѣ мысль, или носился слухъ, еще въ ожиданіи приближенія французовъ къ Москвѣ, что Смоленскій рынокъ съ окрестностью, по всей Дорогомиловской горѣ, будетъ выжженъ для постройки батарей. Такимъ образомъ жечь свои домы и цѣлые

города, въ глазахъ непріятеля, когда уже противиться ему нельзя, есть простой всенародный исконивѣчный русскій обычай, русскій способъ войны, вовсе не разсуждающій о томъ, что это какое либо геройство, а почитающій это простымъ естественнымъ дѣломъ защиты. Пожаромъ Москвы лучше всего и оправдалась эта древняя истина русской войны. Въ этомъ пожарѣ Наполеонъ обезсилѣлъ и потому очень сердился, что русскіе воюютъ по-скиѳски. Въ дѣйствительности, по западнымъ понятіямъ, это было чистое скиѳство, которое въ полной мѣрѣ обрисовывало извѣстный походъ персидскаго Дарія на нашихъ же Скиѳовъ. Древнѣйшій Наполеонъ, этотъ Дарій, точно также едва цѣлъ ушелъ изъ опустошенной Скиѳской пустыни. Кто отчаянно себя защищаетъ, тому вѣжливо раскланиваться и любезничать уже невозможно и онъ естественно становится скиѳомъ.

Мысль о необходимости, въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, сжечь Москву ходила по городу именно въ той толпѣ, съ которою такъ долго разговаривалъ всегда самъ градоначальникъ. „Лучше ее сжечь", говорили тогдашніе политики средняго и простаго сословія, когда имъ представлялась возможность, что непріятель ворвется въ городъ. Когда въ первый же день французскіе генералы и офицеры бросились въ Каретный Рядъ за выборомъ себѣ хорошихъ экипажей и отмѣтили на нихъ свои имена, кто что беретъ, то купцы-каретники, по общему согласію, не долго думая, тотчасъ же запалили всѣ свои лавки. А въ деревняхъ, когда войска отступали и уходили дальше, крестьяне всегда спрашивали: „Не пора ли зажигать избы?" Вотъ почему и Растопчинъ такъ самонадѣянно писалъ потомъ двукратно къ государю, что еслибы Кутузовъ сказалъ ему за два дня прежде о своемъ намѣреніи оставить Москву, то онъ зажегъ бы городъ. Онъ даже очень сожалѣлъ, что ему неудалось исполнить этого подвига. Но, говоря такъ, онъ очевидно не предавался одному тщеславію, но и вполнѣ надѣялся на толпу и не сомнѣвался въ ея образѣ мыслей. Еще 12 августа онъ между прочимъ писалъ къ Багратіону: „Если вы отступите къ Вязьмѣ, я примусь за отправленіе всѣхъ го-

сударственныхъ вещей.... Народъ здѣшній, по вѣрности къ царю своему и любви къ родинѣ, рѣшился умереть у стѣнъ московскихъ, и если Богъ ему не поможетъ въ его благомъ предпріятіи, то, слѣдуя русскому правилу, не доставайся злодѣю, онъ обратитъ городъ въ пепелъ и, вмѣсто богатой добычи, Наполеонъ найдетъ одно пепелище древней русской столицы....“

Въ другомъ письмѣ отъ 21 августа онъ говоритъ Багратіону: „Я полагаю, что вы будете драться прежде нежели отдадите столицу; если вы будете побиты и подойдете къ Москвѣ, я выйду къ вамъ на подпору съ 100000 вооруженныхъ жителей; а если и тогда неудача, то злодѣямъ вмѣсто Москвы, одинъ пепелъ достанется....“ По этому плану онъ велъ дѣло до послѣдней минуты и былъ въ отчаяніи, что Кутузовъ утаилъ отъ него свое рѣшеніе.

Англичанинъ Вильсонъ, военный агентъ, разсказываетъ, что когда они, и въ томъ числѣ Растопчинъ, стояли на бивакахъ въ его же подмосковной, въ селѣ Вороновѣ, то градоначальникъ всю ночь очень горько жаловался на Кутузова, „за то, что онъ оставилъ Москву, не давъ ему условленнаго предувѣдомленія, такъ что и власти и жители столицы лишились возможности явить болѣе чѣмъ римскую—русскую доблесть правильнымъ и народнымъ сожженіемъ столицы, прежде, чѣмъ она была бы осквернена присутствіемъ хищника; и объявлялъ, что никогда не проститъ фельдмаршалу его обмана.“ Въ ту же ночь онъ собственными руками и вмѣстѣ съ Вильсономъ сжегъ въ Вороновѣ свой прекрасный домъ.

Но если не удалось зажечь Москву во̀время и систематически, чтобы, какъ русскому барину, удалому человѣку, отчасти и похвастать передъ Наполеономъ, то все-таки задуманный планъ сталъ исполняться самъ собою съ приказаніями и безъ приказаній, ибо онъ распространенъ былъ въ мысляхъ патріотически-возбужденной толпы, особенно между тѣми, кому потери не были очень чувствительны или вовсе терять было нечего, когда жжешь чужіе домы. Послѣ неудавшейся трехгорной экспедиціи, народъ, какъ говорено, тронулъ ка-

баки и началась вольная попойка. Храбрости прибавилось еще больше и когда узнали, что дѣло кончено, наши войска уходятъ, а непріятель входитъ; когда изъ нашего же лагеря еще наканунѣ проѣзжавшіе городомъ вѣстовые кричали по улицамъ: Спасайтесь! Спасайтесь! то отъ озлобленныхъ местью и буйныхъ отъ вина людей, которыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ было достаточно, ничего другаго и ожидать не слѣдовало, какъ именно пожара—этого единственнаго уже средства всячески повредить непріятелю. Не говоримъ о томъ, что въ иныхъ многихъ случаяхъ было множество и другихъ причинъ, начиная отъ простой неосторожности или небреженія съ огнемъ и оканчивая не простыми замыслами грабежа и воровства. Къ тому же не весьма могли быть крѣпки надежды и на многихъ крѣпостныхъ охранителей боярскихъ домовъ.

При тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ, безъ всякой защиты, внезапно, въ одинъ часъ, Москва была оставлена и совсѣмъ брошена въ руки врагу, она, по складу и дѣйствію народныхъ разсужденій и соображеній, непремѣнно бы сгорѣла, кто бы ни былъ въ ней градоначальникомъ, Растопчинъ или другое лице. Ясно было одно, что начальники собирались-собирались крѣпко защитить городъ, собирались быть впереди, когда дѣло до чего дойдетъ, и вдругъ бросили все и сами уходятъ, да вдобавокъ еще сами же жгутъ провіантъ и запасы. Значитъ гибель! Значитъ одно въ рукахъ остается для встрѣчи врага—истребить его огнемъ. Еслибъ даже со стороны власти приняты были всевозможныя мѣры охранить городъ отъ пожара, еслибъ эти мѣры строго поддерживались потомъ вступившимъ непріятелемъ, то все-таки недолго бы врагу пришлось хозяйничать и господствовать надъ оставшимся населеніемъ: городъ непремѣнно былъ бы запаленъ со всѣхъ сторонъ.

Москва сгорѣла какъ бы сама собою отъ множества разнообразныхъ причинъ, которыя однако всѣ сводятся къ одной, что въ городъ пришелъ непріятель. Противъ него и началась война уже не мечемъ, а огнемъ, уже не войскомъ, а самимъ народомъ, который въ своихъ дѣйствіяхъ и въ огромномъ городѣ, конечно, не могъ показать ничего строго обдуманна-

го и разсчитаннаго, не могъ совершить театральнаго героическаго подвига. Онъ руководился личными, то есть единичными побужденіями. Начальство зажгло казенные запасы и вывезло всю пожарную команду; каретники зажгли свои лавки; иные, вовсе не думая ни о какомъ подвигѣ, поджигали свои дома затѣмъ, что кому же ихъ оставить—все равно сожгутъ злодѣи-французы. Въ самый тотъ часъ, 2 сентября, какъ Наполеонъ ожидалъ городской депутаціи у Дорогомиловской заставы, въ городѣ, у Лобнаго мѣста, гдѣ тѣснилась огромная толпа народа, въ воздухѣ распространялся уже нестерпимый смрадъ отъ того, что лавки москательнаго ряда уже горѣли и зажигалъ ихъ будто бы самъ частный приставъ городской части, какой то князь, на котораго, очень можетъ быть, напрасно сваливали вину, еще боясь и не зная, чѣмъ дѣло можетъ кончиться. Къ вечеру столица горѣла уже во многихъ мѣстахъ: горѣла Нѣмецкая слобода, Рогожская, Замоскворѣчье. Съ особою силою пожаръ распространился въ ночь съ 3 на 4 сентября, то есть на вторые сутки послѣ входа французовъ. Естественно было ожидать, что, при отсутствіи пожарныхъ командъ и всякихъ огнегасительныхъ средствъ, начавшійся гдѣ бы ни было пожаръ не ограничится двумя-тремя домами или улицами и непремѣнно распространится по всему городу. Въ 1737 г. Москва точно также чуть не вся выгорѣла отъ одной денежной восковой свѣчки, поставленной къ образу въ Троицынъ день. А въ то время всѣ обыватели и пожарныя команды были на лицо—и народными умами не управлялъ, какъ теперь, ни страхъ нашествія иноплеменныхъ, ни духъ истребленія въ месть врагу. Такимъ образомъ достаточно было нѣсколькимъ хозяевамъ зажечь свои домы или лавки, какъ сдѣлали каретники, и какъ по такому же примѣру могло и должно было случиться и не въ одномъ каретномъ ряду, то пожаръ и кромѣ другихъ причинъ точно также сдѣлался бы общимъ. Большинство оставшагося населенія было исполнено тѣми же чувствами и мыслями, какія заставили цивилизованнаго европейца-Наполеона взорвать старый нашъ Кремль. Онъ это сдѣлалъ изъ злобы и мести и притомъ въ безсиліи, что неудалось спокойно и въ

довольствѣ водвориться въ городѣ, дабы потомъ захватить въ свое владычество всю страну, даже и самый Петербургъ; а наши скиѳы жгли свой городъ тоже изъ злобы и мести, но единственно для того только, чтобы защитить себя и выжить вонъ изъ своей земли врага.

Наполеонъ, за одно со всею Европою прославляя насъ татарами, калмыками, скиѳами, вовсе однако не ожидалъ себѣ такого скифскаго сопротивленія. „Все, мною видѣнное, говорилъ онъ, отъ границъ до Москвы, убѣдило меня въ томъ, что Россія прекраснѣйшая страна. Вся она обработана, населена, но домы нашелъ я пустыми, либо зажженными. И вы сами раззоряете вашу прекрасную землю. Зачѣмъ? Это не помѣшало мнѣ идти впередъ...“ Особенное негодованіе онъ изливалъ на насъ, за то, что сожгли Москву. По этому поводу онъ писалъ государю:

„Прекрасная великолѣпная Москва уже не существуетъ! Растопчинъ сжегъ ее: 400 человѣкъ зажигателей схвачены на мѣстѣ преступленія. Всѣ они показали, что дѣйствовали по приказанію губернатора и оберъ-полиціймейстера.... Три четверти домовъ сгорѣли.... Поступокъ ужасный и безсознательный! Для того ли сожгли городъ, чтобы лишить насъ способовъ продовольствія? Но запасы находились въ погребахъ, куда огонь не достигъ. Стоило ли для достиженія столь маловажной цѣли истреблять одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ, сооруженный въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ? Такъ поступаютъ отъ самаго Смоленска; 600 тысячь семействъ доведены до нищеты.... Человѣчество, выгоды Вашего Величества и сего обширнаго города требовали ввѣрить мнѣ столицу, оставленную русскою арміею. Необходимо было оставить въ ней управленіе и гражданскую стражу. Такъ было въ Вѣнѣ два раза, въ Берлинѣ, въ Мадритѣ, такъ поступали и мы въ Миланѣ, при вступленіи туда Суворова. Пожаръ подаетъ поводъ къ грабежу; солдаты присвоиваютъ себѣ то, что не сдѣлалось жертвою пламени... Я веду войну съ Вашимъ Величествомъ безъ озлобленія. Если бы прежде послѣдняго сраженія, или вскорѣ послѣ него, Вы написали мнѣ записку, я оста-

новилъ-бы армію и охотно пожертвовалъ бы выгодою вступить въ Москву.“

Эти опоздавшія миролюбивыя и ласковыя, но коварныя пѣсни очень хорошо обнаруживали, что пожаръ Москвы въ сущности былъ самымъ сильнымъ и самымъ чувствительнымъ пораженіемъ не только гордыни новаго Чингизъ-Хана, но и дѣйствительнымъ пораженіемъ его разноплеменныхъ полчищъ; былъ, слѣдовательно, настоящимъ, истиннымъ спасителемъ отечества.

Французъ очень роптал и негодовалъ, что со стороны русскихъ война ведется съ большимъ озлобленіемъ и увѣрялъ, что пришелъ покорять насъ безъ всякаго озлобленія, по рыцарски, какъ вообще воюютъ народы просвѣщенные и цивилизованные. Русскій же народный смыслъ никакъ не могъ понять такой премудрости. Для него было непостижимо это цивилизованное рыцарское беззлобіе войны, когда на его же глазахъ люди истреблялись, какъ мухи. Онъ очень хорошо видѣлъ, что просвѣщеннѣйшая въ мірѣ нація вовсе не церемонится съ своимъ врагомъ, идетъ, тѣснитъ, громитъ все на пути и обѣщаетъ пощаду и вниманіе только тѣмъ, кто покорно отдавался ей. Но, не испытавъ всѣхъ средствъ сопротивленія, покорно отдаваться врагу—русскаго не пріучила его исторія. Она вся цѣликомъ одно только и свидѣтельствуетъ, что русскій покорялся лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда противиться уже не представлялось и малѣйшей возможности, да и покорившись, по отчаянной необходимости, онъ ни одной минуты не переставалъ мыслить о томъ, какъ бы избавиться отъ напасти. Въ этомъ отношеніи онъ всегда былъ скиѳомъ, то есть всегда любилъ политическую народную независимость. Само доморощенное наше покореніе—крѣпостное рабство, которымъ позорили насъ западные иноземцы и иные русскіе же люди, смотрѣвшіе на свою землю и на свою исторію съ иноземной точки зрѣнія,—если будетъ хорошо разслѣдовано, докажетъ тоже самое. Крѣпостное рабство происходило отъ жестокихъ экономическихъ, а вовсе не политическихъ условій быта, въ чемъ есть великая разница, и чего въ Исторіи

обойдти не было возможности. Но одна уже философія Поздѣевыхъ доказываетъ, каково было свойство этой покорности.

Словомъ сказать, русскій безъ отчаяннаго сопротивленія во всѣхъ видахъ и до послѣднихъ силъ, до послѣдней возможности, никогда и никому покоряемъ не былъ. Какъ же онъ могъ безъ сопротивленія пойдти въ неволю наступившему на него французу? И могъ ли онъ пожалѣть свой любимый, старый святой городъ, въ ту минуту, когда защищать его не было уже никакой возможности?

Нѣкоторые французы, писавшіе уже изъ Москвы домой, къ своимъ, говорили объ насъ, что они „не видывали болѣе варварскаго народа, что этотъ народъ все покидаетъ, лишь бы не преклонить колѣнъ передъ непріятелемъ, что легче покорить легіонъ демоновъ, чѣмъ русскихъ, еслибъ даже вмѣсто одного было десять Бонапартовъ.“ Иные офранцуженные и просвѣщенные россіяне очень оскорблялись такимъ отзывомъ, и нужна была особая храбрость, дабы доказывать, вопреки всему, то есть вопреки этому просвѣщенному умоначертанію, что въ сущности здѣсь кроется великая похвала народу.

Въ виду непріятельскаго нашествія, очень многіе, и бѣдные и богатые, москвичи, побрасавши свои домы, побѣжали изъ Москвы, конечно, не желая видѣть своего покоренія и уничиженія; богатые оставили свои домы на храненія своимъ крѣпостнымъ, бѣдные оставили ихъ безъ всякой охраны. Не ясно ли было, что они покидали свои имущества на произволъ судьбы, на произволъ всякихъ случайностей. Такимъ образомъ, собственникомъ города сдѣлалось остававшееся населеніе, которое въ добавокъ въ послѣднюю минуту собиралось еще до послѣдней крайности защищать его. Не ясно ли, послѣ того, что остававшіеся храбрецы имѣли полное право распорядиться городомъ, какъ научалъ ихъ русскій народный смыслъ, который въ такихъ обстоятельствахъ, подъ носъ непріятелю, всегда сожигалъ свою деревню. Сколько бы ни было такихъ храбрецовъ и кто бы они ни были—это все равно. Они дѣйствовали въ этомъ случаѣ въ полномъ смыслѣ всенародно, въ духѣ и въ смыслѣ своей народности. Въ первое время пожаръ Мос-

квы оффиціально, политически приписывали французамъ и на половину это было вѣрно, ибо она сгорѣла потому, что вошелъ въ нее французъ. Но всѣ умные люди очень хорошо знали, кто былъ настоящимъ виновникомъ пожара и такъ какъ Растопчинъ былъ головою Москвы, то голову потомъ всѣ и обвиняли въ этомъ несчастіи, а онъ, какъ видѣли, очень даже сожалѣлъ, что ему не удалось совершить этого дѣла героически, какъ слѣдуетъ, на удивленіе врагу.

Впрочемъ въ первое время, когда опасность стояла еще передъ носомъ и не было еще видно, что гроза ослабѣваетъ, Растопчина не только не обвиняли, но если не всѣ, то очень многіе были имъ довольны и даже оправдывали всѣ его дѣйствія. Истинные простые русскіе люди иначе никогда и не разсуждали. Но цивилизованное общество прощало ему все и самую гибель Москвы, то есть гибель своихъ имуществъ, по той особенно причинѣ, что всегда больше, чѣмъ Наполеона, опасалось своего крѣпостнаго призрака, угашеніе котораго приписывало исключительно Растопчину.

„Я не сержусь на Растопчина, писала въ то время одна очень умная и образованная и притомъ коренная москвичка изъ верхняго слоя,—хотя знаю, что многіе имъ недовольны. По моему, Россія должна быть благодарна ему. Мы лишились мебели, вещей, за то сохранили нѣкотораго рода внутреннее спокойствіе. Ты не знаешь, что было въ Москвѣ съ конца іюля. Лишь человѣкъ подобный Растопчину могъ разумно управлять умами, находившимися въ броженіи, и тѣмъ предупредить вредные и непоправимые поступки. Москва дѣйствовала на всю страну, и будь увѣрена, что, при малѣйшемъ безпорядкѣ между жителями ея, все бы всполошилось. Намъ всѣмъ извѣстно, съ какими вѣроломными намѣреніями явился Наполеонъ. *) Надо было ихъ уничтожить, возстановить умы про-

*) Тогда было извѣстно, что Наполеонъ собирался, взявши Москву, плѣнить Сенатъ, заставить его издать актъ о низложеніи императора и о провозглашеніи властелиномъ Россіи его, Наполеона. Для привлеченія же къ себѣ народа онъ намѣревался по взятіи Москвы обнародовать уничтоженіе крѣпостнаго состоянія. Русскій Архивъ 1872 стр. 2293.

тивъ негодяя и тѣмъ охранить чернь, которая вездѣ легкомысленна. Растопчинъ прекрасно распорядился. Чтобы успѣть въ необходимомъ, пришлось пожертвовать богатствами, потому что, еслибы для сохраненія ихъ онъ напугалъ заранѣе толпу, Богъ знаетъ, чтобы изъ этого вышло. Притомъ же, какъ ему было объявить о близкой опасности, когда Кутузовъ, едва прибывъ въ армію, писалъ къ жителямъ Москвы и клялся, что онъ недопуститъ враговъ къ стѣнамъ древней столицы? Письмо это было напечатано, всѣми читалось и безъ сомнѣнія имѣло болѣе вѣсу, нежели могли имѣть слова Растопчина, который однако никого не удерживалъ и радовался, видя, что господа и прислуга уѣзжаютъ изъ города... Онъ зналъ то, чего мы не вѣдали, а именно, что крестьяне во всей Московской губерніи, удивленные и испуганные множествомъ людей всѣхъ сословій, бѣгущихъизъ Москвы, говорили дерзости проѣзжающимъ и могли бы зайдти далѣе, еслибы за ними не было бдительнаго присмотра... Я чувствую къ нему (Растопчину) великую благодарность и вижу Божіе милосердіе въ томъ, что во главѣ Москвы въ тяжелыя минуты находился Растопчинъ. Будь у насъ прежній начальникъ (графъ Гудовичь), Богъ знаетъ, чтобы съ нами было теперь: всѣхъ бы пугала не столько гибель Москвы, сколько ея послѣдствія. Наполеонъ это хорошо зналъ и обратился не къ Петербургу, а ударилъ въ сердце Россіи." *)

Такъ судили въ то время, когда еще не было вполнѣ извѣстно, что всякая опасность миновала, т. е. когда непріятель еще не былъ изгнанъ изъ Отечества. Но когда стало всѣмъ извѣстно, что его побѣдоносно выпроваживаютъ даже по Европѣ къ Парижу, то толки постепенно стали измѣнять свое направленіе и вскорѣ, во всемъ виноватымъ оказался Растопчинъ, но главное въ томъ, что Москва сгорѣла и погибло все богатство имущихъ людей. Спустя съ небольшимъ недѣли двѣ, таже москвичка уже писала: „Я отказываюсь отъ многаго изъ сказаннаго мной о Растопчинѣ; говорятъ, онъ вовсе не такъ безу-

*) Русскій Архивъ 1872, письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской.

коризненъ, какъ я полагала... „Затѣмъ черезъ мѣсяцъ она уже говоритъ: „Я рѣшительно отказываюсь отъ моихъ похвалъ Растопчину...“ А на послѣдокъ, еще черезъ двѣ недѣли, пишетъ: „Я ненавижу Растопчина и имѣю на то причины.... Вообрази, прибавляетъ она: теперь открывается, что величайшія неистовства совершены были въ Москвѣ нѣмцами и поляками, а не французами. Такъ говорятъ очевидцы...“ И такъ мѣняетъ свой обликъ общественная молва, прибавимъ мы.

Растопчинъ съ своей стороны принужденъ былъ оправдываться и не безъ остроумія писалъ, 1813 г. марта 29, въ Русскомъ Вѣстникѣ (№ 5, Май): „Хотя Бонапарте и содѣлалъ своими ругательствами имя мое незабвеннымъ; хотя въ Англіи народъ хотѣлъ имѣть мой гравированный портретъ; въ Пруссіи женщины модамъ даютъ мое имя; хотя честные и благоразумные люди отдаютъ мнѣ справедливость и оказываютъ признательность: но есть много русскихъ, кои меня бранятъ за то, что они отъ нашествія злодѣя лишились домовъ и имущества, и многіе ничего не имѣвшіе — милліоновъ. Мое дѣло было сохранить спокойствіе въ Столицѣ; и тишина въ ней пребыла до 2 числа сентября. Взятіе Смоленска, приближеніе непріятеля къ Москвѣ и Бородинская баталія не были тайны... Спрошу у вопіющихъ героевъ, рѣшившихся отчаянно защищать Столицу, выѣхавъ изъ оной! За что вы на меня негодуете? Отвѣтъ. За то, что, повѣря вашимъ словамъ, и полагая, что въ Москвѣ не было опасности, оставили все свое имущество въ домахъ, и оно сожжено и разграблено. Вопросъ. А вы гдѣ же изволили быть? Отвѣтъ. О! да мы давно уѣхали! Заключеніе: Стало, вы или мнѣ не вѣрили, или боялись оставаться, или не имѣли способовъ отправить вамъ принадлежащее.... Но можно ли было увезти всю Москву въ мѣсяцъ? Невѣроятно и то, что крестьянскія волости съ 15 августа по 2 сентября по наряду выставили 63000 подводъ для отвоза казенныхъ вещей и для арміи; а 29 августа въ Троицкую, Коломенскую и Рогожскую заставы выѣхало по запискѣ 2600 экипажей....“ Въ концѣ Растопчинъ напоминаетъ обществу о его легкомысленномъ пристрастіи къ французамъ, говоря, что

это старое заблужденіе и ослѣпленіе не только не изчезло и теперь, но еще усилилось отъ учтиваго какого-то сострадания къ несчастнымъ съ восклицаніями на ихъ языкѣ; что и 1812 г. не можетъ искоренить этого нравственнаго магнита, притягивающаго насъ къ французамъ; что такихъ русскихъ не тронетъ печальный видъ 7000 сожженныхъ домовъ, слѣды варварства, мужество крестьянъ, геройство воиновъ, слава Россіи, но огорчитъ, что въ Москвѣ и ея губерніи истреблено 100 тысячь Французовъ... Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ, разсуждая о томъ, что изъ птицъ онъ предпочитаетъ пѣсню жаворонка передъ пѣсней соловья, Растопчинъ говоритъ: „Соловья я никогда не любилъ. Мнѣ кажется, что я слышу московскую барыню, которая стонетъ, плачетъ и проситъ, чтобъ возвратили ей ея вещи, пропадшія во время разгрома Москвы въ 1812 г. Филомела миѳологіи воспѣвала свои страданія, свою тоску и любовь. Филомелы Москвы стонутъ, чтобъ излить свою желчь и свою хандру!" *)

Наполеонъ вышелъ изъ Москвы уже по другой дорогѣ, на Калугу, мимо Воробьевыхъ горъ. Разгромленная жизнь Москвы стала быстро собираться на свое пепелище и черезъ пять зимнихъ мѣсяцевъ, ранней весной, 14 марта 1813 года, поэтъ Мерзляковъ такъ описывалъ обновленіе любимаго города:

„Съ нами совершаются чудеса божественныя, которыхъ Москва была такъ сказать, наслѣдница давнобытная.—Сколько разъ она горѣла? Сколько разъ была въ рукахъ непріятелей самыхъ лютѣйшихъ. Нѣтъ силы на землѣ, которая бы уничтожила Москву, любимѣйшій небомъ городъ, или, другими словами, нѣтъ силы столько враждебныя, которая бы могла охладить любовь москвичей къ ихъ родной и ветхой деньми маминькѣ. Ни весь адъ съ милліонами Наполеоновъ не въ состояніи этого сдѣлать. По сю пору Москва, разрушенная, опустошенная, уже лучшій городъ Россіи. Уже все, что нужда, удобность, удовольствіе, самая роскошь можетъ требовать, находится въ ней съ изобиліемъ... Топоръ стучитъ въ тысячахъ

---

*) XIX вѣкъ изд. г. Бартенева II, стр. 125.

рукъ, кровли наводятся; цѣлые опустошенные переулки становятся по прежнему застроенными; улицы заставлены обозами съ лѣсомъ и матеріалами; народу тьма; нигдѣ нѣтъ проѣзду, а особливо въ теперешнее время дѣятельность неизъяснимая. Навѣрное полагаютъ, что къ веснѣ будетъ готово домовъ около тысячи отдѣланныхъ.“ *)

Хотя, по словамъ грибоѣдовскаго Скалозуба, пожаръ Москвы способствовалъ ей много къ украшенью, но за то онъ нанесъ рѣшительный ударъ старинному непомѣрно широкому барскому житью. Онъ сильно поколебалъ въ Москвѣ именно ту стихію жизни, которая въ своей вершинѣ прославлялась республикою. Съ того времени и широкое житье и республика стали клониться къ упадку. Они уже не обновлялись свѣжими силами, а переживали, и такъ сказать, донашивали лишь то, что̀ оставалось въ наличности, какъ старыя развалины, отъ екатерининской эпохи.

Съ того времени „Отечество Россійскаго Дворянства“, какъ говаривалъ еще Сумароковъ, или „Столица Россійскаго Дворянства“, какъ писалъ Карамзинъ, мало по малу стали преобразовываться въ „Столицу Россійскаго Купечества“ или, вѣрнѣе сказать, въ столицу русской промышленности и торговли. Барскій и крѣпостной людъ съ своимъ крѣпостнымъ трудомъ, запиравшимъ, какъ несокрушимая плотина, движеніе промышленности, сталъ постепенно изчезать, удаляться, а на мѣсто его овладѣвалъ жизнію и движеніемъ города людъ промышленный, торговый и фабричный, а главное, вольный трудъ. **) Великолѣпные замки и роскошныя подмосковныя виллы московскихъ старинныхъ бояръ, созданные исключительно только силами крѣпостнаго труда, оказались вдругъ черезчуръ

*) Русскій Архивъ 1865 г. стр. 1072.

**) До Француза, въ пятилѣтіе 1788—1794 г. мѣщанъ и ремесленниковъ въ Москвѣ считалось обоего пола 9100. Въ пятилѣтіе 1834—1840 г. ихъ считалось уже 75.300, то есть больше слишкомъ въ восемь разъ. Однако прибыль купцовъ въ тоже время была незначительна, всего на одну треть ихъ числа, между тѣмъ, какъ прибыль дворянъ увеличилась почти на половину; но за то прибыль дворовыхъ увеличилась не болѣе какъ на одну десятую ихъ числа, что, конечно, противъ прибыли вольныхъ промышленниковъ, обнаруживаетъ застой или поворотъ къ убыли.

обширными, слишкомъ просторными и потому вовсе неудобными для житья, оказались вдругъ излишнимъ и очень неудобнымъ бременемъ для новыхъ направленій жизни. Эти достопамятныя руины крѣпостнаго вѣка, теперь поступаютъ или въ руки казны и общества, подъ учебныя и разныя благотворительныя заведенія, или въ руки купцевъ, подъ фабрики и заводы, иногда подъ собственное житье, которому капиталъ, этотъ новый и уже вольный крѣпостникъ вольнаго труда, распространилъ дорогу на всѣ стороны.

Крѣпостной вѣкъ отдавалъ владычество и господство въ обществѣ барину, и по праву крѣпостника, и по праву передоваго человѣка, европейски образованнаго. Промышленный вѣкъ отдалъ владычество и господство капиталу, а въ сущности промышленнику во всѣхъ родахъ и видахъ и во всякомъ значеніи, такъ что и самъ баринъ несется къ тому же промышленному идеалу жизни.

Въ XIV ст., когда Москва стала Великимъ Княженіемъ, въ Сѣтунскомъ Стану ближайшія къ городу земли по сторонѣ Москвы-рѣки принадлежали великокняжескимъ вотчинамъ, а по сторонѣ Сѣтуни — вотчинамъ первыхъ московскихъ митрополитовъ. Въ то время вся эта мѣстность была покрыта глухимъ лѣсомъ, который начинался отъ самаго Дорогомилова. У теперешней заставы и Дорогомиловскаго кладбища существовалъ еще въ началѣ XVII ст. Самсоновъ боръ, носившій одно имя съ Самсоновымъ лугомъ, какъ прозывалась въ XV вѣкѣ луговая мѣстность подъ теперешнимъ Дѣвичьимъ монастыремъ, переходившая и за рѣку къ упомянутому бору. Она тогда принадлежала къ селу Семчинскому (церковь Успенья на Остоженкѣ). Дальше по Сѣтуни, близь Троицкаго-Голенищева, впадающая въ Сѣтунь рѣчка и до сихъ поръ называется Раменкою, по древнему, Рамень, Раменье, что означало вообще большой матерой, не только строевой, но и корабельный лѣсъ. Вотъ именно эту-то глухую, пустынную, безмолвную мѣстность особенно любилъ митрополитъ Кипріанъ († 1406), родомъ сербинъ, другіе говорятъ—болгаринъ, „всякаго любомудрія и разума божественнаго исполненный, вельми княженъ и духовенъ, добродѣтельнымъ житіемъ подвизаяся, ученіемъ и наставленіемъ наслаждавшій всѣхъ". Такъ изображаетъ этого знаменитаго святителя древняя лѣтопись. Здѣсь, посреди дебри, въ лѣсномъ безмолвіи, между рѣкъ Сѣтуни и Раменки, онъ устроилъ себѣ дачу на Острѣлищѣ, или на Стрѣлицѣ, на стрѣлкѣ, т. е. на возвышенномъ остромъ углу впаденія Раменки въ Сѣтунь и надъ прудомъ, близь теперешней деревни Каменной Плотины.

Мѣсто было тихо, безмолвно, покойно отъ всякихъ плищей, какъ тогда обозначали шумъ и суету городской жизни или вообще тревоги свѣта. Святитель устроилъ здѣсь и опричную, особую для себя церковь во имя Трехъ Святителей и очень часто прiѣзжалъ сюда на житье, а на старости постоянно здѣсь жилъ и въ этой опричной церкви ставилъ даже епископовъ, не могши, вѣроятно по слабости, выѣхать для торжества въ городъ. „И тутъ часто любилъ пребывать и жить, говоритъ лѣтопись, и книги въ наставленiе душевное своею рукою писалъ“, т. е. составлялъ, сочинялъ и переводилъ на славянскiй съ греческаго. Составилъ книгу о соборахъ, бывшихъ на Руси, описалъ многiя житiя святыхъ русскихъ, а также житiя и благочестивыя дѣла князей русскихъ по степенямъ родословiя. Иныя книги составлялъ въ наставленiе плотское, каковы для правды и суда (Кормчую), и Лѣтопись Русскую отъ начала Русской Земли. И много книгъ для этого собралъ, повелѣвъ при смерти докончить начатое архимандриту спасскому Игнатiю, который все и исполнилъ.

Такимъ образомъ это старое Голенищево получаетъ для насъ не малое значенiе, какъ первый въ Москвѣ ученый и литературный прiютъ въ родѣ Академiи, какимъ впослѣдствiи были Крутицы, Заиконоспасскiй и Андреевскiй монастыри, точно также обогатившiе старую нашу книжность многими очень важными и полезными трудами. Но еще любопытнѣе для насъ то обстоятельство, что во второй половинѣ четырнадцатаго столѣтiя, и слѣд. ровно за четыре столѣтiя до просвѣщенiя насъ французами, существовалъ человѣкъ, который обладалъ чувствительною душею, едвали въ меньшей степени, чѣмъ чувствительное наше племя конца XVIII ст., такъ много говорившее о высотѣ своего душевнаго развитiя; обладалъ чувствомъ природы безъ всякаго хвастовства передъ грубостью и невѣжествомъ своихъ собратiй, и скромно посвящалъ свои досуги точно также литературнымъ трудамъ, цѣлью которыхъ однакожъ было не одно услажденiе своего сердца, не одно чувствительное пересыпанiе изъ пустаго въ порожнее своихъ мыслей, чѣмъ по большой части руководи-

лись сентиментальные литераторы; а пользы всего народа и даже пользы отдаленнаго потомства.

Конечно, по своей жизни, по особому труду этой жизни, святитель Кипріанъ далеко не былъ человѣкомъ рядовымъ. Онъ много путешествовалъ, объѣздилъ мѣста отъ Царягорода до Новагорода, много видѣлъ, много зналъ, былъ просвѣщеннѣйшимъ человѣкомъ своего времени; но тѣмъ не менѣе онъ жилъ въ вѣкъ, отличавшійся грубостью и дикостью и татарскимъ порабощеніемъ и все-таки сохранилъ, подобно очень многимъ изъ своихъ современниковъ, это влеченіе къ безмолвнымъ красотамъ природы, посреди которыхъ съ особенною любовію проводилъ уединенную жизнь труженика науки и литературы, такъ точно, какъ съ тѣмъ же влеченіемъ къ безмолвной жизни и съ тою же любовью къ природѣ его современники устроивали новыя пустыни и новые монастыри.

Святитель Кипріанъ и скончался въ своемъ любимомъ Голенищевѣ, 16 сент. 1406 г. Въ это время пустынная сѣтунская мѣстность преобразилась въ многолюдную улицу столицы. Услышавши о кончинѣ пастыря, епископы, священники, иноки, все духовенство поспѣшили въ Голенищево; скоро за ними съѣхались князья и бояре, собралось многое множество людей и оттуда торжественно всѣ проводили тѣло въ Успенскій соборъ. За 4 дня предъ кончиною святитель написалъ грамоту, которую заповѣдалъ, когда положатъ его въ гробъ, прочесть надъ нимъ въ слухъ людямъ, всему народу. Это была грамота прощальная, гдѣ архипастырь, подавая всѣмъ миръ и любовь, благословеніе, послѣднее цѣлованіе и прощеніе во всемъ, и самъ испрашивалъ у всѣхъ прощенія и мира и любви. Въ заключеніе онъ написалъ нѣчто философски, какъ выражается лѣтопись. Въ этомъ послѣсловіи излагались мысли о тлѣнности и всяческой суетѣ нашей жизни, въ которой начало и конецъ плачь: отъ чрева матери съ плачемъ въ міръ, отъ міра печальнаго съ плачемъ во гробъ; а по среди суета житейская: все сонъ, все мечта, все изчезаетъ, какъ тѣнь и дымъ. Одно только остается на землѣ, вѣщалъ покойникъ, это: оставить людямъ наслѣдіе въ наученіе и наставленіе, то

есть оставить по себѣ духовное наслѣдіе мысли, наслѣдіе просвѣтительныхъ для общества идей. Вотъ еще когда была глубоко понята (на берегахъ глухой Сѣтуни) истинная цѣна науки и литературы, истинная цѣна человѣческой духовной дѣятельности.

Ростовскій епископъ Григорій, основатель Дорогомиловской дачи, прочелъ надъ покойникомъ грамоту велегласно и привелъ предстоявшихъ въ слезы. Прощальную грамоту Кипріана лѣтопись называетъ чудною, въ томъ смыслѣ, что она въ дѣйствительности была диковиною въ тогдашнихъ церковныхъ обычаяхъ. Однако митрополиты усвоили этотъ обычай и, переписывая собственноручно грамоту, заповѣдывали каждый и надъ своимъ гробомъ прочитывать ее во услышаніе всѣмъ.

Каѳедра Всероссійскихъ митрополитовъ была перенесена въ Москву еще св. Петромъ и Кипріанъ былъ четвертымъ въ ряду святителей, основавшихъ свое пребываніе въ будущей столицѣ государства. Точно также и на Сѣтуни не онъ первый основалъ себѣ уединенное жилище. По всему вѣроятію, первымъ владѣльцемъ этой мѣстности былъ также св. Петръ, построившій и первый каменный соборный храмъ въ Москвѣ въ честь Успенія Богородицы. Этому храму или „Дому Пресвятой Богородицы“ и принадлежала собственно Сѣтунская дача, которая быть можетъ тогда же и была ему отдѣлена изъ великокняжескихъ вотчинъ.

Преемникъ св. Петра, митр. Ѳеогностъ устроилъ здѣсь новое село. Вверхъ по рѣчкѣ Раменкѣ жилъ тогда митрополичій коровникъ, прозваніемъ Селята; на томъ мѣстѣ святитель поставилъ церковь во имя св. Николы чуд. и стало называться это мѣсто Селятино, къ которому приписаны были и окрестныя деревни. Это теперешнее село Никольское, въ верховьи Раменки.

На мѣстѣ же теперешняго Троицкаго-Голенищева, внизъ по Сѣтуни отъ Кипріановой дачи или Стараго Голенищева, обиталъ преемникъ Ѳеогноста, св. Алексѣй чудотворецъ; по крайней мѣрѣ извѣстно, что здѣсь былъ его садъ, а подлѣ сада безсомнѣнія стояли его клѣти и кельи. Въ 1474 г. у это-

го чудотворцева Алексіева сада митрополитъ Геронтій поставилъ церковь Іоанна Богослова и дворъ себѣ срядилъ, и съ теремомъ, съ погребами и съ ледниками, устроилъ слѣдовательно всякое хозяйство. Подобно Кипріану, онъ также приходилъ сюда часто, ибо мѣсто было тоже тихо и покойно отъ многихъ плищей. Такимъ образомъ выстроилось Новое Голенищево, существующее доселѣ. Вся эта Голенищевская мѣстность съ деревнями, рѣками, прудами, мельницами, лугами, лѣсами, болотами и со всѣми угодьями постоянно принадлежала митрополичьему, а потомъ патріаршему дому, на который крестьяне работали всякую страдную работу.

Съ какого времени Голенищево стало прозываться Троицкимъ, т. е. съ какого времени поставленъ въ немъ храмъ Троицы, неизвѣстно; но въ 1627 г. при патр. Филаретѣ упоминается уже въ селѣ церковь Троицы съ придѣломъ Леонтія Ростовскаго, еще деревянная, построенная клѣтски, т. е. какъ клѣть, по образцу клѣти.

Въ это время при селѣ находилось 5 мельницъ по р. Сѣтуни: Ѳедурна, Холкина, Поповка, Барановка и одна на ея устьѣ; одна деревня Гладышева на Раменкѣ съ прудомъ, и 26 пустошей по р. Раменкѣ и Сѣтуни, въ числѣ которыхъ обозначена на устьѣ рѣчки Раменки пустошь Тресвятское—Власово. По всему вѣроятію это мѣсто прежняго жилища митр. Кипріана, гдѣ, какъ упомянуто, былъ храмъ Трехъ Святителей, престолъ котораго быть можетъ впослѣдствіи, при патріархѣ Іовѣ, былъ перенесенъ въ Москву, въ митрополичій или патріаршій домъ, какъ можно судить по находившейся тамъ нѣкогда церкви этого же воимя. Въ числѣ принадлежащихъ къ селу 26 пустошей, большая часть была расположена по рѣчкѣ Раменкѣ и по впадающимъ въ нее оврагамъ. Это показываетъ, что Раменская мѣстность съ глубокой древности была значительно населена, что утверждаютъ и группы кургановъ, разсѣянныя по этой мѣстности въ такомъ количествѣ, какого не встрѣчается въ другихъ углахъ Сѣтунскаго стана.

Кромѣ того къ селу принадлежали также три печи, для выдѣлки кирпича, съ 6 сараями, устроенныя патр. Филаретомъ

на Москвѣ рѣкѣ у Воробьевскихъ кручь и заготовлявшія кирпичь про обиходъ патріарховъ. Вѣроятно съ того времени отсюда по всей Сѣтуни до самаго Голенищева распространились кирпичные заводы, существующіе и теперь.

Очевидно, что патріаршее хозяйство въ Голенищевѣ при патріархѣ Филаретѣ еще только возстановлялось послѣ опустошеній и разореній Смутнаго времени. Оттого при селѣ въ эту пору числилась только одна деревня Гладышева. Во второй половинѣ XVII ст. къ Гладышеву прибавились новыя деревни, разселенныя на старыхъ пустошахъ, Матвѣевская и Никольская, что было прежде Селятино, на рѣчкѣ Селятинкѣ какъ стала прозываться въ этой деревнѣ рѣчка Раменка. Послѣ моровой язвы 1655 г., опустошившей вѣроятно не одну эту мѣстность, въ деревню Никольскую были призваны изъ воли и поселены въ качествѣ дѣловыхъ или вольно-наемныхъ людей бѣлорусцы изъ разныхъ польскихъ городовъ. Къ концу столѣтія явилась еще деревня, Каменная Плотина, расположенная по всему вѣроятію на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ дворъ митроп. Кипріана. Въ самомъ селѣ, въ 1644 г., вмѣсто деревянной церкви Троицы построена каменная каменныхъ дѣлъ мастеромъ Иларіономъ Мих. Ушаковымъ по чертежу государева подмастерья Антипы Константинова. Очень любопытно, что она построена по шатровому образцу, какъ строить въ XVII ст. повсюду воспрещалось самими же патріархами, между тѣмъ какъ этотъ образецъ былъ чистымъ произведеніемъ своебычнаго русскаго зодчества, особенно развившагося въ половинѣ XVI ст.

По случаю переписи села Троицкаго-Голенищева въ началѣ XVIII ст., церковь описана слѣдующимъ образомъ: Церковь Живоначальныя Троицы каменная ш а т р о в а я да при той же церкви съ дву сторонъ два предѣла, Іоны митроп., да мученика Агапія; а на церкви и на предѣлахъ главы три опаены бѣлымъ желѣзомъ; около церкви съ дву сторонъ паперть— два рундука... церковь, предѣлы и паперть крыты тесомъ; въ нихъ полы кирпичные. Въ храмѣ 14 окошекъ съ слюдяными оконницами. Надъ папертью колокольня каменная шатровая

на ней 5 колоколовъ, въ большомъ вѣсу 25 пуд. Внутри: царскія двери рѣзныя, иконостасъ, въ числѣ мѣстныхъ иконъ образъ Іоны митроп. въ житіи; паникадило большое мѣдное о двy ярусахъ съ 16 подсвѣшниками, подъ нимъ яйцо страхокомиловое съ кистью; на правой сторонѣ у западныхъ дверей мѣсто патріаршее обито сукномъ вишневымъ, на немъ чехолъ крашенинный зеленый. Въ алтарѣ: потиръ, дискосъ и блюды оловянные, звѣздица и лжица серебряныя. Въ придѣлѣ св. Іоны показана только звѣздица мѣдная.

Съ западной стороны отъ церкви стоялъ патріаршій домъ, построенный вѣроятно на старомъ мѣстѣ, но уже въ XVII ст., быть можетъ при патріархѣ Іоакимѣ, который повидимому очень любилъ эту патріаршую дачу и часто въ ней бывалъ. Нижній ярусъ былъ весь каменный и заключалъ въ себѣ разныя служебныя палаты. Надъ нимъ возвышались двухъ-ярусные жилые хоромы патріарховъ съ теремомъ на верху. По той же переписи патріаршій дворецъ описывается слѣдующимъ образомъ:

Въ селѣ Троицкомъ—дворецъ, каменныя палаты, на тѣхъ палатахъ деревянные хоромы; крыльцо выходное каменное на двухъ столбахъ, верхъ шатровой, крытъ тесомъ. На крыльцѣ бѣлокаменный рундукъ (площадка), который назывался краснымъ и имѣлъ съ трехъ сторонъ по шести ступеней. Съ крыльца главныя двери вели въ палаты, а дверь побочная—въ верхніе деревянные хоромы. Надъ главными дверьми находились три образа въ деисусѣ, писанные на золотѣ въ рѣзномъ вызолоченномъ кіотѣ съ шпренгелемъ и съ крестами на верху. Изъ дверей входили въ сѣни, въ которыхъ было три окошка красныхъ съ оконницами изъ слюды вмѣсто стекла и два вверху слуховыхъ; полъ кирпичный, по стѣнамъ лавки, поставецъ одинакой на ножкахъ съ ящикомъ, столикъ дубовый съ шахматною доскою и двѣ скамьи. Изъ сѣней выходила дверь въ нужный чуланъ. Затѣмъ слѣдовали палаты: 1) скатертная съ 4 слюдяными окнами, въ переднемъ углу образъ, полъ кирпичный, по стѣнамъ лавки. 2) Дворянская: въ переднемъ углу образъ, 3 окошка, по стѣнамъ лавки, полъ кир-

пичный, печь муравленая зеленая; три двери, одна въ чуланъ другая въ нужный чуланъ, третья въ казенную палату, поставецъ двойной, крашеный черною краскою. Передъ палатою были особыя боковыя сѣни и въ нихъ дверь съ каменнымъ крылечкомъ. 3) Пѣвческая, въ ней двѣ картины на полотнѣ: Авраамово явленіе да образъ Богородицы и Маріи Магдалины; 4 окошка, у стѣнъ лавки, скамья, печь муравленая зеленая, пятеро дверей, въ томъ числѣ въ сѣни, въ чуланъ и въ нужный чуланъ, полъ кирпичный. 4) Палата, гдѣ живалъ посельскій старецъ, *) домоправитель, передъ сѣньми крылечко каменное, 6 окошекъ, чуланъ, полъ дощатый, 6 дверей, въ сторонѣ палатка съ двумя окнами и съ погребомъ 5) Казенная палата: 3 окошка, полъ кирпичный, печь ценинная (синяя) круглая. Подлѣ этихъ двухъ послѣднихъ палатъ находилась каменная лѣстница въ верхніе хоромы и въ церковь.

Жилые патріаршіе деревянные хоромы расположены были надъ этими служебными каменными палатами и заключали въ себѣ отдѣленія слѣдующихъ наименованій: Переднія сѣни, въ нихъ три образа въ деисусѣ, въ рѣзномъ тройномъ кіотѣ, подложенномъ слюдою, столъ большой еловый, гдѣ ставили кушанье, окна съ внутренними затворами, расписанными красками. Передняя столовая: три образа въ деисусѣ на золотѣ въ рѣзномъ же кіотѣ съ херувимами и серафимами на верху; столъ дубовый большой сдвижной, двѣ скамьи; 4 окошка съ внутренними раскрашенными затворами и съ слюдяными оконницами; дверь передняя обитая съ обоихъ сторонъ зеленымъ сукномъ гвоздями по жести, съ луженымъ приборомъ; печь ценинная. Крестовая, въ ней большой образъ Распятія, съ мѣдною золоченою лампадою, по сторонамъ котораго было еще расположено 7 большихъ и малыхъ иконъ: Спаса Нерукотвореннаго, Богородицы, Антонія Сійскаго, Московскихъ чудотворцевъ, Троицы, Іисуса, стоящаго у креста, писанный на полотнѣ, и деисусъ. Предъ

*) Посельскіе старцы отмѣнены и назначены на мѣсто ихъ прикащики указомъ 1701 года 25 марта,

образами стоялъ книжный налой, расписанный красками, съ луженымъ приборомъ. На стѣнѣ висѣла картина Моисея и Аарона, писанная на полотнѣ живописнымъ письмомъ, въ большихъ золоченыхъ рамахъ. Въ комнатѣ было 12 окошекъ слюдяныхъ съ затворами извнутри, печь ценинная, три дубовыхъ большихъ стола, въ томъ числѣ одинъ сдвижной; поставецъ, расписанный красками и на верху съ рѣзнымъ вызолоченнымъ шпренгелемъ, двѣ липовыхъ скамьи. Передняя дверь была расписана красками и имѣла завѣсъ на желѣзныхъ прутахъ. Дверь съ лѣва, изъ Крестовой, обитая по жести зеленымъ сукномъ, выводила въ сѣнцы съ тремя красными окнами, въ которыхъ стояли двѣ скамьи; изъ сѣнецъ была дверь въ нужный чуланъ да на заднее крыльцо на переходы.

Другая дверь изъ Крестовой, створная, расписная красками, вела въ Келью патріарха черезъ малыя сѣнцы, въ которыхъ въ углу находился образъ—деисусъ въ серебряномъ басменномъ вызолоченомъ окладѣ и въ рѣзномъ золоченомъ кіотѣ съ мѣднымъ подсвѣчникомъ. Въ сѣнцахъ было два окошка съ затворами извнутри, расписанными красками. Въ кельѣ также находился деисусъ въ серебрянномъ вызолоченномъ окладѣ и въ золоченомъ кіотѣ. Въ ней было семь окошекъ съ затворами извнутри, небольшой столъ, малеваный зеленою краскою, дверь расписанная съ обѣихъ сторонъ красками и съ двумя прутами для завѣса, покрытыми тоже красною краскою, печь ценинная круглая. Въ задней маленькой кельѣ, служившей вѣроятно спальнею, было 4 иконы въ серебр. вызолоч. окладахъ; дубовый круглый столъ на одной ногѣ, поставецъ расписной красками; три окна съ расписными затворами извнутри, расписная дверь. Изъ обѣихъ келей другія двери выводили въ особыя заднія сѣни, съ семью окнами, въ коихъ былъ образъ въ золоченыхъ рамахъ и липовый столъ. Изъ нихъ одна дверь вела въ нужный чуланъ, а другая на заднее крыльцо съ каменною лѣстницею.

Изъ тѣхъ же сѣней былъ всходъ въ верхній покой, въ большой чердакъ или теремъ, по двумъ лѣстницамъ. Въ теремѣ моленный уголъ былъ убранъ иконою деисуса въ зо-

лоченомъ кіотѣ и тремя живописными образами на полотнѣ въ золоченыхъ рамахъ. Обширный покой освѣщался семнадцатью окнами съ затворами извнутри; въ комнатѣ былъ только липовый столъ. Однѣ изъ дверей вели въ переднія сѣни, а изъ нихъ въ верхнюю лѣтнюю келью, въ которой было четыре красныхъ окна и одно маленькое волоковое; въ углу — живописный образъ Богородицы на полотнѣ въ золоченой рамѣ. Изъ кельи была дверь на лѣстницу въ самый верхній чердакъ, который имѣлъ 12 оконъ слуховыхъ съ створчатыми затворками.

Подлѣ этой лѣтней патріаршей кельи, въ особой постройкѣ, соединенной съ нею переходами и состоявшей изъ сѣней и двухъ отдѣльныхъ покоевъ, находилась въ одномъ покоѣ келья архидіаконская; въ ней было 3 окна, дубовый сдвижной столъ, двѣ скамьи, по стѣнамъ лавки. Въ другой кельѣ, было 5 оконъ, въ моленномъ углу образъ св. Сергія, дубовый столъ, печь ценинная, которая нагрѣвалась изъ сѣней. Переходы были оперилены дощатыми балясами—гудками.

Всѣ хоромы были покрыты тесовою кровлею, надъ которою по мѣстамъ возвышались круглыя большія трубы. Во всѣхъ комнатахъ двери по большей части были обиты зеленымъ сукномъ, при чемъ вмѣсто ремней употреблена вырѣзная жесть; дверные и оконные приборы вездѣ были желѣзные луженые; окна вездѣ также съ оконницами изъ слюды вмѣсто стеколъ и по большой части съ внутренними затворами.

Къ служебнымъ постройкамъ принадлежали: изба съ сѣнями и на верху съ чердакомъ или теремомъ, вѣроятно прикащичья. Въ ней было 6 оконъ, столъ большой дубовый раздвижной, двѣ скамьи, у стѣнъ лавки, печь муравленная. Въ сѣняхъ тоже находился образъ, два окошка, лавка, чуланъ. Въ теремѣ было два окна красныхъ и 5 волоковыхъ.

Неподалеку стояла хлѣбня и поварня съ очагомъ и съ печью приспѣшною. Подлѣ поварни стояла баня, а позади бани длинный сарай, простиравшійся до заднихъ воротъ двора, у которыхъ находилась конюшня и денникъ. Кромѣ того на дворѣ стояло сушило съ погребомъ. Въ сушилѣ хранились

различныя старыя вещи изъ хоромъ и въ томъ числѣ 16 картинъ фряжскихъ старыхъ въ рамахъ.

Около двора, съ трехъ сторонъ, отъ рѣки Сѣтуни, отъ церкви и отъ саду, стояла каменная ограда съ двумя башнями на углахъ передней линіи, которая была расположена противъ церкви. Здѣсь же находились переднія широкія ворота о двухъ щитахъ или створахъ.

Сверхъ того на селѣ была большая конюшня и скотный дворъ съ яслями, хлѣвами, сараями, омшениками и скотными избами.

Царь Алексѣй Мих. и сынъ его Ѳедоръ нерѣдко ѣзжали съ Воробьевыхъ горъ въ Троицкое къ обѣднѣ, по большой части, конечно, во время пребыванія тамъ хозяина—патріарха.

Когда, по смерти патріарха Адріана, съ упраздненіемъ патріаршаго сана, патріаршія вотчины поступили въ общее государственное управленіе, то верховники не замедлили протянуть руки и къ этимъ имѣніямъ. Любимецъ Петра II, кн. Ив. Долгорукій, которому вѣроятно очень любезны были мѣстности Сѣтунскаго стана, ибо онъ много хлопоталъ, какъ увидимъ, даже и о завладѣніи Кунцовымъ, получилъ было Троицкое-Голенищево въ собственность, но владѣлъ имъ съ небольшимъ мѣсяцъ, такъ что едвали успѣлъ сдѣлать какія либо распоряженія по этому случаю. Указъ объ этомъ пожалованіи гласилъ слѣдующее: „1729 года декабря въ 13 день Его Императорское Величество пожаловалъ оберъ-камеръ-гера и кавалера князь Ивана Алексѣевича Долгорукова, указалъ въ Московскомъ уѣздѣ бывшее патріаршее село Троицкое, Голенищево тожъ, со всѣми къ тому селу деревнями и принадлежностями, отдать ему князю Ивану Алексѣевичу въ вѣчное владѣніе А что съ того села въ казну было денежныхъ и хлѣбныхъ и протчихъ какихъ доходовъ, оные платить ему въ патріаршъ Дворцовой Приказъ повсягодно, и о томъ въ Сенатъ и для вѣдома въ Синодъ послать указы. У подлиннаго подписано тако: Канцлеръ графъ Головкинъ, князь Василій Долгорукой, князь Дмитрей Голицынъ. Василій Степановъ.“ Но 19 января

1730 г. императоръ скончался, а съ нимъ окончилось и время Долгорукихъ.

Съ того времени патріаршій дворецъ все болѣе ветшалъ и разваливался. Однако во время моровой язвы въ Москвѣ 1770—1772 г. онъ успѣлъ отслужить послѣднюю службу на общее благо. Въ 1771 г. въ немъ былъ устроенъ предохранительный домъ или карантенъ для „сумнительныхъ людей, кои въ одномъ покоѣ съ зараженными жили“, но больными не оказывались и которые по этому съ осторожностію вывозились изъ города сюда и какъ скоро заболѣвали, то въ тотъ же часъ были отправляемы въ Угрѣшскую больницу. Карантинъ оправдалъ заботы начальства и язва въ немъ не распространялась, какъ въ другихъ мѣстахъ. Въ тоже время сюда высылались на житье и всѣ несчастныя дѣти — сироты, лишившіяся въ моръ отцовъ и матерей, а съ ними собралось множество нищихъ и всякихъ бѣдныхъ и бездомныхъ людей, которые не малое время и кормились здѣшними запасами. Преданіе вообще свидѣтельствуетъ, что Голенищевская мѣстность была безопасна во время этого мора.

На устьѣ Сѣтуни существовала также въ началѣ XVII ст. небольшая деревенька Ивашова, принадлежавшая Саввинскому монастырю, что теперь приходская церковь Саввы у Дѣвичьяго поля и монастыря. Въ ней жили два бобыля, но въ 1639 г. ту деревню разбойники разбили и бобылей сожгли и деревня стала пуста, какъ отмѣчено о ней въ переписи 1646 г.

Монастырь св. Саввы, вмѣстѣ съ мельницею на устьѣ Сѣтуни отданъ былъ въ домовую вотчину митрополитовъ еще при св. Іонѣ, въ 1454 г., на поминъ души по своемъ родѣ бояриномъ Петромъ Константиновичемъ. Тогда же, въ 1457 г. къ монастырю отдано и сельцо Воишевское, упомянутая деревня Вошево или Ивашева, тоже на поминъ по своемъ родѣ, боярами князьями Патрикѣевыми. *) Черезъ 200 лѣтъ сельцо превратилось въ деревню и наконецъ въ пустошь; самое имя изъ Воишева, Вошево, передѣлалось въ Ивашево.

*) Юридическіе акты, собран. Н. В. Калачовымъ I, 446.

Въ 1646 г. къ селу Голенищеву было причислено сельцо Аминево, тоже на Сѣтуни, на правомъ берегу, повыше Волынскаго, на устьѣ рѣчки Навексы, въ послѣдующей передѣлкѣ—Навешки, а теперь Новишки. Оно въ этомъ году вымѣнено въ Патріаршій домъ патріархомъ Іосифомъ у знаменитаго боярина Бориса Ив. Морозова, которому досталось отъ стараго вотчинника, князя Вас. Ив. Туренина, куплею въ 1634 г. Сельцо нѣкогда было селомъ и въ немъ стояла деревянная церковь Успенія Богородицы, вѣроятно сгорѣвшая въ Смутное время, и потомъ вновь построенная уже при патріархахъ. Третье поле этого сельца находилось на противоположномъ берегу Сѣтуни, къ Можайской большой дорогѣ, въ межахъ, съ одной стороны, съ пустошью Борисовскою, а съ другой—по оврагъ, съ пустошью Жуковою. Подъ сельцемъ была мельница Аминевка, а въ числѣ пустошей — Красная или Красникова на рѣчкѣ Навексѣ.

Старѣйшимъ владѣльцемъ Аминева по всему вѣроятію былъ Иванъ Аминь (нач. XV или конца XIV вѣка) изъ рода Каменскихъ-Курицыныхъ, отъ знаменитаго боярскаго рода Акинфовыхъ-Свибловыхъ; такъ какъ старѣйшимъ владѣльцемъ села Волынскаго, находящагося между Голенищевымъ и Аминевымъ, тоже на Сѣтуни, по всей вѣроятности былъ знаменитый ратоборецъ Мамаева побоища Дмитрій Михайл. Бобряковъ — Волынскій, прозванный такъ потому, что пріѣхалъ къ в. к. Дмитрію Донскому изъ Волынской земли. Онъ былъ женатъ даже на сестрѣ Донскаго, Аннѣ, и на Куликовскомъ полѣ въ битвѣ съ Татарами рѣшилъ дѣло, выскочивъ во время изъ приготовленной засады.

При царѣ Иванѣ Вас., Волынское, село и въ то время, принадлежало государевымъ вотчинамъ. Въ духовной 1572—1578 г. царь отказывалъ его старшему сыну Ивану Ив. и съ деревнями, со всѣмъ, какъ было при мнѣ, подтверждалъ государь.

Въ XVI ст. Волынское принадлежало дядькѣ царя Ѳедора Ив., окольничему Андрею Петров. Клешнину, умершему въ 1599 г. Онъ былъ самымъ близкимъ человѣкомъ Годунову,

а жена его, урожденная княгиня Волконская, неотступно всегда находилась при супругѣ царя Ѳедора, царицѣ Иринѣ, сестрѣ Годунова. Поэтому на Клешнина падаетъ половина черныхъ Годуновскихъ дѣлъ по захвату Годуновымъ въ свои руки царскаго престола. Его усердному содѣйствію приписывается и убіеніе царевича Димитрія. Очень естественно, что онъ потомъ скончался схимникомъ, (въ Пафнутьевомъ-Боровскомъ монастырѣ, гдѣ и погребенъ). При Клешнинѣ въ Волынскомъ была построена церковь во имя св. мчч. Ѳеодора да Андрея Стратилатовъ, тезоименитыхъ Ангеловъ царя Ѳедора и его дядьки, владѣльца села. Въ Смутное время храмъ былъ сожженъ Тушинскими ворами. Въ то время къ Волынскому принадлежали: деревня Давыдково и Борисовская или Борискова пустошь съ мельницею—два колеса нѣмецкія, деревня Травино, Сѣтунская слобода тожъ, и деревня Очаково.

Въ началѣ XVII ст. Волынское находилось во владѣньи кн. Аѳан. Васильев. Лобанова-Ростовскаго, по смерти котораго было отдѣлено теткѣ царя Михаил. Ѳедор., боярынѣ Иринѣ Никитичнѣ Годуновой, вдовѣ Ив. Ив. Годунова, честно и прямо погибшаго въ Смутное время въ Калугѣ, въ глазахъ своей жены, отъ Мих. Бутурлина, злодѣя изъ Тушинцевъ.

Сельцо Очаково, на рѣчькѣ Навексѣ или Вешкѣ, теперь Новишкѣ, осталось за князьями Лобановыми-Ростовскими, двоюродными братьями прежняго вотчинника, Ив. Ив. и Ив. Сем., отъ которыхъ потомъ перешло къ кн. Никитѣ Ив. и къ его вдовѣ Аннѣ Никифоровнѣ Лобановой-Ростовской, которая была мамкою царевны Софьи. Послѣ ея смерти (1709 г.) оно досталось кн. Якову Ив. Лобанову-Ростовскому, который очень замѣчателенъ тѣмъ, что въ 1688 г. съ Ив. Микулинымъ ѣздилъ на разбой по Троицкой дорогѣ, къ урочищу Красной Соснѣ, разбивать государевыхъ мужиковъ съ государевою казною, т. е. вѣроятно съ податными сборными деньгами, которыя мужики обязаны бывали сами доставлять въ Москву. „И тѣхъ мужиковъ они разбили и казну взяли себѣ и двухъ человѣкъ мужиковъ убили до смерти. И про то ихъ воровство розыскивано, и по розыску онъ князь Яковъ Лобановъ взятъ съ двора

и привезенъ былъ къ Красному крыльцу въ простыхъ санишкахъ, и за то воровство учинено ему князь Якову наказанье, битъ кнутомъ въ Жилецкомъ подклѣтѣ, по упросу верховой боярыни и мамы, княгини Анны Никиф. Лобановой-Ростовской. Да у негожъ, князь Ивана, отнято за то его воровство безповоротно четыреста дворовъ крестьянскихъ. А человѣка его Калмыка, да казначея, за то воровство повѣсили. А Ивану Микулину за то учинено наказанье, битъ кнутомъ на площади нещадно и отняты у него помѣстья и вотчины безповоротно, и розданы въ раздачу, и сосланъ былъ въ ссылку въ Сибирь, въ городъ Томскъ.“

Такова была правда царскаго суда при Софьѣ для князей, дворянъ и для ихъ крѣпостныхъ. Въ 1694 г. при Петрѣ въ потѣшномъ Кожуховскомъ походѣ кн. Яковъ былъ уже капитаномъ, въ числѣ Потѣшныхъ, начальнымъ человѣкомъ въ 3-й ротѣ. Въ 1695 г. капитаномъ же ходилъ подъ Азовъ, но въ 1700 г. послѣ несчастнаго для насъ побоища подъ Нарвою, онъ опять въ чемъ то провинился и былъ взятъ за караулъ и привезенъ въ Преображенскій Приказъ. Въ 1709 г. онъ однако состоитъ вотчинникомъ сельца Очакова.

Возвратимся къ селу Волынскому. Въ 1646 — 1676 г. имъ владѣлъ уже Касимовскій царевичъ Сеитъ-Бурханъ, въ крещеніи Василій, Араслановичъ. При селѣ въ это время числилось двѣ деревни, Давыдково и Травино, и мельница съ 2 колесами. Въ 1704 оно принадлежало его сыну, Ивану Васильевичу, при которомъ упоминается уже и каменная церковь Спаса Нерукотвор., построенная около этого времени. Тогда въ Давыдковѣ находился сокольничій дворъ царевича. Въ 1729 г. Волынское находится во владѣньи кн. Праск. Юрьев. Долгоруковой.

Выше Давыдкова на лѣвомъ же берегу Сѣтуни, находится пустошь Жуковка, по старому Жуково, обозначенное въ 1627 г. бывшимъ селищемъ, т. е. оставленнымъ седомъ, или сельцемъ. Она въ то время принадлежала дворянамъ Пушкинымъ, Воину да Петру, и заключала въ себѣ 18 десятинъ, въ трехъ поляхъ, сѣна 15 копенъ, лѣсу 5 десятинъ.

Еще выше по Сѣтуни, на правомъ ея берегу, въ 1627 г. находилась деревня Манухино, Оксеново тожъ, съ мельницею — нѣмецкое колесо, противъ которой на лѣвомъ берегу стояла деревня Мельниковъ Жеребей, принадлежавшая къ сельцу Хорошову, Троекурово тожъ. Въ началѣ XVII ст. этимъ мѣстомъ владѣлъ Ларіонъ Суминъ, извѣстный по ссорѣ съ кн. Ромодановскимъ, въ которой попрекалъ, что Пожарскій, при избраніи царя Михаила, будто бы и самъ подкупался на царство. Отъ Сумина оно перешло къ братьямъ Воину да Петру Пушкинымъ въ 1622 г. Тогда къ этому владѣнью принадлежала и пустошь Жуковка, какъ упомянуто выше. Въ концѣ XVII ст. эта мѣстность поступила во владѣнье извѣстнаго Арт. Серг. Матвѣева вмѣстѣ съ селомъ Одинцовымъ на большой дорогѣ, за Мамоновымъ и деревнею Акишевою на прудахъ, пожалованными ему изъ дворцовыхъ волостей и принадлежавшими въ 1617 г. братьямъ Совинымъ. На землѣ Манухина Матвѣевъ устроилъ село, подальше отъ рѣки, на горѣ, въ прекрасномъ мѣстоположеніи. Онъ же вѣроятно построилъ здѣсь каменную церковь Спаса, отчего село стало прозываться Спасское-Манухино тожъ. Въ Одинцовѣ также стояла въ 1704 г. деревянная церковь св. муч. Артемона, построенная если не самимъ Матвѣевымъ, то его сыномъ Андреемъ, которому всѣ эти земли достались потомъ въ вотчину. По церкви Одинцово называлось Артемоновскимъ. Недалеко отъ своей мельницы, по обѣ стороны дороги, Андрей Артемоновичъ поселилъ новую деревню Запрудную, названную такъ потому что по дорогѣ отъ Москвы она была за прудами, тогда же выкопанными. Теперь эта деревня называется Сѣтунью.

Извѣстна печальная участь Матвѣева—отца, родственника царицы Наталіи Кирилловны и потому очень близкаго человѣка къ царскому дому и именно къ родству Петра В. Эта-то близость и вліяніе на дѣла были причиною погибели боярина, который сначала былъ удаленъ отъ Двора и даже сосланъ на сѣверъ, въ Пустозерской острогъ, а потомъ, съ воцареніемъ малолѣтнаго Петра, возвратившись въ Москву, былъ убитъ стрѣльцами на Красномъ Крыльцѣ въ 1682 г.

Одинъ изъ его ненавистниковъ, окольничій Александръ Савост. Хитрово, тоже вотчинникъ Сѣтунскаго Стана, и сосѣдъ Матвѣева, владѣлецъ села Окулова, Покровское тожъ, и деревни Яскино, дальше по большой дорогѣ, за Одинцовымъ, воспользовался паденіемъ знатнаго человѣка и изъ его села Спасскаго и Артемоновскаго - Одинцова забралъ себѣ не только многіе пожитки и всякіе боярскіе заводы вмѣстѣ съ людьми, но даже перевезъ къ себѣ и хоромное строеніе; но потомъ съ перемѣною счастья со стыдомъ долженъ былъ все возвращать сыну погибшаго, Андрею Артемоновичу.

Окулово въ 1627 г. принадлежало Андр. Ив. Загрязскому; а Яскино на прудѣ Андр. Ив. Чепчугову, какъ старинная родовая его вотчина. Въ 1709 г. Окулово находится уже во владѣніи Сибирскаго царевича Дмитрія Алексѣев., а Яскино осталось у Хитрово сына Ѳедора и въ 1704 г. было за его вдовою. Въ немъ была въ то время построена деревянная церковь Іоанна Богослова, но стояла неосвященною.

Недалеко, въ одной верстѣ за Спасскимъ, вверхъ по Сѣтуни, находится село Троекурово. Въ XVI ст. оно было сельцомъ и принадлежало окольничему Ив. Ив. Годунову, о которомъ мы упомянули выше, потомъ перешло къ кн. Ив. Ѳед. Троекурову, а отъ него къ его сыну кн. Борису Ив. Троекурову (1627 г.), и затѣмъ ко внуку Ив. Борис. (1678 г.), при которомъ вѣроятно построена въ немъ каменная церковь во имя Николы съ придѣломъ Алексѣя митр., какъ о томъ значится въ 1704—1709 гг., когда село принадлежало уже дѣтямъ Ив. Борис., Алексѣю, Петру, Александру и племянницѣ Прасковьѣ Ѳед. Троекуровымъ. Въ то время село обыкновенно называлось Хорошовымъ, по красотѣ мѣстоположенія, и Троекуровымъ стало прозываться уже по имени постоянныхъ на цѣлое столѣтіе его владѣльцевъ.

За Троекуровымъ въ 3-хъ верстахъ прямо къ югу въ древнее время (1627 г.) лежала пустошь Вавулинская, принадлежавшая московской церкви Введенія Богородицы Златоверхой, что въ Китай городѣ, близь Гостиннаго двора. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія на этой пустоши было барское село, сож-

женное и раззоренное французами въ 1812 г. Не это ли мѣсто принадлежало при Екатеринѣ генералъ-поручику Петру Богд. Пассеку, изъ вотчины котораго, на Можайской дорогѣ въ 13 верстахъ, продавалось въ 1769 г. множество кирпичу, тесанаго бѣлаго камню, желѣзныхъ связей и проч., заготовленныхъ вѣроятно для устройства дома и разныхъ строенiй, остатки которыхъ съ обширнымъ уже спущеннымъ прудомъ и двумя курганами существуютъ и доселѣ.

Въ 3 верстахъ за Ваулинымъ на Новокалужской дорогѣ примѣтимъ деревню Суково, въ началѣ XVII ст. сельцо, принадлежавшее извѣстному Тушинскому боярину кн. Дм. Тимоѳ. Трубецкому, потомъ его вдовѣ Аннѣ Васильевнѣ, перешедшее за тѣмъ (1646 г.) къ боярину кн. Алексѣю Никитичу Трубецкому, который живалъ въ старинной своей вотчинѣ, селѣ Говоровѣ, на прудѣ, въ четырехъ верстахъ отъ Сукова на востокъ, на большой Боровской дорогѣ. Въ Говоровѣ тогда существовала деревянная церковь Рождества Богородицы съ придѣломъ Ѳеодора Начертаннаго (1627 г.) Въ 1678 г. село принадлежало князю Юрью Петровичу Трубецкому, а потомъ (1704 г.) его сыну Юрью. Такимъ образомъ эта мѣстность по южной границѣ Сѣтунскаго стана находилась въ старинномъ владѣньи князей Трубецкихъ.

Еще дальше къ востоку три версты лежитъ тоже пограничное съ Ратуевымъ станомъ древнее село Тропарево на Тропаревскомъ оврагѣ. Въ XVII ст. оно принадлежало Новодѣвичьему монастырю. Въ немъ изстари существовала церковь Чуда архистратига Михаила, сожженная вѣроятно въ Смутное время, ибо въ 1627 г. въ селѣ значится только пустое церковное мѣсто. Въ селѣ находился монастырскiй дворъ, управлявшiй монастырскимъ хозяйствомъ; въ немъ жили монастырскiе дѣтеныши, какъ назывались тогда крестьяне и слуги, вышедшiе изъ сиротъ призрѣваемыхъ монастырями. Имя Тропарева сохранилось по всему вѣроятiю отъ перваго его владѣльца, какого-то боярина, о которомъ въ лѣтописи 1393 г. читаемъ: „Сентября въ 21 день преставися Иванъ Ми-

хаиловичъ, нарицаемый Тропарь, въ бѣльцѣхъ и положенъ въ своемъ монастыри на селѣ своемъ...“

Въ 3-хъ верстахъ вверхъ по Сѣтуни отъ Троекурова лежитъ деревня Сколково. Въ началѣ XVII ст. ею владѣла вдова думнаго дьяка Петра Алексѣева Третьякова, Варвара съ дѣтьми. Тогда деревня была селомъ на прудѣ, съ деревянною клѣтски церковью Рождества Богородицы съ придѣломъ Петра Аѳонскаго, отчего прозывалась и Рожественнымъ.

Думный дьякъ Третьяковъ, скрѣпившій грамоту объ избраніи на царство Михаила, оставилъ по себѣ и еще память въ замысловатой надписи на собственной серебряной братинѣ, которую въ 1618 г. его вдова поднесла въ даръ государю, быть можетъ, какъ наиболѣе дорогой семейный свой памятникъ. Братина русскаго хорошаго издѣлія, украшена чеканными изображеніями звѣрей и травъ, между которыми въ четырехъ клеймахъ старинною вязью написано: „Братина Петра Алексѣевича Третьякова“. Внутри, на днѣ вокругъ изображенія бражника надпись гласитъ: „Человѣче! Что на мя зриши? Не проглотить ли мя хощеши? Азъ есмь бражникъ. Воззри, человѣче, во дно братины сеи и открыеши тайну свою.“ Надпись продолжается снаружи по вѣнцу сосуда: „Вѣси убо, человѣче, яко воину оружіе потребно есть въ день брани, такожде и дождь во время ведра, питіежъ во время жажды; сице же—истинный другъ во время утѣшенія и скорби. И вси убо прикасающіеся сладости сей съ любовію, по разуму, въ сытость,—веселіе со други и тѣлесемъ красоту и сердца и ума пространствіе почерпаютъ и радостію со други своими веселяшеся испіютъ. Хотящимъ же убо къ сему приступити со враждою, не сытное ихъ убо достоитъ отъ сего дому всегда отгоняти заботно.“

Въ 1646 г. Сколковымъ владѣлъ окольничій Григорій Гавр. Пушкинъ, въ 1678 окольн. Матв. Степ. Пушкинъ; а въ 1704 г. оно было за губернаторомъ, знаменитымъ Александр. Данилов. Менщиковымъ, впослѣдствіи свѣтлѣйшимъ княземъ. Къ Сколкову тогда принадлежали и деревни: Мамонова на суходолѣ, въ 3-хъ верстахъ, на большой дорогѣ, и Нѣмчинова на

Сѣтуни, въ одной верстѣ. Свѣтлѣйшій князь вмѣсто ветхой построилъ здѣсь новую церковь, деревянную же, одноглавую, а себѣ каменный дворецъ, въ которомъ не однажды живалъ во время пребыванія въ Москвѣ. Дабы ознакомиться съ подмосковнымъ жилищемъ свѣтлѣйшихъ лицъ первой четверти XVIII ст. предложимъ здѣсь вкратцѣ описаніе этого дворца, которое впрочемъ относится уже къ 1740 году и потому застаетъ жилище въ опустѣломъ состояніи.

Первая палата большая, называемая залтъ, которая стоитъ въ срединѣ всѣхъ палатъ; въ ней 9 оконъ; передъ палатою крыльцо, подъ крыльцомъ выходъ, передъ выходомъ погребъ. Съ крыльца по правую сторону находилось рядомъ шесть палатъ, каждая съ тремя окнами, съ особыми передъ ними обширными сѣнями; столько же и такихъ же палатъ находилось и по лѣвую сторону отъ залта, также съ сѣнями. Весь корпусъ стоялъ на фундаментѣ въ длину на 24, а поперекъ на 20-ти саженяхъ. Полы во всѣхъ комнатахъ и въ сѣняхъ были дощатые, оконницы изъ стеколъ въ свинцѣ; потолки накатные, подмазанные штукатурною работою. Въ палатахъ было 27 дверей, въ томъ числѣ 10 расписанныхъ красками, съ желѣзнымъ луженымъ приборомъ; печей было 10 изразцовыхъ; изъ остававшейся мебели 9 шкафовъ и 3 круглыхъ стола писаны красками. На дворѣ стояли особо деревянная поварня, конюшня и приворотная изба. При дворцѣ находился плодовой садъ, гдѣ росли яблони, груши, вишни, крыжевникъ, смородина; садъ и дворъ были огорожены плетнемъ.

Относительно селеній, Мамонова и Нѣмчинова, должно замѣтить, что въ началѣ XVII ст. первое принадлежало Троице-Сергіеву монастырю, а потомъ Дементью Погожему и было селомъ, на прудѣ; владѣлецъ въ 1627 г. построилъ въ немъ церковь Вознесенія, клѣтски, на мѣстѣ прежде бывшей, сожженной въ Смутное время. Деревня Нѣмчинова тогда тоже принадлежала Троицкому монастырю, и называлась еще Бедринымъ, Басалаево тожъ.

Въ этой же окрестности, по южному предѣлу древняго Сѣтунскаго Стана, замѣтимъ еще селенія Орлово и Румян-

цево, которыя въ XVII ст. принадлежали Чудову монастырю. Въ числѣ ихъ пустошей находилась одна, гдѣ бывалъ изстари Погостъ Покровскій на врагѣ у рѣки Сѣтуни. Съ этого древняго погоста деревянная церковь Покрова въ началѣ XVII ст. была перенесена въ Орлово, которое потому и стало селомъ.

Картмазово на Сѣтуни—въ XVII ст. сельцо, владѣнье князей Дологоруковыхъ, боярина Владиміра и стольника Ивана Дмитріев., перешедшее потомъ къ ихъ дѣтямъ. Въ 1704 г. въ немъ была уже церковь Успенія Богородицы.

Въ трехъ верстахъ отсюда на востокъ въ селѣ Саларевѣ (древняго Сосенскаго стана) изъ прудовъ вытекаетъ рѣчка Сѣтунь.

Губкино, на оврагѣ да на прудѣ, упоминаемое въ грамотахъ еще въ половинѣ XV вѣка. Въ концѣ XVI ст. оно было во владѣньи боярина кн. Дм. Ив. Хворостинина и сына его Юрья, а въ 1628 г. куплено кн. Дм. Петр. Пожарскимъ-Лопатою, который поставилъ здѣсь себѣ дворъ. Въ 1704 г. имъ владѣлъ стольникъ кн. Вас. Гр. Щербатовъ.

По западной границѣ Сѣтунскаго Стана расположены:

Отъ Окулова (на большой дорогѣ) на сѣверъ къ Москвѣ рѣкѣ, въ 4-хъ верстахъ, Лайково—Мелтехино, на оврагѣ, старинная вотчина князя Юр. Дм. Хворостинина, въ 1678 г. принадлежавшее кн. Борису Алексѣев. Голицыну, близкому человѣку Петра В.

Дальше еще на 4 версты, близь Москвы рѣки, Усово, Спасское тожъ; въ 1627 г. село съ деревянною церковью Спаса, клѣтски, съ придѣлами Михаила Малеина да Ѳедора Стратилата, вотчина кн. Ѳед. Сицкаго, потомъ въ1646 г. вотчина боярина Глѣба Ив. Морозова, а въ 1678 и 1704 стольниковъ Ивана и Мих. Аѳан. Матюшкиныхъ. Изъ 10-ти его пустошей примѣчательны, Любятина на прудѣ, Волотова у болота и „Городище на рѣкѣ на Москвѣ, усть рѣчки Медвенки.“

За тѣмъ, въ той же мѣстности версты на 4 ближе къ Москвѣ, Подушкино, въ 1627 село, Рожествено тожъ, на оврагѣ, у рѣчки Самынки, съ дерев. церковью Рождества Богородицы и

придѣломъ Покрова, клѣтски. Въ XVI ст. оно было вотчиною Сем. Висковатаго; потомъ имъ владѣлъ москов. гость Ив. Гавр. Сверчковъ, родъ котораго извѣстенъ и въ XVII ст. Одинъ изъ его потомковъ построилъ церковь Успенія на Покровкѣ. Въ 1678 г. Подушкино находилось въ вотчинѣ окольнич. Матв. Богд. Милославскаго и въ его родѣ у сына Алексѣя оставалось и въ началѣ XVIII ст., 1704—1709 г. Въ одной верстѣ на западъ отъ села, за рѣчкою Самынкою, находится древнее городище.

Отъ Подушкина недалеко — Шульгино, въ 1627 г. сельцо на прудѣ, нѣкогда принадлежавшее боярину Ив. Вас. Голицыну, погибшему въ смутное время за прямое стоянье противъ Поляковъ и измѣнничьихъ интригъ другихъ бояръ. Въ 1627 г. и 1646 г. оно принадлежало окольничему Льву Ив. Долматову-Карпову, а потомъ въ 1678 г. монастырю Саввы Сторожевскаго.

Раздоры, деревня на рѣчкѣ Шаченкѣ, въ 1704 г. находилась за стольникомъ, а впослѣдствіи очень знаменитымъ верховникомъ кн. Дмитр. Мих. Голицынымъ; ему же досталась за женою отъ кн. Якова Никит. Одоевскаго прежняго вотчинника (1678 г.). Кн. Голицынъ былъ владѣльцемъ и села Архангельскаго, которое онъ первый сталъ устроивать съ барскою широтою и великолѣпіемъ *).

Въ двухъ верстахъ къ сѣверу отъ Раздоровъ находится деревня Дубровка — Поповка, принадлежавшая въ XVII ст. ключарю Успенскаго собора Якову Иванову. Она тогда состояла изъ одного только двора и при переписи въ 1704 г. совсѣмъ пропала. „Той деревни, по нынѣшнему наѣзду, отмѣчено въ писцовой книгѣ, несыскано и Сѣтунскаго Стану старосты и крестьяне нигдѣ не указали и кто ею владѣетъ не сказали". Въ старину подобныя пропажи очень часто случались.

Рѣчкою Медвенкою, съ городищемъ на ея устьѣ, Сѣтунскій Станъ отдѣлялся отъ Медвенскаго, въ которомъ ближайшія селенія, принадлежали: Сарыево Родіону Матв. Стрѣшневу;

*) См. наши Опыты изученія Русскихъ Древностей и Исторіи, часть 2, стр. 330.

Перхушково, откуда вытекаетъ Медвенка, князьямъ Черкасскимъ; Соларево, Солословлево тожъ и Бузаева, Ѳед. Ив. Шереметеву съ родичами (Бузаевой прежде владѣлъ дьякъ Елизаръ Вылузгинъ; тогда въ ней была и церковь св. Троицы); Денисово—Знаменское, въ началѣ XVII ст. принадлежавшее Алексѣю Луговскому, а послѣ боярину Кириллу Полуехтовичу Нарышкину, потомъ боярину Борису Ив. Прозоровскому, котораго братъ Петръ Ив. владѣлъ селомъ Петровскимъ на той сторонѣ Москвы рѣки, вблизи Ильинскаго.

Сѣверный уголъ Сѣтунскаго Стана, округляемый Москвою рѣкою, въ которомъ теперь находятся селенія: Рублево, Лугъ, Мякинино, Строгино, Троицкое, въ началѣ XVII ст. принадлежалъ частію боярамъ Романовымъ, частію князьямъ Лыковымъ. Именно Острогино находилось въ вотчинныхъ земляхъ великой инокини Марѳы Ив., матери царя Мих. Ѳед., вмѣстѣ съ селомъ Хорошовымъ и Щукинымъ на томъ берегу Москвы-рѣки и Крылатскимъ, на этомъ берегу.

Село Троицкое-Лыково, на Москвѣ рѣкѣ, нѣкогда было деревнею Черевково и пожаловано съ окрестною мѣстностью при царѣ Васильѣ Шуйскомъ въ вотчину за службу, за Московское осадное сидѣнье, кн. Борису Мих. Лыкову, изъ его же прежняго помѣстья. Послѣ того Лыковъ выстроилъ здѣсь деревянную церковь Троицы (клѣтски); назвалъ деревню селомъ Новымъ Троицкимъ, а деревню перенесъ на мѣсто стараго села Троицкаго, гдѣ она и теперь находится подъ именемъ Черепкова. Къ этому Новому Троицкому принадлежалъ починокъ, что прежде была пустошь, Верхнее Рублево, которую Лыковъ купилъ въ 1620 г. у князя Ивана Вишневецкаго; также пустошь Лукино, теперешняя деревня Лугъ. Послѣ Лыковыхъ ихъ вотчина поступила въ дворцовое вѣдомство, откуда въ 1690 г. сентября 1 была пожалована боярину Мартемьяну Кирилловичу Нарышкину, а въ 1698 генв. 11 по имянному указу справлена за бояриномъ Львомъ Кириллов. и его матерью, вдовою Кириллы Полуехтовича, боярынею Анною Леонтьевною, матерью царицы Наталіи Кирилловны. Въ 1704 г. составъ этого владѣнья заключался въ селѣ Троицкомъ, въ ко-

торомъ было двѣ церкви, каменная во имя Троицы, и деревянная во имя Успенія Богородицы, и въ деревняхъ Черепковой, Рублевой, Мякининой, Луки, Острогино съ часовнею на старомъ кладбищѣ. О дальнѣйшемъ переходѣ этой вотчины скажемъ ниже.

Приближаясь отъ этихъ мѣстъ внизъ по Москвѣ-рѣкѣ, къ Кунцову, встрѣтимъ на пути древнее село Крылатское, на Москвѣ р. и на рѣчкѣ Меленкѣ, съ деревнею Татаровою. Въ 1423 г. оно принадлежало в. к. Василію Дмитріевичу, а прежде было за какимъ-то Татаромъ, оставившемъ свое имя въ названіи деревни Татаровой, бывшей въ 1572 г. селомъ же. Со времени Василія Дм., Крылацкое постоянно находилось въ числѣ государевыхъ вотчинъ и было очень любимо царемъ Иваномъ Вас. Грознымъ, который, возвращаясь по этой дорогѣ изъ Волока-Ламскаго или Можайска, всегда въ немъ останавливался. При немъ оно называлось Крылецкимъ и въ духовной царя, 1572—78 г., было отказано царевичу Ѳедору, второму сыну, который послѣ былъ царемъ.

Въ 1554 г. осенью на возвратномъ пути изъ объѣзда въ Клинскіе лѣса, на Волокъ и въ Можайскъ, царь останавливался въ Крылацкомъ по случаю освященія въ немъ церкви.

Въ 1563 г. въ Крылацкомъ же встрѣчалъ царя младшій сынъ Ѳедоръ, при возвращеніи изъ Литовскаго очень счастливаго похода, когда завоеванъ былъ Полоцкъ. 20 марта здѣсь былъ большой пиръ, а на другой день, когда государь выѣхалъ въ Москву и ѣхалъ Крылацкимъ полемъ, къ нему явился бояринъ Троханіотовъ съ новою радостью, что Богъ даровалъ царицѣ сына Василія, который однако скончался младенцемъ, черезъ 5 недѣль.

Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII ст. Крылацкое съ Хорошовымъ принадлежало боярамъ Романовымъ, какъ можно судить по указанію, что оно числилось въ вотчинахъ инокини Марѳы Ив., матери царя Михаилъ Ѳед. и супруги Ѳедора Никитича, а потомъ Филарета—патріарха. Такимъ образомъ при ц. Михаилѣ оно снова поступило въ дворцовыя вотчины. Въ 1680 г. въ селѣ стояла деревянная ветхая церковь Рождества

Богородицы построенная изстари, быть можетъ еще при царѣ Иванѣ Грозномъ. Въ Хорошовѣ со временъ царя Михаила существовалъ деревянный царскій дворецъ, подлѣ церкви, въ которомъ во время охотничьихъ отъѣздовъ цари часто останавливались и выѣзжали нерѣдко сюда на лѣтнее временное житье.

Остается упомянуть о деревнѣ Мневники на томъ берегу Москвы рѣки противъ Крылатскаго, которая въ старину тоже была дворцовая и прозывалась Ѣхаловымъ. Въ ней жили государевы рыбные ловцы и ничѣмъ больше не были обязаны, какъ только ловить на государевъ обиходъ на Кормовой дворецъ рыбу Мни, отчего вѣроятно и деревня стала прозываться, съ ловцами за одно, Мневниками. Въ 1646 г. въ ней было 16 дворовъ ловецкихъ, людей 42 человѣка, дворъ бобыльскій съ 3 челов., и дворъ нищенскій. Она и поселена была на урочищѣ Мнявнильемъ Истокѣ.

Общее обозрѣніе и изученіе древняго Сѣтунскаго Стана приводитъ къ слѣдующимъ свѣдѣніямъ: кромѣ указанныхъ главныхъ поселеній, въ немъ было множество такъ называемыхъ пустошей, то есть оставленныхъ, запустѣлыхъ мѣстъ прежняго населенія, прежнихъ деревень, которыя, состоя по старому обычаю изъ одного, или двухъ-трехъ дворовъ, были разсыпаны по всюду, и показываютъ, что если населеніе не было густо, то было повсемѣстно, на всякой сколько нибудь удобной для хозяйства мѣстности. Это же подтверждаютъ и разсѣянныя купы кургановъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нерѣдкія городища, какъ древнѣйшіе пункты защиты и надежныя убѣжища для окрестныхъ деревенекъ, уходившихъ отъ опасности въ эти завѣтныя трущобы.

Многочисленность однодворныхъ поселеній, какимъ въ началѣ было и само Кунцово, обнаруживаетъ, что въ древности весь Сѣтунскій Станъ былъ покрытъ непроходимымъ лѣсомъ, въ которомъ первобытное населеніе пролагало себѣ дорогу для удобствъ жизни посредствомъ розчистей лѣса для новой пашни, что въ собственномъ смыслѣ и обозначало деревню. Въ

первобытное время это слово могло означать именно лѣсное мѣстожительство, такъ какъ и цѣлое славянское племя, жившее въ лѣсахъ, называлось тоже: Древляне, иначе Деревляне, Деревà. Но корень этого слова какъ основательно толкуютъ, скрывается въ глаголѣ драть, деру, *) что въ глубокой древности, по смыслу многихъ производныхъ словъ, значило ронить, сѣчь, разчищать лѣсъ, откуда дрова, и отсюда же областное слово доръ, то есть разчищенное мѣсто въ лѣсу для пашни, розчисть, а также и дворъ—поставленное на этой розчисти жилье; дерть и дерти прямо означаютъ мѣсто срубленнаго лѣса съ кустарникомъ отъ пней, сѣчу. Драть вмѣстѣ съ тѣмъ значитъ вспахивать цѣлизну; а слѣдовательно и пролагать дорогу.

Все это приводитъ насъ къ той отдаленной древности и къ тѣмъ первозданнымъ условіямъ быта, когда способъ жизни для обитателя нашихъ лѣсныхъ пространствъ, заключался единственно только въ устройствѣ лѣсной розчисти, въ вырубкѣ лѣса и для пашни, и для сѣнокоса, и для двора, и для проѣзжей дороги. Эта-то розчисть, добытая вырубкою, дереньемъ лѣса и называлась тоже, быть можетъ, деренью (дернь, одерень) или деревнею. Самое прозваніе Древлянъ обозначало именно обитателей разчищенныхъ въ лѣсу мѣстъ, ибо они жили хотя и въ лѣсахъ, но осѣдло и занимались пашнею.

Такимъ путемъ разселеніе Русской Земли продолжалось до позднѣйшаго времени. Для примѣра, какъ оно происходило, приведемъ свидѣтельство 1491 г.. Въ этомъ году дворецкій митрополита отдаетъ напр. нѣкоему Савѣ Микифорову пустошь Новинскаго монастыря, гдѣ-то вблизи, „на Перепечикѣ (въ 1410—1431 деревня Перепецина) у Москвы у рѣки, на березѣ,“ т. е. на берегу, и говоритъ между прочимъ, что „Сава хочетъ на той пустоши себѣ дворъ ставить и лѣсъ сѣчи и розсѣливати“, а если крестьянъ сзоветъ, прибавляетъ дворецкій, то льготы ему отъ всякихъ проторовъ и тягла на 4 года.

*) Сравн. «О земельныхъ владѣніяхъ митрополитовъ и пр., г. Горчакова, стр. 199.

Прозваніе деревень и особенно пустошей по большой части давалось отъ личныхъ прозвищъ первыхъ заселителей такихъ мѣстъ. Конечно, топографическія особенности мѣстъ внесли сюда также не мало именъ, но наибольшая ихъ часть указываетъ на прозвища личныя, какими нашъ языкъ былъ очень богатъ и въ позднѣйшее время. Въ томъ же Сѣтунскомъ Стану, въ 1704 году, обитали крестьяне съ такими, напр. прозвищами: Максимъ Расхохоня, Пыка, Зога, Вага, Бормотъ, Бордунъ, Балака, Бирдасъ, Басалай, Дудоръ, и пр.

Первое извѣстіе о Кунцовской мѣстности относится къ 1454 г., когда, февраля 15, старѣйшій изъ бояръ в. к. Василія Дмитріевича и его сына Василія Васильев. Темнаго, намѣстникъ Ростовскій Петръ Константиновичь, *) отдалъ на поминокъ своихъ прародителей и родителей и по своей душѣ и по всему своему роду, св. митрополиту Іонѣ, въ Домъ Пречистыя Богородицы ,къ Успенскому собору, принадлежавшій ему монастырь св. Саввы на Москвѣ, на Посадѣ, теперь приходская церковь близь Дѣвичьяго монастыря. Къ тому монастырю кромѣ его земель онъ придалъ еще свою мельницу на устьѣ Сѣтуни да двѣ деревни у Крылатска (у Крылатскаго), Олферчиково да Ипское, **) и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ нимъ изстари потягло. Какая мѣстность скрыта подъ именемъ Олферчикова, намъ неизвѣстно, но про Ипское можемъ достовѣрно сказать, что эта деревня съ тѣмъ же именемъ существовала до конца XVII ст. на мѣстѣ теперешней Кунцовской липовой рощи и была переселена потомъ къ Мазилову.

---

*) Фамилія или прозвище котораго неизвѣстны, ибо въ древнее время княжескіе дружинники и бояре рѣдко при своихъ именахъ употребляли прозвище. Тогда бояръ было не много и всякому было извѣстно, кто таковъ Петръ Константиновичь. Припомнимъ, что въ 1433 г. на свадьбѣ вел. кн. Василія Вас. этотъ Петръ Константиновичь узналъ на Васильѣ Косомъ подмѣненный у Дмитрія Донскаго золотой поясъ и сказалъ о томъ Софьѣ Витовтовнѣ, которая тотчасъ его и отняла у Косаго. Въ 1408 г. воевода Ординскій, Эдигей, нагнавшій страхъ осадою Москвы и потомъ внезапно ушедшій, писалъ съ дороги Великому Князю, совѣтуя ему, если хочетъ жить въ мирѣ съ Ордою, то слушалъ бы доброй думы старыхъ бояръ и очень выхвалялъ за эту добрую думу Петра Константиновича.

**) Въ XV в. въ большомъ ходу было сукно Ипское, называемое такъ отъ какого либо города или страны, откуда привозилось на Русь.

Такимъ образомъ Олферчиково находилось гдѣ либо не вдалекѣ. Бояринъ Петръ Конст. въ той же вкладной грамотѣ говоритъ, что тѣ деревни онъ вымѣнялъ у владыки Ростовскаго Григорія, строителя Дарогомиловскаго архіерейскаго двора. Когда, какъ увидимъ, Кунцовская мѣстность, переходя изъ рукъ въ руки, въ 1689 г. снова поступила въ домъ Пречистыя Богородицы, къ Успенскому Собору, то при этомъ въ отказной книгѣ, тогдашнемъ крѣпостномъ документѣ, было помянуто, что отдана земля въ домъ Богородицы и Московскихъ Чудотворцевъ по прежнему. Это свидѣтельствовало объ очень старой памяти, что земля когда-то была митрополичья, какъ вполнѣ и подтверждаетъ упомянутая вкладная грамота 1454 г.

Ростовскому владыкѣ Григорію Кунцовская мѣстность тоже вѣроятно была отдана на поминъ души изъ боярскихъ же или великокняжескихъ удѣльныхъ вотчинъ, ибо близлежащими землями по Ходынскому полю владѣлъ въ то время кн. Владиміръ Андреевичь, братъ Донскаго, у котораго и дворецъ былъ на Трехъ Горахъ и который потомъ завѣщалъ эти земли Новинскому монастырю.

Какъ бы ни было, но исторія Кунцова можетъ начинаться отъ начала XV в., слѣд. чуть не за 500 лѣтъ до нашихъ дней.

Однако первое извѣстіе о самомъ Кунцовѣ и съ его именемъ относится къ началу XVII ст. Это имя встрѣчается не рѣдко при обозначеніи топографическихъ мѣстностей или урочищъ. Подъ Смоленскомъ есть село Кунцово—Милово, прозваніе котораго быть можетъ и возстановляетъ древній смыслъ этого имени, ибо въ разговорномъ языкѣ XVI ст. слово кунка означало напр. тоже что милая; въ областномъ языкѣ кунѣть значитъ хорошѣть, куночкою зовется хорошо одѣтая дѣвочка, такъ какъ куницею величаютъ въ сватовствѣ дѣвку—невѣсту, кунакъ значитъ пріятель, кунюшка — милый, любезный; и въ добавокъ куна, кунка, куночка значитъ горсть, пригоршни, даже чаша, что въ отношеніи къ Кунцовской мѣстности можетъ указывать на лежащую передъ нею широкую и совсѣмъ круглую чашу—котловину москворѣц-

каго луга. Куноворотъ тоже означаетъ кругъ, водоворотъ, пучину, водоверть, что также можетъ указывать на крутые и круглые переверты Москвы-рѣки именно въ виду Кунцова.

Въ началѣ XVII ст. именемъ Кунцова прозывалась небольшая деревушка, стоявшая на лѣвомъ берегу рѣчки Хвилки, вѣроятно гдѣ либо противъ теперешняго пруда. Деревушка принадлежала селу Хвилямъ (Покровское), а село со всею окружною мѣстностью по рѣчкѣ Хвилкѣ, начиная почти отъ ея истока и до впаденія въ Москву-рѣку, было старинною родовою вотчиною князей Мстиславскихъ. Въ 1622 г. послѣ смерти послѣдняго изъ князей Мстиславскихъ, боярина Ѳедора Ив., село съ деревнями и пустошами царь Михаилъ Ѳедоровичъ укрѣпилъ за сестрою боярина, за княжною-старицею Ириною Ивановною, послѣднею изъ Мстиславскихъ. Такимъ образомъ исторія Кунцова совпадаетъ съ исторіею княжескаго рода Мстиславскихъ и можетъ начинаться съ того же времени, когда этотъ знаменитый боярскій родъ сдѣлался извѣстнымъ въ отечественной исторіи. Князья Мстиславскіе происходили отъ Гедемина, великаго князя Литовскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Рюрикова колѣна, отъ великихъ князей Тверскихъ. Родоначальникъ ихъ Михаилъ Ижеславскій былъ праправнукъ Евнутія, (Явнутъ † 1366), третьяго Гедеминова сына, а его супруга, княжна Ульяна, была праправнукою четвертаго Гедеминова сына Ольгерда († 1377), женатаго на дочери в. к. Тверскаго Александра Михайловича, тоже именемъ Ульянѣ.

Отъ соединенія великокняжескихъ колѣнъ, литовскаго и русскаго, и притомъ въ одномъ же своемъ литовскомъ племени произошелъ князь Ѳедоръ Михайловичъ Мстиславскій, прозванный такъ по матери, за которою въ приданое данъ былъ городъ Мстиславль.

Извѣстно, что Литва въ первое время своей исторіи сильно тянула къ православной Руси, сильно подчинялась вліянію русскому, русскимъ нравамъ, обычаямъ, русскому языку и вѣрѣ. Литовскіе князья съ своимъ народомъ годъ отъ году все больше русѣли. Они были завоевателями Руси въ несчаст-

ное для нея время княжескихъ усобицъ и земскаго раздробленія. Они тогда захватили всю юго-западную половину русской земли и какъ лѣсные дикари по необходимости должны были принимать русское образованіе, по той простой причинѣ, что какъ бы ни было мало это образованіе, оно все-таки было христіанское и стояло неизмѣримо выше литовскаго, только что выходившаго изъ лѣсовъ и отъ грубаго язычества.

Но Литва жила на рубежѣ между Польшею и Русью, а лучше сказать между Западною и Восточною церковью, между католичествомъ и православіемъ. Очевидно, что по той же причинѣ, какъ язычница, она должна была подчиняться и вліянію католической Польши и вмѣстѣ съ тѣмъ, находясь между двумя сильными и христіански-образованными народностями, рано ли, поздно ли, должна была утратить свою самостоятельность и независимость и совсѣмъ слиться съ кѣмъ либо изъ своихъ христіанскихъ сосѣдей. Поэтому ея исторія и жизнь постоянно склонялись то на ту, то на другую сторону, а отъ того и лучшіе ея люди постоянно переходили или къ Польшѣ или къ Руси, особенно когда Русь стала крѣпка и тверда Москвою, стала способною защищать себя и своихъ добрыхъ слугъ.

Такимъ путемъ, многіе изъ литовцевъ и самые князья Гедиминовичи, начиная еще съ сыновей Ольгерда, довольно часто переходили изъ Литвы служить в. князьямъ московскимъ. Ольгердовичи выѣхали еще къ Дмитрію Донскому въ Мамаевъ приходъ; о боярахъ и другихъ менѣе знатныхъ людяхъ нечего и упоминать. Москва сильно тянула къ себѣ всѣхъ недовольныхъ Литвою, а особенно тѣхъ, которымъ приходилось жить между двухъ огней, гдѣ либо на рубежѣ; они поневолѣ должны были искать, гдѣ бы лучше и покойнѣе пріютиться: православные, разумѣется, выбирали православную Москву. Быть можетъ по тѣмъ самымъ причинамъ въ 1526 г. отъѣхалъ служить въ Москву и князь Ѳедоръ Михайловичъ Мстиславскій. Путь ему былъ указанъ еще его отцемъ, кн. Михаиломъ Ижеславскимъ, который въ 1514 г. во время литовской войны отдался безъ сопротивленія в. к. Василію Ив. и съ сво-

имъ вотчиннымъ городомъ Мстиславлемъ, хотя вскорѣ, по случаю успѣховъ литовскаго короля, опять возвратился въ подданство Литвы. Но это показывало только крайнюю беззащитность и шаткость положенія тогдашнихъ малыхъ удѣльныхъ княжествъ. Его сынъ, кн. Ѳедоръ Мих., рѣшился со всѣмъ покончить съ своею вотчинною независимостью и отъѣхалъ на службу въ Москву. Здѣсь государь принялъ его съ большимъ радушіемъ, пожаловалъ ему въ кормленіе много вотчинъ, въ числѣ которыхъ были даже и города, Ярославецъ (Малый) и Кашира. Въ тоже время ему непремѣнно дано было и подмосковное помѣстье, что почиталось тогда необходимостью для каждаго боярина и близкаго къ государю человѣка. Но была ли это именно Кунцовская мѣстность, неизвѣстно, хотя и нѣтъ повода въ этомъ сомнѣваться, потому что она всегда называлась старинною вотчиною Мстиславскихъ; старинная значило самая первая по времени владѣнья.

Однако нововыѣзжему князю, какъ видно, не полюбилось житье въ Москвѣ, подъ крутою и крѣпкою властью московскаго государя, и онъ сталъ помышлять о возвратномъ пути въ Литву; но это было не совсѣмъ легко. Москва тѣмъ особенно и отличалась, что любила всякое дѣло дѣлать основательно и ставить его твердо. У ней былъ такой обычай: если что разъ переходило въ ея область и въ ея руки, то̀ почитала она своимъ навѣки, не смотря ни на какія превратности счастія и обстоятельствъ. Этимъ кореннымъ ея обычаемъ она и успѣла создать русское крѣпкое государство. Она шутить не любила и играть въ отъѣзды боярамъ воли не давала. По ея понятіямъ, такой поступокъ, какъ отъѣздъ къ чужому государю, почитался государственною измѣною. Между тѣмъ бывшіе удѣльные князья и бояре разсуждали иначе и думали, что вольнымъ слугамъ,— воля на всѣ четыре стороны, и что если невозможно уйдти открыто, то возможно убѣжать тайно. О такой именно мысли сказали государю про Мстиславскаго, сказали, что онъ помышляетъ уйдти опять въ Литву. Можетъ быть это была и клевета. Самъ государь этому не повѣрилъ и по прежнему жаловалъ князя; но князь, чтобы очистить себя отъ подозрѣ-

нія, далъ на себя государю крѣпкую запись съ поручительствомъ митрополита Даніила (котораго поученія мы приводили выше), и всего духовенства, всего духовнаго собора; и на томъ цѣловалъ крестъ у гроба чудотворца Петра, что никакъ не измѣнить московскому государю. Государь пожаловалъ его больше прежняго и женилъ даже на своей племянницѣ, княжнѣ Настасьѣ Петровнѣ, дочери казанскаго царевича Петра, который, принявъ православную вѣру, былъ женатъ на государевой сестрѣ Евдокіѣ.

Однако въ это-то время Мстиславскій уже серьезно помыслилъ уѣхать изъ Москвы и отдаться Литовскому королю. Должно быть очень не нравился ему московскій обычай и московскіе порядки жизни. Тогда, узнавши объ измѣнѣ, государь прогнѣвался и положилъ на него свою опалу. По заступленью митрополита и владыкъ, а главное по случаю всеобщей радости о рожденьи государю наслѣдника (Ивана Грознаго) Мстиславскій успѣлъ выпросить прощенье въ своей винѣ и далъ новую крѣпкую запись, что служить будетъ вѣрно и государево дѣло дѣлать прямо, безъ всякой хитрости. Послѣ того Мстиславскій не думалъ уже объ отъѣздѣ. Пользуясь своимъ знатнымъ происхожденіемъ, на службѣ онъ занималъ всегда передовое мѣсто и съ честью не одинъ разъ разбивалъ татарскіе полки, по тогдашней московской украйнѣ, на Окѣ и Волгѣ. До сихъ поръ въ Оружейной Палатѣ сохраняется его богатырская сабля, заслуживающая особаго вниманія по своей величинѣ и тяжести. На ней подписано: „сабля княжъ Ѳедора Михаиловича Мстиславскаго". Слово княжъ обозначаетъ, что сабля принадлежала ему еще тогда, когда онъ не былъ бояриномъ, а былъ молодымъ человѣкомъ. На ней есть также арабская надпись: „работа Абдулъ Али, уроженца кашемирскаго."

Супруга Ѳед. Мих., Настасья Петровна, въ тоже время первенствовала при Дворѣ у в. кн. Елены (Глинскихъ), занимая всегда первое мѣсто при торжественныхъ ея столахъ и пріемахъ. И по мужѣ, и по происхожденію, какъ урожденная царевна и притомъ родственница государю, она на самомъ дѣлѣ

была первою особою государынина Двора. Съ исторіею Кунцовской мѣстности связано быть можетъ ея имя, ибо подъ Дорогомиловымъ кладбищемъ, на Москвѣ рѣкѣ, гдѣ нѣкогда производились каменныя ломки, еще въ XVII ст. существовало урочище, прозывавшееся Настасѣинымъ плесомъ и тутъ же была пустошь Настасьина. Вся эта загородная мѣстность, по берегу Москвы-рѣки до самаго Кунцовскаго городища, могла въ самомъ дѣлѣ принадлежать князю Мстиславскому и стало быть его супругѣ, именемъ которой впослѣдствіи и прозвано быть можетъ ея любимое урочище.

Князь Ѳедоръ Мих. скончался въ 1540 г. іюня 20 и погребенъ въ Симоновѣ монастырѣ.

У первыхъ Мстиславскихъ былъ только одинъ сынъ Иванъ Ѳедоровичъ; онъ приходился племянникомъ Ивану Грозному, хотя и былъ нѣсколько старше его по лѣтамъ. Само собою разумѣется, что уже одно родство ставило его въ самыя близкія отношенія къ малолѣтному государю, а потому онъ скоро занимаетъ очень важную должность. Въ 1541 г. одиннадцатилѣтній государь жалуетъ его къ себѣ крайчимъ, котораго обязанность была стоять у государева стола и подавать, отвѣдывая, кушанья и питья, т. е. охранять государево здоровье въ пищѣ и питьѣ.

На свадьбѣ государя, когда Грозный женился въ 1547 г. на Настасьѣ Романовой, Мстиславскій тоже является въ числѣ самыхъ близкихъ людей къ государю: онъ спитъ у постели новобрачнаго съ Никитою Романовымъ Юрьевымъ и находится въ спальникахъ и мовникахъ въ мыльнѣ у государя съ тѣмъ же Романовымъ и съ любимцемъ Алексѣемъ Адашевымъ.

Почти въ одно время съ государемъ и по его назначенью женится и Мстиславскій на княжнѣ Иринѣ Александровнѣ Горбатово—Суздальской. Свадьбу справляетъ самъ государь на дворцовый счетъ и обѣщаетъ притомъ, что и впередъ хочетъ жаловать своего племянника съ его новобрачною и новымъ родствомъ—великимъ своимъ жалованьемъ. Дѣйствительно, обѣщаніе это было въ точности исполнено и Мстиславскій во все царствованіе Грознаго постоянно былъ впереди всего

боярства не по одной знатности своего рода, но и по особому расположенію къ нему государя, такъ часто опалявшагося почти на всѣхъ своихъ приближенныхъ. Конечно при Грозномъ мудрено было не попасть въ какую либо бѣду, и не поселить въ государѣ какого либо подозрѣнія къ своимъ дѣйствіямъ. Случалось это и съ Мстиславскимъ. Но гроза къ счастью проходила благополучно. По всему видно, что князя спасалъ его характеръ, не отличавшійся ни особымъ честолюбіемъ, ни способностью заводить интриги и крамолы. Князь вовсе не принадлежалъ къ тому разряду приближенныхъ лицъ, изъ котораго выработался въ послѣдствіи Борисъ Годуновъ. Онъ былъ вполнѣ преданнымъ и самымъ послушнымъ племянникомъ государю, и всегда удалялся отъ всякой борьбы съ боярами, и отъ всякаго участія въ ихъ крамолахъ.

Въ 1548 г. Мстиславскій пожалованъ изъ кравчихъ въ бояре и по знатности рода занялъ тотчасъ самое видное мѣсто въ кругу бояръ. Во время знаменитаго похода подъ Казань, въ 1552 г., онъ былъ первымъ воеводою въ большомъ полку, что равнялось званію генералъ-фельдмаршала. Точно также и во время похода на Ливонію въ 1559 г. былъ тоже первымъ воеводою. И тамъ и здѣсь онъ ратоборствовалъ успѣшно, хотя и не отличился ни какимъ особенно блистательнымъ дѣломъ.

При раздѣленіи государства, на Опричнину и Земщину, Грозный оставилъ и Мстиславскаго въ Земщинѣ вторымъ послѣ Ив. Дм. Бѣльскаго. Это значило, что онъ былъ во главѣ Земскаго или общегосударственнаго правительства. Съ этой поры, какъ извѣстно, дѣла въ государствѣ приняли другой оборотъ и новые походы и войны оказывались весьма неудачными.

Такъ, въ 1571 г. шелъ къ Москвѣ Крымскій Ханъ Девлетъ Гирей: московскіе воеводы, въ томъ числѣ вторымъ Мстиславскій, не успѣли дать отпоръ Хану и пропустили его къ самой столицѣ. Москва была сожжена и разграблена. Конечно, не одинъ Мстиславскій былъ виноватъ въ этомъ несчастіи. Тогда отъ внутренней, собственно царской и дворской смуты всѣ русскіе люди были поколеблены нравственно и готовы были измѣнять и желать всякаго врага своему же государству. Но

Грозный обвинилъ именно Мстиславскаго въ томъ, что онъ съ товарищами боярами измѣнилъ, навелъ на Русскую Землю Хана; и въ добавокъ соблазнился въ вѣрѣ и помышлялъ отъѣхать въ Литву. Оправдываться было нечего, ибо царь обвинялъ сколько самого Мстиславскаго, столько же вообще все боярство, котораго Мстиславскій былъ только представителемъ. По ходатайству митрополита и духовенства, первенствующій бояринъ былъ прощенъ, отъ него взята клятвенная запись за поручительствомъ троихъ бояръ, обязавшихся внесть царю 20000 р., если князь отъѣдетъ; за бояръ еще поручилось 285 человѣкъ, разверставши эту сумму, кто сколько могъ уплатить, такъ что порука стала самая крѣпкая. Князь обѣщалъ къ иной вѣрѣ не приставать, вѣру христіанскую держать твердо.

Ровно черезъ десять лѣтъ опять онъ попадаетъ и съ двумя сыновьями въ какія то измѣнныя вины и дѣло опять оканчивается только новою клятвенною записью, по которой бояринъ съ сыновьями даетъ клятву не отъѣхать ни къ которому государю, ни къ Турецкому, ни къ Цесарю, ни къ королю въ Литву, ни къ королямъ Испанскому, Французскому, Чешскому, Угорскому, Датскому, Свейскому, ни въ Англію, ни въ какія Нѣмецкія государства, ни въ Крымъ, ни въ Нагаи.

Грозный, какъ извѣстно, очень боялся боярской измѣны и отбиралъ такія записи по первому сомнительному поводу отъ каждаго знатнаго боярина, стоявшаго впереди другихъ. Однако за Мстиславскаго бояться было нечего: это былъ человѣкъ смирный и неспособный сдѣлать какое либо рѣшительное дѣло. Грозный вѣроятно очень хорошо зналъ это и не лишалъ князя своего прежняго родственнаго расположенія. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи 1572 г. онъ оградилъ его и со стороны пожалованныхъ вотчинъ, завѣщавъ сыновьямъ слѣдующее: „А что отецъ нашъ, в. к. Василій пожаловалъ кн. Ѳедора Мстиславскаго и что я придалъ сыну его кн. Ивану, и сынъ мой въ ту у него вотчину и у его дѣтей не вступается; а отъѣдетъ куда нибудь, и та вотчина сыну Ивану.“

Такимъ образомъ, если Кунцовская мѣстность не была пожалована еще первому Мстиславскому, кн. Ѳедору Мих., то уже несомнѣнно она была отдана Грознымъ кн. Ивану Ѳед. Мы дѣлаемъ эту оговорку только по той причинѣ, что не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о первомъ пожалованіи, между тѣмъ при внукахъ Ѳедора Мих. она называется уже старинною вотчиною Мстиславскихъ.

По смерти Грознаго кн. Иванъ Ѳед. остался въ боярской Думѣ первымъ, а сынъ его кн. Ѳедоръ Иван. пятымъ. Есть свидѣтельство, что Грозный именно Мстиславскаго съ Никитою Романовымъ назначилъ опекунами къ сыну, царю Ѳедору. Но вскорѣ главнымъ опекуномъ молодаго и неспособнаго царя явился его шуринъ, Борисъ Годуновъ, пролагавшій себѣ прямо путь къ престолу. На этомъ пути упомянутые два человѣка ему очень мѣшали. Неизвѣстно, какъ было дѣло, но вскорѣ Романовъ заболѣлъ и въ 1586 г. померъ. Съ Мстиславскимъ Годуновъ сталъ жить въ великой любви и дружбѣ; назвалъ его себѣ отцомъ, а тотъ его сыномъ; заодно радѣли о государевомъ дѣлѣ. Но это продолжалось недолго. Противники Годунова, другіе бояре, особенно Шуйскіе, подговорили (будто бы) перваго боярина стать заодно съ ними противъ Годунова и извести его. Бояринъ долго не соглашался, а потомъ рѣшился устроить пиръ у себя въ домѣ, позвать Годунова, тогда и убить его. Но заговоръ былъ открытъ и Мстиславскій былъ сосланъ въ Кириловъ монастырь, постриженъ въ монахи и вскорѣ тамъ умеръ, въ томъ же 1586 году. Трудно повѣрить, чтобы Мстиславскій, смирный и всегда осторожный въ своихъ отношеніяхъ къ тогдашнимъ дворскимъ интригамъ и смутамъ, сдѣлался вдругъ заговорщикомъ и даже назначилъ свой пиръ и свой домъ для преступнаго злодѣйства. Нѣтъ сомнѣнія, что вся эта басня сочинена человѣкомъ, которому было надобно удалить перваго боярина, слѣд. самимъ Годуновымъ, очень хорошо знавшимъ только одно, что Мстиславскій не былъ на его сторонѣ, враждовалъ ему, а главное былъ первымъ въ Думѣ, и по старшинству, и по знатности ро-

да, стало быть всегда служилъ помѣхою для пріобрѣтенія царскаго сана.

Имя кн. Ивана Ѳед. поминалось и при первомъ Самозванцѣ. Разсказывали, что Мстиславскій былъ ему, т. е. истинному царевичу Дмитрію, крестнымъ отцомъ и лжецарь сохранялъ дорогой его крестъ, какъ прямое доказательство истинности своего царскаго происхожденія.

У кн. Ивана Ѳед. было два сына и двѣ дочери. Младшій сынъ Василій померъ еще при Грозномъ въ 1582 г. Дочь Настасья также еще при Грозномъ была замужемъ за названнымъ царемъ Симеономъ Бекбулатовичемъ, которому Грозный передалъ царство, даже вѣнчалъ его царскимъ вѣнцемъ, назвавшись самъ простымъ государемъ (владѣльцемъ) княземъ Иваномъ, Иванцомъ Московскимъ. Все это дѣлалось во время Опричнины. Титулованная царица Настасья скончалась схимницею съ именемъ Александры въ 1607 г.

Другая дочь Ирина осталась дѣвицею и потомъ была пострижена въ монахини. Единственнымъ представителемъ этого знатнаго рода и послѣднимъ въ родѣ былъ старшій сынъ, князь Ѳедоръ Ив., который, подобно отцу, занималъ между боярами и въ Думѣ первенствующее положеніе до своей смерти, въ теченіи всего Смутнаго времени нашей исторіи. Службу онъ началъ, какъ и отецъ, тоже кравчимъ въ 1575 г. и черезъ два года былъ пожалованъ въ бояре. Годуновъ, удалившій со сцены отца, оставилъ сына въ покоѣ. Это показываетъ, что Ѳедоръ Ив. не былъ по своему характеру опасенъ для будущаго обладателя царствомъ. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ тѣхъ же осторожныхъ нравовъ, какъ и отецъ. Онъ не вмѣшивался въ боярскія интриги, стоялъ отъ нихъ подальше и всегда особникомъ, защищая только интересы того государя, которому обѣщался крестнымъ цѣлованьемъ служить; а служилъ онъ и Годунову, и Растригѣ, и Шуйскому, и Владиславу и на остатокъ дней царю Михаилу Романову. Для господствовавшей въ каждое время власти онъ былъ дорогой человѣкъ, какъ главный авторитетъ всего боярства, всей правящей среды, и между тѣмъ человѣкъ спокойный, вовсе не

честолюбивый и неспособный ни къ какой интригѣ. Годуновъ однако и его побаивался и разсказываютъ, что будто бы и жениться ему не позволялъ, дабы вовсе прекратить родъ такого опаснаго совмѣстника для полученія царства. Неизвѣстно когда это было; быть можетъ еще въ самомъ началѣ стремленій Годунова проложить себѣ путь на престолъ. Извѣстно только, что Ѳедоръ Ив. былъ женатъ три раза. Первая его жена Уліанія скончалась 1586 г. апр. 6. Со второю—Прасковьею Иванов. онъ былъ въ 1606 г. мая 8 посаженымъ отцемъ, а она матерью, у Растриги, который будто бы и устроилъ этотъ бракъ, дозволивъ боярину жениться послѣ запрещенія Годунова. На третьей—Оринѣ Мих., дочери кн. Михаила Гр. Темкина-Ростовскаго, онъ женился 21 января 1617 г. Она пережила своего мужа и скончалась инокинею, съ именемъ Домники, 1630 г. іюля 7. Такимъ образомъ если и дѣйствительно Годуновъ препятствовалъ его женитьбѣ, то это могло случиться, какъ и вѣроятнѣе, не въ царствованіе Годунова, а еще прежде, при царѣ Ѳедорѣ Ив., именно послѣ 1586 г., когда умерла первая супруга, при чемъ Годуновъ могъ дѣйствовать еще именемъ царя Ѳедора.

Въ теченіи своей службы Ѳедоръ Ив. совершилъ нѣсколько походовъ въ Ливонію, противъ Шведовъ, противъ польскаго короля Баторія, противъ Татаръ (1577—1592). Особенно удачно онъ воевалъ противъ Шведовъ въ 1590 и 1592 г. Но въ Смутное время ему несчастливилось. При Годуновѣ, встрѣтивъ Самозванца подъ Новгородъ-Сѣверскимъ, въ декабрѣ 1604 г., онъ проигралъ битву и былъ такъ израненъ (получилъ 15 ранъ), что попалъ было въ плѣнъ, но вскорѣ былъ отбитъ. Точно также онъ потерпѣлъ пораженіе и при Шуйскомъ отъ полчищъ Болотникова. Первенствуя въ царской Думѣ между боярами, онъ и въ походахъ всегда назначался первымъ, старшимъ воеводою.

Какъ ни былъ Мстиславскій остороженъ и далекъ отъ всякой интриги, но по особенно видному своему положенію въ государствѣ не разъ попадалъ, по крайней мѣрѣ своимъ именемъ, въ огонь боярскихъ смутъ и заговоровъ, противъ бояр-

скихъ же царей, Годунова и Шуйскаго. Въ одинъ изъ такихъ заговоровъ потерпѣла и его старшая сестра Ирина. Еще при царѣ Ѳедорѣ Ив., когда всѣмъ явно стало, куда направляетъ свои виды шуринъ его, Годуновъ, лучшіе, наиболѣе предпріимчивые бояре, именно Шуйскіе, съ совѣта митроп. Діонисія и при пособіи всего московскаго купечества рѣшились перейдти временщику дорогу. Такъ какъ у царя Ѳедора дѣтей не было и царица Ирина, сестра Годунова, не обѣщала чадородія и въ будущемъ, то упомянутыя лица составили совѣтъ и рукописаньемъ утвердились: бить челомъ государю, чтобы онъ оставилъ первую царицу, отпустилъ бы ее въ иноческій чинъ и, ради чадородія и наслѣдника, женился бы на другой. Невѣстою была избрана сестра Мстиславскаго Ирина Ивановна. Само собою разумѣется, что Годуновъ тотчасъ провѣдалъ этотъ заговоръ и Ирину тайно увезли изъ дома и постригли. Шуйскіе и ихъ совѣтники тоже были всѣ разосланы въ ссылку и тамъ изведены. Несчастная княжна пережила всѣхъ своихъ враговъ и всѣхъ своихъ родичей. Она скончалась 15 нояб. 1639 г., живя въ Вознесенскомъ монастырѣ и пользуясь постоянно царскимъ почетомъ при супругѣ царя Михаила Евдокіи Стрѣшневыхъ. Она же изъ Мстиславскихъ была послѣднею вотчинницею села Хвилей со всею Кунцовскою мѣстностью.

При избраніи на царство Василья Шуйскаго, многіе думали избрать лучше Ѳедора Ив. Мстиславскаго и говорятъ что, еслибъ созванъ былъ Земскій Соборъ, то такъ бы и случилось, потому что Мстиславскій былъ самый знатный человѣкъ въ государствѣ и къ тому же былъ совсѣмъ непричастенъ ни къ какой изъ боярскихъ партій. Однако князь рѣшительно отказывался отъ царскаго вѣнца и говорилъ, что пострижется въ монахи, если его выберутъ. Между тѣмъ многіе поспѣшили и безъ Земскаго собора выбрать Шуйскаго. Тогда противная партія, должно быть по преимуществу сторонники и родственники Мстиславскаго, затѣяла смуту его именемъ, надѣясь посадить его на царство даже и противъ его желанія, лишь бы низвергнуть Шуйскаго и пріобрѣсти при новомъ царѣ новыя выгоды. По розыску оказалось, что Мсти-

славскій ни въ чемъ не былъ виноватъ, а зачинщикомъ явился бояр. Петръ Никитич. Шереметевъ, родственникъ Нагихъ. (За Мстиславскимъ была женою двоюродная сестра царицы Мареы Нагихъ).

Окончилось потомъ и царство Шуйскаго, а Мстиславскій все оставался первымъ, оставался какъ бы корнемъ московскаго боярства, котораго очень многія вѣтви частію были порублены, частію сами обломались въ эту бурную и грозную эпоху нашей исторіи.

Когда, по низведеніи Шуйскаго, настало Междоцарствіе, кому же было взять въ руки правленіе государствомъ, по крайней мѣрѣ на время, до избранія царя, какъ не боярской Думѣ. Въ думѣ оставалось семь бояриновъ и во главѣ ихъ стоялъ тотъ же Мстиславскій. Временное правительство и скрылось въ его имени: грамоты писались и всѣ распоряженія дѣлались отъ боярина Өедора Ивановича Мстиславскаго съ товарищи.

Недолго существовало это правительство; только два мѣсяца оно наслаждалось властью, какъ говоритъ лѣтописецъ, и само отдалось въ руки Поляковъ. „Оскудѣша премудрые старцы, эти седмочисленные бояры, изнемогоша чудные совѣтники! Отнялъ Господь крѣпкихъ земли!“ восклицаетъ лѣтописецъ, описывая событія этого времени. Боярская среда здѣсь вполнѣ обнаружила, что Грозный былъ правъ, постоянно обвиняя и подозрѣвая ее въ измѣнѣ. Она въ лицѣ своихъ представителей и самыхъ бойкихъ и дѣятельныхъ людей тянула въ Польшу, выбрала себѣ въ цари королевича Владислава, готовилась присягнуть и самому королю Сигизмунду. Со стороны бояръ такая измѣна являлась необходимостью, по той причинѣ, что они ставили личныя свои пользы, свое честолюбіе и властолюбіе, выше выгодъ отечества; они готовы были для своей чести и корысти пожертвовать самыми существенными интересами Русской Земли. Эту-то боярскую натуру очень хорошо и понималъ Грозный.

Вотъ, открылась боярамъ дорога къ престолу: одинъ за другимъ взбираются на эту высоту и падаютъ. Годунова они низ-

вергли посредствомъ Самозванца, возвели Шуйскаго; ясно, что и этотъ былъ ненадобенъ, потому что оставались еще кандидаты. Стремится на ту же высоту кн. Голицынъ (Вас. Вас.). Но было уже достаточно тяжелыхъ опытовъ боярскаго царствованія. Изъ среды же бояръ и самый старшій и первый изъ нихъ становится около престола и окончательно отрѣзываетъ къ нему путь. То былъ Ѳ. И. Мстиславскій. Онъ прямо объявилъ, что самъ онъ царемъ быть не желаетъ, да и никого не желаетъ видѣть на царствѣ изъ своей братіи бояръ, и предложилъ избрать въ цари кого либо изъ царскаго племени, разумѣя именно польскаго Владислава. Старое родство съ Литвою взяло свое. Тотчасъ разосланы были грамоты по городамъ, чтобы земство собиралось въ Москву избирать царя. Но земство молчало и въ Москву не ѣхало. Между тѣмъ на Москву насѣдалъ второй Самозванецъ, Тушинскій Царикъ, и стоялъ уже въ Коломенскомъ. Москва при руководствѣ Мстиславскаго и по тайнымъ проискамъ другихъ бояръ поспѣшила присягнуть королевичу Владиславу. Одинъ только патріархъ Гермогенъ и за нимъ весь народъ, то есть черные люди, желали избрать кого либо изъ прирожденныхъ русскихъ и указывали на Голицына и на Михаила Романова, какъ родственника царю Ѳедору Ивановичу. Вѣроятнѣе всего, что и тогда царство осталось бы за Романовымъ, еслибъ избраніе совершилось всею землею. Романовъ былъ именно такой юноша, который стоялъ далеко отъ всѣхъ партій и больше боялся царскаго сана, чѣмъ желалъ его, ибо очень хорошо видѣлъ, какъ эта высота опасна. Такъ по крайней мѣрѣ разсуждала его мать, инока Марѳа Ивановна, когда совершилось уже всенародное избраніе ея сына въ цари. Она долго и настойчиво отказывала Земскому Собору, припоминая всѣ несчастныя событія съ бывшими царями и упирая вообще на криводушіе и измѣнчивость избирателей. Дѣйствительно, надо было пройдти многимъ испытаніямъ, надо было, чтобы боярство употребило всѣ послѣднія хитрости и интриги, когда наконецъ всталъ самъ народъ спасать отечество собственными руками и когда онъ потомъ высказалъ о выборѣ царя свое рѣшительное слово,

Такимъ образомъ Мстиславскій поступалъ не въ интересахъ всего народа, всей земли, а въ интересахъ той же боярской среды, въ которой онъ былъ первымъ человѣкомъ. Въ немъ крѣпко сидѣлъ боярскій духъ; онъ былъ очень ревнивъ къ боярской чести и если самъ не хотѣлъ царскаго сана, зная впередъ, что не съумѣетъ устоять въ немъ, то изъ ревности къ тому же сану не хотѣлъ, чтобы и другой кто изъ равныхъ овладѣлъ имъ. Нейтральнымъ человѣкомъ являлся ему только чужой, а по старымъ родовымъ преданіямъ и связямъ съ Литвою, именно польскій королевичь Владиславъ. Въ этомъ случаѣ повторилось тоже, что всегда бывало между враждующими ревнивыми боярскими родами: дабы удовлетворить всѣ стороны и умирить замѣшательство и раздоръ, они призывали Рюрика, третье чужое для всѣхъ лицо.

Когда приверженное къ Польскимъ интересамъ боярство довело дѣло до того, что рѣшилось присягнуть даже королю Сигизмунду или отдаться въ его полную волю, и когда оно стало принуждать и патріарха, чтобы утвердилъ эту мысль грамотою, то патріархъ Гермогенъ проклялъ это боярское начинаніе.

Разсказываютъ, что у патріарха съ боярами была большая ссора по этому случаю, что наиболѣе дѣятельный зачинщикъ этого дѣла и всего зла предводитель, Михайла Салтыковъ, поносся и позоря владыку, отъ ярости выхватилъ на него ножъ. Гермогенъ громко отвѣтилъ, что не боится его ножа, что силою креста вооружается противъ ножа и тутъ же проклялъ измѣнника. А Мстиславскому сказалъ: „Ты долженъ начинать, господинъ; ты знатностью теперь надъ всѣми большой; тебѣ должно подвизаться за православную вѣру; если же и ты также прельстился, какъ и прочіе, то скоро Богъ прекратитъ жизнь твою и родъ твой возметъ весь отъ земли живыхъ, и не останется рода твоего ни одинъ."

Такъ и сбылось это пророчество, прибавляетъ позднѣйшій лѣтописецъ.

Бояре продавали отечество за боярскія почести и корысти, а потому и великій подвигъ спасти отечество отъ иноплемен-

ной и собственной внутренней вражды достался не первому боярину, а первому простолюдину, выборному человѣку Русской земли, Козьмѣ Минину. Первый бояринъ остался попрежнему первенствовать въ царской Думѣ, то есть все осталось въ прежнемъ порядкѣ, а народомъ уничтоженъ былъ только безпорядокъ, надѣланный тѣми же боярами.

При царѣ Михаилѣ Ѳед. Мстиславскій могъ доживать свой вѣкъ очень покойно. Смуты окончились и старое даже и измѣнникамъ не поминалось. Все было забыто и всѣмъ послѣдовало всенародное прощенье. Вина всѣхъ смутъ была принята на себя всѣмъ народомъ, а потому и у престола молодаго царя собрались и вожди очищенія земли отъ враговъ, вожди спасенія, и вожди измѣны и прежнихъ смутъ и интригъ.

Пророчество Гермогена о Мстиславскомъ сбылось. Въ 1617 г., какъ сказано, бояринъ—женился на дочери кн. Мих. Григор. Темкина-Ростовскаго, Иринѣ Михайловнѣ. Но потомства и именно въ мужскомъ колѣнѣ князь не оставилъ. Извѣстно только, что отъ всѣхъ трехъ браковъ у него былъ сынъ Василій, рано умершій, и двѣ дочери, Ольга (+ 1609 г.) и Ирина († 1620 г.).

Князь Ѳедоръ Ив. умеръ 19 февр. 1622 г., оставивъ послѣ себя супругу Ирину Мих. и сестру старицу инокиню Ирину Ив., жившую въ Вознесенскомъ монастырѣ. Дворъ боярина и дальнія вотчины оставались за его вдовою до ея кончины въ 1630 году іюля 7. Изъ боярскихъ вдовъ, бывавшихъ при дворѣ царицы Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневыхъ, она была вдова б о л ь ш а я, т. е. самая знатная, первенствующая, разумѣется по бывшему первенству ея мужа. Иногда при случаяхъ торжественнаго пріема иноземныхъ посольствъ отъ ея двора выставлялось для посольской встрѣчи 25 и 30 человѣкъ дворовыхъ людей, конныхъ и въ цвѣтномъ нарядѣ. Это показывало, что дворъ Мстиславскихъ былъ не только знатенъ, но и достаточно богатъ, потому что число высылаемыхъ отъ боярскаго двора людей всегда опредѣлялось его богатствомъ; иные вдовьи дворы выставляли только 4 человѣка, и потому 30 чел.

было большимъ числомъ даже и вообще для богатаго боярскаго двора.

Подмосковная вотчина Кунцовская, какъ старинная родовая вотчина князей Мстиславскихъ, была укрѣплена государемъ по смерти Ѳедора Ив. за его сестрою старицею Ириною Ив., послѣднею въ родѣ.

Въ 1622 г. ей дана была на владѣнье и жалованная грамота. Несчастная невѣста царя Ѳедора, бывшая теперь инокинею Вознесенскаго монастыря, конечно изъ монастыря же и владѣла своею вотчиною, изрѣдко, быть можетъ, въ лѣтнее время, пріѣзжая посмотрѣть на свое хозяйство и сдѣлать лично какія либо распоряженія. Вотчиною управлялъ прикащикъ Третьякъ Резанцевъ, который и жилъ при боярскомъ домѣ вмѣстѣ съ другими дворовыми людьми; а ихъ всего было 2 конюха да дѣловыхъ, работныхъ, три человѣка.

Взглянемъ на состояніе Кунцовской мѣстности въ это время. Резиденціею вотчины было село Хвили, на рѣкѣ на Москвѣ, усть рѣчки Хвилки. Подъ селомъ былъ прудъ, какъ и теперь, а въ селѣ церковь: Покровъ Богородицы съ придѣломъ Зачатія св. Анны, деревянная, строенная клѣтски, т. е. такъ, какъ клѣть—изба. Въ церкви: образы, свѣчи, книги, на колокольницѣ колокола и всякое церковное строенье было вотчинниково. Причтъ состоялъ изъ попа, дьячка, пономаря и проскурницы (просвирни). Вблизи церкви стоялъ дворъ вотчинниковъ — боярскій дворъ. Намъ неизвѣстно, каковы были сельскіе боярскіе хоромы князей Мстиславскихъ, но по всему вѣроятію они не отличались отъ того общаго типа боярскихъ сельскихъ домовъ, какой былъ господствующимъ въ XVII, а стало быть и въ XVI ст. Хоромный составъ такого двора заключался въ нѣсколькихъ горницахъ съ комнатами, раздѣленныхъ сѣнями и стоявшихъ на жилыхъ подклѣтахъ, т. е. на нижнемъ служебномъ этажѣ; черезъ сѣни же стояли повалуши, родъ жилыхъ высокихъ башенъ въ три яруса. Въ богатомъ дворѣ надъ горницами строился третій ярусъ — чердаки или терема.

Таковы были части жилыхъ хоромъ, находившіяся въ одной связи. Боярскіе хоромы стояли всегда въ глубинѣ двора, огороженнаго заборомъ по большой части на всѣ четыре стороны. Во дворъ вели одни или двое воротъ, переднія, съ пріѣзда, и заднія, съ поля. Хоромы иногда стояли посреди двора, противъ воротъ, или посреди же двора къ какой либо одной сторонѣ отъ воротъ. Въ остальномъ пространствѣ двора помѣщались, смотря по удобству, и по хозяйскимъ надобностямъ, ближе или дальше отъ хоромъ, разныя служебныя и обиходныя избы и клѣти, поварня, погребъ съ выходомъ, или осыпной, или съ напогребицею, ледникъ съ анбарцемъ на верху, анбары, сушило — иногда о трехъ житьяхъ (ярусахъ); мыльня обыкновенно въ саду у пруда или рѣчки, строенная на режахъ съ сѣньми; житница, солодовня, конюшня, денникъ для лошадей, сѣнница для сѣна, и т. п. Всѣ такія клѣти ставились обыкновенно подлѣ забора, такъ что вообще онѣ составляли окружное строеніе въ отношеніи къ главнымъ хоромамъ. Со стороны двора поближе къ этимъ хоромамъ раскидывался садъ, обыкновенно плодовой, огороженный тоже заборомъ или плетнемъ. У воротъ же всегда строилась сторожевая изба, а если вотчина была большая и значительно населенная, то тутъ же у воротъ ставилась изба *схожая* для крестьянскихъ сходокъ, которая называлась также и *судебною*, потому что здѣсь происходилъ вотчинный судъ.

Въ такомъ составѣ вѣроятно устроенъ былъ и сельскій дворъ князей Мстиславскихъ, по крайней мѣрѣ при самихъ князьяхъ. Разумѣется, когда владѣла имъ княжна-старица, нужды которой, какъ монахини, не были обширны, то и дворъ ея вѣроятно не отличался обширнымъ составомъ. Въ то время, какъ вдова-княгиня Мстиславская выставляла для посольскихъ встрѣчь по 25 и 30 человѣкъ своихъ дворовыхъ, конныхъ и цвѣтныхъ нарядомъ, у княжны-старицы въ ея подмосковной, какъ упомянуто, жило всего 6 человѣкъ и съ прикащикомъ.

На селѣ Хвиляхъ у ней было 5 крестьянскихъ дворовъ, а въ нихъ 12 чел. мужескаго пола; три двора бобыльскихъ, въ нихъ 6 чел. бобылей; и сверхъ того три двора пустыхъ, одинъ

бобыльскій и два крестьянскихъ. Земли подъ селомъ числилось пашенной 97 четвертей въ полѣ ($48\frac{1}{2}$ десятинъ), въ томъ числѣ 25 десят. пахали наѣздомъ, а 23 десят. было подъ перелогомъ и лѣсомъ поросло. Сѣна накашивалось по Москвѣ-рѣкѣ и по Хвилкѣ 400 копенъ. Начиная отъ Кобыльяго оврага у теперешней бойни и почти до теперешней деревни Мазиловой росъ лѣсъ, коего числилось въ длину съ перемежками на 2 версты, а поперегъ на полверсты, на четверть версты и меньше. Къ селу принадлежали деревни, каждая съ особымъ количествомъ земли:

Деревня Гусарево на Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ стоитъ бывшая дача Нарышкина; въ ней было всего два двора, въ одномъ жили двое дѣловыхъ людей, а въ другомъ одинъ крестьянинъ.

Деревня Ипское, тоже на Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ теперь, идя отъ Гусарева, начинается Кунцовская липовая роща; въ ней было три двора, въ двухъ жило по одному крестьянину, и въ одномъ два бобыля.

Деревня Кунцово, зародышъ нынѣшней прекрасной дачи, находилась на рѣчкѣ Хвилкѣ, вѣроятно на берегу теперешняго пруда, на Звенигородской дорогѣ. Въ ней былъ всего одинъ дворъ, въ которомъ жилъ одинъ крестьянинъ, Ивашка Ивановъ, да съ нимъ бобыль, Кирилко Микитинъ. Это были первые извѣстные намъ поселенцы этого мѣста, да едвали и на самомъ дѣлѣ они не были первыми. У крестьянина было пашни середней земли полчетверика ($\frac{1}{16}$ десятины) въ полѣ; да наѣздомъ онъ пахалъ 3 чети ($1\frac{1}{2}$ десят.); подъ перелогомъ и лѣсомъ было безъ малаго 2 десят.; сѣна 15 копенъ; лѣсу непашеннаго 2 десятины. Вотъ объемъ Кунцовской дачи въ 1622 г., т. е. за 250 лѣтъ назадъ.

Тутъ же на Хвилкѣ, по ту сторону, стояла деревня Мазилово, по числу дворовъ превышавшая даже боярское село. Въ ней было 6 дворовъ крестьянскихъ, изъ которыхъ въ четырехъ жило по одному крестьянину, а въ двухъ по двое; и 4 двора бобыльскихъ съ шестью бобылями, въ двухъ по одному, и въ двухъ по два.

Кромѣ этихъ четырехъ деревень къ селу Хвилямъ принадлежали еще 8 пустошей по рѣчкѣ Хвилкѣ, изъ которыхъ пограничныя съ Кунцовскою землею были пустоши Бетино и Шевелево. Остальныя прозывались: Шульгино, Игнатьево, Матренино, Якимово, Корѣлкино, Петройково.

Всего въ вотчинѣ Мстиславскихъ считалось одно село, 4 деревни, 8 пустошей, дворъ вотчинниковъ, дворъ прикащиковъ, 5 дворовъ людскихъ, 15 дв. крестьянскихъ; людей 22 чел., 3 бобыля и 9 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 14 челов.

Въ этомъ короткомъ описаніи первоначальнаго состоянія Кунцовской мѣстности мы однако не находимъ ни слова о первой ея красотѣ, о такъ называемыхъ въ старину береговыхъ Заразахъ или кручахъ; а это заставляетъ предполагать, что можетъ быть берегъ Кунцова въ то время находился еще въ дворцовомъ владѣньи.

Дѣйствительно, всѣ береговыя кручи до старой Липовой рощи принадлежали тогда дворцовой пустоши Плуткиной и назывались вообще заразьемъ. Прозванье же Плуткино происходитъ отъ слова плутать, блуждать, бродить, незная дороги, что вполнѣ вѣрно опредѣляло тогдашній характеръ этой мѣстности, дикой, отчасти болотистой, изрытой въ разныхъ направленіяхъ оврагами и ручьями и поросшей густымъ непроходимымъ лѣсомъ.

По смерти княжны Мстиславской ея вотчина въ полномъ составѣ поступила опять, какъ выморочная, въ дворцовое вѣдомство.

Приказъ Большаго Дворца владѣлъ ею ровно 10 лѣтъ. Въ это время на царство вступилъ Алексѣй Михайловичъ, государь молодой и къ тому же страстный охотникъ. Тогдашній верховникъ и временщикъ, дядька и воспитатель царя, бояринъ Борисъ Ив. Морозовъ пользовался этою страстью съ большимъ усердіемъ и умѣньемъ, доставляя очень часто случаи совершать потѣшные охотничьи походы по всѣмъ ближайшимъ окрестностямъ Москвы, весною и лѣтомъ на птицъ съ соколами, осенью и зимою на волковъ и медвѣдей съ собаками и съ рогатинами. Глухая Кунцовская мѣстность въ этихъ походахъ

тоже доставляла не мало удобствъ для увеселенія и тѣмъ больше, что она лежала на пути между загородными дворцами, съ одной стороны Коломенскимъ и Воробьевскимъ, а съ другой Хорошовскимъ.

Государь нерѣдко перебрасывалъ свои потѣхи изъ Коломенскаго прямо въ Хорошово, слѣд. проѣзжалъ черезъ Воробьево, черезъ Сѣтунскую и Кунцовскую мѣстность. Такъ въ началѣ декабря 1646 г. были горячіе лисьи и волчьи осоки подъ Коломенскимъ и подъ Хорошовымъ; а подъ Хорошовымъ въ этомъ же походѣ даже объѣхали волка, что почиталось большимъ охотничьимъ искусствомъ. Героями этого подвига были боярскій человѣкъ князя Черкасскаго, Яковъ Черкашенинъ, да придворный псарь, Худянка Сидоровъ. Ровно черезъ мѣсяцъ 12 января 1647 г. ловчаго пути охотники (придворные) Осипъ и Любимъ Молчановы сочили медвѣдя подъ селомъ Крылатскимъ, а черезъ недѣлю, 20 января, псари боярина кн. Черкасскаго сочили волковъ въ селѣ Рожественномъ (Сколково тожъ, дальше Кунцова, на Сѣтуни). Должно вообще замѣтить, что старинныя Можайская и Звенигородская дороги, пролегавшія изъ Москвы какъ разъ по Кунцовской землѣ, среди старыхъ густыхъ лѣсовъ, славились въ то время изобиліемъ всякаго лѣснаго звѣря, волковъ, медвѣдей, лисицъ, и зайцевъ. Большая часть ближайшей къ Кунцову мѣстности вмѣстѣ съ Хорошовскими лугами искони принадлежала дворцовымъ волостямъ и была съ своими лѣсами заповѣдною стороною, охраняемою собственно для царскихъ охотъ, звѣриной и птичьей. Въ Крылатскомъ не одинъ разъ бывали охотничьи стоянки царя Ивана Вас. Грознаго, а для царя Алексѣя Мих. Звенигородская дорога была особенно любезна по тому обстоятельству, что онъ часто ѣзжалъ по ней тоже на охоту въ вотчину своего воспитателя, втораго своего отца, Бориса Ив. Морозова, именно въ село Павловское на Истрѣ, а также и въ любимый свой Саввинскій Звенигородскій монастырь.

Въ январѣ, 16 числа, 1648 г. царь Алексѣй женился на Марьѣ Ильиничнѣ Милославской, дочери небогатаго дворя-

нина Ильи Даниловича Милославскаго, а дядька, второй отецъ и пріятель царя, Борис. Ив. Морозовъ, тогда-же женился на ея сестрѣ Аннѣ Ильиничнѣ.

Двѣ свадьбы съиграны были, одна за другою, очень весело. Но еще за мѣсяцъ и больше передъ этими свадьбами великіе женихи, одинъ молодой, другой достаточно уже пожилой и притомъ вдовый, съ такимъ же весельемъ провожали свою холостую жизнь въ отъѣзжемъ полѣ. Въ концѣ ноября 1647 г. предпринятъ былъ охотничій походъ по Звенигородской, Можайской и Боровской дорогамъ, о которомъ мы имѣемъ свѣдѣніе, что государь былъ въ это время въ Павловскомъ у Морозова и вѣроятно также на богомольи въ Саввинскомъ монастырѣ подъ Звенигородомъ, ибо 5 декабря справлялась память Преп. Саввы Освященнаго. Обратный путь въ Москву направился на дороги Можайскую и потомъ Боровскую. Въ этихъ мѣстахъ были многочисленные волчьи осоки и медвѣжьи бои.

Послѣ царской женитьбы, по царскому обычаю, стало скоро возвышаться и пріобрѣтать знатность, силу и богатство царицыно родство, дворяне Милославскіе. И въ самомъ дѣлѣ этому роду выпало на долю необыкновенное счастье и счастье это ему устроили только двѣ дочери Ильи Даниловича.

Сдѣлавшись царскимъ тестемъ и тестемъ перваго временщика въ государствѣ, Милославскій тотчасъ занялъ очень видное положеніе во дворцѣ. На другой день свадьбы, 17 янв., онъ былъ пожалованъ изъ стольниковъ въ окольничіе, а черезъ двѣ недѣли, 2 февр., ему сказано боярство. Ясно было, что послѣ Морозова онъ станетъ такимъ же сильнымъ временщикомъ и полновластнымъ управителемъ и дворца и государства.

Надо сказать, что по своимъ дарованіямъ и познаніямъ онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ своему возвышенію. Еще въ 1642 г. онъ ѣздилъ посланникомъ въ Царьградъ къ Турецкому Салтану, а въ посланники плохихъ людей государь не выбиралъ. Милославскій и молодость свою провелъ въ домѣ посольскаго человѣка; онъ былъ держальникомъ (пажемъ) у печатника (хранившаго царскую печать), думнаго дьяка Посольскаго Приказа, Ивана Тарасьевича Грамотина, и исправлялъ у него дол-

жность крайчаго. Въ умномъ домѣ нельзя было не обогатить свой природный умъ полезными и практическими свѣдѣніями, которыя вполнѣ замѣняли для тогдашнихъ людей образованіе. По всему видно, что Милославскій, бывши еще стольникомъ, обращалъ на себя вниманіе государя, что вѣроятно заставило его завистниковъ подкинуть на него письмо съ объявленіемъ, что онъ владѣетъ волшебнымъ перстнемъ дьяка Грамотина. По тому времени дѣло было опасное. Милославскаго взяли, до нитки обыскали его домъ и пожитки и ничего не нашли. Онъ былъ освобожденъ. Но онъ въ самомъ дѣлѣ владѣлъ волшебнымъ перстнемъ дьяка, т. е. его умомъ и опытностью въ дѣлахъ; вотъ противъ чего и подымались завистники. Дарованія однако не мѣшали ему быть взяточникомъ. По свидѣтельству англичанина Коллинса, Илья Даниловичъ Милославскій былъ „красивый мужчина, крѣпокъ сложеніемъ, какъ Геркулесъ, смѣлъ, имѣлъ большія способности и такую огромную память, что помнилъ имена всѣхъ должностныхъ чиновниковъ 80-ти тысячнаго войска, зналъ, гдѣ они живутъ и какую должность каждый изъ нихъ занимаетъ. Царь больше боялся его, чѣмъ любилъ, но царица всегда держала его сторону. Его сдѣлали государственнымъ казначеемъ (министромъ финансовъ) и дали ему еще 6 или 7 должностей, которыя онъ всѣ исполнялъ очень дѣятельно, только не безкорыстно. Царь мало обращалъ на это вниманія, потому что ему было совершенно извѣстно, что весь этотъ серебряный потокъ, послѣ долгаго теченія, изольется въ море“, то есть въ государеву-же казну.

Въ первое время, Милославскаго особенно сильно подняло еще и то обстоятельство, что царица, его дочь, въ тотъ же годъ разрѣшилась отъ бремени сыномъ первенцемъ: Богъ даровалъ царю наслѣдника царевича Дмитрія и царской радости по этому случаю невозможно было пересказать. При этомъ и самое событіе случилось съ благословенною обстановкою. Царевичъ родился въ ночь съ 21 на 22 окт., съ субботы на воскресенье, когда, празднуя Богородицѣ Казанской, государь, былъ у всенощной въ Казанскомъ соборѣ, и „какъ начали пѣть на заутрени антифоны и въ то время пріѣхалъ съ вѣстью къ

государю отъ государыни царицы, что Богъ далъ царевича, самъ же бояринъ Илья Даниловичь. И всѣ тутъ поздравляли государя, патріархъ со властьми, бояре, окольничіе, стольники, стряпчіе, дворяне". Утромъ государь торжественно шествовалъ въ крестномъ ходу къ празднику. Надо знать старое русское благочестіе, чтобы понять, какъ въ самомъ дѣлѣ были всѣ обрадованы этому рожденію государева наслѣдника.

Пользуясь особымъ благоволеніемъ государя, торжествующій тесть, конечно, не упускалъ случая устроивать свои домашнія дѣла. Черезъ полгода, весною 1649 г., онъ выпросилъ себѣ у государя небольшую подмосковную землицу для дачи. Землица эта была именно мѣстность Кунцовская, находившаяся въ то время, какъ сказано, въ числѣ дворцовыхъ вотчинъ. Однако государь отдалъ ему эту мѣстность не пожалованіемъ, въ даръ, а она была продана ему въ вотчину, хотя деньги вѣроятно заплачены самимъ же государемъ.

Вѣроятно также, что такая сдѣлка была необходима по какимъ либо дворцовымъ и боярскимъ отношеніямъ государя; можетъ быть пожаловать прямымъ путемъ было невозможно въ виду разныхъ соперниковъ и совмѣстниковъ царской милости, которые могли оскорбиться, что одному дано, а имъ ничего не дали. Царь Алексѣй, отличавшійся сердечною добротою, всегда былъ очень чутокъ къ такимъ боярскимъ толкамъ и недовольствамъ.

Какъ бы ни было, но 31 мая 1649 г. изъ Приказа Большаго Дворца въ Помѣстный Приказъ послана была память за приписью дьяка Ивана Ѳедорова, что „продано въ вотчину изъ дворцовыхъ селъ боярину Ильѣ Дан. Милославскому въ Московскомъ уѣздѣ въ Сѣтунскомъ Стану пустошь Плуткино на Москвѣ-рѣкѣ 10 четей (5 десятинъ или 15 въ трехъ поляхъ), занимавшая весь берегъ Москвы-рѣки въ кручахъ или Заразахъ до конца Липовой рощи; да къ пустоши Плуткиной церковная земля Покрова Пречистыя Богородицы середь Заразовъ, на Городищѣ; затѣмъ — пустошь Резанцово на Хвилкѣ, 25 четей съ осминою, и пустошь, а уже не деревня, Кунцово, на Хвилкѣ же, 15 четей; да пашеннаго лѣсу 3

чети, да непашеннаго лѣсу 2 десятины, да поверстнаго лѣсу въ длину на версту и больше, поперегъ на полверсты и больше". 11 іюня тѣ пустоши Помѣстный Приказъ отмежевалъ боярину по старымъ межамъ и по отводу старожильцевъ, тутошнихъ и окольныхъ людей, въ числѣ которыхъ были крестьяне изъ окрестныхъ деревень.

Межа начиналась отъ Москвы-рѣки, на берегу, подъ Заразьемъ, и шла по границѣ дворцовой земли деревни Ипской, прямо въ гору до дорожки, что ѣздили изъ деревни Ипской на пустошь Плутки, потомъ прямо по межнику къ долинкѣ, долинкою на лужокъ... на право къ дорожкѣ, что ѣздятъ изъ деревни Ипской на пустошь Кунцово, а у дорожки столбъ;— отсюда межею на лѣво въ Поперешный врагъ или оврагъ, Кунцовской тожъ, а середь врагу въ водомойню; Поперешнымъ врагомъ къ рѣчкѣ Хвилкѣ, а рѣчкою вверхъ до бочевины (бочагъ) и т. д. Подробное описаніе этой межи любопытные найдутъ въ концѣ этой книги.

Такимъ образомъ Милославскому была продана дворцовая земля только въ пустошахъ, безъ населенія, безъ людей. Изъ трехъ пустошей для собственной селитьбы онъ однако избралъ пустошь Кунцово, которая при красотѣ мѣстоположенія, со стороны берега, доставляла и немало удобствъ хозяйственныхъ, прилегая къ рѣчкѣ Хвилкѣ и къ Звенигородской дорогѣ. Бояринъ построилъ здѣсь дворъ вотчинниковъ со всякимъ дворовымъ строеньемъ; но крестьянъ не поселилъ и велъ хозяйство только дворовыми людьми; да и хозяйство это главнымъ образомъ заключалось, какъ видно, только въ сѣнныхъ покосахъ, такъ что на самомъ дѣлѣ это была лишь подмосковная боярская дача, куда въ лѣтнее время бояринъ выѣзжалъ прохладиться. Дворъ былъ поставленъ на высокомъ берегу Москвы-рѣки, вѣроятно на томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь стоитъ барскій домъ. Съ той поры Кунцово стало называться сельцомъ и сдѣлалось главною мѣстностью въ отношеніи другихъ пустошей. Въ документахъ обозначали уже такъ: Сельцо Кунцово съ пустошьми.

Такимъ образомъ, исторію Кунцова, какъ боярской дачи, какъ перваго боярскаго поселенія, должно начинать съ 11 іюня 1649 г., съ Ильи Даниловича Милославскаго, перваго строителя этой дачи. Онъ владѣлъ ею девятнадцать лѣтъ, до своей кончины въ 1668 году. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что царствующій зять, царь Алексѣй Михайловичъ, во время своихъ охотничьихъ выѣздовъ по Звенигородской дорогѣ, не одинъ разъ бывалъ въ новой усадьбѣ своего умнаго тестя, заѣзжая на охотѣ отдохнуть, позавтракать или попировать съ своими полчанами. Къ сожалѣнію наши свѣдѣнія объ этомъ очень скудны. Офранцуженное боярство XVIII вѣка вовсе не дорожило ни какою памятью о своихъ предкахъ и съ пренебреженіемъ выбрасывало изъ старыхъ сундуковъ всѣ ихъ дорогія письма и разныя хозяйскія домашнія записки объ ихъ житьѣ-бытьѣ, тщательно сберегая только бумаги - крѣпости на владѣнье людьми и вотчинами. По этому самыя вѣроятныя догадки и предположенія о домашнихъ, близкихъ отношеніяхъ людей того времени, начиная съ самого государя, очень рѣдко могутъ утверждаться на точныхъ и несомнѣнныхъ свидѣтельствахъ. Не имѣя въ наличности самаго любопытнаго и наиболѣе живаго источника Исторіи, именно домашнихъ писемъ и записокъ, архивная изыскательность принуждена ограничиваться только одними канцелярскими, оффиціальными, а потому всегда голыми и неполными свѣдѣніями.

О поѣздкѣ въ Кунцово царя Алексѣя Михайловича, при И. Д. Милославскомъ, въ Дневальной Запискѣ царскаго караула на Красномъ Крыльцѣ за 1661 годъ, находимъ между прочимъ слѣдующее:

„Октября въ 17 день въ четвертокъ Великій Государь ходилъ въ походъ тѣшитца на поле; а столовое кушанье было въ селѣ Хорошовѣ; а тѣшился подъ селомъ Хвилями да въ Кунцовскихъ Заразѣхъ. А съ Москвы пошелъ въ отдачу часовъ нощныхъ (на разсвѣтѣ, въ 7 часовъ утра), а къ Москвѣ пришелъ во 2 часу ночи (въ 7 часу вечера, слѣдовательно охотился весь день). И въ тотъ день было съ утра до

3 часа пасмурно, а до вечера ведрено, а въ ночи было холодно и былъ морозецъ."

Но и такія, очень скудныя и случайныя извѣстія въ тѣхъ же казенныхъ отмѣткахъ ограничиваются по большой части голымъ сказаніемъ, что такого-то числа государь изволилъ идти тѣшиться на поле, вовсе не указывая, въ какую загородную мѣстность. Умолчаніе источника позволяетъ однако соображать, что охотничьимъ полемъ царя не одинъ разъ, какъ упомянуто, бывала и красивая Кунцовская мѣстность съ своими глухими береговыми обрывами — заразами, среди которыхъ водились тогда и медвѣди, и волки, не говоря о мелкомъ звѣрѣ.

Для птичьей же соколиной охоты расположенныя вокругъ, Хорошовскія и Хвильскія, болота представляли еще больше удобствъ. Царь очень заботился объ этихъ болотахъ и строго приказывалъ беречь на нихъ всякихъ птицъ и постороннимъ отнюдь не ѣздить и не травить соколами, особенно когда требовалось править, т е. учить царскихъ соколовъ. Въ 1650 г. іюня 11 онъ писалъ между прочимъ къ начальнику своей охоты, Аѳ. Матюшкину: „А въ Голенищевѣ приказать бы вамъ прикащику патріархову, чтобы берегли орлаковъ и всякихъ птицъ; а про Хвильскія и про Хорошовскія болота приказать Петрункѣ Жидовскому, чтобы берегъ орлаковъ и ни ктобъ не ѣздилъ..." Очевидно, что вся эта окружная Кунцовская мѣстность была знакома охотнику-царю, какъ свои пять пальцевъ.

Спустя двѣ недѣли послѣ описанной Кунцовской октябрской охоты 1661 года царь былъ опечаленъ кончиною своего возлюбленнаго свояка и воспитателя, боярина Б. И. Морозова, котораго не стало въ 3 часу дня 1 ноября. Но былъ готовъ, на мѣсто стараго, новый временщикъ и обладатель царской воли и всего государства.

Заступивъ тотчасъ подлѣ молодаго государя мѣсто Морозова, Илья Дан. Милославскій прославилъ себя непомѣрнымъ корыстолюбіемъ, и взяточничествомъ, какъ уже замѣчено выше. Одно дѣло ему не прошло даромъ. Въ 1658 г. царь съ та-

кими мудрыми для своего кармана совѣтниками придумалъ выпустить, вмѣсто обычной серебряной монеты, мѣдную, увѣренный, что цѣнность мѣдной не упадетъ и будетъ она ходить, какъ серебряная. Но разница мѣди отъ серебра была тотчасъ же понята и торговля запуталась и замѣшалась. Строгіе указы считать мѣдь за серебро не дѣйствовали, а при этомъ было также очень хорошо понято, что изъ мѣди и всякому можно чеканить монету, лишь бы не знала о томъ казна. Всѣ, кто умѣлъ, во многихъ городахъ, стали чеканить мѣдныя копѣйки и столько ихъ начеканили, что въ 1663 г. за 100 серебряныхъ копѣекъ нужно было давать мѣдныхъ полторы тысячи.

Между тѣмъ стали хватать воровъ-чеканщиковъ, фальшивыхъ монетчиковъ; казнили ихъ смертною казнью, отсѣкали руки, прибивали тѣ руки у Денежныхъ дворовъ на стѣнахъ. Но иные не смотрѣли и на это и продолжали дѣлать деньги, особенно люди разбогатѣвшіе, которые, зная ходы, всегда откупались отъ бѣды, давая взятки царскому тестю, бояриву Ильѣ Дан. Милославскому да думному дворянину Матюшкину, царскому дядѣ; а также дьякамъ и подьячимъ. Это поощрило многихъ корыстныхъ и богатыхъ людей даже изъ гостей, приставленныхъ на Денежный дворъ именно затѣмъ, чтобъ зорко смотрѣть за поддѣлкою: и они стали на Денежномъ же дворѣ чеканить деньги изъ своей мѣди для себя. Наконецъ дѣло вполнѣ обнаружилось и вполнѣ виноватыми оказались Милославскій и Матюшкинъ съ дьяками. Царь на боярина былъ долгое время гнѣвенъ, Матюшкина отставилъ прочь отъ Приказа, а казни имъ не учинилъ никакой. Между тѣмъ всѣхъ другихъ виноватыхъ, и дьяковъ, и гостей, безъ пощады казнили и ссылали. Это возмутило всю Москву.

Въ 1662 г. іюля 25 въ пятницу рано утромъ вѣдомо учинилось боярамъ, что на Покровкѣ и на Устрѣтенкѣ прибиты на городскихъ стѣнахъ три письма. Бояре послали стрѣльцовъ съ дьякомъ снять письма; но забунтовавшій народъ снять писемъ не далъ: ихъ читали всѣмъ міромъ. Въ письмахъ Морозовъ, Милославскій и Матюшкинъ обвинялись въ измѣнѣ государству, будто ссылаются съ Польскимъ королемъ, хо-

тятъ государство погубить, поддать Королю. Но это былъ только обычный пріемъ обвиненія. Главная, настоящая вина скрывалась, хотя и была всѣмъ извѣстна. Объ ней нельзя было говорить, потому что нужны были свидѣтели, а съ ними и головы. Посадскій народъ поднялся, какъ одинъ человѣкъ, и пошелъ къ царю въ Коломенское, гдѣ въ то время жилъ государь со всѣмъ семействомъ. Царь былъ у обѣдни, праздновалъ день рожденія своей царевны Анны. „И увидѣлъ царь изъ церкви, идутъ къ нему въ село и на дворъ многіе люди, безъ ружья, съ крикомъ и съ шумомъ, требуютъ бояръ взяточниковъ на расправу. Царь велѣлъ боярамъ схорониться у царицы и у царевенъ въ хоромахъ, а самъ почалъ дослушивать обѣдню. Царица въ то время и царевичи и царевны, запершися, сидѣли въ хоромахъ въ великомъ страхѣ и въ боязни. Послѣ обѣдни царь вышелъ къ народу. Люди ударили ему челомъ, чтобъ сыскалъ бояръ-измѣнниковъ и отдалъ имъ на убіеніе. Царь уговаривалъ ихъ тихимъ обычаемъ, чтобъ шли назадъ въ Москву, а онъ, какъ отслушаетъ обѣдню, будетъ самъ въ Москву и разберетъ дѣло, учинитъ сыскъ и указъ. И тѣ люди говорили царю и держали его за платье, за пуговицы:—„Чему де вѣрить?“ Царь обѣщался имъ Богомъ и далъ имъ на своемъ словѣ руку; одинъ человѣкъ изъ тѣхъ людей съ царемъ билъ по рукамъ, и пошли къ Москвѣ всѣ. И царь имъ за то не велѣлъ чинити ничего, хотя и было кѣмъ противитися.“ Только тогда, когда въ Коломенское подоспѣли новыя толпы возмутившихся и стали говорить къ государю сердито и невѣжливо, съ грозами: „буде онъ добромъ тѣхъ бояръ имъ не отдастъ, то они начнутъ ихъ у него имать сами, по своему обычаю.“ Только послѣ такого озорничества, государь закричалъ стольникамъ и всему войску, чтобъ тѣхъ людей бить и рубить до смерти и живыхъ ловить. Безоружные люди противиться не могли, бросились бѣжать, топились въ Москвѣ-рѣкѣ. И было пересѣчено и переловлено ихъ больше 7000, а иные разбѣжались. Въ тотъ же день около села повѣсили 150 челов. Остальныхъ пытали, жгли, отсѣкали руки и ноги, и у рукъ и у ногъ пальцы; иныхъ били кнутьемъ и клали имъ на лицѣ, на правой сторонѣ, при-

знаки, разжегши желѣзо накрасно; а поставлено на томъ желѣзѣ буки, т. е. бунтовщикъ, чтобъ былъ до вѣку признатенъ. Послѣ наказанія разослали ихъ и съ семьями по далекимъ городамъ, въ Казань, въ Астрахань, на Терекъ, въ Сибирь. А пущихъ самыхъ воровъ въ тотъ же день ночью, завязавъ руки назадъ, потопили въ Москвѣ-рѣкѣ. Но не всѣ были воры, прямыхъ воровъ больше не было что съ 200 человѣкъ; невинные люди ходили за ворами изъ любопытства: всѣ погибли, и виноватый и правый. Вообще по этому мѣдноденежному дѣлу было погублено больше 15000 человѣкъ. Много погибло честныхъ и знатныхъ и богатыхъ людей. А главная пружина смуты, Милославскій съ товарищи, осталась цѣла, и государева милость къ нимъ не измѣнилась. Конечно они натерпѣлись большаго страха. Сама царица такъ испугалась этой смуты и кровопролитія, что лежала въ болѣзни больше году. Спустя три года, заболѣлъ и Милославскій: пораженный пораличемъ, онъ лишился тѣлесныхъ и умственныхъ силъ и не сталъ ни кого узнавать. *) Въ этомъ несчастномъ положеніи онъ оставался еще три года и скончался 20 мая 1668 г. Государь похоронилъ своего тестя съ такимъ торжествомъ, какое рѣдко кому выпадало на долю даже изъ царскихъ особъ, а не то что изъ боярства. Въ то время въ Москвѣ пребывали Вселенскіе патріархи, Макарій Антіохійскій и Паисій Александрійскій, поставившіе на мѣсто Никона патріархомъ Руси Іоасафа. Всѣ три патріарха съ прочими архіереями и властями отпѣвали Милославскаго на Троицкомъ подворьѣ, въ присутствіи государя и боярства. Отпѣваніе было въ трапезѣ; патріархи всѣ трое стояли противъ гроба, а власти всѣ по сторонамъ, одинъ за другимъ, по чину; самъ государь стоялъ въ церкви, потому что въ трапезѣ было очень тѣсно; на обоихъ крылосахъ пѣли патріаршіе пѣвчіе; Евангеліе читали патріархъ Паисій Александрійскій и

---

*) Дв. Р. III, 599. 1665 г. окт. 31, по случаю этой болѣзни государь указалъ въ Стрѣлецкомъ Приказѣ въ грамотахъ и въ другихъ оффиціальныхъ бумагахъ его имя не писать. Однако и Стрѣлецкій Приказъ и Приказъ Большой Казны все еще состояли подъ управленіемъ Милославскаго до самой его смерти.

патріархъ Іоасафъ Московскій. Провожалъ гробъ до церкви Николы у Столпа, гдѣ погребены родители Милославскихъ, митрополитъ Сарскій и все боярство съ царевичемъ Грузинскимъ во главѣ, въ предшествіи пѣвчихъ государевыхъ и патріаршихъ.

По смерти боярина Кунцовская его дача была приписана опять къ дворцовымъ волостямъ. Но, конечно, остававшіеся родственники не лишали себя надежды при случаѣ выпросить эту небольшую вотчину въ собственное владѣнье. Надо было только приблизиться къ государю, а это приближенье со смертью Ильи Дан. перешло къ другому роду, къ Нарышкинымъ, потому что и корень благополучія Милославскихъ, царица Марья Ильинична не прожила и году по смерти своего отца и скончалась 3 марта 1669 г., а въ 1671 г. государь женился на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной.

Счастье Милославскихъ съ каждымъ годомъ все больше слабѣло. Однако обстоятельства перемѣнились: умеръ и самъ царь Алексѣй; на престолъ вступилъ его сынъ Θеодоръ, рожденный отъ Милославской, и такимъ образомъ удаленный родъ снова сталъ подыматься и приближаться къ милостямъ государя. При Θедорѣ, мѣсто временщика, безъ котораго въ нашемъ старомъ государствѣ обойтиться ни какъ было не возможно, стремился всѣми силами занять племянникъ Ильи Даниловича, Иванъ Михайловичь Милославскій, человѣкъ дѣятельный, очень хитрый и очень способный къ исправленію всякаго рода государственныхъ должностей, а при этомъ и достаточно богатый. Онъ въ тотъ же годъ утвердился крѣпко при молодомъ царѣ, поддерживая крѣпкую дружбу съ теремомъ царевны Софьи, ненавистницы Нарышкиныхъ, и устроивая постепенно вмѣстѣ съ нею всѣ дѣла такъ, чтобы Нарышкиныхъ и съ царевичемъ Петромъ вовсе лишить наслѣдства царствомъ. Вскорѣ онъ назначенъ былъ начальникомъ Приказа Большой Казны, по теперешнему, какъ-бы министромъ финансовъ. Вмѣстѣ съ Стрѣлецкимъ Приказомъ это была самая вліятельная и самая сильная должность въ государственномъ управленіи, которая всегда и попадала въ руки временщиковъ.

Чего въ самомъ дѣлѣ лучшаго желать, какъ не управлять деньгами и войскомъ. Это по просту значило держать въ рукахъ все государство, какъ въ дѣйствительности и держали его при царѣ Алексѣѣ сначала Морозовъ, а потомъ И. Д. Милославскій. Племяннику Ильи Дан., Стрѣлецкая, т. е. военная часть не попала въ руки: онъ еще былъ молодъ службою; за то попали финансы.

Ставши во дворцѣ силою, Иванъ Михайловичъ тотчасъ протянулъ руку и къ Кунцовской дачѣ.

Въ 1677 г. сельцо Кунцово съ пустошами въ количествѣ 76 четвертей земли было пожаловано изъ дворцовыхъ селъ новому любимцу дворца. Этотъ новый любимецъ, при всѣхъ своихъ дарованіяхъ, прославился больше искусствомъ глубокаго и тонкаго придворнаго политика и руководителя интригъ и тайныхъ заговоровъ, чѣмъ прямыми и полезными отечеству государственными дѣлами. Въ началѣ своего поприща, при вступленіи на царство царя Ѳедора Ал., сына Милославской, онъ искусно работалъ за одно съ царевною Софьею, чтобы удалить отъ престола родство Нарышкиныхъ и всѣхъ ихъ сторонниковъ, т. е. разчистить себѣ мѣсто для дальнѣйшихъ дѣйствій. Передъ нимъ поперегъ дороги стоялъ очень сильный сторонникъ царицы Натальи Кир., бояринъ Артемонъ Серг. Матвѣевъ, знаменитый своимъ умомъ, образованіемъ и заслугами государству. Матвѣевъ былъ тоже помѣщикомъ Сѣтунскаго стана. Онъ владѣлъ селомъ Спасскимъ, Манухино тожъ, на Сѣтунѣ, гдѣ и до сихъ поръ красуется старинная церковь, вѣроятно имъ же и построенная.

Чтобы удалить отъ двора Матвѣева и родственниковъ вдовствующей царицы Нарышкиныхъ, опасныхъ соперниковъ въ достиженіи придворнаго благополучія, Милославскій вступилъ въ союзъ съ царскимъ Дворецкимъ Б. М. Хитрово, любимцемъ царя Алексѣя. Это былъ по нынѣшнему министръ двора. Онъ управлялъ дворцовою частью въ товариществѣ съ своимъ племянникомъ Александр. Савост. Хитрово; былъ человѣкъ тоже очень тонкій въ придворныхъ интригахъ и дѣй-

ствовалъ всегда, какъ говоритъ о немъ Коллинсъ, изъ за двери, т. е. наушничествомъ, отчего его и прозывали шепчущимъ любимцемъ. Хитровы въ крѣпкую себѣ подпору присовокупили свою сродницу Анну Петровну Хитрую, дворовую боярыню царя Ѳедора Ал., по теперешнему штатсъ-даму, которая во внутреннихъ комнатахъ была въ то время первою силою и очень ненавидѣла сторону Нарышкиныхъ, особенно царицу Наталью Кирилловну. Еще былъ въ томъ же совѣтѣ Василій Сем. Волынскій, который, ѣздя часто по боярскимъ пирамъ, старался всѣми мѣрами ушничать и обносить Матвѣева и составлять на него разные ковы.

Вскорѣ этотъ совѣтъ достигъ своей цѣли. Молодой царь Ѳедоръ Ал. болѣлъ скорбутомъ и часто лечился. Матвѣевъ, какъ другъ его отца, самый близкій и довѣренный человѣкъ, ходилъ за больнымъ, именно подавалъ ему лекарства. Это обстоятельство и дало возможность взвести на него хотя бы подозрѣніе въ томъ, что онъ что-то замышляетъ къ поврежденью государева здоровья. Въ царскомъ леченьи обрядъ былъ такой: когда государь составы докторскіе принималъ, то прежде лекарство накушивали малую долю сами доктора, потомъ накушивалъ тотъ, кто подавалъ государю и другіе самые близкіе люди. У царя Ѳедора накушивали его дядьки, бояре Ѳед. Ѳед. Куракинъ и Иванъ Богд. Хитрово, двоюродный братъ Ивана Михайловича. Матвѣевъ же, угождая государю, выпивалъ на глазахъ у него и всѣхъ предстоящихъ даже и все, что оставалось въ склянкѣ. „Принявъ у государя рюмъ и что оставалось, на ладонь вылью и выпью“, говорилъ послѣ Матвѣевъ въ своихъ оправдательныхъ письмахъ. Онъ думалъ тѣмъ усугубить къ себѣ государскую милость. Но вышло иначе. Его именно и обвинили въ томъ, что лекарствами онъ намѣревался повредить государеву здоровью и что остатковъ лекарства вовсе не выпивалъ. Къ этому явился еще извѣтъ одного лекаря, который свидѣтельствовалъ, что будто сказывалъ ему Захарка, карликъ Матвѣева, что бояринъ однажды у себя дома съ докторомъ Степаномъ читали черную книгу и въ то время будто пришло къ нимъ въ палату не-

чистыхъ духовъ множество, и говорили имъ нечистые духи въ слухъ, что есть у нихъ въ палатѣ третій человѣкъ; а карликъ Захарка спалъ въ то время за печкой... Будто бояринъ, осмотрѣвъ комнату, нашелъ карлика, поднялъ и ударилъ его о землю, топталъ ногами и выкинулъ изъ палаты за-мертво. Да и самъ лекарь будто видѣлъ, какъ бояринъ съ докторомъ Степаномъ и переводчикомъ Николаемъ Спатаріемъ, запершись, черную книгу читали. По тогдашнимъ дворцовымъ порядкамъ и при общемъ суевѣріи, все это было очень подозрительно и опасно, а особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось низвергнуть близкаго къ государю человѣка. Это былъ самый обычный и самый легкій способъ обвинить кого угодно. Безъ всякаго суда и изслѣдованія, Матвѣева тотчасъ удалили изъ комнатъ государя со всякимъ уничиженіемъ и позоромъ, давъ ему сначала для приличія воеводство въ сибирскій городъ Верхуторье, а какъ выѣхалъ изъ Москвы, сослали его въ Пустозерскъ, гдѣ онъ и томился болѣе шести лѣтъ.

Вотчины Матвѣева, по обычному порядку въ такихъ случаяхъ, были отписаны ко Дворцу и товарищъ дворецкаго, Александръ Савост. Хитрово, поспѣшилъ воспользоваться обстоятельствами, какъ близкій сосѣдъ Матвѣева по помѣстьямъ Сѣтунскаго Стана (въ его владѣньи было Окулово и дер. Яскино). Онъ вывезъ изъ Матвѣевскихъ селъ, Спасскаго и Артемоновскаго-Одинцова, не только пожитки и всякіе хозяйственные заводы, а также и дворовыхъ людей, но перевезъ къ себѣ и хоромы боярина.

Между тѣмъ Матвѣевъ съ сыномъ Андреемъ, живя въ Пустозерскѣ, буквально помиралъ даже съ голоду. Ему выдавалось корму меньше, чѣмъ ссыльнымъ старовѣрамъ, напр. женѣ и дѣтямъ протопопа Аввакума, находившимся въ то время на Мезени и получавшимъ кормовыхъ, большіе по грошу на человѣка, дѣти по три денежки. Матвѣеву же выдавалось тоже только по три денежки и даже меньше. Однажды у боярина съ его дворовыми, которыхъ было при немъ безъ малаго 30 ч., осталось на лицо всего три сухаря, такъ что добрый Мезенскій воевода Тухачевскій отдалъ ему половину своего

хлѣбнаго запаса, т. е. всего три куля ржаной муки. Матвѣевъ писалъ одну за другою горькія и слезныя челобитныя къ царю, къ патріарху, къ царскому духовнику, къ боярамъ, прося не о возвращеніи къ прежней царской милости, а только объ облегченіи его горькой участи. Черезъ четыре года челобитныя стали по немногу дѣйствовать: изъ Пустозерскаго Острога онъ былъ переведенъ на Мезень.

На седьмой годъ, въ 1682 г. въ январѣ, государь повелѣлъ наконецъ возвратить ему вотчины и переѣхать изъ Мезени въ городъ Лухъ. Въ концѣ апрѣля того же года царь Ѳед. Ал. скончался, что сильно опечалило Матвѣева, потому что онъ вовсе незналъ, какъ пойдутъ въ Москвѣ дѣла и въ чьи руки попадетъ управленіе государствомъ. Извѣстно, что на царство былъ избранъ малолѣтный царевичъ Петръ отъ Нарышкиной, помимо старшаго брата Ивана отъ Милославской, слабаго здоровьемъ и умомъ. Дѣла слѣд. поворотили на сторону Нарышкиныхъ и Матвѣева. Тотчасъ къ нему былъ присланъ гонецъ, чтобъ спѣшилъ возвратиться въ Москву. На пути въ Троицкомъ монастырѣ его встрѣтилъ новый посолъ, думный дворянинъ Лутохинъ, съ объявленіемъ, что возвращается ему прежняя боярская честь. Въ селѣ Братовщинѣ встрѣтилъ его родной братъ царицы, Аѳанасій Кириловичь Нарышкинъ, а подъ Москвою встрѣтили съ поздравленіемъ москвичи всякаго чину люди въ безчисленномъ множествѣ. Матвѣевъ былъ настоящій слуга государству и потому народъ его хорошо помнилъ и радъ былъ его возвращенію. Есть достовѣрное преданіе, что его домъ въ приходѣ у Николы Столпа, построенъ изъ могильныхъ прародительскихъ камней московскихъ стрѣльцовъ и слобожанъ, которые, узнавъ, что Матвѣевъ задумалъ строить себѣ палаты, а камня въ городѣ небыло, предложили ему въ даръ эти плиты и не хотѣли взять за нихъ ни какой цѣны и ни какихъ подарковъ.

12 мая Матвѣевъ прибылъ наконецъ въ Москву въ этотъ достопамятный свой домъ, опустошенный и разоренный до конца въ его отсутствіе. На другой день утромъ онъ былъ во дворцѣ. Какая была ему оказана царская милость и какова

была общая радость при этомъ свиданіи, того ни какое человѣческое писало достаточно исписати не возможетъ, говорилъ послѣ его сынъ.

Всѣ бояре и палатные люди, кромѣ самыхъ престарѣлыхъ, поспѣшили воздать честь и заявить свою радость Матвѣеву своимъ посѣщеніемъ. Одинъ только Ив. Мих. Милославскій, прикинувшись больнымъ, не былъ у боярина и по обычаю не прислалъ даже спросить о здоровьѣ. Онъ былъ очень занятъ своимъ дѣломъ. А дѣло было великое. Дѣло шло о томъ, кому быть, кому первенствовать въ царствѣ. Избраніе на престолъ Петра совсѣмъ разрушало благополучіе Милославскихъ, потому что сторона Нарышкиныхъ не могла же имъ простить гоненій и ссылокъ, посредствомъ которыхъ Милославскіе очистили было дворецъ для своихъ дѣйствій. Нарышкины и Матвѣевъ, возвращенные изъ ссылки, тотчасъ заняли соотвѣтствующее царскимъ родичамъ положеніе и стали первенствовать во дворцѣ въ тотъ же день.

Ив. Мих. Милославскій, главный руководитель своей партіи, все это давно предвидѣлъ и готовилъ заранѣе свою встрѣчу возвратившимся изгнанникамъ и всѣмъ тѣмъ, кто не любъ былъ сторонѣ Милославскихъ. Онъ потаенно, невидимыми путями, самъ какъ будто ни въ чемъ не участвуя, въ совѣтѣ съ царевною Софьею, давно уже наговаривалъ стрѣльцовъ подняться и потребовать ненавистныхъ людей на кровавую расправу.

Видимый и всѣмъ стрѣльцамъ понятный предлогъ былъ тотъ, что старшій братъ нареченнаго государя, царевичъ Иванъ Алекс., обойденъ избраніемъ на царство, что избраніе Петра сдѣлано не законно. Къ этому разумѣется присовокуплялись разнообразныя клеветы и выдумки на Нарышкиныхъ, вполнѣ возмутительныя для народа. Распространенъ былъ слухъ, что царевича Ивана Нарышкины хотятъ извѣсти отравою; а въ тоже время стрѣльцамъ обѣщаны большія награды и прибавки жалованья. Возстаніе было уже совсѣмъ въ готовности и ожидали только одного, чтобъ пріѣхалъ изъ ссылки Матвѣевъ. Черезъ три дня по его пріѣздѣ, 15 мая, поднятые слухомъ, что

царевича Ивана Нарышкины задушили, стрѣльцы собрались у Краснаго Крыльца и потребовали, чтобъ имъ показали царевича Ивана, живъ ли онъ? говоря что бояре измѣняютъ и чтобъ выдали имъ этихъ измѣнниковъ. Когда имъ отвѣтили, что названныхъ бояръ во дворцѣ нѣтъ, то стрѣльцы сами ворвались въ царскіе хоромы. Первою жертвою былъ Матвѣевъ; его вскинули съ Краснаго Крыльца и принявъ на площади на копья разсѣкли на мелкія части. Изъ Нарышкиныхъ были убиты родные братья царицы, Афанасій и Иванъ Кириловичи и Петръ Ѳомичь. Отецъ царицы Кирила Полуехтовичь былъ постриженъ и сосланъ въ Кириловъ монастырь.

Молодые спальники Левъ, Мартемьянъ, Ѳедоръ Кирил., и другіе спаслись, вѣроятно, потому что были еще очень молоды и не грозили еще никому своимъ соперничествомъ.

Во все это время главная пружина этой плачевной трагедіи, Ив. Мих. Милославскій не показывался. Онъ былъ болѣнъ. Дѣло было сдѣлано, сторона Софьи восторжествовала и Милославскіе по прежнему остались на своихъ мѣстахъ.

Но черезъ три года внезапная смерть, вѣроятно отъ удара, постигла и Ивана Михайловича, въ 1685 г. Іюля 27. Онъ умеръ ни кѣмъ не примѣченный въ своихъ ковахъ по возмущенію стрѣльцовъ и по возбужденію общей ихъ ненависти къ Нарышкинымъ и слѣд. къ будущимъ реформамъ Петра. Онъ умеръ, но заготовленное и разсыпанное имъ сѣмя выростало не одинъ разъ и окончательно и съ корнемъ было истреблено только въ послѣдній стрѣлецкій бунтъ 1698 года, когда князь-кесарь Ромодановскій, извѣщая объ этомъ бунтѣ государя, бывшаго въ то время за границей, выражался именно такъ: „Сѣмя Ивана Михайловича ростетъ,“ на что Петръ отвѣтствовалъ: „Прошу васъ быть крѣпкимъ, а кромѣ сего ни чѣмъ сей огнь угасить не можно. Хотя зѣло намъ жаль нынѣшняго полѣзнаго дѣла, прибавлялъ государь, однако сей ради причины будемъ къ вамъ такъ, какъ вы не чаете.“

Понятно, съ какими чувствами государь воротился тогда изъ заграницы, чтобы раздѣлаться съ сѣменемъ Ивана Михайловича. Послѣдній актъ кровавой трагедіи легъ темнымъ пят-

номъ и на самого Петра, а онъ неизбѣжно долженъ былъ разыграться только съ перемѣною ролей. Въ первомъ актѣ палачами были стрѣльцы, въ этомъ послѣднемъ къ ужасу человѣчества палачами явились бояре и самъ государь. „Сія сарынь, (толпа народа, сволочь) кромѣ жесточи не можетъ унята быть,“ мыслилъ государь о всѣхъ-подобныхъ стрѣлецкихъ и казацкихъ возмущеніяхъ.

Не забытъ былъ въ этомъ актѣ и Иванъ Михайловичъ, спустя уже тринадцать лѣтъ послѣ его смерти. „Въ то время къ казни стрѣльцовъ изъ могилы въ трапезѣ церкви Николы Столпа выкопанъ мертвый бояринъ Ив. Мих. Милославскій и привезенъ въ Преображенское въ саняхъ на шести чудскихъ свиньяхъ въ сопровожденіи палачей; и гробъ его поставленъ былъ у плахъ измѣнничьихъ, и какъ головы имъ сѣкли и руду (кровь) точили въ гробъ на него Ивана Милославскаго.“ Послѣ того останки его были разсѣчены на части палачами и во всѣхъ застѣнкахъ въ Москвѣ подъ дыбами закопаны на вѣчную его Милославскаго кровопролитную память. „Мужа кровей и льсти гнушается Господь,“ — оканчиваетъ эту повѣсть современникъ событія.

Въ это время Кунцовская вотчина Милославскаго принадлежала уже одному изъ Нарышкиныхъ, боярину Льву Кирилловичу, родному брату царицы Натальи Кирилловны, который счастливо спасся отъ смерти во время перваго стрѣлецкаго бунта. Мы теперь разскажемъ, какъ она ему досталась. У Ивана Мих. Милославскаго послѣ его смерти въ 1685 г. осталась одна дочь, дѣвица Ѳедосья. По царскому указу вотчина была отдана ей. Въ 1688 г. Ѳедосья Иван. съ этою вотчиною вышла замужъ за Имеретинскаго царевича Александра Арчиловича. Новая помѣщица Кунцова, ставшая Имеретинскою княгинею, прожила въ этомъ почетномъ имени всего годъ. Въ 1689 г. она скончалась. Тогда, по царскому указу и вѣроятно по ея завѣщанію, сельцо Кунцово, какъ уже родовая ея вотчина, было отдано со всѣми угодьями въ Домъ Пречистыя Богоро-

дицы и Москов. Чудотворцевъ, т. е. въ Успенскій соборъ, а собственно святѣйшему Іоакиму патріарху для вѣчнаго поминовенія боярина Ильи Данил. и жены его Екатерины Ѳедоров. и боярина Ив. Мих. Милославскихъ и дочери послѣдняго, княгини Ѳедосьи Имеретинской и ихъ родственниковъ. Такимъ образомъ Кунцово сдѣлалось патріаршею вотчиною и вѣроятно было приписано къ селу Троицкому-Голенищеву. Нѣтъ сомнѣнія, что сюда пріѣзжалъ, быть можетъ и не одинъ разъ, новый вотчинникъ сельца, патріархъ Іоакимъ. Впрочемъ патріаршій престолъ владѣлъ Кунцовымъ не больше году.

Въ отказной книгѣ 1689 г., по которой Кунцово утверждено за патріархомъ, мы находимъ любопытное описаніе и вотчинникова Кунцовскаго двора, т. е. Кунцовской первой боярской усадьбы, основанной по всему вѣроятію еще Ильею Дан. Милославскимъ и окончательно устроенною уже Ив. Мих. Милославскимъ. „Въ сельцѣ Кунцовѣ на рѣкѣ на Москвѣ на рѣчкѣ на Хвилкѣ—дворъ вотчинниковъ, на дворѣ строенія: двѣ горницы на глухихъ подклѣтахъ, межъ ими сѣни, на сѣняхъ и по горницамъ чердаки (терема) покрыты тесомъ; позади хоромъ баня, кругомъ двора заборы, ворота створчатые; на дворѣ жъ три сарая, поварня, подлѣ поварни погребъ да ледникъ, на нихъ напогребницы покрыты тесомъ; на дворѣ жъ у воротъ изба на глухомъ подклѣтѣ съ сѣнями, на сѣняхъ чердакъ; на дворѣ жъ пять житницъ, четыре покрыты тесомъ; да дворъ скотный, на немъ три избы людскихъ, конюшня, два сарая, крытые тесомъ. Да въ томъ же сельцѣ Кунцовѣ три сада позади двора; прудъ на рѣчкѣ на Хвилкѣ. Да въ томъ же сельцѣ Кунцовѣ позади сѣнныхъ покосовъ, которые по берегу Москвы-рѣки поросли кустаремъ, на горѣ роща сосновая; и по сказкѣ понятыхъ людей, то сельцо построено на церковной же землѣ на пустоши Плуткиной.“

Надо замѣтить, что въ томъ же 1689 г., когда Кунцово поступило въ число патріаршихъ вотчинъ, іюня 11, близь лежащее дворцовое село Хвили съ деревнями Мазиловымъ, Ипскимъ, Гусаревымъ, было пожаловано въ вотчину боярину Льву Кириловичу Нарышкину, родному брату царицы На-

тальи Кир. Такимъ образомъ земли и угодья деревень Ипской и Мазиловой подошли къ самой Кунцовской межѣ. Кунцово, конечно, мѣсто было хорошее, но едвали особенно выгодное для патріаршаго хозяйства; между тѣмъ къ землямъ боярина Нарышкина оно очень сближалось и могло бы хорошо округлить его новую вотчину. Возникала мысль присоединить и Кунцово къ селу Хвилямъ. Это сдѣлать было не трудно. Если почему либо не возможно было купить у патріарха эту поминальную вотчину, то можно было ее промѣнять на земли, близко подходившія къ вотчинамъ патріарха въ другихъ мѣстахъ. Льву Кириловичу помогъ въ этомъ случаѣ близкій ему человѣкъ и сосѣдъ по вотчинамъ, сынъ знаменитаго Матвѣева, тогда еще стольникъ, Андрей Артемоновичъ Матвѣевъ, владѣлецъ села Спасскаго—Сѣтуни.

Въ 1690 г. января 13 онъ помѣнялся съ благословенія патріарха на Кунцово своими землями и тотчасъ продалъ вымѣненное Кунцово въ полномъ составѣ со всѣми пустошами и угодьями Льву Кириловичу, такъ что въ томъ же году 5 апр. оно было укрѣплено за бояриномъ и оффиціальною отказною Записью изъ Помѣстнаго Приказа. Очевидно, что Матвѣевъ былъ въ этомъ дѣлѣ только посредствующимъ лицемъ. За Кунцово съ Городищемъ на церковной землѣ Покрова Богородицы и пустошами Плуткино и Резанцово, онъ отдалъ свое сельцо Савелки съ пустошами и крестьянами, Горетова стана, подлѣ Крюковской станціи петербургской желѣзной дороги. За крестьянъ и всякое дворовое строеніе Матвѣевъ получилъ отъ патріарха, сверхъ Кунцова, еще деньгами тысячу рублей. И вотъ дѣти несчастныхъ отцовъ, столько потерпѣвшихъ отъ Ив. Мих. Милославскаго, помогая другъ другу, пріобрѣтаютъ въ собственность его красивую вотчину, которая достается имъ уже изъ патріаршихъ благословенныхъ рукъ.

Общественное и даже служебное значеніе боярина Льва Кириловича опредѣляется только тѣмъ, что онъ былъ стар-

шимъ дядей Петру Великому и по родству съ государемъ пользовался почетомъ и уваженіемъ среди другихъ бояръ. Видимо, что это былъ человѣкъ, хотя и очень высокомѣрный, но не отличавшійся блестящими дарованіями и потому не занявшій виднаго мѣста въ числѣ сподвижниковъ Преобразователя. Петру, посреди его государственной, всегда неутомимой и горячей дѣятельности, нужны были товарищи-работники, но не родственники. Вотъ почему почти всѣ родственники царя, особенно старшіе, остались внѣ круга особенно близкихъ къ нему по работѣ людей, занимая разныя болѣе или менѣе почетныя, а иногда только титулярныя должности. Такъ, на время первой поѣздки въ чужіе краи, управленіе государствомъ Петръ поручилъ особой Думѣ или совѣту изъ ближнихъ людей, въ которомъ титулярно и по своему родственному съ царемъ значенію первенствовалъ бояринъ Левъ Кириловичь Нарышкинъ, а предсѣдательствовалъ среди бояръ и самымъ дѣломъ управлялъ государствомъ не бояринъ, а ближній стольникъ, кн. Ромодановскій, Ѳедоръ Юр., титулованный княземъ—кесаремъ и государичемъ.

Въ то время, какъ еще разросталось сѣмя Ив. Милославскаго и царевна Софья, при содѣйствіи Шакловитаго, употребляла всѣ мѣры, чтобы привести въ ненависть у стрѣльцовъ и Нарышкиныхъ и самого Петра, пригодилось и имя боярина Льва Кириловича. Одинъ изъ самыхъ близкихъ повѣренныхъ царевны, подьячій Матвѣй Шошинъ, въ іюлѣ 1688 г., нарядившись въ бѣлый атласный кафтанъ и боярскую шапку, и сопровождаемый такими же переряженными заговорщиками изъ стрѣльцовъ, проѣхалъ на лихихъ коняхъ ночью по Мясницкой и Покровкѣ. Когда караульные стрѣльцы у Мясницкихъ, нынѣ Красныхъ, воротъ по обычаю окликнули: кто ѣдетъ? Передовые всадники отвѣтили: „Ѣдетъ бояринъ Левъ Кириловичъ Нарышкинъ!"—и подхватя караульнаго, стали бить кистенями, плетьми и обухами невѣдомо за что; били за мертво; а одинъ кричалъ, чтобъ били до смерти, причемъ другой уговаривалъ: „Левъ Кириловичь, за что его бить до смерти? душа христіанская!"

Тѣмъ же порядкомъ этотъ Левъ Кириловичъ съ товарищами изувѣчилъ караульнаго и въ Покровскихъ воротахъ. По осмотру „у одного караульнаго голова въ двухъ мѣстахъ была проломлена, въ 4 мѣстахъ разсѣчено, по плечамъ и по спинѣ въ 7 мѣстахъ забагровлено и сине, знатно бито обухами. У другаго на головѣ по затылку было проломлено больно, на лѣвомъ плечѣ пробито больно и сине, на спинѣ на поясницѣ сине, у лѣвой руки два меньшіе перста перебиты, на лѣвой ногѣ пробито больно". Стрѣльцы приходили съ жалобою въ Стрѣлецкій приказъ, гдѣ самъ начальникъ Шакловитый публично ихъ осматривалъ, давалъ лекарства изъ царской аптеки.

И все это творилось съ тою цѣлью, чтобъ снова взбунтовать несчастныхъ стрѣльцовъ противъ Петра и его родства, противъ людей, которые на его сторонѣ становились сильными и выдвигались впередъ.

Левъ Кирил. получилъ дворцовое село Хвили въ вотчину мѣсяца за два передъ тѣмъ, какъ наконецъ эти заговоры настолько уже созрѣли, что готовы были произвести въ государствѣ желанный переворотъ, т. е. совсѣмъ покончить съ Петромъ, который принужденъ былъ даже бѣжать изъ Преображенскаго въ Троицкій монастырь, чтобъ спасти собственную жизнь. Въ тоже время, іюля 28, Шакловитый прямо объявлялъ стрѣльцамъ, что кн. Борисъ Алексѣев. Голицынъ и Левъ Нарышкинъ съ братьями хотятъ извести царевну Софью и „велѣлъ приготовить человѣкъ по 50 и по 100 отъ полка, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ перебить этихъ бояръ и всѣхъ приверженцевъ Петра." А царевна Софья 1 августа во дворцѣ жаловалась передъ стрѣльцами: „Ужъ житья намъ не стало отъ Бориса Голицына да отъ Льва Нарышкина. Царя Петра они съ ума споили, брата Іоанна ставятъ ни во что; комнату его дровами закидали; меня называютъ дѣвкою, какъ будто я и не дочь царя Алексѣя Мих.", и т. д.

Очень понятно, что Левъ Кириловичъ точно также бѣжалъ къ Троицѣ вмѣстѣ или вслѣдъ за царемъ-племянникомъ.

Въ такихъ опасностяхъ, а потомъ въ розыскахъ прошла осень 1689 года. Конечно въ это время нельзя было помнить

объ устройствѣ новыхъ деревень. Когда Петръ побѣдилъ, уничтожилъ заговоръ и удалилъ отъ правленья царевну Софью, Левъ Кириловичъ получилъ очень важное, но болѣе титулярное, назначеніе: ему въ управленіе отданъ былъ Посольскій Приказъ, въ которомъ однако главную роль занималъ опытный дипломатъ, думный дьякъ Емельянъ Украинцовъ.

Въ апрѣлѣ 1690 г., какъ упомянуто, была присоединена къ помѣстью Нарышкина и Кунцовская вотчина. Съ этого года бояринъ сталъ очень прилежно заниматься своими дачами и въ отношеніи крестьянскаго населенія совсѣмъ ихъ переустроилъ, переведя и село и деревни на новыя мѣста.

Село Хвили онъ получилъ въ 1689 г. въ слѣдующемъ состояніи: въ селѣ по прежнему стояла деревянная церковь, строенная клѣтски, во имя Покрова, но уже безъ придѣла Зачатія св. Анны. Къ церкви была прирублена трапеза, а около всего храма существовала паперть, на которой съ западной стороны возвышалась небольшая колокольня съ шатровымъ верхомъ и съ 4 колоколами. Вся постройка и съ папертью была покрыта тесомъ. На церковной землѣ былъ одинъ только дворъ попа. Боярскаго двора уже не было, ибо крестьяне пахали только государеву дворцовую десятинную пашню, по 15 десятинъ въ полѣ. Крестьянскихъ дворовъ было 17. Подъ селомъ, на устьѣ Хвилки, по прежнему существовалъ прудъ съ ветхимъ мостомъ черезъ плотину; въ прудѣ была рыба: щука, окуни, плотица, головли; да среди пашни было озерко, что слыветъ черной прудокъ, а въ немъ рыба караси.

Къ селу же принадлежала большая роща, 75 десятинъ, промежъ деревень Гусаревой и Ипской, состоявшая изъ осиннику, березнику и липняку. При селѣ числились три деревни: Гусарева на Москвѣ-рѣкѣ съ 3 дворами, Ипская на Москвѣ-рѣкѣ съ 3 дворами жилыми и однимъ пустымъ, и Мазилова на Хвилкѣ съ 12 дворами.

Хозяйскаго запасу въ селѣ бояринъ получилъ только 30 четвертей ржи, 7 четвертей овса, да къ 1689 г. засѣяно было 15 десят. ржи и 15 овса.

Вотчинное устройство въ селѣ бояринъ Левъ Кириловичъ началъ постройкою новой, уже каменной церкви, существующей до нынѣ и отличающейся красивою архитектурою въ стилѣ возрожденія. Стародавній престолъ Покрова Богородицы оставленъ въ этомъ храмѣ въ нижнемъ ярусѣ, а вверху былъ устроенъ новый престолъ во имя Спаса Нерукотвореннаго. При каждой церкви бояринъ учредилъ особый причтъ, состоявшій у Спаса изъ попа и 2 дьячковъ, а у Покрова изъ попа, дьячка и пономаря. Церковь, если не строилась, то украшалась на счетъ дворцовой казны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выстроилъ боярскій дворъ, развелъ садъ, устроилъ конюшенный дворъ. Крестьянское населеніе села бояринъ перевелъ на большую Можайскую дорогу и поставилъ тамъ новую деревню Фили, въ которой въ 1704 г. числилось 22 двора и 99 челов. крестьянъ.

Болѣе устроеннымъ бояринъ получилъ сельцо Кунцово. Въ немъ тогда существовалъ описанный выше дворъ вотчинниковъ со всякимъ дворовымъ строеніемъ, въ числѣ котораго былъ дворъ конюшенный и скотный и дворъ птичій. Здѣсь въ первое время и останавливался бояринъ въ свои лѣтніе пріѣзды въ вотчину. Во дворахъ жили только дворовые люди, при Нарышкинѣ въ 1704 г. 12 челов., 8 на боярскомъ и скотномъ и 4 на птичьемъ; крестьянскаго же населенія въ Кунцовѣ, какъ сказано, въ то время еще не было. Для распространенія хозяйства бояринъ на Хвилкѣ же, по большой Звенигородской дорогѣ, поселилъ новую деревню Мазилову, въ которую перевелъ крестьянъ изъ прежнихъ трехъ деревень: Мазиловой, искони тутъ же существовавшей, изъ Ипской и Гусаревой, стоявшихъ на берегу Москвы-рѣки, такъ что въ новопоселенной деревнѣ въ 1704 г. считалось уже 20 дворовъ съ населеніемъ 58 человѣкъ и одинъ дворъ пустой. Вѣроятно въ тоже время (1690—1704) Левъ Кир. на мѣстѣ деревни Ипской насадилъ липовую рощу.

Такимъ образомъ изъ нашего разсказа, основаннаго на оффиціальныхъ архивныхъ документахъ, оказывается, что Кунцово, вопреки свидѣтельству Карамзина, ни въ какое время

не принадлежало родоначальнику бояръ Нарышкиныхъ и отцу царицы Натальи Кирилловны, Кириллу Полуехтовичу. Историкъ по всему вѣроятію основался на одномъ соображеніи, что всѣ вотчины Нарышкиныхъ должны вести свое начало отъ пожалованія ихъ начальному лицу въ этомъ боярскомъ родѣ.

Бояринъ Левъ Кир. померъ въ 1705 г. янв. 28. При чемъ Кунцово и Хвили были соединены въ одну вотчину, которая въ годъ его смерти заключала въ себѣ: село Хвили съ церковью, сельцо Кунцово, 2 двора боярскихъ, при нихъ 2 двора конюшенныхъ, 1 дворъ птичій; двѣ деревни: Хвили на большой Можайской дорогѣ и Мазилово, на большой Звенигородской дорогѣ, 42 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ 208 человѣкъ, дворъ крестьянскій пустой, 2 двора поповыхъ, 3 двора дьячковыхъ, 1 дворъ пономаря.

Но бояринъ въ Московскомъ уѣздѣ владѣлъ и другими вотчинами. Вмѣстѣ съ Хвилями въ 1689 г. онъ получилъ село Чашниково и Черкизово (на Петербургской дорогѣ, 23 и 37 верстъ).

Въ 1691 г. было пожаловано его братьямъ, Мартемьяну—село Троицкое на Москвѣ-рѣкѣ съ деревнями; Өедору Кир.—село Медвѣдково (изъ отписныхъ знаменитаго кн. Вас. Вас. Голицына), которыя также по смерти ихъ поступили въ владѣнье Льва Кирилловича. Онъ же владѣлъ, какъ старшій въ родѣ, при матери Аннѣ Левонтьевнѣ и отцовскою вотчиною, селомъ Семчинымъ, которое бояринъ Кириллъ Полуехт. назвалъ Петровскимъ (нынѣ Петровское-Разумовское). Сверхъ того онъ владѣлъ въ 1692 г. и Тульскими желѣзными заводами.

Вообще всѣ жалованныя Кириллу Полуехт. и его дѣтямъ вотчины, въ послѣдствіи, около 1700 года, соединились во владѣньи Льва Кирилловича, при чемъ главною вотчинницею до своей смерти оставалась его мать, вдова Кирилла Полуехт. боярыня Анна Левонтьевна Нарышкина.

Въ Кунцовской мѣстности, владѣя Хвилями, Кунцовымъ и Троицкимъ, Левъ Кир. владѣлъ почти всѣмъ берегомъ Москвы рѣки, начиная отъ Дорогомилова кладбища и до деревни Раздоровъ или до Архангельскаго и даже Ильинскаго, кромѣ

только дворцовыхъ земель села Крылацкаго и деревни Татаровой, ибо къ Троицкому принадлежали Черепково, Рублево, Мякинино, Луки, Острогино.

Послѣ Льва Кирилловича остались его жена Анна Петровна, три малолѣтные сына, Александръ, Иванъ, Евграфъ, и пять дочерей: Аграфена, Прасковья, Александра, Марья, Анна, да племянница Наталья Мартемьяновна, наслѣдница села Троицкаго. Не задолго передъ смертью онъ сдѣлалъ завѣщательное письмо о раздѣлѣ своихъ имѣній, которое и было утверждено государемъ. По этому письму дѣвица Аграфена Львовна получила въ приданую вотчину село Медвѣдково и деревню Раево, да въ Муромскомъ уѣздѣ 600 дворовъ. Она вышла замужъ за кн. Алексѣя Мих. Черкасскаго. Когда въ 1710 г. она скончалась, то эта вотчина была возвращена ея братьямъ.

Племянницѣ Натальѣ вмѣсто села Троицкаго отдано было подмосковное сельцо Гузынино съ деревнями и 1046 дворовъ въ Костромскихъ и Царевосанчурскихъ мѣстахъ; Троицкое же перешло къ сыновьямъ боярина.

Дочерямъ было отказано въ Муромскомъ уѣздѣ въ Пурецкой волости по 400 дворовъ. Сыновьямъ отдѣлены оставшіяся вотчины на три доли, по 1604 двора каждому. Женѣ Аннѣ Петр. бояринъ назначилъ, если съ дѣтьми жить не похочетъ, 10000 руб. Съ этою денежною наградою она вышла потомъ замужъ за фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева.

Однако сыновнія вотчины не были раздѣлены между ними за ихъ малолѣтствомъ и долго оставались въ общемъ владѣніи. Петръ, желая сохранять большія вотчины въ однихъ рукахъ, указалъ еще вскорѣ послѣ смерти Льва Кир., 26 мая 1705 г., всѣ его вотчины и людей во всякихъ приказныхъ дѣлахъ вѣдать въ Помѣстномъ Приказѣ.

Затѣмъ въ 1708 г. авг. 27 государь указалъ домомъ и вотчинами Льва Кир., до возрасту старшаго его сына Александра, управлять стольнику кн. Ив. Осип. Щербатову, который также и съ своими вотчинами былъ отданъ въ завѣдываніе и покровительство Помѣстнаго же Приказа.

Къ сожалѣнію о состояніи всѣхъ вотчинъ, въ какомъ оставилъ ихъ послѣ своей смерти бояринъ Левъ Кир., мы не имѣемъ необходимыхъ свѣдѣній по той причинѣ, что въ 1708 г. описи всѣхъ домовъ и церквей, въ Покровскомъ-Хвиляхъ, въ Кунцовѣ, Троицкомъ, Петровскомъ, Острадамовѣ, Чашниковѣ, были отданы изъ Помѣстнаго Приказа человѣку Александра Львовича, Ананьѣ Иванову, и въ бывшій въ Москвѣ въ 1712 мая 13 пожаръ сгорѣли безъ остатку, вмѣстѣ съ домами Нарышкиныхъ и со всякими вотчинными и домовыми крѣпостями, такъ что Александръ и Иванъ Львовичи въ 1714 г. должны были выпросить изъ Приказа выписи или копіи съ этихъ крѣпостей, дабы снова укрѣпить за собою вотчинническія права документами.

По смерти Петра, когда мысль о маіоратахъ или о дворянскомъ единовладеніи была оставлена, братья Нарышкины, уже возрастные, пришли къ тому же, на чемъ искони стояло все русское вотчинничество. Въ 1732 г. они раздѣлили между собою всѣ свои недвижимыя имѣнія, причемъ Кунцово досталось Александру Львовичу. Отдѣлены ли были и Хвили для Ивана Львовича, неизвѣстно. Но Александръ Львовичь съ того времени съ особенною заботою сталъ устроивать свое Кунцово.

Въ 1744 г. онъ строитъ въ немъ каменную церковь во имя Знаменія Б-цы, и нѣтъ сомнѣнія, что при немъ же въ отношеніи барскихъ построекъ Кунцово получило то устройство, какое существуетъ въ главныхъ чертахъ и доселѣ. При немъ вѣроятно основанъ и большой домъ, разбиты сады и проспекты, заведены ранжереи и т. п. Каменный храмъ былъ оконченъ не за долго передъ его кончиною, которая послѣдовала въ Петербургѣ 25 января 1746 г.

Въ отношеніи служебнаго своего положенія Александръ Львовичъ скончался сенаторомъ, д. т. сов. и кавалеромъ обоихъ росс. орденовъ, Андрея Первозваннаго и Александра Невскаго.

Вообще должно замѣтить, что Нарышкины на служебномъ поприщѣ вовсе не отличались какими либо особыми громкими и важными заслугами государству. Но при Дворѣ они пользо-

вались великимъ вниманіемъ и значеніемъ, которое утвердилось за ними еще со времени Петра Великаго. Какъ родственники императорской фамиліи, они въ придворномъ кругу почитались какъ бы членами царскаго Дома и вообще пользовались преимуществами, какія обыкновенно предоставляются принцамъ крови. Левъ Кириловичь былъ родной дядя Петру В., а его сынъ, Александръ, двоюродный ему братъ и слѣд. дядя дочерямъ государя, Аннѣ Петровнѣ и императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и дѣдъ Петру II-му. На церемоніи погребенія Петра Великаго сестры Александра Львовича, дѣвицы Анна и Марья Львовны, какъ двоюродныя сестры императора, церемоніально шествовали въ глубокомъ траурѣ за гробомъ, имѣя по этикету своихъ ассистентовъ. Такое отношеніе къ царствующей фамиліи ставило семейство Нарышкиныхъ очень высоко, такъ что и безъ особенныхъ заслугъ они всегда возвышались по одному только праву родства. Естественно, что и всѣ знатные въ то время люди старались родниться съ этимъ семействомъ и особенно тѣ, которымъ желалось пробраться по ближе къ царствующей особѣ. Сестра Александра Львовича, Александра, была замужемъ за извѣстнымъ Волынскимъ, Артем. Петр.; другая, Аграфена, какъ упомянуто, за кн. Черкасскимъ. Племянница, дочь Ивана Львовича, Екатерина—за Разумовскимъ. Естественно также, что и сами Нарышкины, въ отношеніяхъ къ особамъ царскаго Дома, вели себя гораздо независимѣе, чѣмъ другіе придворные. Это особенно было замѣтно въ поведеніи Александра Львовича. Еще при Петрѣ Великомъ придворная молва назначала этого Нарышкина женихомъ цесаревны Анны Петровны, которой онъ приходился однако двоюроднымъ дядею. Это показываетъ, на какой ногѣ онъ стоялъ въ то время въ кругу близкихъ къ государю людей. Какъ двоюродный братъ императора-Преобразователя, онъ велъ себя, смотря всего больше на это родство и вовсе забывалъ о подданствѣ.

При Петрѣ былъ въ его домѣ учитель Ив. Зейкинъ, венгръ родомъ, съ которымъ Нарышкинъ ѣздилъ за границу. Этого учителя, какъ человѣка искуснаго и доброй совѣсти государь

въ 1722 году назначилъ учителемъ къ своему внуку Петру II-му. Но Нарышкинъ, не желая отпустить учителя, уговорилъ его отказаться отъ этой чести. Петръ повторилъ указъ въ 1723 году, чтобы вступить Зейкину въ дѣла свои немедленно. Но и послѣ новаго указа Александръ Львовичъ не отпускалъ Зейкина. Тогда разсерженный государь написалъ Макарову: „Нарышкинъ его не отпускаетъ, притворяя удобь возможные подлоги, и также — я не привыкъ жить съ такими, которые не слушаются смирно: того ради скажи и объяви сіе письмо, что ежели Зейкинъ по указу не учинитъ, то я не надъ Зейкинымъ, но надъ нимъ (Нарышкинымъ) то учиню, что доводится преслушникамъ чинить, ибо все сіе отъ него происходитъ". Таковы были отношенія Нарышкина къ самому Преобразователю.

Въ царствованіе Екатерины I-й, при владычествѣ Меншикова, по случаю его стараній о томъ, чтобы по смерти императрицы возвести на престолъ ея внука Петра II, а главное, чтобы женить будущаго императора на своей дочери, Александръ Львовичъ Нарышкинъ присоединился къ той партіи, которая всего этого не желала и очень опасалась а потому всѣми мѣрами стала противодѣйствовать временщику, надѣясь возвести на престолъ царевну Анну Петровну. Кромѣ другихъ лицъ, за одно съ Нарышкинымъ былъ и будущій любимецъ Петра II, кн. Ив. Ал. Долгорукій. Однако Меншиковъ восторжествовалъ: заговоръ былъ открытъ и противники были обвинены въ тяжкихъ преступленіяхъ: главные сосланы, Дивіеръ битъ даже кнутомъ, другіе удалены отъ Двора, въ томъ числѣ и Нарышкинъ лишенъ былъ чиновъ и посланъ на житье въ подмосковное свое село Чашниково. Долгорукій пониженъ въ чинахъ и переведенъ въ полевые полки.

На престолъ вступилъ дѣйствительно 12-лѣтній Петръ II, какъ замышлялъ Меншиковъ; совершено было даже обрученіе императора на его дочери; но обманчивая фортуна повернула колесо и временщикъ съ самаго верха своего счастія упалъ въ Сибирскій городъ Березовъ.

Лица перемѣнились, но существо дѣла оставалось тоже самое. Вмѣсто Меншикова явились Долгорукіе, такіе же временщики. Вотъ почему разсудительные люди изъ тогдашнихъ вельможъ и не желали видѣть на престолѣ императора малолѣтнаго, нуждавшагося въ опекѣ, которая всегда и возбуждала временщиковъ и любимцевъ къ захвату управленія въ свои руки. Нарышкинъ въ этихъ обстоятельствахъ дѣйствовалъ почти также, какъ дѣйствовалъ въ началѣ XVII ст. предшественникъ его по владѣнью Кунцовымъ, кн Ѳед. Ив. Мстиславскій, тоже царскій родственникъ. Онъ, какъ и Мстиславскій, не терпѣлъ подлѣ трона хозяина изъ своей братьи, и какъ противился Меншикову, такъ точно не поладилъ и съ Долгорукими, особенно съ отцомъ императорскаго любимца, кн. Алексѣемъ Долгорукимъ.

Вообще въ это смутное дворцовое время Нарышкинъ держалъ себя очень независимо и высоко, нисколько не путаясь въ борьбу за владычество временщика, въ томъ убѣжденіи, что онъ теперь такой же равный членъ царской семьи, какъ и царствовавшій малолѣтный императоръ. Александръ Львовичъ, какъ помянуто, приходился двоюроднымъ братомъ самому Преобразователю, а передъ его внукомъ онъ былъ очень уже старъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ расчитывалъ свои личныя права на уваженіе и на этомъ основаніи говаривалъ съ молодымъ государемъ, какъ съ младшимъ родственникомъ, вовсе забывая, что онъ все-таки подданный. Извѣстно, что во время пребыванія Петра II въ Москвѣ Долгорукіе овладѣли имъ совсѣмъ, отдалили и отъ дѣльныхъ людей и отъ дѣлъ, потѣшая его только охотою да пирами. Вспоминалось молодое время царя Алексѣя, когда точно также владѣлъ имъ его дядька, бояринъ Морозовъ. Тетка императора, цесаревна Елисавета Петровна, а за нею и Нарышкинъ, стали вразумлять государя и предостерегать его на счетъ беззаботнаго его поведенія и вліянія на него опеки Долгорукихъ. Нарышкинъ, какъ старшій родственникъ, прямо укорялъ его за праздность и недостойное препровожденіе времени, обвиняя во всемъ Долгорукихъ. Но временщики тотчасъ приняли свои мѣры; они раз-

молвили императора съ теткою и успѣли избавиться отъ наговоровъ Нарышкина. Въ ноябрѣ 1728 г. ему было объявлено государево повелѣніе удалиться изъ Москвы и жить въ подмосковныхъ деревняхъ. Онъ опять поселился въ селѣ Чашниковѣ; но, крайне раздраженный несправедливою опалою, не переставалъ и въ ссылкѣ поносить правительство Долгорукихъ „и говорилъ по прежнему не только свободно, но даже дерзко: въ высокомѣрной своей запальчивости онъ не щадилъ и самого императора и, не уважая святости его сана, неоднократно поносилъ и бранилъ его неподобными словами. Однажды, когда Петръ II забавлялся охотою близь Чашникова, Александру Львовичу было предложено свидѣться съ государемъ и испросить прощеніе. Онъ съ презрѣньемъ отвергъ это предложеніе и на уговоры ѣхать къ государю и поклониться ему, отвѣчалъ: „Что мнѣ ему съ чего поклониться? Я и почитать его не хочу. Я самъ таковъ же, какъ и онъ, и думалъ на царствѣ сидѣть, какъ онъ. Отецъ мой государствомъ правилъ. Дай мнѣ вытти изъ этой нужды, я знаю, что сдѣлать“.

За это поношеніе высочайшей власти и дерзкія рѣчи Нарышкинъ былъ позванъ въ Верховный Тайный Совѣтъ и подвергался опасности подпасть розыску и даже пыткамъ. Но „Его Императорское Величество, по примѣрной своей къ милосердію склонности и великодушію, не указалъ оное дѣло розыскомъ вести, и чтобъ оное, яко весьма мерзкое и ужасное, не моглобъ разгласиться и въ народѣ разсѣяно быть, того ради Его Величество указалъ послать его Нарышкина въ дальнюю его деревню безвыходно.“ Такое повелѣніе состоялось 14 января 1729 года и Нарышкинъ былъ отправленъ въ его Шацкую деревню. Долгорукіе однако чрезъ своихъ агентовъ предлагали Александру Львовичу, что онъ можетъ по прежнему остаться въ Москвѣ, если отдастъ имъ двѣ свои вотчины: Покровское-Хвили да Кунцово. Нарышкинъ съ негодованіемъ отвергъ постыдное предложеніе и за то остался въ опалѣ до самой смерти Петра II. *)

---

*) Арсеньева: Царствованіе Петра II-го.

Видно Долгорукому очень желалось пріобрѣсти себѣ въ вотчину эту красивую мѣстность и вообще какое либо мѣсто въ Сѣтунскомъ стану, представлявшемъ вообще большое приволье для охотничьихъ подвиговъ. Онъ добился къ концу того-же года, что ему было пожаловано 13 декабря сосѣднее старое патріаршее село Троицкое — Голенищево, которымъ однако, за смертію государя 19 января 1730 г., онъ владѣлъ всего одинъ мѣсяцъ и едвали не на бумагѣ только (см. выше стр. 124).

Александръ Львовичь былъ женатъ на дочери графа Александра Петров. Апраксина — Еленѣ Александровнѣ, которая при имп. Елисаветѣ была дѣйствительною статсъ-дамою и потомъ гофмейстериною. Въ 1762 г. въ день коронованія импер. Екатерины II, Елена Александровна „находилась при священнодѣйствіи и обще съ оберъ-гофмейстериною, графинею Воронцовою, оправляли на императрицѣ порфиру.“ Она скончалась въ 1767 г. и погребена въ Высокопетровскомъ монастырѣ, въ Москвѣ. Относительно управленія крѣпостными крестьянами, осталось свѣдѣніе, что Львовичи Нарышкины очень не жаловали старовѣровъ—раскольниковъ и въ своемъ селѣ Чашниковѣ, чтобы раскольничеству не было попущенія, гоняли ихъ на всякія тяжелыя работы. *)

Послѣ Александра Львовича остались два сына, Александръ и Левъ; и три дочери: Наталья, бывшая въ замужствѣ за Сергѣемъ Наумовичемъ Сенявинымъ; Марья, вышедшая за Михаила Михайловича Измайлова, и Аграфена, дѣвица.

Александръ Александровичъ (1726 + 1795) точно также провелъ свою службу при Дворѣ. Онъ былъ оберъ-шенкъ, сенаторъ, дѣйствительный каммергеръ. При Екатерининскомъ Дворѣ особенно видное мѣсто занимала его супруга Анна Никитична, урожденная Румянцова. Да и вообще дѣти Александра Львовича съ ихъ семействомъ были самыми близкими домашними людьми императрицы.

---

*) Исторія Россіи г. Соловьева, XVIII, 272.

Бракъ Александра Александровича съ Анною Никитичною былъ совершенъ въ 1749 г. въ Москвѣ, во дворцѣ, въ присутствіи вел. кн. Петра (III) Ѳед. и его супруги Екатерины (II), которые сопровождали даже новобрачныхъ въ домъ матери Нарышкина, куда потомъ прибыла и импер. Елисавета со всѣмъ Дворомъ и иностранными министрами.

Бывши еще великою княгинею, Екатерина II очень полюбила семейство Нарышкиныхъ. Анна Никитична, двѣ сестры Александра Александровича, Наталья Сенявина и Марья Измайлова, и особенно его братъ, Левъ Александровичъ, съ ихъ друзьями, Серг. Вас. Салтыковымъ и гр. Понятовскимъ, составляли самое близкое дружеское общество Великой Княгини, въ которомъ она провела самые счастливые часы своей молодой жизни. Анна Никитична и въ послѣдствіи оставалась лучшимъ ея другомъ. Однажды, это было уже въ 1788 г., императрица, помѣщая около себя въ Царскосельскомъ дворцѣ своихъ любимыхъ людей и уступая придворному этикету, повелѣла приготовить комнаты для Нарышкиной и расположить такъ, чтобъ не осталось комнатъ для княгини Дашковой; при чемъ замѣтила: „Съ одною хочу проводить время, съ другою нѣтъ. Онѣ же и въ ссорѣ за клокъ земли". Нарышкина въ это время была уже статсъ-дамой и потомъ при Павлѣ возведена въ достоинство гофмейстерины. Она скончалась въ глубокой старости, въ 1820 г.; дѣтей не имѣла.

Владѣлецъ Кунцова, Левъ Александровичъ, *) какъ и всѣ Нарышкины, вступилъ во дворецъ еще очень молодымъ человѣкомъ. Въ 1751 г., возвратившись изъ Москвы въ Петербургъ съ матерью, невѣсткою и тремя сестрами, еще дѣвицами, онъ былъ назначенъ камеръ-юнкеромъ ко двору В. Князя Петра

---

*) Московскій домъ Нарышкиныхъ, на Моховой, въ приходѣ у Николы-Сапожокъ, что у стараго Каменнаго моста, у Троицкихъ Кремлевскихъ воротъ, принадлежалъ нѣкогда Стрѣшневымъ и по всему вѣроятію поступилъ во владѣніе Нарышкиныхъ, какъ даръ отъ царя Алексѣя Кириллу Полуехтовичу. Въ это время имъ владѣли нераздѣльно оба брата, Александръ и Левъ, и въ 1766 г. іюля 7 объявляли въ газетахъ о его продажѣ; однако до начала нынѣшняго столѣтія имъ владѣлъ старшій братъ, Александръ. Послѣ въ немъ помѣщалось Горное Правленіе.

Ѳед. Съ этоговремени и началась особенная дружба В. Княгини съ этою семьею. При Дворѣ, не смотря на свое положеніе, Левъ Александровичъ велъ себя очень оригинально. Современники разсказываютъ, что это былъ чудакъ, балагуръ, постоянно шутившій и забавлявшій придворное общество своими комическими разсказами и разговорами и разными шалостями. Объ немъ говорили, что еслибъ онъ не родился богатымъ, то легко могъ бы жить и наживать деньги, употребляя только въ работу свой необыкновенный комическій талантъ. Онъ былъ вовсе не глупъ, если многому не учился, то многому наслышался и все слышанное умѣлъ очень оригинально и комично располагать въ своихъ мысляхъ и въ разсказахъ. Онъ могъ очень пространно разсуждать обо всякой наукѣ и обо всякомъ искусствѣ и при томъ такъ, какъ вздумается; употреблялъ техническіе термины, говорилъ чистѣйшій вздоръ непрерывно цѣлые четверть часа и больше; всѣ слушали и ничего не понимали, какъ и онъ самъ. Кончалось обыкновенно тѣмъ, что все общество разражалось гомерическимъ смѣхомъ. Особенно былъ онъ не подражаемъ, когда принимался говорить о политикѣ: самые серьезные люди не могли удержаться отъ смѣху. Сама императрица, вспоминая о Нарышкинѣ, говорила, что онъ былъ шутъ до мозга костей, что никто не заставлялъ ее такъ смѣяться, какъ онъ.

Объ одномъ случаѣ веселости Нарышкина разсказываетъ въ своихъ запискахъ принцъ де Линь, путешествовавшій съ императрицею въ Крымъ. Онъ говоритъ между прочимъ: „Однажды оберъ шталмейстеръ Нарышкинъ, самый любезный и вмѣстѣ рѣзвый человѣкъ, пустилъ посреди насъ волчокъ, у котораго голова была больше его собственной. Послѣ жужжанія и высокихъ скачковъ, которые довольно насъ позабавили, волчокъ разлетѣлся съ ужаснымъ свистомъ на три или четыре куска, прошелъ между Ея Императорскимъ Величествомъ и мною, поразилъ двухъ нашихъ сосѣдей и ударилъ въ голову Принца Нассау, который два раза велѣлъ пустить себѣ кровь.“ Другой разсказъ принца де Линя показываетъ, какъ вообще свободно и просто велъ себя оберъ-шталмейстеръ даже и въ друже-

скихъ разговорахъ съ государынею. Однажды императрица завела рѣчь о томъ, что ей странно кажется отчего слово вы, означающее множественное число, вошло въ употребленіе, а прямое слово ты изгнано. Ей отвѣтили, что оно еще не совсѣмъ изгнано и употребляется между великими особами, что напр. Ж. Ж. Руссо говоритъ къ Богу: Господи! въ божественной славѣ твоей! и что Богу во всѣхъ молитвахъ говорятъ также. — „Для чего же вы обходитесь со мною съ бо́льшею церемоніею?“ замѣтила императрица и сказала Нарышкину: „Будешь ли ты со мною такъ говорить?“—Для чего же не такъ, отвѣчалъ онъ, если только ты сама будешь со мною учтивѣй.—Тутъ полились цѣлыя тысячи ты, одни смѣшнѣе другихъ. Я свои мѣшалъ, говоритъ принцъ, съ именемъ Величества, и твоего Величества было уже для меня довольно. Другіе не знали, что сказать, и Величество, осыпанное грубыми ты, возвращая оное обратно, не смотря на это, имѣла видъ Владычицы Всероссійской, и почти всѣхъ частей свѣта.“

Строгій судья тогдашнихъ нравовъ, историкъ Щербатовъ, пишетъ, что Левъ Александровичъ былъ главнымъ любимцемъ Петра III, что былъ онъ человѣкъ довольно умный, „но такого ума, который ни къ какому дѣлу стремленія не имѣлъ“. Затѣмъ говоритъ, что онъ былъ трусливъ, жаденъ къ честямъ и корысти, удобенъ ко всякому роскошу, шутливъ и, словомъ, по обращеніямъ своимъ и по охотѣ шутить, болѣе удобенъ быть придворнымъ шутомъ, нежели вельможею“. Извѣстно, что во все царствованіе императрицы Екатерины II-й домъ Нарышкина не только въ Петербургѣ, но и за границею славился широкимъ гостепріимствомъ, хлѣбосольствомъ, всегдашнею веселостью и полною свободою, которыя привлекали туда все высшее, лучшее и образованнѣйшее общество.

„Въ Петербургѣ былъ домъ, не похожій на всѣ другіе, пишетъ въ своихъ запискахъ французскій посланникъ при нашемъ Дворѣ, графъ Сегюръ,—это былъ домъ оберъ-шталмейстера Нарышкина, человѣка богатаго, съ именемъ, прослав-

леннымъ родствомъ съ царскимъ Домомъ. Онъ былъ довольно уменъ, очень веселаго характера, необыкновенно радушенъ и чрезвычайно страненъ. Онъ и не пользовался довѣріемъ императрицы, но былъ у ней въ большой милости. Ей казались забавными его странности, шутки и его разсѣянная жизнь. Онъ никому не мѣшалъ; оттого ему все прощалось и онъ могъ дѣлать и говорить многое, что инымъ не прошло бы даромъ. Съ утра до вечера въ его домѣ слышались веселый говоръ, хохотъ, звуки музыки, шумъ пира; тамъ ѣли, смѣялись, пѣли и танцовали цѣлый день; туда приходили безъ приглашеній и уходили безъ поклоновъ; тамъ царствовала свобода. Это былъ пріютъ веселья и, можно сказать, мѣсто свиданія всѣхъ влюбленныхъ. Здѣсь, среди веселой и шумной толпы, скорѣе можно было тайкомъ пошептаться, чѣмъ на балахъ и въ обществахъ, связанныхъ этикетомъ. Въ другихъ домахъ нельзя было избавиться отъ вниманія присутствующихъ, у Нарышкина же за шумомъ нельзя было ни наблюдать, ни осуждать, и толпа служила покровомъ тайнѣ. Я, вмѣстѣ съ другими дипломатами, часто ходилъ смотрѣть на эту забавную картину. Потемкинъ, который почти никуда не выѣзжалъ, часто бывалъ у шталмейстера; только здѣсь онъ не чувствовалъ себя связаннымъ и самъ ни кого не безпокоилъ. Впрочемъ на это была особая причина: онъ былъ влюбленъ въ одну изъ дочерей Нарышкина. Въ этомъ никто не сомнѣвался, потому что онъ всегда сидѣлъ съ нею вдвоемъ и въ отдаленіи отъ другихъ". *) Веселое житье и гостепріимный домъ Льва Александровича воспѣты Державинымъ въ двухъ одахъ: по случаю его смерти и на рожденіе царицы Гремиславы. Въ послѣдней одѣ Поэтъ между прочимъ говоритъ!

Нарышкинъ!.... ты привѣтствомъ
Къ веселью всѣмъ твой домъ открылъ.

*) Потемкинъ ухаживалъ за Марьей Львовной Нарышкиной, которая потомъ была замужемъ за княземъ Любомирскимъ. Она пѣла и играла на арфѣ. Державинъ посвятилъ ей свою оду къ Евтерпѣ. Записки Сегюра, Спб. 1865, стр. 56.

Такимъ любезнымъ, скромнымъ средствомъ.
Богатыхъ съ бѣдными сравнилъ:
Прехвальна жизнь твоя такая.
Блаженъ творецъ людскихъ утѣхъ!....
Что нужды мнѣ, кто по паркету
Подъ часъ и кубари спускалъ;
Смотрѣлъ въ толкучемъ рынкѣ свѣту,
Народны мысли замѣчалъ.
Что нужды мнѣ, кто все зефиромъ,
Съ цвѣтка лишь на цвѣтокъ летя,
Доволенъ былъ собою, міромъ,
Шутилъ, рѣзвился, какъ дитя.
Но если онъ съ толь легкимъ нравомъ
Всегда былъ добрый человѣкъ....
Хвалю тебя, ты въ смыслѣ здравомъ
Пресчастливо провелъ свой вѣкъ....

... Твой домъ утѣхой разцвѣтаетъ
И всякъ подъ тѣнь его идетъ.
Идутъ прохладой насладиться,
Музыкой душу напитать;
То тѣмъ, то сѣмъ повеселиться;
Въ бостонъ и въ шашки поиграть;
И словомъ: радость всю, забаву
Столицы ты къ себѣ вмѣстилъ....
Бывало, даже сами боги,
Наскуча жить въ своемъ раю,
Оставя радужны чертоги,
Заходятъ въ храмину твою....
Оставя Короли престолы
И Ханы — у тебя гостятъ:
Киргизцы, Нѣмчики, Моголы
Салму и соусы ѣдятъ:
Какіе разные народы,
Языкъ, одежда, лица, станъ!....
И ты сидишь, какъ Сирскій царь,
Въ соборѣ цѣлыя природы;
Въ семьѣ твоей— какъ Авраамъ!...

Такимъ образомъ домъ Нарышкина въ нѣкоторомъ отношеніи былъ какъ бы особымъ пріютнымъ и веселымъ уголкомъ самаго Дворца, ибо туда собирались всѣ, кто являлся ко Двору, а особенно, кто долженъ былъ наблюдать политическое коловращеніе тогдашней русской жизни. Иностранные посланники очень пользовались этимъ уголкомъ для своихъ цѣлей. Вообще самъ Нарышкинъ былъ если не средоточіемъ, то однимъ изъ главныхъ дѣятелей того дружескаго придворнаго кружка, посреди котораго императрица очень любила проводить время своихъ правительственныхъ отдыховъ, и который, въ добавокъ, былъ первымъ на Руси литературнымъ кружкомъ, много способствовавшимъ даже пробужденію литературныхъ вкусовъ и интересовъ въ самомъ обществѣ.

При Екатеринѣ веселость Двора, всегда такъ необходимая для скопленія праздныхъ людей, приняла по почину самой императрицы литературную и слѣд. болѣе изящную форму, чѣмъ было прежде, когда тѣшились только дураками и шутами. Въ это время стали выходить даже сатирическіе журнальцы, въ которыхъ нерѣдко осмѣивались общіе пороки, главнымъ образомъ свѣтскаго, т. е. придворнаго общества, не безъ чувствительныхъ, хотя и скрытыхъ, уколовъ для нѣкоторыхъ личностей и для нѣкоторыхъ тогдашнихъ придворныхъ отношеній. Началось это въ 1769 г. журнальцемъ Всякая Всячина, издававшимся Козицкимъ, *) но въ которомъ очень видное сотрудничество принимала и сама императрица, да едвали она не была и прямымъ редакторомъ этихъ листковъ, выходившихъ разъ въ недѣлю, по пятницамъ, въ количествѣ 8 страницъ. Они продавались по 1½ и по 2 к. и притомъ въ разноску: ребята разносили ихъ въ Гостиномъ дворѣ. Эти листы заключаютъ въ себѣ множество теперь уже совсѣмъ темныхъ намековъ на придворные толки, сплетни, пересуды, и даютъ хотя и не полныя изображенія нѣкоторыхъ придворныхъ

*) Козицкій былъ кабинетнымъ секретаремъ императрицы и завѣдывалъ ея библіотекою.

особъ. Есть черты, которыя прямо относятся къ самой императрицѣ и даже рисуютъ нѣсколько ея біографію (№ 2.). Журналецъ начинается изображеніемъ лицъ, которыя составляли это литературное издательское общество и первое по порядку лице отъ себя же говоритъ слѣдующее: „Мнѣ сказали мама и няня, какъ я былъ шести лѣтъ, что я уменъ: у меня есть ласкатели, кои тоже нынѣ подтверждаютъ; ибо не у однихъ князей и баръ, да у двора, найдти сихъ животныхъ можно“. Такъ смѣло говорить въ первомъ литературномъ листкѣ могла только сама императрица да и выразить это обстоятельство особенно нужно было только лицу властвующему. „Первый изъ насъ не молодъ и не старъ, то есть лѣтъ сорока, продолжаетъ издатель. Намѣренія его суть честны: но онъ несчастливъ въ томъ, что часто его виды имѣютъ тѣсные предѣлы, и что благо часто не доходитъ до его догадки, или переходитъ оную“. Императрицѣ въ этомъ году дѣйствительно было 40 лѣтъ. Третья особа этого издательскаго общества обрисована такъ, что напоминаетъ Л. А. Нарышкина. Про нее издатель говоритъ, что „это человѣкъ молодой и острый, который, отъѣзжая въ чужіе краи, отъ отца своего не получилъ никакого предписанія въ разсужденіи предмета его ѣзды. Отецъ, прощаясь съ нимъ, молвилъ ему только: живи хорошенько. А что есть жить хорошенько, того батюшка не договорилъ. А сынъ понялъ, смотря на примѣры, что это значитъ жить весело“.

Цѣль журнала заключалась въ исправленіи худыхъ нравовъ и привычекъ, въ распространеніи гуманныхъ идей, въ распространеніи человѣчности въ обществѣ, въ которомъ было очень много обычаевъ татаро-французскихъ, какъ обозначала такіе обычаи Всякая Всячина. Начиная свое изданіе поздравленіемъ съ новымъ годомъ, Всячина говорила между прочимъ: „Достойны быть поздравлены всѣ тѣ, кои дожили до сего отличнаго дня, въ который они, можетъ статься, увидятъ себя не только съ наружи въ зеркалѣ, но еще и внутреннія свои достоинства, начертанныя перомъ... О годъ, которому прошедшіе и будущіе будутъ завидовать, если чувства имѣютъ! Каждая

недѣля увидитъ листъ; каждый день приготовитъ оный. Но что я говорю? Мой духъ восхищенъ до третьяго неба: я вижу будущее. Я вижу безконечное племя Всякія Всячины. Я вижу, что за нею послѣдуютъ законныя и незаконныя дѣти: будутъ и уроды ея мѣсто заступать. Но вижу сквозь облака добрый вкусъ и здравое разсужденіе, кои одною рукою прогоняютъ дурачество и вздоры, а другою доброе поколѣніе Всякія Всячины за руку ведутъ.“

Это обстоятельство прямо указываетъ, что императрица, выступая сама на литературное сатирическое поприще, давала полное разрѣшеніе и другимъ испытывать свои силы на томъ же полѣ. Дѣйствительно, тотчасъ появилось множество листковъ, *) начавшихъ работать въ томъ же направленіи, усердно обличая татаро-французскіе нравы. Всѣ они Всячину назвали себѣ бабушкою и вскорѣ завязали съ ней бойкую полемику, не уступая ей ни шагу и укоряя иной разъ въ непослѣдовательности, именно въ очень мягкомъ и гуманномъ отношеніи къ общимъ, особенно барскимъ порокамъ.

Но Всячина руководилась мыслью, что отъ пороковъ слѣдуетъ различать слабости, которыя, какъ личныя качества, требуютъ снисхожденія, притомъ, „добросердечный сочинитель изрѣдка касается и къ порокамъ, чтобы тѣмъ, подъ примѣромъ какимъ, не оскорбити человѣчества и что, главное, необходимо поставлять примѣры людей украшенныхъ различными совершенствами“. Однако сатирическое племя, порожденное Всячиною, не слушало добрыхъ совѣтовъ и впадало въ большія рѣзкости и быть можетъ и въ личности, что государынѣ очень не нравилось. Трутень, напр., очень остроумно объяснялъ, какъ слѣдуетъ различать отъ пороковъ слабости. Въ маленькомъ человѣкѣ, говорилъ онъ, воровство есть преступленіе противъ законовъ; въ средостепенномъ человѣкѣ оно порокъ, а въ превосходительномъ человѣкѣ — только сла-

*) И то и сё, Ни то ни сё, Смѣсь, Трутень, Адская почта, Поденьщина, Полезное съ пріятнымъ, выходившіе въ томъ же 1769 г. Послѣ издавались и другіе, но наиболѣе замѣчательными изъ нихъ были Трутень и Живописецъ, прямые внуки Всякой Всячины.

бость. Зная, что Всячина изданіе придворное, другіе журнальцы, пользуясь объявленною свободою сатирическаго слова, не щадили въ своихъ обличеніяхъ придворныхъ и знатныхъ особъ. Но, конечно, это могло продолжаться недолго.

Всячина, внутренно быть можетъ сочувствуя такому поведенію своихъ внучатъ, нерѣдко напоминала имъ, хотя тоже шутя, какъ это не нравилось ея обществу. Напр. Трутню она напоминала отъ имени придворнаго господчика, что его авторъ не въ свои сани садится, зачиная писать сатиры на придворныхъ господъ, знатныхъ бояръ, дамъ, судей именитыхъ и на всѣхъ; что такая смѣлость ни что иное есть, какъ дерзновеніе; что въ старыя времена послали бы за это потрудиться для пользы государственной описывать нравы какова ни есть царства Русскаго владѣнія (намекъ на Сибирь); что нынче только дали волю писать и за такія сатиры не наказываютъ: вѣдь знатный господинъ не простой дворянинъ и нельзя на немъ тоже взыскивать, что и на простолюдинахъ. Кто не имѣетъ почтенія и подобострастія къ знатнымъ особамъ, тотъ уже худой слуга (государству)". Искони знатныя и владычествующія особы, по своей натурѣ, не терпятъ ни какихъ обличеній и разоблаченій и потому, не смотря на великодушныя намѣренія высшей власти, употребляютъ всѣ мѣры и всякіе способы, чтобы держать свободное литиратурное слово во всяческихъ стѣсненіяхъ и запретахъ. Литературный починъ общественнаго обличенія, возбужденный свѣтлою мыслью самой императрицы, тотчасъ встрѣтилъ темное сопротивленіе въ ея же придворной средѣ: пошли толки и навѣты; гуси были раздражены и на другой же годъ невинная сатира совсѣмъ замолкла. *)

Весьма вѣроятно, что Левъ Нарышкинъ сотрудничалъ своими шутливыми статейками и во Всячинѣ, точно такъ, какъ онъ

*) Только въ 1772 г. она пробудилась съ большею силою и смѣлостью въ Живописцѣ Новикова. Но за то каждый разъ рядомъ съ особенно рѣзкими обличительными статейками про неумытыхъ деревенскихъ помѣщиковъ, онъ долженъ былъ непремѣнно помѣщать громкія оды въ похвалу самой императрицѣ или диѳирамбы Г. Г. Орлову, Н. И. Панину и др.; а затѣмъ во второй части все-таки былъ принужденъ воздержаться отъ сатиры.

въ послѣдствіи участвовалъ вмѣстѣ же съ императрицею и въ Собесѣдникѣ Любителей Рос. Слова, изд. Дашковой. Здѣсь онъ свое сотрудничество ознаменовалъ шутками надъ учрежденною тогда Россійскою Академіею, которой Дашкова была предсѣдателемъ. Онъ напечаталъ протоколы Общества незнающихъ, пародируя въ нихъ засѣданія новой Академіи.

„Произведеніе оберъ-штальмейстера великолѣпно и всеобъемлюще", отзывалась объ этой пародіи Екатерина.

Изъ ея литературной переписки съ Дашковой видно, что сочиненія Нарышкина переходили въ Собесѣдникъ черезъ руки самой государыни, которая объ нихъ заботилась, какъ о своихъ собственныхъ. Оттого, по случаю какого-то наставленія ему, сдѣланнаго со стороны Дашковой, дѣло приняло дурной оборотъ и императрица окончила свое сотрудничество въ Собесѣдникѣ, и писала между прочимъ къ Дашковой о сочиненіи Нарышкина, послужившаго какъ кажется предметомъ размолвки, слѣдующее: „Такъ какъ ему никогда не приходили въ голову мысли обидѣть какое либо человѣческое существо, что довольно ясно видно изъ его шутливаго тона, то онъ, конечно, не нарушитъ правила, которое вы ему преподали." Вотъ почему, когда въ Собесѣдникъ были отданы извѣстные Вопросы Фонъ-Визина и въ этихъ вопросахъ 14-й заключалъ въ себѣ слѣдующее: „Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе?" Екатерина приняла его съ неудовольствіемъ и отвѣчала, что вопросъ родился отъ свободоязычія. Вопросъ прямо мѣтилъ на Нарышкина и былъ сдѣланъ по мнѣнію императрицы отъ оберъ-каммергера Ив. Ив. Шувалова въ отмщеніе за портретъ нерѣшительнаго человѣка, напечатанный въ 11 части Собесѣдника и сочиненный вѣроятно подъ думкою Екатерины.

Сама императрица изобразила Нарышкина въ своихъ комедіяхъ и въ двухъ шутливыхъ статейкахъ. Одну комедію—пословицу: „За мухою съ обухомъ" она написала по поводу тяжбы Нарышкина съ знаменитою княгинею Дашковою, гдѣ, подъ именемъ Пострѣловой и Дурындина, выведены были эти

двѣ личности. Дашкова вообще не ладила съ Нарышкинымъ быть можетъ, главное, за его насмѣшки. По разсказу Державина, однажды при императрицѣ въ засѣданіи ея литературнаго шутливаго общества, Левъ Александр. голосомъ и съ ухватками Дашковой сказалъ рѣчь, которую Дашкова произнесла при открытіи Россійской Академіи и которая однако была сочинена не ею, а кѣмъ-то другимъ. Княгиня обидѣлась и за то лишена права быть членомъ этого шутливаго общества. „Дашкова съ Львомъ Алекс., говорила однажды императрица Храповицкому, въ такой ссорѣ, что сидя рядомъ, оборачиваются другъ отъ друга и составляютъ двуглаваго орла—ссора за пять сажень земли". Другою ихъ ссорою въ 1787—88 годахъ забавлялся весь Дворъ. Храповицкій записалъ это обстоятельство въ слѣдующей замѣткѣ: „30 октября Дашкова побила Нарышкиныхъ свиней; смѣясь сему происшествію приказано (императрицею) скорѣе кончить дѣло въ судѣ, чтобъ не дошло до смертоубійства. 31 окт. отдана, поданная Брюсомъ записка о побитыхъ Дашковою свиньяхъ. 2 ноября княгиня Дашкова прислала письмо къ графу М. А. Дмитріеву - Мамонову съ изъясненіемъ о свиньяхъ. (Императрица замѣтила:) „Тотъ любитъ свиней, а она цвѣты, и отъ того все дѣло вышло." Придворные вообще отзывались объ этой непремиримой враждѣ, что враги тогда помирятся, когда отыскана будетъ квадратура круга.

Императрица изобразила всего Льва Александровича въ трехъ-актной комедіи: L'insouciant (Беззаботный), которую въ 1788 г. окт. 15 въ дружескомъ тѣсномъ кружкѣ играли на эрмитажномъ театрѣ, и какъ самъ Нарышкинъ, такъ и всѣ зрители много смѣялись, замѣчаетъ Храповицкій. Но прежде государыня юмористически описала его жизнь и путешествіе и назвала этотъ трудъ Леоніана. *)

Само собою разумѣется, что живя постоянно при Дворѣ, въ Петербургѣ, Левъ Александровичъ бывалъ въ своемъ Кунцовѣ

---

*) См. Матеріалы для Исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II, П. Пекарскаго.

лишь въ то время, когда по какому либо случаю императрица и Дворъ переселялись въ Москву. Точно также и по той же причинѣ рѣдкими гостями въ своемъ селѣ бывали и его преемники, жившіе по большой части то же въ Петербургѣ или за границею. Особенно сынъ, Александръ Львовичь, который даже и умеръ въ Парижѣ.

Въ одинъ изъ случайныхъ пріѣздовъ въ Москву Двора, именно во время коронаціи императрицы Екатерины II, Кунцово было ознаменовано посѣщеніемъ самодержицы лѣтомъ 1763 года. Это было 7 іюня въ субботу. „Оказывая свое высочайшее и всемилостивѣйшее благоволеніе къ Оберъ-Шенку Александру Александровичу и къ Шталмейстеру Льву Александровичу, государыня соизволила удостоить высочайшимъ своимъ присутствіемъ подмосковные ихъ домы, съ придворною свитою. Изъ Москвы до перевоза, вѣроятно подъ Шелепихою, императрица ѣхала въ каретахъ, а черезъ рѣку переправлялась на собственномъ великолѣпно-убранномъ паромѣ А. А. Нарышкина. Поѣздъ направился прежде въ село Покровское—Фили, и встрѣченъ былъ, при колокольномъ звонѣ, священникомъ села съ крестомъ и всѣмъ причтомъ, при чемъ производилась пушечная пальба. Государыня, приложась животворящему кресту, изволила пойдти въ церковь, гдѣ совершено было молебствіе, потомъ изволила вступить въ покои хозяина, гдѣ былъ уже приготовленъ роскошный столъ. Императрица кушала съ кавалерами, дамами и фрейлинами въ числѣ 26 персонъ, а другія особы были трактованы за особымъ столомъ на 24 кувертахъ. Во время стола при пушечной пальбѣ пито здоровье Ея Величества, потомъ Цесаревича; за тѣмъ всѣхъ вѣрныхъ рабовъ Ея Величества, и наконецъ здоровье домохозяина съ его фамиліею. По окончаніи обѣда государыня гуляла въ саду и оттуда проходила смотрѣть яхту, которая до начатія еще россійскаго флота была сдѣлана и хранилась въ нарочно устроенномъ мѣстѣ.

Изъ Покровскаго императрица со всею свитою поѣхала въ стоявшій гдѣ-то вблизи, вѣроятно на мѣстѣ нынѣшней деревни Фили, лагерь армейскихъ полковъ и смотрѣла ученье воен-

ной экзерциціи. Отсюда государыня отправилась въ Кунцово—Знаменское къ шталмейстеру Льву Александровичу, гдѣ въ домѣ и вечернее кушанье (ужинъ) изволила кушать, при чемъ также при пушечной пальбѣ и такимъ же порядкомъ были питы здоровья императрицы, цесаревича, всѣхъ вѣрныхъ рабовъ Ея Величества и здоровье домохозяина съ фамиліею. Государыня оставалась и послѣ ужина нѣсколько времени, а потомъ при пушечной пальбѣ возвратилась въ Москву трактомъ на село Покровское, гдѣ церковь и домъ помѣщика, а равно и вся дорога до перевозу пребогато были иллюминованы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что существующій до нынѣ проспектъ изъ Кунцова въ Покровское, нарочно былъ устроенъ въ это самое время и остается вѣковѣчнымъ памятникомъ путешествія здѣсь императрицы. Черезъ рѣку государыня переправилась также на Нарышкинскомъ паромѣ и затѣмъ въ каретѣ шествовала во Дворецъ, куда прибыла въ 2 часу по полуночи. Во время переправы производилась неумолкаемая пушечная пальба.

Надо замѣтить, что весною и лѣтомъ 1763 г., какъ и 1767 г. и вѣроятно въ другіе лѣтніе пріѣзды въ Москву, императрица очень любила выѣзжать по загороднымъ московскимъ мѣстамъ и дачамъ, посѣщая наиболѣе уважаемыхъ людей. Въ 1763 г. 26 апрѣля она путешествовала на Воробьевы горы и заѣзжала въ Васильевское къ кн. Долгорукову; 8 мая выѣзжала въ Петровское-Разумовское къ Разумовскому; 10 іюня въ Кусково—къ Шереметеву и вездѣ оставалась у хозяевъ на вечернее кушанье.

Послѣ Льва Александровича Кунцовымъ владѣлъ его старшій сынъ, Александръ Львовичъ (род. 1760 г., умеръ въ Парижѣ 1826 г.), оберъ-каммергеръ, канцлеръ всѣхъ росс. орденовъ, извѣстный во всей Европѣ своимъ умомъ, любезностью и остротами, какъ свидѣтельствуетъ г. Васильчиковъ. Въ исторіи Кунцова его память не сохранилась. Живя постоянно

въ Петербургѣ или за границею, онъ, вѣроятно, совсѣмъ не помнилъ о своей прекрасной дачѣ и бывалъ въ ней очень рѣдко.

При немъ одно время Кунцово принадлежало по праву любителя красотъ природы нашему славному исторіографу, о чемъ онъ отмѣтилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ и что даетъ и намъ поводъ причислить его къ владѣльцамъ Кунцова.

Карамзинъ, какъ мы уже говорили, очень любилъ Московскія окрестности и очень понятно, что на лѣто всегда удалялся въ какой либо красивый уголокъ наслаждаться природою. Въ 1797 г. въ іюлѣ онъ писалъ къ Ив. Ив. Дмитріеву: „Для разсѣянія ѣздилъ я по Московскимъ окрестностямъ, видѣлъ прекрасныя мѣста и жалѣлъ, что у насъ не умѣютъ ими пользоваться. Черезъ нѣсколько дней опять куда нибудь поѣду. Между тѣмъ всякой день брожу еще пѣшкомъ, и такимъ образомъ дѣлаюсь перипатетическимъ философомъ...“ Кажется первымъ дачнымъ жилищемъ Карамзина была Самарова гора, близъ монастыря Николы на Перервѣ, гдѣ авторъ, какъ онъ самъ отмѣчаетъ, живалъ весною, лѣтомъ, въ своей молодости, когда онъ еще занимался мечтами воображенія. Въ апрѣлѣ 1799 г. онъ описываетъ Дмитріеву свои мечты объ этомъ жилищѣ:

„Желаю“ мой милый, чтобы скорѣе пришло то время, въ которое, по словамъ твоимъ, могъ бы ты жить совершенно для Музъ и дружбы. Мнѣ весело и воображать это! Тогда чтобъ не упасть лицемъ въ грязь передъ тобою, и я началъ бы прилежнѣе молиться Аполлону стихами и прозой. Лѣтомъ жили бы мы въ маленькомъ и чистенькомъ домикѣ на высокомъ берегу Москвы рѣки, въ семи верстахъ отъ города, гдѣ я третьяго году писалъ Дарованія и стихи къ Вѣрной, давно невѣрной. Мѣсто самое романическое. Тамъ бы два друга, довольно опытные, довольно спокойные, но не совсѣмъ холодные, вспомнивъ иное, засмѣялись—вспомнивъ другое, вздохнули—и эхо рощи засмѣялось бы съ ними, эхо рощи вздохнуло бы съ ними. Изъ чувствъ раждались бы слова, изъ словъ стихи, изъ стиховъ можетъ быть наша слава, по крайней мѣрѣ

наше удовольствіе. Горацій прославилъ Тиволи, а мы Самарову гору превратили бы въ Русской Геликонъ.“

Съ наступленіемъ слѣдующей весны (1800 г.), Карамзинъ мечталъ уже о другой мѣстности, тоже на высокомъ берегу Москвы рѣки, именно о Кунцовѣ. Еще 7 марта, описывая своему брату Василію Мих. худое состояніе своего здоровья, онъ прибавляетъ: „Надѣюсь опять на весну. Хочется въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ выѣхать за городъ и подышать чистымъ воздухомъ...“ Марта 28, освободившись отъ недуга, онъ, бодрый и веселый писалъ къ другу поэту Дмитріеву: „Весна улыбается на розовомъ облакѣ и сыплетъ на тебя свѣжіе цвѣты свои, за то, что ты нѣкогда воспѣлъ ее пріятнымъ голосомъ, вмѣстѣ съ богородскими жаворонками. Скажи ей и нынѣ какое нибудь привѣтствіе въ стихахъ. Тебѣ ли молчать, когда говоритъ вся природа? А весною бываетъ она краснорѣчива. Разсыпай богатства Поэзіи на богатства Натуры.... Между тѣмъ не забывай Москвы; возвратись къ намъ въ срокъ. Будь честнымъ человѣкомъ и сдержи слово. Увидишь, какъ здѣсь хорошо лѣтомъ. Я надѣюсь тотчасъ послѣ Святой недѣли переѣхать за городъ, на берегъ Москвы рѣки, гдѣ книга, чай и трубка будутъ для меня гораздо пріятнѣе.“ Но 2 мая онъ увѣдомлялъ друга, что „время стоитъ несносное: холодъ, снѣгъ, дождь; и на гулянье 1 Мая почти можно было ѣхать въ саняхъ. Я хотѣлъ рано убраться загородъ, на берегъ Москвы рѣки; но теперь и думать нельзя; одна забава играть въ бостонъ.. Я по уши влѣзъ въ Русскую Исторію; сплю и вижу Никона (лѣтопись) съ Несторомъ..“

Однако 20 мая онъ жилъ уже въ Кунцовѣ и писалъ объ этомъ другу слѣдующее: „Кунцово. 20 Мая 1800. Пишу къ тебѣ, сидя на высокомъ берегу Москвы-рѣки подъ тѣнью густыхъ липъ, и взглядывая на обширную равнину, которую вдали ограничиваютъ рощи и пригорки. Это мѣсто подарено царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ отцу Натальи Кириловны, (см. стр. 181), и въ окрестностяхъ Москвы нѣтъ ничего ему подобнаго красотою. Хозяинъ живетъ въ Петербургѣ, а я рву ландыши на его лугахъ, отдыхаю подъ вѣтвями его древнихъ

дубовъ, пью чай на его балконѣ! Свѣтъ принадлежитъ тому, кто имъ наслаждается: это миритъ меня съ Провидѣніемъ и съ недостойными богачами".

„Между тѣмъ, любезный другъ, гуляя и наслаждаясь, и говоря съ Ж. Жакомъ десять разъ въ день: O grand Etre! O grand Etre! считаю остальные волосы на головѣ своей и вздыхаю. Прошли тѣ лѣта, въ которыя сердце мое ждало къ себѣ въ гости какого-то неописаннаго щастья; прошли годы тайныхъ надеждъ и сладкихъ мечтаній! Разсудокъ говоритъ, что мнѣ уже поздно думать о пріобрѣтеніяхъ: даже и то, чѣмъ теперь наслаждаюсь, должно мало по малу изчезнуть. Такъ на шумномъ пиршествѣ утружденные гости одинъ за другимъ расходятся; музыка умолкаетъ; залы пустѣютъ, свѣчи гаснутъ, и хозяинъ ложится спать — одинъ! Природа очень многое хорошо устроила; но для чего сердце не теряетъ желаній съ потерею надежды? Для чего, напримѣръ, переставъ быть любезными, хотимъ еще быть любимыми?"

Черезъ два дня, 22 мая, изъ Кунцова же онъ посылаетъ письмо къ брату, которое точно также начинаетъ восторгами отъ прекрасной мѣстности. „Съ того времени, какъ стало у насъ ясно и тепло, живу я въ шести верстахъ отъ города, на высокомъ берегу Москвы рѣки и вижу такія прекрасныя мѣста, какихъ не много въ Россіи. Желалъ бы я, любезнѣйшій братъ, что бы вы на монгольфьеровомъ шарѣ слетали ко мнѣ въ гости, на чашку кофе, и погуляли со мною въ здѣшнихъ липовыхъ рощахъ. Мы поговорили бы о всякой всячинѣ, а всего болѣе о томъ, сколько я люблю васъ... Здоровье мое, слава Богу! въ хорошемъ состояніи. Деревенскій чистый воздухъ есть для меня бальзамъ..."

Время пребыванія Карамзина въ Кунцовѣ въ личной его жизни отмѣчено особенными обстоятельствами, о которыхъ онъ подробно не высказывалъ, но которыя окончились его бракомъ на Елизаветѣ Иван. Протасовой съ наступленіемъ слѣдующей же весны. Объ этой сердечной исторіи онъ намекаетъ въ письмѣ къ другу отъ 20 іюня уже изъ Москвы, куда вѣроятно пріѣзжалъ изъ Кунцова на время. Онъ зоветъ

его настоятельно въ Москву и прибавляетъ: „Я былъ бы счастливѣе съ тобою. Въ обстоятельствахъ моихъ сдѣлалась нѣкоторая перемѣна, и бѣдный другъ твой часто грустить тихонько... Я привязался бы къ тебѣ, продолжаетъ онъ въ другомъ письмѣ, какъ вѣрная твоя собачка, однакожь не мѣшая тебѣ ничего дѣлать. Стали бы читать, писать, говорить о дружбѣ и чувствовать ее"....

За тѣмъ уже осенью 15 ноября онъ напоминаетъ другу о разочарованіи въ своихъ сердечныхъ привязанностяхъ и прибавляетъ: „Суди теперь, на какую погоду указываетъ барометръ моего сердца! Назови все это дурачествомъ, естьли хочешь; но — будь только спокойнѣе и люби меня!" „Я не буду жаловаться, продолжаетъ онъ въ другомъ письмѣ отъ 3 декабря, на вѣтреность Амариллъ моихъ, которыя (слава Богу!) перепрыгнули отъ меня за ручей и скрылись въ лѣсу! Пусть тамъ гоняются за ними Сильваны, Фауны и простые Сатиры. Третьяго дня исполнилось мнѣ 35 лѣтъ отъ роду".

Но, описывая свое разочарованіе въ Амариллахъ, изображая свою меланхолію даже въ стихахъ, онъ уже мечталъ о прочномъ счастіи, на которое какъ видимо вполнѣ надѣялся и опять усердно звалъ друга въ Москву. „Бьюсь объ закладъ, писалъ онъ Дмитріеву, что ты не можешь столько желать своего возвращенія въ Москву, сколько я желаю его. Хотя бы къ веснѣ далъ мнѣ тебя Богъ! говоритъ мое сердце. Въ прошедшее лѣто я жилъ, наслаждался и мучился въ Кунцовѣ; въ слѣдующее хотѣлось бы мнѣ тамъ пожить съ сердцемъ на рукѣ, съ дружбою (т. е. съ Дмитріевымъ), съ Натурою и съ книгами."

Мечта стала дѣйствительностью: 24 апрѣля 1801 г. онъ писалъ къ брату: „Съ сердечною радостію увѣдомляю васъ, что я женился на Елизаветѣ Ивановнѣ Протасовой, которую 13 лѣтъ знаю и люблю"; а потомъ 26 мая увѣдомлялъ, что болѣе трехъ недѣль живетъ уже съ супругою въ деревнѣ, не далѣе осьми верстъ отъ Москвы, что въ городѣ бываетъ рѣдко, и то на часъ. „Къ счастію время хорошо, прибавлялъ онъ,

а мѣсто еще лучше; живемъ въ тишинѣ, иногда принимаемъ нашихъ московскихъ пріятелей; читаемъ, а всего болѣе прогуливаемся. Я совершенно доволенъ своимъ состояніемъ и благодарю судьбу.“ Но кажется упоминаемая здѣсь деревня не была Кунцово. По всему вѣроятію это было Свирлово (за Останкинымъ, по Троицкой дорогѣ въ сторону 3 версты), гдѣ Карамзинъ жилъ и послѣ, въ 1802 и 1803 годахъ, и гдѣ преждевременно скончалась и его супруга, съ небольшимъ черезъ годъ послѣ свадьбы. 19 августа 1802 г. онъ писалъ брату: „До сего времени живу еще въ той деревнѣ, гдѣ закрылись глаза ея и сплю на томъ диванѣ, гдѣ она страдала и скончалась.“ Потомъ онъ сталъ жить съ 1804 г. въ селѣ Астафьевѣ, близь Подольска, принадлежавшемъ кн. Вяземскому, отцу его второй супруги.

Между тѣмъ, по воспоминаніямъ гр. Блудова, онъ впервые познакомился съ Карамзинымъ въ Кунцовѣ же, въ 1805 году. Его біографъ Ег. П. Ковалевскій (стр. 40) разсказываетъ объ этомъ слѣдующее: „Въ этотъ именно пріѣздъ свой (въ Москву, въ іюлѣ 1805 г.), какъ самъ Блудовъ припоминалъ себѣ, ему наконецъ удалось познакомиться съ Карамзинымъ, чего онъ такъ пламенно желалъ. Еще въ 1803 году онъ ѣздилъ къ Жуковскому за городъ въ село Кунцово, гдѣ, овдовѣвъ послѣ перваго брака, уединенно въ маленькомъ домикѣ жилъ Карамзинъ, пріютившій у себя на лѣтнее время Жуковскаго; но Карамзина тогда не было дома. На этотъ разъ самъ Жуковскій повезъ его въ Кунцово. Дмитрій Николаевичь любилъ вспоминать объ этомъ первомъ знакомствѣ, прибавляя, что ни прежде ни послѣ того, ни одна личность не произвела на него такого глубокаго впечатлѣнія,—развѣ личность графа Каподистрія. Онъ воротился домой очарованный бесѣдою ученаго исторіографа, столь же, какъ и его простымъ открытымъ обхожденіемъ и нѣкоторое время находился въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи...“ Въ послѣдствіи они сдѣлались друзьями. Но въ опредѣленіи мѣста или времени при обстоятельствѣ этого знакомства, память гр. Блудову измѣнила.

Въ 1803 г. Карамзинъ жилъ не въ Кунцовѣ, а въ Свирловѣ, именемъ котораго отмѣчено его письмо къ брату отъ 6 іюня этого года съ прибавкою, что онъ нанимаетъ прекрасный сельскій домикъ и въ прекрасныхъ мѣстахъ близь Москвы. Въ 1805 г. онъ жилъ въ Астафьевѣ, изъ котораго также отмѣчено письмо отъ 13 Іюня, съ извѣстіемъ, что живетъ теперь въ деревнѣ и по своему обыкновенію много работаетъ и гуляетъ.

По всему видимо, что время пребыванія Карамзина въ Кунцовѣ принадлежало къ тѣмъ знаменательнымъ періодамъ личной жизни человѣка, когда въ его мысляхъ и чувствахъ совершается переломъ, когда во внутреннемъ человѣкѣ происходитъ въ нѣкоторомъ смыслѣ буря, скорбная по разочарованію, но освѣжительная и обновительная для дальнѣйшихъ шаговъ существованія. Кунцовское письмо къ Дмитріеву отъ 20 мая прямо свидѣтельствуетъ, что мысли Карамзина въ это время исполнены были сомнѣній и мученій о счастливѣйшемъ времени жизни. Онъ предавался меланхоліи, которую тогда же изобразилъ даже въ стихахъ, подражая Делилю, и обращаясь къ которой говорилъ:

Страсть нѣжныхъ, кроткихъ душъ, судьбою угнетенныхъ,
Несчастныхъ счастіе и сладость огорченныхъ!....
О Меланхолія! нѣжнѣйшій переливъ
Отъ скорби и тоски къ утѣхамъ наслажденья!
Веселья нѣтъ еще, и нѣтъ уже мученья;
Отчаянье прошло... Но слезы осушивъ,
Ты радостно на свѣтъ взглянуть еще не смѣешь,
И матери своей, Печали, видъ имѣешь.
Бѣжишь, скрываешься отъ блеска и людей,
И сумерки тебѣ милѣе ясныхъ дней.
Безмолвіе любя, ты слушаешь унылый
Шумъ листьевъ, горныхъ водъ, шумъ вѣтровъ и морей.
Тебѣ пріятенъ лѣсъ, тебѣ пустыни милы;
Въ уединеніи ты болѣе съ собой!
Природа мрачная твой нѣжный взоръ плѣняетъ:
Она какъ будто бы печалится съ тобой!.....

Веселіе твое—задумавшись молчать,
И на прошедшее взоръ нѣжный обращать.

Какъ все это сходно съ настройствомъ тѣхъ мыслей, которыя въ древнее время увлекали нашихъ подвижниковъ въ пустыни и лѣса. Они не писали стиховъ, но ихъ дѣла, ихъ короткія слова о томъ, чего они искали посреди природы, вполнѣ переселяютъ насъ въ этотъ кроткій міръ чувствованій, гдѣ исканіе счастія или, что одно и тоже, это древнее исканіе спасенія души было исключительною силою всей жизни.

При Карамзинѣ, подъ вліяніемъ новаго образованія, именно подъ вліяніемъ свѣтскаго образованія, это исканіе высказывалось конечно иначе, чѣмъ въ тѣ вѣка, когда господствовало образованіе церковное. Но сущность нравственнаго момента въ состояніи личной жизни была одна и таже и въ тѣ вѣка и въ этотъ карамзинскій вѣкъ.

Въ Кунцовѣ, описывая стихами свою меланхолію, Карамзинъ переживалъ именно тотъ моментъ, когда въ человѣкѣ просыпается сознаніе о своихъ счетахъ съ жизнію, съ прошедшимъ. Тревоги мысли и чувства о томъ, въ чемъ же заключается истинная задача жизни и составляютъ кругъ дѣятельности такого момента. Переживъ эти тревоги, Карамзинъ подробно изобразилъ весь кругъ своихъ мыслей за это время въ небольшой статейкѣ, заглавіе которой упомянуто нами выше—О счастливѣйшемъ времени жизни—и написаніе которой, хотя и можетъ быть отнесено къ 1802 г., когда скончалась первая его супруга, но философія статьи имѣетъ корнемъ именно Кунцовское письмо отъ 20 мая 1800 г. и служитъ только выраженіемъ всего продуманнаго и прочувствованнаго въ Кунцовскихъ же рощахъ. Мы вообще думаемъ, что эта небольшая душевная исповѣдь, вполнѣ характеризующая всего Карамзина, могла быть написана имъ только послѣ Кунцовскихъ душевныхъ тревогъ, окончившихся вступленіемъ въ новый міръ существованія, о которомъ онъ здѣсь же мечтаетъ, и въ которомъ брачная жизнь занимала одно изъ непремѣнныхъ условій для радостей сердца, а историческій степенный и основательный трудъ

составлялъ высокую цѣль для ума и размышленія. Передъ выѣздомъ въ Кунцово на дачу онъ писалъ, что по уши влѣзъ въ Русскую Исторію, что спитъ и видитъ однѣ лѣтописи... Въ Кунцовѣ стало быть вполнѣ развилась и окрѣпла мысль объ Исторіи Государства Россійскаго.

Особенно достопамятнымъ для Кунцова былъ 1818 годъ, когда съ 3 на 4 іюня здѣсь останавливался для ночлега прибывшій въ Москву прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III. Пріѣздъ такого высокаго гостя, родителя почившей императрицы Александры Θеодоровны, былъ вызванъ радостнымъ для него и для всей Россіи событіемъ, рожденіемъ въ Москвѣ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

Такъ какъ августѣйшій гость ѣхалъ на Познань чрезъ царство Польское, то путь къ Москвѣ лежалъ ему по Можайской дорогѣ, мимо Кунцова, въ которомъ по маршруту приходилась вечерняя остановка, съ тою цѣлью, дабы на утро былъ совершенъ торжественный въѣздъ въ столицу. „Недѣли за три передъ тѣмъ, Кунцово начало выходить изъ долголѣтнихъ развалинъ и преобразилось въ прекрасный сельскій домъ“, говоритъ издатель тогдашняго Русскаго Вѣстника, С. Н. Глинка. „Гдѣ нужно изъявлять усердіе, тамъ для русскихъ нѣтъ невозможнаго,“ прибавляетъ онъ, вспоминая слова Екатерины II, и обозначая тѣмъ, что Кунцовскій помѣщикъ употребилъ вѣроятно все стараніе, чтобы доставить августѣйшимъ гостямъ пріютъ вполнѣ удобный и соотвѣтственный такому торжественному случаю. Это тѣмъ болѣе было необходимо, что въ Кунцово же прибыла встрѣтить своего родителя и великая княгиня Александра Θеодоровна.

Московскія Вѣдомости описывали этотъ пріѣздъ слѣдующимъ образомъ. „Въ понедѣльникъ, т. е. 3 Іюня въ 8 часовъ по полудни государь императоръ (Александръ Павловичъ), получивъ извѣстіе о приближеніи его величества короля прусскаго, изволилъ въ ту же минуту отправиться по Можай-

ской дорогѣ и встрѣтя короля въ двадцати верстахъ отъ Москвы (въ Мамоновѣ), сѣлъ съ нимъ въ карету и продолжалъ путешествіе вмѣстѣ до Кунцова, гдѣ государь императоръ, оставя вожделеннаго гостя для ночнаго отдохновенія, изволилъ самъ возвратиться въ столицу.“ Государя сопровождалъ и в. к. Константинъ Павловичъ, такъ какъ и прусскій король прибылъ въ сопровожденіи наслѣднаго принца Фридриха Вильгельма, въ послѣдствіи короля и роднаго брата нынѣшняго германскаго императора.

„На другой день по утру, т. е. 4 числа, продолжаютъ Вѣдомости, государь императоръ съ государемъ цесаревичемъ в. к. Константиномъ Павловичемъ и государемъ в. к. Николаемъ Павловичемъ паки отправились въ Кунцово и вмѣстѣ съ его величествомъ королемъ прусскимъ и его высочествомъ наслѣднымъ принцемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ прибыть изволили къ Драгомиловской заставѣ и оставя свои дорожные экипажи, сѣли на пріуготовленныя, какъ для ихъ величествъ, такъ и для ихъ высочествъ и всей свиты, верховыя лошади. При въѣздѣ въ заставу войска были расположены по лѣвой сторонѣ дороги по Арбату, Знаменкѣ, Кремлевской Набережной до Москворѣцкаго моста и оттуда мимо Василія Блаженнаго, Спасскихъ воротъ до самаго дворца. Сначала стояла артиллерія, потомъ пѣхота, а напослѣдокъ конница, старшіе впереди, а младшіе позади. Въѣздъ его величества короля прусскаго привѣтствуемъ былъ сто однимъ выстрѣломъ изъ пушекъ, барабаннымъ боемъ, музыкою по полкамъ и колокольнымъ звономъ по всѣмъ церквамъ. Военный же генералъ-губернаторъ графъ Тормасовъ и командующій 5 корпусомъ графъ Толстой, стоявшіе у заставы подали его королевскому величеству рапорты, по принятіи которыхъ король прусскій съ государемъ императоромъ изволили поѣхать рядомъ по вытянутой линіи войскъ, отдававшей честь въ продолженіе церемоніальнаго проѣзда ихъ величествъ. Позади ихъ величествъ ѣхали великіе князья и наслѣдный принцъ прусскій; за ихъ высочествами слѣдовали генералъ и флигель-адъютанты, также и весь генералитетъ, за которымъ

ѣхалъ эскадронъ лейбъ-гвардіи казаковъ, потомъ богатыя придворныя кареты, а за ними стоявшее у заставы войско, постепенно свертываясь, шествовало, оглашая воздухъ радостными восклицаніями ура!"

„По въѣздѣ въ Кремль ихъ величества и ихъ высочества изволили остановиться у Краснаго, покрытаго алымъ сукномъ, крыльца, внизу котораго всѣ придворные чиновники и знатнѣйшія особы въ богато-шитыхъ кафтанахъ приняли его королевское величество, а вверху штатсъ-дамы, камеръ-фрейлины, фрейлины и знатнѣйшія дамы, имѣвшія въѣздъ ко Двору въ круглыхъ платьяхъ. Ихъ же величества государыня императрица Елисавета Алексѣевна и государыня императрица Марія Ѳеодоровна принять изволили высокаго гостя предъ входомъ во дворецъ. Стеченіе народа было многочисленное, а ввечеру городъ былъ иллюминованъ."

На прибытіе въ Москву короля прусскаго издатель Русскаго Вѣстника С. Н. Глинка напечаталъ тогда восхищенные стихи, въ которыхъ воспѣлъ, что „тогда въ природѣ стало все свѣтлѣй," ибо до прибытія короля нѣсколько дней сряду погода была туманная и дождливая, а въ это время „солнца лучь заблисталъ яснѣй"; что король „любитъ нашъ языкъ," ибо его величество, въ селѣ Кунцовѣ, осматривая поутру караулъ, привѣтствовалъ солдатъ по-русски и самъ проговорилъ: съ плеча; что король удивленный видомъ Москвы, обновленной послѣ французскаго пожара, въ восхищеньи промолвилъ: „Чтожъ прежде былъ сей градъ престольный"!

Король пробылъ въ Москвѣ одиннадцать дней, до 15-го іюня и возвратился на Петербургъ.

Владѣлецъ Кунцова, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, въ память такого знатнаго событія, каково было пребываніе въ его домѣ короля Пруссіи, поставилъ въ своемъ саду обелискъ изъ бѣлаго камня съ бронзовымъ вензеловымъ изображеніемъ имени императора Александра 1-го съ западной стороны и съ Московской стороны съ надписью на бронзовой доскѣ:

ЛИТ. ВАХМАНЪ.

1818 года Іюля 4 дня
Король Прускій Фри-
дрихъ Вилгелмъ III.
узрѣвъ изъ Кунцова
Москву благодарство-
валъ ей за спасеніе
своего Государства.

ЛИТ БАХМАНЪ.

1818 года Іюля 4 дня
Король Прускій Фри-
дрихъ Вильгельмъ III
узрѣвъ изъ Кунцова
Москву благодарство-
валъ ей за спасеніе сво-
его Государства *).

Въ послѣднее время, въ 1861 году мая 26, Кунцово также было ознаменовано посѣщеніемъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора и Государыни Императрицы, соизволившихъ здѣсь прогуливаться и кушать вечерній чай.

Переходя къ настоящему времени, наше любопытство, конечно, должно остановиться на памятникахъ, какіе сохранились отъ стариннаго широкаго барскаго житья, ибо такія подмосковныя боярскія дачи, какъ Кунцово, въ историческомъ отношеніи тѣмъ особенно и примѣчательны, что всегда переносятъ нашу мысль въ этотъ совсѣмъ уже изчезнувшій міръ иныхъ отношеній и стремленій жизни. Въ Кунцовѣ, однако, онъ напоминаетъ себя меньше, чѣмъ въ другихъ прославленныхъ, болѣе богатыхъ и болѣе роскошныхъ подмосковныхъ. Это случилось по той причинѣ, что владѣльцы дачи, Нарышкины, послѣ Льва Кириловича, ни въ какое время не были коренными москвичами, какъ напр. Шереметевы, Долгорукіе, Голицыны, Юсуповы и др.—Нарышкины временно и очень рѣдко наѣзжали въ Москву, но и въ этомъ случаѣ широкія потребности барства выразились въ постройкѣ дома, если не роскошно и даже не особенно убраннаго, за то съ

---

*) Русская забывчивость или разсѣянность сдѣлала однако здѣсь ошибку и подписала, вмѣсто Іюня, 4 Іюля.

излишествомъ помѣстительнаго для временныхъ пріѣздовъ, какого теперь и для постояннаго лѣтняго житья никто не выстроитъ. Можно думать, что барская мысль вообще руководилась только однимъ намѣреніемъ, чтобы въ подмосковной былъ непремѣнно и подобающій знатности и состоянію домъ-дворецъ, или, какъ говорили иностранцы — замокъ.

Но прежде, чѣмъ говорить о домѣ, начнемъ обозрѣніемъ церкви.

Прямо противъ дома съ пріѣзда стоитъ небольшая каменная церковь Знаменія Богородицы, построенная въ планѣ крестообразно, о пяти главахъ, расположенныхъ, одна по срединѣ, надъ пирамидою свода, а остальныя по сторонамъ, на отдѣлахъ или выступахъ церковнаго креста, при чемъ надъ западнымъ выступомъ вмѣсто главы возведена небольшая колокольня. Храмъ вообще не показываетъ своимъ зодчествомъ, особенной красоты, главнымъ образомъ потому, что въ верхнемъ, кровельномъ, его отдѣлѣ существуетъ какая-то неоконченность: недостаетъ здѣсь по сводамъ зданія той старо-русской архитектурной одежды, которую видимъ въ московскихъ храмахъ XVI и XVII ст., и которая состояла между прочимъ въ наружномъ украшеніи церковнаго свода рядами закомаръ или кругообразныхъ теремковъ, всегда придававшихъ церковному зданію красивую узорочность, легкость и согласіе въ частяхъ. Все это возможно было бы воспроизвести и здѣсь; но въ 1744 г., когда строился храмъ, преданія художественной русской старины совсѣмъ были забыты и строитель, утративъ старыя и не пріобрѣтя новыхъ понятій о церковной красотѣ, умствовалъ, какъ Богъ подавалъ.

Снаружи, на восточномъ отдѣлѣ церковнаго креста, въ стѣну вставлена чугунная овальная съ рамкою доска, на которой вылита слѣдующая надпись:

Црквь сія Бж-
ія Знаменія Прес-
тыя Бдци зачата стр.
оеніемъ. 1744: году Іюля
3 дня: которая: созиждала

ся: тщаниемъ: і иждівленіемъ
дествітелнаго: таіного: совѣ(т)ніка
і обоіхъ: росиіскихъ орденовъ
ковалера: і сенатора Алекса-
ндръ: Лвовича Нары(ш)кіна
а совершена: тогожъ
1744 году: декабря
30: дня

Внизу по штукатуркѣ въ четыреугольномъ клеймѣ продолжена надпись красною краскою:

Возобновлена 2 Сень-
тебря 1826 года го-
фмаршаломъ Кир-
илою Александр-
овичемъ Нарыш-
кинымъ.

Въ ризницѣ храма сохраняется небольшой деревянный четвероконечный крестъ, сдѣланный собственно для написанной на немъ слѣдующей лѣтописи: „Освятися храмъ сей во имя Знаменія Престыя Б-цы 1745 году м-ца Генваря 25 дня преосвященнымъ Іосиѳомъ архіепископомъ Московскимъ и Владимерскимъ. Второе: престолъ построенъ вновь и освященъ сей же храмъ 1762 году м-ца Маія 28 дня духовныхъ дѣлъ управителемъ села Павловскаго Іереѣмъ Ѳилипомъ Иларіоновымъ".

Въ самомъ храмѣ ни по древности, ни по искусству, ни по исторической памяти особо примѣчательнаго ничего не находится. Иконы писаны живописнымъ посредственнымъ письмомъ въ половинѣ XVIII ст., въ 1759 году, какъ значится на иконѣ Покрова, поставленной у жертвенника. Изъ мѣстныхъ иконъ большой образъ Ирины Мч. съ дѣяньемъ въ серебряномъ окладѣ перенесенъ по преданію изъ Ирининской церкви Московскаго дома Нарышкиныхъ, въ послѣдствіи принадлежавшемъ Горному Правленію. Оттуда же поступила большая мѣстная икона Казанской Богородицы и икона Знаменія, находившая-

ся по преданію надъ воротами этого дома, а также старинный образъ Николая чудотворца, и напрестольное Евангеліе въ листъ въ серебрянномъ окладѣ съ финифтью московской печати 1698 г. Другое напрестольное Евангеліе въ 4, тоже московской печати 1685 г. Въ ризницѣ сохраняется ветхое Евангеліе Виленской печати 7082 г. съ деревянными гравюрами и другое москов. печати 1732 г. съ гравюрою заглавнаго листа Евангелиста Матвѣя: „грыдыровалъ Иванъ Зубовъ."

Особо чтимая святыня этого храма заключается въ двухъ напрестольныхъ крестахъ со многими частицами св. мощей, кои кромѣ того находятся въ небольшой иконѣ Успенія Богоматери, а также въ особомъ серебряномъ медаліонѣ, въ особой серебряной же коробочкѣ, сдѣланной въ видѣ книжки и въ рѣзныхъ изъ дерева складняхъ. По всему вѣроятію эта святыня принадлежала нѣкогда владѣльцамъ Кунцова—Нарышкинымъ*). Многія церковныя вещи, какъ сказываютъ, привезены въ 1825 г. изъ Петербургскихъ Нарышкинскихъ домовъ.

Подлѣ церкви въ оградѣ есть небольшое кладбище, на которомъ въ недавнее время (1871 г.) схороненъ замѣчательный въ свое время художникъ-мозаистъ и отличный копистъ, академикъ Вас. Егор. Раевъ.

Кунцовскій домъ построенъ на обширномъ каменномъ основаніи, которое служитъ парапетомъ, или по-старинному, по-русски — переходами, вокругъ, изъ брусянаго лѣса въ два высокихъ яруса, и по своимъ размѣрамъ весьма архитектурно и красиво. Верхъ его украшается бельведеромъ, откуда открываются во всѣ стороны и на Москву обширнѣйшие ви-

*) Происхожденіе подобныхъ ковчеговъ и крестовъ со святынею нетлѣнныхъ мощей, можетъ отчасти объясняться запискою императрицы Екатерины II къ Храповицкому слѣдующаго содержанія: «Александръ Васильевичъ; скажите батюшкѣ-духовнику, что Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) у меня проситъ мощей въ золотой крестъ, который онъ посылаетъ къ своей матери. Мнѣ помнится, что у меня въ церкви есть образа многіе съ мощами; и чтобъ онъ отобралъ нѣсколько частицъ для того, 1788 г, 7 Февраля».—Р. А. 1872. стр. 2074.

ЛИТ. БАХМАНЪ.

ды верстъ на 15 и больше. Время его постройки неизвѣстно, но весь ея складъ напоминаетъ хорошую архитектурную школу второй половины XVIII ст. Въ домѣ остается нѣсколько портретовъ, по большей части царской фамиліи, нѣсколько картинъ, не особенно примѣчательныхъ, указывающихъ на время отъ Екатерины до Александра I-го. Въ числѣ ихъ любопытенъ акварельный небольшой рисунокъ, современная — „Точная копія съ рисунка, сдѣланнаго въ 1779 году съ портрета боярина Льва Кириловича Нарышкина,“ — начальнаго устроителя теперешней дачи.

Передъ домомъ, со въѣзда, посреди куртины стоитъ прекрасная сине-мраморная колонна съ вензеловымъ именемъ, Екатерины II на верху и съ слѣдующими подписями внизу на пьедесталѣ, первая съ поля, отъ церкви:

Столбъ
Перьвой Сибирской
Мрамморъ-ный привезен
ной въ С. Петербургъ
въ 1769 году
поставленъ въ селѣ
Кунцовѣ въ 1841 году

вторая, отъ дома:

Пожаловано
Ея Император
скимъ Величествомъ
Екатериною второю
въ 1769 году Гну Оберъ
Шталмейстеру
Льву Александро
вичу Нарышкину.

Переднимъ своимъ фасадомъ домъ стоитъ къ зарѣчью, на высокой береговой кручѣ, и господствуетъ надъ обширною луговою долиною Москвы-рѣки, въ виду селъ Крылатскаго и Хорошова. Крутой берегъ передъ домомъ упадаетъ къ рѣкѣ

ровнымъ зеленымъ скатомъ, *) на верху котораго, въ каменномъ парапетѣ дома, устроенъ въ античномъ стилѣ небольшой портикъ, съ двумя по сторонамъ мраморными колоссальными статуями Юпитера и Юноны (Цереры), итальянскими копіями съ античныхъ статуй. На небольшой площадкѣ передъ этимъ портикомъ посрединѣ поставленъ каменный круглый на каменной же тумбѣ столъ съ слѣдующею надписью: „Мая 26 дня 1861 г. въ 8 часовъ по полудни Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ Александръ Николаевичъ и Государыня Императрица Марія Александровна, осчастлививъ Кунцово посѣщеніемъ, изволили на этомъ мѣстѣ кушать чай.“

Внизу береговаго ската, на лугу, въ небольшомъ скверѣ стоитъ весьма недурной работы мраморная группа: Похищеніе Прозерпины, копія съ нѣкоторыми измѣненіями съ такой же Жирарденовой группы. Подпись итальянскаго мастера: Paolo Friscorni fecit.

Въ саду около дома есть также нѣсколько мраморныхъ бюстовъ и небольшихъ мраморныхъ статуй, по большой части комическихъ фигуръ, перевезенныхъ сюда вѣроятно изъ Петербургскихъ садовъ знаменитаго весельчака Льва Александровича Нарышкина.

Въ сороковыхъ годахъ въ саду же стояла желѣзная статуя, въ 2¹/₄ арш. вышиною, доморощенной русской скульптуры, изображавшая нагую женщину съ поднятою правою рукою. На небольшомъ пьедесталѣ была подпись: 1732. ЗС. ли(л) ЕМ.

Знаменитый родъ Нарышкиныхъ владѣлъ Кунцовымъ ровно 175 лѣтъ. Въ 1865 г. оно было продано К. Т. Солдатенкову послѣднимъ владѣльцемъ изъ этого рода, Василіемъ Львовичемъ Нарышкинымъ. Но еще прежде за нѣсколько лѣтъ сдѣланъ

*) На планѣ Кунцова 1804 года, принадлежащемъ нашей библіотекѣ, по сторонамъ этого береговаго ската показаны существовавшіе нѣкогда деревянные сходы внизъ съ деревяннымъ же широкимъ помостомъ у берега рѣки, гдѣ теперь находится мраморная группа.

былъ починъ къ отчужденію вотчины въ другія руки. Тогда часть Кунцовской земли, нѣсколько десятинъ старой барской запашки и съ береговыми кручами до самой рѣки и при томъ въ срединѣ дачи, между Городищемъ и барскою старою усадьбою, была продана г. Солодовникову, которому въ послѣдствіи и новый владѣлецъ уступилъ, какъ черезполосную землю, всю мѣстность древняго Городища и Дубовой Рощи, то есть старинныя пустоши Резанцово и Плуткино съ отдѣльною уединенною дачею Нарышкиныхъ, построенною въ Дубовой Рощѣ.

Упоминая объ оставшихся въ Кунцовѣ памятникахъ стараго времени и стараго барскаго житья, мы должны отмѣтить, что и новое время, вблизи церкви и барскаго дома, незамедлило тоже соорудить и съ своей стороны небольшой памятникъ, на которомъ красуется простая, но очень краснорѣчивая надпись: Начальное народное училище. Для этого училища, его основатель, новый владѣлецъ Кунцова, г. Солдатенковъ построилъ скромное, но прекрасное помѣщеніе и доставляетъ полныя съ избыткомъ средства вести дѣло съ надлежащимъ успѣхомъ. Въ училищѣ обучаются теперь 60 человѣкъ крестьянскихъ дѣтей обоего пола. Законъ Божій преподаетъ мѣстный приходскій священникъ, а прочіе предметы—два учителя, при наблюденіи инспектора.

КУНЦОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ.

(проклятое мѣсто).

Самая важнѣйшая достопамятность Кунцовской мѣстности, принадлежащая глубокой, незапамятной древности, есть небольшое древнее городище, называемое окрестными поселянами городкомъ, а москвичами проклятымъ мѣстомъ. Послѣднее названіе романическаго происхожденія и явилось въ недавнее время, когда московскій романистъ 30-хъ годовъ г. Воскресенскій, подражая первымъ Карамзинистамъ, избралъ это мѣсто для чувствительныхъ событій своего романа: Проклятое мѣсто. На планѣ 1804 г. оно названо также Татарскимъ кладбищемъ, называли его Славянскимъ и Польскимъ кладбищемъ, все стараясь объяснить это загадочное мѣсто, на которомъ дѣйствительно лежало нѣсколько старинныхъ могильныхъ камней.

Городище, Городокъ, Городецъ—очень извѣстныя имена по всей Русской землѣ, которыми народъ обозначалъ искусственную землянную постройку преимущественно на береговыхъ выступахъ въ видѣ мыса или остраго рога, острога, остраго угла, по большой части при сліяніи съ рѣкою другой рѣки, рѣчки, ручья, и т. п.—Кунцовскій городокъ представляетъ такую же топографическую особенность. Отъ береговыхъ Кунцовскихъ кручь онъ выдѣляется особымъ крутымъ и круглымъ или вѣрнѣе овальнымъ холмомъ, по направленію на сѣверо-востокъ, соединяясь съ матерымъ берегомъ посредствомъ обширной ложчины, проходящей подлѣ него околицею съ юго-

запада и образующей между сторонними оврагами низменный перешеекъ. Въ глубокихъ оврагахъ, съ обѣихъ сторонъ Городка, текутъ ручьи, такъ что отъ своего перешейка онъ очень круто и далеко выдается къ рѣкѣ, посреди непроходимой лѣсной чащи. Верхняя его площадка теперь заключаетъ небольшую лужайку длиною отъ сѣвера къ югу около 30 саж., а шириною сажень 20, на которой и виднѣются остатки кладбища.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда мы въ первый разъ познакомились съ этимъ мѣстомъ, на самой срединѣ площадки оставалось еще объемистое дупло отъ громаднаго дерева, обхвата въ 3 толщиною. Оно имѣло вышины аршинъ 5, было тогда накрыто соломенною круглою кровлею и такимъ образомъ представляло небольшую и замысловатую бесѣдку въ видѣ исполинскаго гриба съ простыми столиками и скамейками вокругъ. Со стороны рѣки въ дуплѣ была широкая разщелина, а внутри, въ его срединѣ, стоялъ истуканъ—степная каменная баба около 4 аршинъ вышины. *)

Въ то время одинъ изъ Мазиловскихъ стариковъ, разсказалъ намъ, что старый дубъ давно былъ разбитъ молніею, что бесѣдка была устроена управителемъ, а баба привезена по приказанію помѣщика изъ какой-то его степной вотчины. О самомъ Городищѣ онъ разсказывалъ, что съ лѣвой юго-западной его стороны существовала когда-то церковь, которая провалилась, ушла въ землю совсѣмъ и съ крестомъ на главѣ, что при ней было большое кладбище и много надгробныхъ камней; что помѣщикъ при постройкѣ оранжерей почти изъ однихъ такихъ камней выложилъ фундаменты; что церковь и съ городищемъ принадлежала Саввинскому Звенигородскому монастырю и тамъ надо отыскивать всѣ свѣдѣнія объ этомъ мѣстѣ. Очевидно, что преданіе старожила о Саввинскомъ монастырѣ основывалось на какой либо древней записи, хранившейся у Нарышкиныхъ, и по сходству имени смѣшивало Саввинскій

*) Значительно попорченная съ того времени, эта баба поставлена теперь въ саду возлѣ дома.

Звенигородскій монастырь, какъ болѣе извѣстный, съ Саввинскимъ монастыремъ, существовавшимъ въ Москвѣ, у Дѣвичьяго поля, къ которому въ дѣйствительности Кунцовская мѣстность была нѣкогда приписана, см. выше, стр. 141.

Остававшіеся могильные камни съ верхней стороны были украшены простою рѣзьбою, рисунокъ которой очень часто встрѣчается на такихъ же памятникахъ XVI и XVII ст. На нѣкоторыхъ въ верху этой рѣзьбы сохранялись совсѣмъ стертыя надписи въ четыре строки и на одномъ въ началѣ довольно явственно значилось: „Лѣта 7065-го (1557 г.) преставися“ ... Слѣдовательно кладбище существовало еще въ XVI ст.

Преданіе о существовавшей здѣсь церкви вполнѣ подтверждается межевою описью Кунцова 1649 г., гдѣ прямо говорится, что здѣсь находилась церковь Покрова Богородицы „что на Городищѣ“, посреди Заразовъ, т. е. береговыхъ обрывовъ. Вся эта береговая глухая мѣстность съ своими Заразами, кручами и обрывами вплоть до деревни Ипской (нынѣ липовая роща) называлась еще Плуткинымъ, вѣроятно отъ глагола плутать, т. е. блуждать, не зная дороги и выхода. Быть можетъ въ XV вѣкѣ, когда бояринъ Петръ Константиновичъ отказалъ Московскому монастырю Саввы упомянутую деревню Ипскую вмѣстѣ съ Олферковымъ, эта самая пустошь Плуткино и называлась Олферковымъ и въ то время была жилою деревнею, ибо именемъ пустоши всегда означалось оставленное вотчинное жилье. Но въ какое время на Городищѣ была построена церковь, объ этомъ, какъ и о самомъ Городищѣ, не встрѣтилось намъ извѣстій раньше 1649 г. Да и въ этотъ годъ собственно о церкви вовсе не упоминается и обозначается ея именемъ только церковная земля.

Мы уже говорили, что въ XVI ст. близлежащее село Крылатское было любимымъ заѣзднымъ мѣстомъ царя Ивана Вас. Грознаго. Очень вѣроятно, что въ то время и ближнія къ нему мѣстности были населены больше, чѣмъ въ XVII ст., т. е. послѣ Смутнаго времени, которое тѣмъ особенно и знаменито, что опустошило подмосковныя дачи изъ конца въ конецъ. Очень вѣроятно, такимъ образомъ, что церковь на Городищѣ

могла быть построена тоже въ XVI вѣкѣ, если еще не раньше, такъ какъ для множества окрестныхъ небольшихъ деревенекъ, отъ которыхъ послѣ остались однѣ пустоши, было необходимо имѣть Божій храмъ поближе къ своимъ мѣстамъ. Старинное же Городище для такой постройки представляло всѣ удобства, такъ что съ такою же вѣроятностью мы можемъ относить постройку здѣсь церкви къ первымъ временамъ заселенія этой подмосковной стороны, т. е. къ XII или покрайней мѣрѣ къ XIII ст. По Русской землѣ мы встрѣчаемъ очень много церквей, точно также построенныхъ на старинныхъ Городищахъ.

Съ именемъ: Городище, теперь навѣки связано имя Ходаковскаго, который первый такъ сказать открылъ намъ эти памятники и съ особеннымъ увлеченіемъ одинъ изъ первыхъ же заговорилъ о кровномъ единствѣ всякихъ народныхъ древностей и памятниковъ быта у всѣхъ славянскихъ племенъ. Въ этомъ случаѣ онъ является достойнымъ предшественникомъ Шафарика. Къ сожалѣнію, какъ часто у насъ случается, неблагопріятныя обстоятельства не позволили ему окончить задуманныхъ работъ и мы знаемъ ихъ больше со стороны замысла, и меньше со стороны законченнаго исполненія, которое намъ представляетъ только лишь сборникъ заготовленныхъ матеріаловъ. Тѣмъ не менѣе Ходаковскому первому принадлежитъ правильная постановка изслѣдованій о древнеславянской географіи въ связи съ исторіею всего быта.

„Первый періодъ нашей Исторіи, говоритъ онъ въ своемъ „планѣ путешествій по Россіи для отысканія Древностей Славянскихъ“, находится еще въ нашей Географіи, или лучше сказать въ названіи нашихъ земель, нашихъ округовъ, городовъ, весей, озеръ, рѣкъ, полей и лѣсовъ дремучихъ. Какъ обитаемыя, такъ и неспособныя къ жительству, плодородныя и дикія мѣста, возвышенныя горы и низкіе луга, словомъ цѣлая поверхность земли нашей была зрѣлищемъ первыхъ дѣяній Славянскихъ. Она еще сего дня можетъ быть достовѣрнымъ свидѣтелемъ тѣхъ временъ, ежели обратимся къ ней для изслѣдованія истины. Взлянемъ только на цѣлый рядъ

урочищъ — нѣкоторыхъ словъ коренныхъ, которыя покрываютъ все пространство земли нашей.... Сколько будетъ словъ языческихъ, однозначащихъ и непонятныхъ выраженій... Такія только слова могутъ доказывать древнѣйшій признакъ единства нашихъ предковъ. Многія изъ нихъ существовали еще въ язычествѣ при мнимыхъ началахъ Руси, Кіева и пр. Тотъ же самый словарь находится въ сельскихъ пѣсняхъ, преданіяхъ, чародѣйскихъ таинствахъ, врачебной и естественной наукѣ простолюдиновъ....“

Въ планѣ своего путешествія онъ ставилъ необходимымъ осмотрѣть самыя мѣста, гдѣ жили разнородныя племена древней Руси, обратить вниманіе на главныя нарѣчія провинціальныя, какъ далеко простираются, въ чемъ состоитъ ихъ разница и что могло уцѣлѣть въ нихъ отъ древнѣйшаго Славянскаго; узнать также разницу въ одеждѣ, въ строеніи домовъ, въ земледѣльческихъ снарядахъ; собрать имена звѣздамъ и природѣ, т. е. всякимъ предметамъ естественной исторіи; замѣчать обряды свадебные, игры, пѣсни, суевѣрія и т. п., собирая въ тоже время и всякіе вещевые и письменные памятники древности.

Но главный интересъ этого плана останавливался на Городищныхъ насыпяхъ, которымъ Ходаковскій придавалъ особое значеніе и объяснялъ ихъ, какъ сооруженія, посвященныя многобожію, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что этими памятниками узнаются и опредѣляются границы славянскихъ поселеній, что гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ значитъ не было и славянскихъ жилищъ. Онъ свидѣтельствовалъ, что такими Городищами покрыто все пространство земли отъ Уральскихъ горъ и Камы, на западъ до Ельбы и верховьевъ Дуная, и отъ Сѣверной Двины, на югъ до Балканскихъ горъ и Адріатическаго моря, т. е. по всѣмъ землямъ Славянъ; что они находятся у насъ почти на каждой квадратной милѣ, и повсюду между собою единообразны; что они тоже, что Гартены у Нѣмцевъ или Керемети у нашей Мордвы.

Онъ собралъ до 7000 названій разныхъ урочищъ, встрѣчаемыхъ вблизи Городищъ и этотъ Словарь Славянскаго Го-

родства такъ его увлекъ, что повсюду онъ сталъ видѣть какую то правильную таинственную черту и повсемѣстное согласіе, руководившее устройствомъ этого Городства. „Нѣсколько лѣтъ я странствовалъ и размышлялъ, говоритъ онъ, пока не получилъ всѣ названія, общія у Славянъ, пока не сообразилъ, что такъ называемые Городокъ, Городецъ, Городно, Городня, Городенка и Городище есть одно и тоже, и гдѣ уцѣлѣли, всѣ сходствуютъ между собою въ наружныхъ признакахъ". Но ему еще не было извѣстно, въ какомъ отношеніи къ этимъ Городищамъ остаются окружающія ихъ урочища. Осматривая Тверскую сторону по планамъ и на мѣстахъ, въ Осташковскомъ и Ржевскомъ уѣздахъ, онъ сдѣлалъ новое для себя открытіе, именно, что „всѣ названія вокругъ Городищъ имѣли къ нимъ отношеніе и показывали вмѣстѣ какой то порядокъ." „Чѣмъ дальше я углублялся въ Россію, замѣчаетъ онъ, тѣмъ болѣе утверждался въ мысли, что какія-то правила были руководствомъ для Славянъ учредить одинаковыя вездѣ Городища, въ избранныхъ къ тому красивыхъ мѣстахъ, и окружающимъ ихъ урочищамъ дать одинакія названія.... Я началъ употреблять циркуль съ размѣромъ по масштабу: напримѣръ, межъ двухъ городковъ, находящихся часто въ разстояніи 8 верстъ (старыхъ, семисотныхъ), сдѣлавъ по срединѣ мысленный предѣлъ, расчитывалъ по оному всѣ урочища, которыя окружаютъ въ особенности тотъ и другой городокъ. Оказалось, что та и другая черта заключали одинакія названія; въ иныхъ мѣстахъ явились, по видимому несогласныя, но существенно въ одномъ значеніи. Сей рядъ одинакихъ и замѣняющихся урочищъ при городкахъ наблюдалъ я безпрерывно въ путешествіи изъ Твери и при разсмотрѣніи межевыхъ плановъ 21 губерніи. Сравнивалъ при этомъ карты западныхъ и южныхъ Славянъ и то же самое открывалъ вездѣ въ удивительномъ согласіи.... Слѣдствіемъ таковыхъ опытовъ и соображеній, сколько разъ удалось мнѣ, въ безчисленныхъ мѣстахъ, отгадать при такихъ окопахъ по 10 и болѣе названій, вступивши въ бесѣду съ старожилами. Сколько разъ сіи старо-

жилы были поражены симъ явленіемъ для нихъ необыкновеннымъ!“

Изученіе городищъ на самыхъ мѣстахъ привело Ходаковскаго къ слѣдующимъ заключеніямъ, которыя указали ему неизмѣнныя условія, руководившія повсюду сооруженіемъ такихъ насыпей: 1) Городища находятся вообще въ прелестныхъ избранныхъ мѣстахъ, имѣя входъ съ востока, лѣтняго или зимняго. 2) Составляющій городище валъ насыпанъ изъ одного чернозема, съ вершины до самой подошвы. По фигурѣ городища разнообразны; по большой части они круглы, но встрѣчаются полуциркульныя, квадратныя, полуквадратныя (на прямыхъ берегахъ) и треугольникомъ, на острыхъ мысахъ, что вообще зависѣло отъ мѣстнаго удобства при ихъ сооруженіи. 3) Во всѣхъ такихъ городищахъ внутреннее, т. е. окруженное валомъ пространство незначительно; на немъ едва могутъ помѣститься два крестьянскія жилья. 4) Вокругъ городищъ на четыре версты постоянныя урочища, т. е. повторяющіяся имена разныхъ урочищъ. 5) Извѣстное, т. е. неизмѣнное разстояніе отъ другихъ городковъ, въ 4-хъ, 6-ти, 8-ми старыхъ верстахъ (семисотныхъ) или около того, смотря на полосу и почву земли и другія выгоды, способствовавшія первымъ поселеніямъ. 6) Городища стоятъ уединенно или порознь и изыскателю не случилось видѣть 2-хъ или 3-хъ городковъ на одной верстѣ, что конечно съ жилыми или укрѣпленными случайно во время войны мѣстами издревле могло-бы нерѣдко встрѣчаться. Затѣмъ, въ окрестностяхъ, никогда не бывшихъ театромъ военныхъ дѣйствій, и въ областяхъ, которыя менѣе подвергались непріятельскимъ опустошеніямъ, сіи городки окружены условными названіями (урочищъ) боговъ, чиновъ, славленья или мольбы, всесозженія, прорицаній, игръ, пиршествъ, закалаемыхъ животныхъ, и т. п. Во множествѣ сихъ урочищъ есть около 100 прилагательныхъ именъ къ городкамъ, которыя показываютъ ихъ качества и назначеніе, напр. Божиграды, Святограды, Вѣрограды, Ротграды (рота-присяга) Любеграды, Славгородки, Райгородки, и пр.

Вообще у Ходаковскаго, при изученіи городищъ и окружающихъ ихъ урочищъ, главною руководящею мыслью было то, что онъ почиталъ ихъ сооруженіями языческаго богослуженія, языческими капищами и съ этой точки зрѣнія объяснялъ и каждое урочищное имя, которому всегда придавалъ миѳическое значеніе. Естественно, что по этому пути онъ мало по малу удалился въ область очень туманной кабалистики, какъ онъ самъ иносказательно обозначалъ еще неясную систему своего Городства. Приведя примѣры различныхъ сочетаній разномѣстныхъ урочищныхъ именъ, въ родѣ Бѣлые-боги, Бѣлые гости, Бѣлоголовы, Бѣлославы, Бѣломиры, Бѣлоозера, Бѣлостоки и также: Черные боги, Черные гости, Черноголовы, Чернославы, Черноозера, Черностоки и т. д.; или оборотные Бѣломиръ, Миробѣлъ, Радъгость, Гостерадъ и т. п., также удвоенные Бѣлобѣлъ, Черночернь, Холохоль, Славославъ и пр.; приведя такіе примѣры и вообще указывая на присутствіе какой то единой мысли сокрытой во всѣхъ этихъ урочищныхъ именахъ, онъ заключаетъ: „Сія словесная Кабалистика на землѣ нашей есть одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ для историка и филолога, ибо въ ней скрывается первое учрежденіе нашихъ предковъ и первое начало нашей лингвистики".

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „При обозрѣніи всѣхъ насыпей на землѣ нашей и всей ея номенклатуры съ помощію лѣтописей и нашихъ діалектовъ народныхъ (нарѣчій), мы откроемъ новый свѣтъ, который озарялъ первую эпоху Славянъ. Найденное, хотя еще не увѣнчано счастливымъ концемъ, отмѣчалъ онъ впослѣдствіи, однакожъ плѣняетъ меня тѣмъ, что оно вездѣ согласно, вездѣ показываетъ однофамильный, единовѣрный народъ и устроеніе сей мысли на такомъ пространствѣ земномъ (у всѣхъ славянскихъ племенъ) есть вещь необыкновенная".

Филологическая кабалистика, подъ указку которой всегда такъ легко попадаетъ фантазія каждаго изыскателя древности, лучше всего выразилась у Ходаковскаго въ объясненіи имъ слова городъ. Раскрывая первобытное значеніе этого слова, онъ заставляетъ читателя перенестись мысленно въ эпоху Сла-

вянъ, которые, по общей системѣ идолопоклонства, совершали обряды на высотахъ и горахъ, гдѣ ихъ всесозженіе, очищеніе, прорицаніе, пиршество, капище или скопище не могли производиться безъ огня, какъ и безъ воды. Онъ такимъ образомъ соединяетъ въ одно понятіе слѣдующія слова:

Гора + Родъ = Гора родовая, народная, сборная. Горь, гарь, горѣть + Родъ = горѣніе, сожиганіе, народомъ производимое. Это былъ однимъ словомъ Городъ.

Въ этомъ толкованіи заключается весь смыслъ такъ называемой Системы городищъ Ходаковскаго, и той таинственной вездѣ согласной черты, той Системы Славянской и Словесной Кабалистики, на которую въ разныхъ мѣстахъ своего труда онъ постоянно указываетъ. Очевидно, это было излишнее увлеченіе своими открытіями и своею мыслію.

Ходаковскому указывали его увлеченіе, но безъ надлежащаго вниманія къ его открытіямъ, въ которыхъ, не смотря на увлеченіе, существуетъ весьма серьезная основа для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Калайдовичь отнималъ всякую вѣроятность въ миѳологическомъ значеніи городищъ. „Не оспариваю, говоритъ онъ, что мѣста Славянскихъ жертво-приношеній и кумиры были на возвышеніи, могли окружаться валами, что въ числѣ Городищъ найдется нѣсколько таковыхъ мольбищь; но рѣшительно утверждаю, что большую часть оныхъ составляютъ огражденія городовъ, селеній и крѣпостей“...

Скудость письменныхъ свидѣтельствъ о городищахъ (а въ нихъ-то Калайдовичь только и вѣровалъ, не придавая ни какой цѣны этнографическимъ свидѣтельствамъ), заставили его взглянуть довольно поверхностно на Славянскую Систему Ходаковскаго; также поверхностно онъ обозрѣвалъ и самыя Городища на мѣстахъ и потому далъ возможность Ходаковскому во многомъ опровергнуть его возраженіе блистательно или покрайней мѣрѣ съ большими основаніями, такъ что замѣчанія Калайдовича не только ни мало непоколебали этой Славянской Системы, но подали поводъ изыскателю еще больше укрѣпиться въ ней. Ходаковскій постоянно одно только и повторялъ,

что Городища, Городки суть наши языческія священныя ограды, и никогда не были военными или городскими и сельскими укрѣпленіями, ибо, наоборотъ, находились особо, отдѣльно именно при такихъ укрѣпленіяхъ.

По его словамъ, самъ Калайдовичь начертилъ своимъ археологическимъ перомъ и Кунцовскій городокъ, о которомъ самъ же замѣтилъ, что онъ имѣетъ одинъ только входъ съ востока. Намъ неизвѣстно, какъ Калайдовичь описалъ Кунцовскій городокъ, но, конечно, ни одно изъ городищъ своимъ положеніемъ въ глухой чащѣ лѣса и вообще своею природною обстановкою, не можетъ въ такой степени уносить наше воображеніе въ эту таинственную, миѳическую, заманчивую Славянскую Систему Ходаковскаго, какъ именно городище Кунцовское. Здѣсь возраженія и сомнѣнія Калайдовича опровергаются на каждомъ шагу. Въ самомъ дѣлѣ могло ли это городище служить военною крѣпостцею, и что̀ оно могло защищать, когда вокругъ повсюду существовали мѣста болѣе удобныя и болѣе стратегическія для военныхъ укрѣпленій, въ полной мѣрѣ командующія надъ этою самою мѣстностью. Не могло оно служить и мѣстомъ для простаго поселенія, ибо вокругъ повсюду мѣста для селитьбы были несравненно удобнѣе и рядомъ же на горѣ еще въ XVII ст. существовала деревня Нагорное, а по рѣчкѣ Хвилкѣ въ началѣ XVII ст. было уже нѣсколько пустошей, т. е. оставленныхъ поселеній, и кромѣ того стояла деревня Кунцово, послѣ также оставленная и обратившаяся въ такую же пустошь. Кому надобна была для обыкновенной селитьбы такая непролазная трущоба и чаща съ крутыми непроходимыми подъемами отъ рѣки, слѣд. отъ воды и съ такими же подъемами къ паханому полю, т. е. ко всякому хозяйскому угодью? Ясно, что если и было здѣсь жилье, поселеніе, то оно ни въ какомъ случаѣ не могло принадлежать къ обыкновеннымъ жилищамъ человѣка. Это было жилье чрезвычайное, необычное, для устройства котораго въ такомъ именно уединенномъ и скрытномъ мѣстѣ существовали причины особыя, выходившія изъ обычнаго порядка въ жизни первыхъ обитателей этого края. До половины XVII ст. здѣсь на горо-

дищѣ существовала церковь Покрова Богородицы, упраздненная быть можетъ еще раньше, ибо городище въ это время только числилось церковною землею Покрова Богородицы. По какому случаю была построена церковь именно на этомъ городищѣ, когда извѣстно вообще, что церкви ставились на высокихъ мѣстахъ, на всей красотѣ, какъ говаривали поселяне, чтобы со всѣхъ сторонъ и издалека Божій храмъ всѣмъ былъ видимъ. Здѣсь же онъ долженъ былъ находиться подъ горою, напр. внизу отъ деревни Нагорнаго. Опять слѣдовательно были особыя причины, указавшія это мѣсто для сооруженія храма. Припомнимъ, что еще со временъ св. Владиміра христіанскіе храмы ставились на мѣстѣ языческихъ требищъ и самъ нашъ просвѣтитель Истинною Вѣрою соорудилъ въ Кіевѣ церковь св. Василія на языческомъ холмѣ, гдѣ тогда стоялъ „Перунъ древянъ, а глава его серебряна, а усъ златъ“, гдѣ стояли Хорсъ, Дажь-богъ, Стрибогъ, Симарьгла и Мокошь, гдѣ „жряху имъ, творяху потребы князь и людье, нарицая ихъ богами, привожаху сыны своя и дщери и жряху бѣсомъ, оскверняху землю требами своими“.... Принявъ св. Крещеніе св. Владиміръ, повелѣлъ рубити церкви и прямо указалъ поставляти церкви по мѣстамъ, „идѣже стояху кумири“. Это былъ его святой завѣтъ, который повсюду, во всѣхъ мѣстахъ и соблюдался при распространеніи Вѣры.

Если мы припомнимъ это важное для насъ свидѣтельство лѣтописи, то можемъ допустить очень вѣроятное предположеніе, что сооруженіе на Кунцовскомъ городищѣ церкви Покрова относится къ тому давнему времени, когда еще памятны были здѣсь слѣды язычества, когда это мѣсто у окрестнаго, хотя бы уже и христіанскаго населенія, все еще памятовалось какими либо суевѣрными чествованіями и потому быть можетъ вызвало поводъ освятить его построеніемъ Божьяго храма. Какъ бы ни было, но построеніе храма на городищѣ во всякомъ случаѣ можетъ указывать, что здѣсь нѣкогда въ дѣйствительности совершались языческія требища. И до сихъ поръ въ весенніе и лѣтніе праздники, особенно на Троицкой недѣлѣ, здѣсь иногда собираются окрестные поселяне играть пѣсни и водить хо-

роводы. Въ сороковыхъ годахъ, пишущій эти строки самъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ Троицынъ день изъ деревни Терехова, съ той стороны рѣки, толпа ребятишекъ и дѣвочекъ съ зелеными вѣнками на головахъ и въ рукахъ, приблизилась противъ самаго Городка къ берегу, побросала вѣнки въ рѣку, долго глазѣла на нихъ, куда понесла вода, и потомъ удалилась. Эта неожиданная картина прямо перенесла насъ въ глубокую славянскую древность. Зачѣмъ вѣнки слѣдовало бросать въ рѣку именно передъ Городкомъ, когда въ деревнѣ есть свой ближайшій берегъ рѣки? Быть можетъ это была случайность, а быть можетъ сохраняется въ деревнѣ и до сихъ поръ память о томъ, что Троицкіе вѣнки бросать въ воду почему либо важнѣе только въ этомъ мѣстѣ. Вообще такіе городки у окрестныхъ поселянъ нерѣдко и до сихъ поръ служатъ сборнымъ мѣстомъ для весеннихъ хороводовъ. На Дьяковскомъ Городкѣ подъ селомъ Коломенскимъ мы тоже однажды застали такой хороводъ. Самъ Калайдовичь свидѣтельствуетъ, что на Мячковскій курганъ у Боровскаго перевоза (черезъ Москву-рѣку), въ Троицынъ день также собирается множество окрестныхъ жителей и проводитъ время въ ликованіяхъ и что по преданію и на этомъ курганѣ стояла нѣкогда церковь.

Очень понятно, почему Ходаковскій могъ такъ увлекаться своею системою: она давала ему постоянно новыя точки опоры. Такъ напр. относительно извѣстнаго разстоянія городковъ другъ отъ друга подтвержденіе находимъ и вблизи Кунцова. По прямой линіи на западъ отъ Кунцовскаго Городища, подъ селомъ Подушкинымъ существуетъ тоже Городище, на рѣчкѣ Кобыленѣ, какъ сказала намъ одна старуха изъ деревни Раздоровъ, о которомъ Ходаковскій не имѣлъ свѣдѣнія. Отъ Кунцовскаго оно въ разстояніи 11 верстъ или въ 8 верстахъ семисотныхъ, какъ считаетъ Ходаковскій. Въ такомъ же почти разстояніи отъ Кунцовскаго прямо на востокъ находится Кремль, который точно также возникъ изъ древнѣйшаго Городища, выходившаго угломъ на западъ при впаденіи рѣчки Неглинной въ Москву-рѣку и имѣвшаго слѣд. естественный входъ съ востока. Мы не видали Подушкинскаго Городища и не знаемъ

съ какой стороны оно имѣетъ свой входъ, но судя по его положенію между оврагомъ съ запада и паханымъ полемъ съ востока и оно должно имѣть тоже восточный входъ. Весьма значительно для системы Ходаковскаго и то обстоятельство, что Подушкинское Городище точно также устроено въ глухомъ мѣстѣ, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Москвы-рѣки и въ сторонѣ отъ окружающихъ очень удобныхъ мѣстъ для поселенія и для военныхъ дѣйствій. Почти въ такомъ же разстояніи отъ Кунцовскаго Городища прямо на сѣверъ находится Городище подъ Тушинымъ, на ржавцѣ, близь р. Всходни. Въ двойномъ разстояніи отъ Кунцовскаго Городища, въ 22 верстахъ прямо на югъ есть деревня Городецъ на р. Сосенкѣ при впаденіи въ нее съ запада овраговъ. Надо полагать, что и тамъ гдѣ либо найдется Городище, да не мудрено, что и въ промежуточномъ разстояніи въ ту и въ другую сторону тоже могутъ открыться слѣды Городка. Можно также предположить что существовало или и существуетъ Городище гдѣ-либо около Орлова, вблизи котораго существовалъ старый погостъ Покровскій, см. выше стр. 134.

Не совсѣмъ только ясно у Ходаковскаго его утвержденіе, что вокругъ городищъ на 4 версты постоянно встрѣчаются одинакія урочища: „божественныя, чиновныя, жертвенныя, любовныя, природныя, земледѣльческія“ и т. п.—Судя по собранному имъ Словарю такихъ урочищъ, должно заключить, что не у каждаго городка встрѣчаются одинакія названія, о чемъ, кажется, Ходаковскій и не думалъ. По видимому онъ разумѣлъ только, что вообще при городищахъ или, говоря общимъ словомъ, при Городствѣ, въ области Городства, открываются постоянно одни и тѣже имена урочищъ, не смотря на разстояніе, на отдаленность другъ отъ друга губерній и областей, и на различіе племенъ; что въ этомъ отношеніи Великая, Малая, Бѣлая Русь, Польша, Червонная Русь или Галиція, Болгарія, Сербія и всѣ старобытныя поселенія Славянъ представляютъ удивительное единообразіе и согласіе, „какъбы чародѣйское дѣло, которое должно произвести впечатлѣніе въ нашемъ умѣ“.

Однакожъ изъ его разсказовъ видно также, что и особо при каждомъ городищѣ должна существовать какъ бы особая система въ именахъ урочищъ, которая служила характеристикою того или другаго назначенія этого городка при первоначальномъ его устройствѣ или показывала характеристику его мѣстоположенія. „Затвердивши въ памяти тѣ слова, говоритъ Ходаковскій, которыя чаще попадаются въ четырехъ-верстной окружности городковъ, могъ я нѣсколько угадывать, особенно въ разговорѣ съ старожилами, которые потому признавали меня своимъ уроженцемъ, тутошнимъ"... Онъ угадалъ такимъ образомъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ при селѣ Городкѣ—Радонѣжѣ урочище Бѣлые боги, настаивая въ разговорѣ съ крестьянами, что должно быть тамъ въ числѣ урочищъ прозваніе съ словомъ богъ или бугъ, въ началѣ или въ окончаніи слоговъ. Вообще онъ утверждалъ, какъ упомянуто, что городки окружались на четыре версты одинакими урочищными славянскими именами.

Это можно отчасти примѣтить и при сравненіи двухъ городищныхъ мѣстностей Кунцовской и Подушкинской. Мы упоминали, что Подушкинское Городище находится при рѣчкѣ Кобыленѣ. Верстахъ въ 5 отъ Кунцовскаго Городища, подъ бойнею у Дорогомилова кладбища есть Кобылій врагъ. Подъ Городищемъ у Соколова на Всходнѣ есть Кобылья Лужа, такъ какъ подъ Городищемъ самаго Кремля, въ одной верстѣ, въ Зарядьѣ, есть Кобыльское (два питейныхъ дома). Отъ Городища на Яузѣ въ двухъ верстахъ тоже Кобыльское, Никола въ Кобыльскомъ*). Въ топографическомъ отношеніи, Кобыльское значило Мокрое, и потому въ Зарядьѣ церковь Николы, прозывается Мокрое, а питейный домъ по народному: Кобыльскій. Такимъ образомъ имя этого урочища представляетъ

*) На Яузѣ Городище существовало вѣроятнѣе всего гдѣ либо вблизи, но не подъ самымъ Андроньевымъ монастыремъ, какъ указываетъ Ходаковскій, ибо въ актѣ, упоминающемъ это Городище, говорится, что если случиться душегубство за Яузою «ино къ тому тянетъ и Андроньевъ монастырь и Городище». Скорѣе можно полагать, что на мѣстѣ этого Городища существуетъ теперь церковь Никиты Муч., что на Вшивой Горкѣ, и что слѣдов. Вшивая Горка и есть древнее Яузское Городище.

черту не миѳологическую, а топографическую, какъ и множество другихъ урочищъ. Топографическая же черта у одноплеменнаго народа, говорившаго и мыслившаго на одномъ языкѣ, конечно всегда должна обозначаться и однороднымъ именемъ.

Во всякомъ случаѣ Урочищный Словарь Ходаковскаго, если и не даетъ прямыхъ и положительныхъ свидѣтельствъ именно о языческомъ богослужебномъ значенiи городищъ, то онъ вполнѣ можетъ доказывать, что эти городища были памятниками славянскаго житья-бытья на всемъ пространствѣ, гдѣ урочища звучатъ по-славянски.

А насколько важно собранiе этихъ именъ для разрѣшенiя многихъ другихъ вопросовъ, наиболѣе положительныхъ, такъ это доказалъ самъ же Ходаковскiй въ своей статьѣ: „Пути сообщенiи въ древней Россiи", гдѣ очень внятно раскрыты передвиженiя древнихъ нашихъ князей и пункты сообщенiя между рѣчными и лѣсными областями.

Названiя урочищъ, особенно рѣкъ, могутъ указать также границы и распространенiе того или другаго славянскаго племени, могутъ раскрыть посреди славянскихъ поселенiй слѣды первобытныхъ древнѣйшихъ обитателей страны, причемъ выясняются и тѣ условiя, которыя способствовали происхожденiю такого множества городищъ.

Городища своею исторiею увлекаютъ насъ, какъ мы упомянули, въ глубокую, незапамятную древность и далеко распространяютъ горизонтъ нашихъ познанiй о началѣ Руси, о началѣ первыхъ славянскихъ поселенiй въ этой странѣ. Вотъ почему уже Ходаковскiй высказывалъ положительныя сомнѣнiя, что Русская Исторiя начинается будто-бы съ IX вѣка.

Даже и VI вѣкъ, когда впервые стало разноситься и славиться имя Славянъ, тоже не первый вѣкъ, не только въ исторiи Западныхъ или Южныхъ, но даже и Восточныхъ Славянъ, изъ коихъ потомъ образовалось Русское государство. Мы имѣемъ нѣкоторыя основанiя отодвинуть границы нашей первоначаль-

ной исторіи даже ко временамъ Геродота, т. е. къ половинѣ пятаго вѣка до Р. Х., а по одному его свидѣтельству даже и ко временамъ Даріева похода на Скиѳовъ, или же къ концу VII вѣка до Р. Х.

Намъ кажется, что стоитъ только отойдти отъ сухой буквы лѣтописныхъ, да и то позднѣйшихъ свидѣтельствъ о Славянахъ и вникнуть въ истинный смыслъ именно Геродотовыхъ сказаній о Скиѳіи, тогда легко поймемъ, что первымъ нашимъ лѣтописцемъ былъ не славянинъ Несторъ, а самъ отецъ исторіи—Геродотъ. Извѣстно, что онъ описалъ Скиѳію и бытъ народовъ, населявшихъ въ его время все европейское пространство нашей Русской земли. Мы не будемъ входить здѣсь въ подробности, которыя представимъ въ другомъ мѣстѣ, и скажемъ только, что по описанію Геродота южныя черноморскія земли Руси были населены на востокъ отъ Днѣпра кочевыми племенами, Скиѳами и Савроматами, а по самому Днѣпру и на западъ отъ него, племенами осѣдлыми, земледѣльческими, которыхъ, жившихъ у самаго Днѣпра, Геродотъ тоже называетъ Скиѳами, а другихъ, жившихъ западнѣе, по Бугу и Днѣстру, другими именами. Изъ этихъ именъ одно очень любопытно—это Алазоне, которые жили по Бугу, гдѣ Бугъ сближается съ Днѣстромъ. Если отдаться словесной кабалистикѣ, то въ Алазонахъ мы можемъ очень ясно разслышать имя Славянъ, а если не Славянъ, то Галичанъ (древнихъ Угличей), ибо впослѣдствіи здѣсь же, на самомъ этомъ мѣстѣ господствуетъ имя Галицкаго русскаго княжества.

Но для насъ въ свидѣтельствѣ Геродота очень важно только одно, что по Днѣпру и на западъ отъ него жили племена земледѣльческія и вотъ на этомъ основаніи мы имѣемъ возможность допустить, что эти земледѣльцы были не кто иной, какъ именно Славяне. Намъ скажутъ, что этого доказать ничѣмъ нельзя. Мы отвѣтимъ, что этого и опровергнуть также ничѣмъ нельзя, а доказать хоть немного можно тѣмъ, что на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ въ VI в. по Р. Х. живутъ положительно одни Славяне, и живутъ многочисленно и глубоко къ сѣверу. Объ этомъ говорятъ современники той эпохи и это извѣстно за не-

оспоримую истину всему ученому свѣту. Славянское преданіе, передаваемое нашимъ первымъ лѣтописцемъ, утверждаетъ, что родиною Славянъ былъ Дунай: отъ Дуная они пошли и разселялись въ разныя стороны. Надо полагать, что это было въ незапамятное время. Покрайней мѣрѣ, еще при Геродотѣ, выше къ сѣверу отъ Алазонъ, въ нынѣшнемъ Полѣсьѣ, въ Волынской и Минской губ., жилъ народъ Невры, который славился у Грековъ тѣмъ, что умѣлъ оборачиваться въ волковъ. Въ тамошнихъ мѣстахъ и теперь крѣпко вѣруютъ, что это дѣло возможное. При этомъ въ тамошнихъ мѣстахъ, въ Польшѣ, цѣлая сторона называется Нурскою и есть урочища и рѣки съ такимъ же названіемъ, напр. подъ Овручемъ течетъ рѣка Норинъ. Словомъ сказать, ученые уже прямо указываютъ, что эти Невры или Норы, Нуры, были Славяне; да и нашъ первый лѣтописецъ говоритъ, что въ древности Славяне назывались Норици. Геродотъ въ своемъ описаніи Скиѳіи приводитъ одно очень важное для насъ событіе изъ исторіи этихъ Невровъ. Онъ говоритъ, что десятка на три лѣтъ раньше Даріева похода на Скиѳію, Невры переселились въ землю Вудиновъ, по той причинѣ, что въ ихъ прежнія обиталища наползло множество змѣй изъ сѣверной страны и жить тамъ стало невозможно. Подобныя легенды въ древнихъ сказаніяхъ встрѣчаются не рѣдко. Иносказательно онѣ могутъ объяснять очень простое событіе — нашествіе чужаго племени, которое вытѣсняетъ или изгоняетъ съ своихъ мѣстъ прежнихъ жителей. Такимъ образомъ Невры могли переселиться въ новую страну, спасаясь отъ варваровъ, непріятелей, пришедшихъ съ запада или сѣвера, съ верхнихъ степей. Геродотъ говоритъ, что они перешли въ землю Вудиновъ, а Вудины по его же сказанію были очень многочисленный народъ, жившій къ востоку отъ Невровъ и къ сѣверу отъ Скиѳовъ и Савроматовъ, по вѣрному опредѣленію мѣстности, въ нынѣшнихъ губ. Саратов., Пензенской, Тамбовской, Воронежской и далѣе къ западу и къ сѣверу, именно по протоку р. Оки. Здѣсь до сихъ поръ остаются племена, а въ иныхъ мѣстахъ имена жилищъ этихъ Вудиновъ съ названіями Мордвы, Мокши, Мещеры, Че-

ремисы, Чувашей, такъ что и Калужскій городъ Мещовскъ, по древнему Мещерскъ, гдѣ уже нѣтъ никакой Мещеры и Мордвы, все таки указываетъ на границу ея древнѣйшаго распространенія. Но что особенно подтверждаетъ, что упомянутыя Финскія племена у Геродота назывались однимъ именемъ, Вудинами, такъ это ихъ природное и народное имя—Удъ, Одъ, Удъ-Мортъ, сохраняющееся и доселѣ у сѣверныхъ ихъ родственниковъ, Вотяковъ или Отяковъ, имя которыхъ испорчено порусски изъ того же Удъ или Одъ. Если обратимся къ урочищнымъ именамъ, то по южной окраинѣ первобытныхъ жилищъ Вудинскихъ найдемъ еще рѣку Удъ — Уды подъ Харьковомъ и Уть, впадающую въ рѣку Сожъ на югѣ Могилевской губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что такихъ Вудинскихъ именъ въ тѣхъ мѣстахъ встрѣтится довольно. По видимому къ слову: Удъ греки прибавили согласный звукъ В, такъ какъ къ слову: Одъ—Отякъ русскіе прибавили Водъ—Вотякъ.

Куда же именно Невры, наканунѣ Даріева похода на Скиѳовъ, перешли въ землю Вудиновъ? На это отвѣчаетъ записанное у перваго нашего лѣтописца преданіе, что изъ славянскихъ (русскихъ) племенъ Радимичи и Вятичи пришли отъ Ляховъ, т. е. отъ Лѣсовиковъ изъ-за Днѣпра и поселились, Радимичи къ сѣверу по Сожѣ, а Вятичи къ востоку по Окѣ. Очевидно, что они перешли черезъ Днѣпръ между Десною и Сожемъ, съ Припяти или изъ Полѣсья, что и значитъ отъ Ляховъ, гдѣ именно и обитали Геродотовы Невры. Такимъ образомъ Вятичи были передовымъ славянскимъ племенемъ, которое пошло вѣроятно съ Десны по Окѣ дальше на Востокъ. Во время нашествія Варяговъ на Окѣ внизу сидѣла еще Мурома—Вудинское племя, на которое Вятичи и напирали въ своемъ шествіи къ востоку. Вотъ, по случаю этого шествія въ чужую дикую землю и нужны были городки, т. е. небольшія крѣпостцы, которыя должны были охранять и защищать двигавшееся впередъ населеніе. Вотъ почему городки и доселѣ встрѣчаются только по направленію рѣкъ, ибо рѣки были первыми и единственными въ то время путями въ непроходимой болотной и лѣсной чащѣ. Въ добавокъ городки должно было

прятать въ непроглядныя трущобы, дабы никто ихъ не нашелъ, ибо въ нихъ на случай опасности населеніе прятало свои пожитки и пряталось само. Очень естественно, что въ нихъ же вмѣстѣ со всѣмъ дорогимъ для тогдашняго человѣка сохранялось и все его святое, т. е. всѣ предметы его вѣрованія, поклоненія. Въ этомъ отношеніи и Ходаковскій можетъ быть правъ, съ своею системою, что городища были языческими капищами. Еще понятнѣе намъ будетъ значеніе городищъ, какъ передовыхъ постовъ и точекъ опоры для защиты и охраны населенія, если приведемъ первоначальныя несомнѣнныя свидѣтельства о бытѣ славянъ за долго до пришествія къ намъ Варяговъ.

Первые наблюдатели этого быта, отъ VI вѣка, византійскіе и западные лѣтописцы, единогласно говорятъ, что безчисленные народы восточныхъ славянъ жили разсѣянно (по нашей лѣтописи каждый особо съ своимъ родомъ и на своихъ особыхъ мѣстахъ) въ жилищахъ, разбросанныхъ на большомъ разстояніи одно отъ другаго, у рѣкъ, болотъ и озеръ, въ мѣстахъ неприступныхъ (по нашей лѣтописи живяху въ лѣсу, какъ всякій звѣрь). Въ этихъ своихъ жилищахъ, на случай опасности, они дѣлали много выходовъ.

Эти разбросанныя другъ отъ друга избы-жилища и назывались деревнями въ собственномъ смыслѣ, ибо деревня въ первобытномъ своемъ значеніи была жилищемъ исключительно лѣснымъ, см. выше стр. 139. Такія деревни существовали до позднѣйшаго времени и самое Кунцово, какъ видѣли, было именно такою деревнею, состоявшею изъ одного только двора. Но тѣже свидѣтельства отъ VI вѣка объясняютъ еще, что во время нашествій враговъ славяне уходили изъ своихъ деревень въ лѣса и болота, скрывались въ лѣсныхъ дебряхъ.

„Славяне (Поморскіе, прибалтійскіе), говоритъ Гельмольдъ, не заботятся о постройкѣ своихъ домовъ, и обыкновенно сплетаютъ себѣ избушки изъ хвороста (какъ до сихъ поръ во всей южной Россіи) лишь бы укрыться отъ дождя и непогоды. Едва раздается кликъ военной тревоги, они поскорѣе заберутъ весь хлѣбъ, спрячутъ его съ золотомъ, серебромъ и всѣми дорогими

вещами въ яму, уведутъ женъ и дѣтей въ надежныя убѣжища, въ укрѣпленія, а не то въ лѣса, и не останется на расхищеніе непріятеля ничего, кромѣ однихъ избъ, о которыхъ они не жалѣютъ ни мало.“ *)

Все сказанное Гельмольдомъ о балтійскихъ Поморскихъ славянахъ въ равной силѣ можетъ относиться не только къ восточнымъ обиталищамъ славянъ, но и къ другимъ, инородческимъ племенамъ, ибо одинакія условія жизни повсюду образуютъ и одинакіе способы защиты и спасенія отъ враговъ. Однако, разсматривая древнѣйшія обиталища славянъ, въ свидѣтельствахъ о нихъ, принадлежащихъ разному времени и разнымъ лицамъ, мы должны различить два рода ихъ обиталищъ: 1) одни, обыкновенныя полевыя жилища земледѣльца; 2) другія, скрытыя отъ полей въ неприступныхъ и укрѣпленныхъ мѣстахъ, въ лѣсахъ, куда земледѣлецъ уходилъ отъ врага со всѣмъ имуществомъ и со всѣмъ своимъ родомъ-семьей, какъ онъ уходилъ даже и въ наше время при нашествіи французовъ. Византійскій императоръ Маврикій, занимавшійся въ своемъ описаніи наиболѣе военнымъ дѣломъ, прямо и свидѣтельствуетъ лишь о стратегическихъ жилищахъ славянъ и говоритъ, что они живутъ въ лѣсахъ, у рѣкъ, болотъ и озеръ въ мѣстахъ неприступныхъ. Эти-то самыя неприступныя мѣста и были извѣстные намъ теперь городки, городцы и городища, которые строились для опаснаго времени и получали особое значеніе для окрестнаго населенія тоже только въ военное опасное время, при нашествіи врага.

При этомъ, всѣ племена славянскія, съ незапамятныхъ временъ тѣснимыя врагами съ первобытныхъ своихъ жилищъ отъ Дуная на сѣверъ и особенно на сѣверо-востокъ, въ страны покрытыя лѣсами и занятыя финскими и другими инородческими племенами, должны были прокладывать себѣ дорогу тоже посредствомъ такихъ же неприступныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ или городковъ и городцевъ. Вотъ почему въ лѣсахъ, по рѣкамъ и рѣчкамъ Россіи такихъ городковъ встрѣчается

*) Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ, г. Макушева, Спб. 1861 г.

еще больше, чѣмъ во всякой другой славянской сторонѣ. Здѣсь они обозначаютъ поступательные шаги славянъ въ незнаемыя глухія земли Геродотовыхъ Вудиновъ, Меланхленовъ, Ѳиссагетовъ и т. д., точно такъ какъ въ историческое время въ земли Чуди, Веси, Мери, Муромы, Мордвы, Черемисы, т. е. въ земли тѣхъ же Вудиновъ и Ѳиссагетовъ, и т. д. до самаго Тихаго Океана, куда уже пришло къ концу XVI в. Велико-Русское племя. Нѣтъ сомнѣнія, что и инородцы, встрѣчая натискъ новаго населенія и желая охранить свою землю, точно также выстраивали свои городки и такимъ образомъ и съ своей стороны способствовали распространенію этого безчисленнаго городства по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ возникала необходимость защиты отъ врага.

Очень замѣчательно то обстоятельство, что въ XVI и XVII ст. такіе городки существовали еще живыми въ сѣверовосточномъ краю Руси, напр. въ Устюжской сторонѣ, гдѣ уже финскаго племени въ это время почти вовсе не было слышно. Даже въ общемъ описаніи Русскихъ дорогъ или чертежа Русской Земли, въ Книгѣ Большаго Чертежа, эти городки показаны, какъ ряды крѣпостей, защищавшихъ нѣкогда Вологду, Устюгъ Великій, Сольвычегодскъ. Тамъ говорится: „Отъ города отъ Вологды дорога рѣкою Вологдою въ рѣку Сухону, а на Сухонѣ, отъ Вологды 90 верстъ, городокъ Шуйской; отъ Шуйскаго 130 верстъ на Сухонѣ городъ Тотма, а подъ нимъ съ лѣвыя стороны пала въ Сухону рѣчка Песья-деньга, а съ другой стороны противъ города пала въ Сухону рѣка Тотма.“ Вотъ именно такіе-то пункты при впаденіи рѣкъ особенно и избирались всегда для устройства городка, дабы господствовать надъ рѣчнымъ сплавнымъ узломъ. Дальше: „отъ Тотмы Сухоною 60 верстъ городокъ Брусенескъ, отъ Брусенска до Городищна 50 верстъ, отъ Городищна 50 верстъ до Бобровска, отъ Бобровска до Стрѣльнаго 50 верстъ, отъ Стрѣльнаго 50 верстъ до Устюга—Великаго. А ниже Устюга В. версты съ 3 пала въ рѣку Сухону рѣка Югъ... А по рѣкѣ по Югу городки Устюга Великаго, съ верху: городокъ Хорозинъ, отъ Устюга 200 верстъ; ниже Хорозина 20 верстъ — Березово; ниже 50

верстъ — Кичменской, ниже 40 вер. — Сосновецъ, ниже 50 вер. — Осиновецъ, ниже 40 верстъ — Орловъ; ниже Орлова 15 верстъ въ рѣку Югъ пала рѣка Луза... а отъ Орлова до Устюга 40 верстъ... А по рѣкѣ по Лузѣ съ верху городки Устюжскіе: городокъ Объячей, отъ Вятки 50 верстъ; ниже Объячева 60 вер. — Спасской, ниже 20 вер.—Лосменой; ниже 70 вер.—Ондреевской (городокъ Соли Вычегодской); ниже 80 вер. —городъ Лалской, тоже Соли Вычегодской, усть рѣчки Лалы; ниже 40 верстъ—Ратморовъ; отъ Ратморова до Устюга 50 вер., до старой Перми 80 верстъ, до Соли Вычегодской 100 верстъ."

Изъ этого описанія, обозначавшаго вообще только главнѣйшіе пункты, мы видимъ, что рѣки Сухона, Югъ, Луза, какъ единственныя дороги и проходы въ лѣсной и болотной странѣ, были основательно укрѣплены городками отъ истока до устья, какъ безсомнѣнія въ незапамятныя времена укрѣплялись и всѣ другія рѣки и рѣчки по всей лѣсной Руси.

Ближайшее разсмотрѣніе Устюжской стороны по писцовымъ книгамъ начала XVII ст., 1621—1622 г., знакомитъ насъ даже съ состояніемъ этихъ же городковъ и съ причинами, почему городки не только оставались, но даже и возобновлялись въ это довольно близкое къ намъ время. Оно же раскрываетъ, что городки находились въ каждой волости, что всею волостью они и строились, что волости и прозывались по имени своихъ городковъ или городки прозывались по имени своихъ волостей, что иногда нѣсколько волостей имѣли одинъ городокъ, какъ напр. къ вологодскому городку Шуйскому тянуло шесть волостей. Этотъ городокъ былъ довольно обширенъ; въ немъ помѣщалось 2 церкви, 5 дворовъ церковниковъ, 1 келья просвирни и 3 кельи нищихъ, дворъ митрополичій (городокъ былъ вотчиною ростовскихъ митрополитовъ), дворъ земскаго дьячка. Въ городкѣ же числилось 37 дв. крестьянскихъ 118 челов., 46 дв. бобыльскихъ 70 челов., 8 дв. пустыхъ; но большая часть этого населенія жила на другомъ берегу Сухоны, гдѣ стояла и особая церковь.

Вотъ какъ описываются Устюжскіе городки: 1) Въ Утмановской волости городокъ Сосновецъ стоитъ на старой

осыпи, сдѣланъ острогомъ, на рѣчкѣ на Енталѣ, а въ немъ церковь Арх. Михаила да передъ вороты на выставкѣ другая церковь Чудо Арх. Михаила, древяны клѣтцки, строеніе мирское, приходныхъ людей. Въ городкѣ три двора церковниковъ: попъ, дьячекъ, пономарь. 2) Волость Еналга, а въ ней городокъ Еналской рубленой на р. на Югу, а въ немъ церковь Воскресенія древяна клѣцки, да за городкомъ въ острожкѣ ц. Введеніе теплая древяна вверхъ—строеніе мирское; въ городкѣ 5 дворовъ церковничьихъ. 3) Волость Кичменга, а въ ней Кичменской городокъ на р. на Югу рубленъ въ клѣтки, а въ немъ на воротахъ колокольня да башня отводная да 45 городень, а городня по три сажени, и того около городка съ вороты и съ башнею 140 саж. А на городѣ (на стѣнахъ) наряду: 25 пищалей ручныхъ, 11 пищалей затинныхъ, полчетверта пуда зелья, полтретья пуда свинцу, 5500 ядеръ желѣзныхъ. Въ городкѣ церковь Преображенія древяна вверхъ, да у городка на площади теплая церковь Арх. Михаила древяна клѣтски, съ дворами церковниковъ; на площади кромѣ того стояли дворцы (дворики) бобыльскіе, амбары, кузницы. 4) Волость Вохма, а въ ней погостъ на рѣчкѣ Вохмѣ, церковь теплая, да въ городкѣ церковь холодная. Городокъ на рѣчкѣ на Вохмѣ былъ рубленъ, а нынѣ поставленъ острогъ стоячей; а въ городкѣ 6 пищалей затинныхъ, да 6 ручныхъ, 150 ядеръ желѣзныхъ да 3 свинки свинцу, 5 фунт. зелья, 20 стрѣлъ. 5) Волость Городишная, а въ ней городокъ на рѣчкѣ на Городищной огнилъ и обвалялся, а въ немъ церк. Всѣ Святые съ 4 дворами церковниковъ. Пашни паханые церковные подъ городкомъ средніе земли 5 четей съ полуосминою въ полѣ, сѣна 20 копенъ, лѣсу пашеннаго 2 десятины, непашеннаго 4 десятины. 6) Волость Брусенская, а въ ней городокъ (у рѣки Брусни въ Сухону) поставленъ острогомъ, а у городка двои ворота большіе да водяные (на рѣку). Въ городкѣ анбаръ зелейной, а въ немъ 5 пищалей затинныхъ желѣзныхъ, да 4 пищали, да самопалъ, ручные; да пудъ 27 гривенокъ зелья, пудъ свинцу, да пулекъ дробовыхъ 5 гривенокъ да 1450 ядеръ желѣзныхъ. Противъ городка у р. Сухоны на берегу

церковь теплая Николы... У городка у Брусенца по берегу слободка. 7) Волость Сухой Погостъ — городокъ Туровецъ на р. на Двинѣ и на рѣчкѣ Туровицѣ, деревяной рубленъ, огнилъ и обвалялся весь, а въ немъ ц. Богоявленіе. Да въ городкѣ жъ было 20 избъ да 40 клѣтей крестьянскихъ для осаднаго времени, всѣ погнили и развалялись. У городка же Погостъ Туровецкой на р. Двинѣ и на усть рѣки Туровицы, а на погостѣ церковь Николы да теплая Успеніе. 8) Волость Шарженга и Холезецъ и Березовецъ, а въ ней погостъ въ осыпи, гдѣ былъ городокъ Холезецъ (см. выше, Хорозинъ) а на погостѣ церковь Георгія. 9) Въ Орловской волости городокъ Орловъ на рѣчкѣ на Мельницѣ, на старой осыпи, рубленый, да три башни клѣтчатыя; а въ немъ церковь Борисъ и Глѣбъ. Поставленъ ново, въ 128 (1620) году отъ литовскихъ людей; ставили окольныхъ волостей крестьяне Орловскіе, Шаскіе, Варженскіе да архангельскаго монастыря крестьяне, вопче собою. Въ городкѣ жъ 9 пищалей затинныхъ, 23 пищали ручныхъ, 400 стрѣлъ, 3 пуда пороху, 1½ пуда свинцу, 100 ядеръ желѣзныхъ—присылка прежнихъ государей. А около того городка 240 сажень. Да въ городкѣ жъ для осаднаго времени Тайникъ и изъ городка (тайникъ) по подземелью къ рѣчкѣ Мельницѣ.

Вотъ эти-то запоздалые и еще живые городки, даже съ тайными выходами, извѣстными и лѣтописцамъ VI вѣка, *) вполнѣ знакомятъ насъ съ тѣми обстоятельствами, при которыхъ необходимо было ихъ устроивать и въ XVII ст., и въ незапамятное доисторическое время.

Отъ времени Геродота и до начала XVII. ст.; т. е. въ теченіи 2000 лѣтъ не существовало въ этомъ углу нашей земли ни государственной, ни земской безопасности; населеніе должно было само собою вопче стараться охранять себя отъ врага; оно и строило свои городки, которые въ глубокой древности могли принадлежать еще здѣшнимъ старожиламъ, племенамъ финскимъ, если и тѣ были также осѣдлы, какъ славя-

*) Припомнимъ существовавшій Тайникъ и въ нашемъ Кремлевскомъ городкѣ (Тайницкія ворота).

не и также стойко всегда защищали свою землю. Исторія сибирскихъ инородцевъ доказываетъ, что и тамошніе финскіе звѣроловы тоже укрѣплялись городками въ своихъ волостяхъ; покрайней мѣрѣ при движеніи туда русскихъ въ XVI ст. такіе городки еще живьемъ находимы были повсюду, и нѣтъ слѣдовательно сомнѣнія, что въ незапамятное время тѣмъ же способомъ укрѣплялись въ своихъ мѣстахъ и европейскіе звѣроловы. Мы вообще думаемъ, что исторія занятія Сибири по своему характеру и во всѣхъ своихъ частныхъ подробностяхъ была только продолженіемъ болѣе древней исторіи занятія нашимъ племенемъ всего сѣверовосточнаго лѣснаго края Европы, который для передвигавшихся сюда отъ Дуная славянъ былъ на самомъ дѣлѣ тѣмъ же, чѣмъ была Сибирь для нашихъ предковъ IX—XVI столѣтій. Городки являлись необходимою защитою, точкою опоры и для туземцевъ и для нашихъ піонеровъ—насельниковъ. Движеніе геродотовскихъ Невровъ въ землю Вудиновъ быть можетъ было начальнымъ движеніемъ славянскаго племени въ эту лѣсную и болотную непроходимую землю; они шли, какъ обыкновенно идетъ мирное земледѣльческое и промышленное населеніе, занимая страну медленно, шагъ за шагомъ, десятину за десятиною, распространяясь во всѣ стороны отъ занятыхъ твердыхъ и удобныхъ пунктовъ. А такими пунктами, какъ упомянуто, были городки. Вотъ почему и наши города по большой части стоятъ на западныхъ берегахъ рѣкъ, т. е. на тѣхъ берегахъ, съ какой стороны подвигалось населеніе. Вначалѣ это были только укрѣпленныя и скрытыя мѣста защиты для окрестныхъ деревень или поселеній, куда въ случаѣ опасности жители собирались съ имуществомъ и семьями. Таковъ городокъ Кунцовскій и многое множество другихъ ему подобныхъ, находящихся въ лѣсной и рѣчной глуши. Какъ скоро населеніе утверждалось прочно въ своихъ мѣстахъ, необходимо возникалъ и большой городъ, тянувшій къ себѣ цѣлый болѣе или менѣе значительный округъ населенія. Изъ маленькаго городка, если онъ былъ срубленъ и устроенъ на мѣстѣ вполнѣ выгодномъ для защиты такого округа и вполнѣ удобномъ для

разселенія, выросталъ большой городъ—въ родѣ Новгорода, Кіева, Чернигова, Смоленска, и такъ далѣе, до самой Москвы, у которой древнѣйшее ея сердце находилось на Кремлевской горѣ, покрытой боромъ и прилегавшей острымъ мысомъ, гдѣ существовалъ древнѣйшій городокъ, къ устью рѣчки Неглинной (Боровицкія Ворота).

Если въ христіанское время внутри городка, какъ въ сохранномъ и безопасномъ мѣстѣ, ставились святыя церкви, то и въ языческое время, въ томъ же городкѣ, если не ставились языческіе храмы, то совершались свои торжества и поклоненія божествамъ съ необходимыми братовщинами-пиршествами, то есть непремѣнно при общемъ собраніи всего окрестнаго населенія. И потому мысль Ходаковскаго, что древнія городища были нѣкогда языческими капищами, при всей своей односторонности, совсѣмъ опровергнута быть не можетъ.

Что касается до пребыванія въ нашихъ мѣстахъ Геродотовыхъ Вудиновъ или, по теперешнему ученому названію, Финновъ, т. е. Мещеры, Муромы, Мери, Мордвы, то и въ Сѣтунскомъ Стану сохраняются еще остатки ихъ именъ, напр. въ рѣчкѣ Навексѣ, на которой стоитъ село Аминево; въ рѣчкѣ Закзѣ, впадающей въ пограничную рѣчку Стана, Медвенку.

Такимъ образомъ, Кунцовское Городище есть памятникъ глубочайшей древности, показывающій, что эта сторона была заселена съ незапамятныхъ временъ, за долго до того времени, съ котораго мы начинаемъ свою исторію.

МЕЖЕВАЯ ОПИСЬ КУНЦОВСКОЙ ДАЧИ 1649 ГОДА.

Лѣта 7157 Іюня въ 11 день по г-ву ц-ву и в. к. Алексѣя М. в. р. указу и по наказу изъ Помѣстнаго Приказу за приписью дьяка Мартемьяна Бредихина Алексѣй Ондреев. Коковинской да подьячей Тимоѳей Ондреевъ межевали въ Московскомъ уѣздѣ въ Сѣтунскомъ Стану боярина Ильи Даниловича Милославскаго вотчинные пустоши, пустошь Кунцово, пустошь Резанцово, пустошь Плуткино, да церковную землю Покрова Прч. Б-цы, что на Городищѣ съ государевыми дворцовыми землями разныхъ селъ и деревень и съ помѣстными и съ вотчинными землями разныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, по старымъ межамъ и по отводу старожилцовъ тутошнихъ и окольнихъ людей, а съ чьеми землями, и которыхъ селъ и деревень и пустошей земля вотчинныхъ пустошей б. И. Д. Милославскаго вотчинныхъ пустошей въ межахъ сошлась и то писано въ сихъ книгахъ подлинно.

Межа вотчинной земли б. И. Д. Милославскаго пустоши Кунцовой, да пустоши Рязанцовой да пустоши П о л у н ь к и н о (ошибка) да церковной земли Покрова Прч. Б-цы что на Г о р о д и щ ѣ. Почелъ отъ Москвы рѣки промежъ государевы дворцовые земли деревни Ипской и промежъ вотчинной земли б. И. Д. Милославскаго у Москвы рѣки на берегу въ лѣсу подъ Заразьемъ поставленъ столбъ осиновъ, на немъ грани, а подлѣ столба выкопана яма, а въ ямѣ каменье и уголье. Да подлѣ столбажъ и подлѣ ямы старая межевая признака, колода, что бывалъ осиновый пень; а отъ столба и отъ ямы подъ Заразьемъ прямо на гору на двѣ старыя ямы, что у дорожки; а промежъ ямъ поставленъ столбъ дубовой, а на немъ грани, а дорожкою ѣздятъ изъ деревни Ипской на пустошь Плуткино. А отъ тѣхъ ямъ и отъ столба прямо по межнику къ долинкѣ, а у долинки поставленъ столбъ сосновой, а на немъ грани, у столбажъ яма, а въ ней каменья. А отъ столба и отъ ямы на лѣво долинкою на лужокъ, а на лужку поставленъ столбъ сос-

новой на немъ грани, а у столба яма, а въ ямѣ каменья. А отъ столба и отъ ямы на право къ дорожкѣ, что ѣздятъ изъ деревни Ипской на пустошь Кунцово. А у дорожки поставленъ столбъ осиновъ на немъ грани подлѣ столба яма, а въ ямѣ камень; а отъ того столба и отъ ямы на столбъ же осиновъ на немъ грани, у столба яма, а въ ямѣ камень. А отъ столба и отъ ямы межою на лѣво въ Поперешной врагъ, Кунцовской тожъ, а середь врагу въ водомойнѣ стоитъ столбъ кленовъ на немъ грань. А отъ того столба Поперешнимъ врагомъ къ рѣчкѣ Хвилкѣ, а рѣчкою Хвилкою вверхъ до бочевины, а въ бочевины въ водѣ камень; а у той же бочевины на берегу камень, а отъ бочевины и отъ камени черезъ рѣчку Хвилку на лѣво въ Бетенской врагъ, а Бетенскимъ врагомъ къ Звенигородцкой дорогѣ и черезъ Звенигородскую дорогу на столбъ осиновъ, на немъ грани, а у столба яма, а въ ямѣ каменья да кости, а отъ Звенигородской дороги и отъ столба и отъ ямы лѣсомъ впрямь водомоиною на столбъ же еловой, на немъ грани, у столба яма, а въ ямѣ каменья да кости, да у столба же и у ямы пенекъ дубовой, а дубокъ ссѣченъ. А по сказкѣ старожилцовъ на томъ дубу бывала грань. А отъ того столба и отъ ямы и отъ пенка дубоваго впрямь къ новой Можайской дорогѣ подлѣ новочисной земли, а у дороги столбъ поставленъ осиновъ, на немъ грани, а подлѣ столба яма, а въ ямѣ каменья да кости. И до того столба по Можайскую дорогу отъ Москвы-рѣки отъ первые грани отъ столба и отъ ямы по межѣ и по гранемъ и по ямамъ на правѣ земля и лѣсъ и сѣнные покосы и всякія угодья вотчины б. И. Д. Милославскаго пустоши Кунцовы да пустоши Резанцовы, а на лѣвѣ земля и лѣсъ и сѣнные покосы и всякія угодья государевыхъ дворцовыхъ деревень, деревни Ипской да деревни Мазыловы да пустошей Шепелевы да Бетинской. А отъ столба и отъ ямы, что у Можайской дороги, отъ Москвы ѣдучи по Можайской дорогѣ правою стороною на старую яму, а у ямы поставленъ столбъ, а на немъ грани, а отъ столба и отъ ямы дорогою на старуюжъ яму, а у ямы поставленъ столбъ осиновъ, а на немъ грани. А отъ того столба и отъ ямы дорогою жъ на долину, а въ долинѣ у дороги по правую сторону отъ Москвы ѣдучи поставленъ столбъ осиновъ, а на немъ грани, а подлѣ столба яма новая, а въ ней каменья по тое грань и по яму по правую Можайскую дорогу земля и лѣсъ вотчины б. И. Д. Мил. пустоши Кунцовой да пустоши Резанцовой, а по лѣвую сторону Можайскіе дороги земля розныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ. А отъ столба и отъ ямы долиною отъ Можайской дороги и подлѣ долины дорогою вправо до рѣчки

Хвилки, а у рѣки Хвилки, недоѣхавъ немного, на горкѣ поставленъ столбъ, на немъ грани, подлѣ столба яма, а въ ямѣ каменья; а отъ того столба и отъ ямы черезъ рѣчку Хвилку на лѣво черезъ старую Можайскую дорогу въ Темной врагъ, а темнымъ врагомъ къ Звенигородцкой дорогѣ, а у Звенигородцкой дороги поставленъ столбъ, а на немъ грани, подлѣ столба яма новая, а въ ней каменья; а отъ того столба и отъ ямы по Звенигородцкой дорогѣ отъ Москвы ѣдучи по лѣвую сторону стоитъ дубъ, а на немъ грани, да надъ граньюжъ признака, высеченъ иверенъ. А отъ того дуба Звенигородцкоюжъ дорогою къ Нагорному полю, а у Нагорнаго поля подлѣ дороги на правой сторонѣ поставленъ столбъ, а на немъ грани, а подлѣ столба яма, а въ ямѣ каменья; да у тогожъ столба и у ямы стоитъ березка; а отъ столба и отъ ямы и отъ березки вправо отъ Звенигородцкой дороги на дубовой горѣлой пѣнь, а отъ горѣлова пня на сосну, на ней грань, а отъ сосны воловою межею пустоши Плуткиной до дороги, а дорогою поворотить на лѣво, что ѣздятъ съ Москвы въ деревню Нагорную, а съ дороги поворотить на право подлѣ Нагорновской пашни и подлѣ Заразу къ церкви Покрову Пречистые Богородицы, что на Городищѣ; а возлѣ Городища подлѣ (На) горновской же пашни поворотить на лѣво врагомъ ручьемъ къ Москвѣ-рѣкѣ.

И той межѣ обводной Утинъ (грань рубежъ, отрѣзъ) по ручью Москва-рѣка. А съ повороту съ Можайскіе съ новые дороги по гранемъ и по ямамъ и по урочищамъ и до Москвы-рѣки на правѣ земля и лѣсъ и сѣнные покосы и всякія угодья б. И. Д. Мил. пустоши Резанцовы и пустоши Плуткиной и церковные земли Покрова Пречист. Б-цы, а на лѣвѣ земля и лѣсъ и сѣнные покосы и всякія угодья деревни Нагорной и пустошей Збоевскіе и Борисовой. А Москвою-рѣкою отъ ручья берегомъ внизъ до первой починной грани до столба и до ямы, что на берегу Москвы-рѣки, по Москвѣ-рѣкѣ правая сторона Москвы-рѣки и по подзаразью сѣнные покосы и лѣсъ и всякія угодья б. И. Д. Мил. вотчинныхъ пустошей пустоши Кунцовой да пустоши Резанцовой да пустоши Плуткиной да церковныя земли Покрова Прч. Б-цы что на Городищѣ.

Межа б. И. Д. Мил. отхожимъ сѣннымъ покосамъ церковные земли Покрова Прч. Б-цы, что подъ селомъ Крылатцкимъ въ лугахъ, поченъ отъ Москвы-рѣки рѣчкою Меленкою вверхъ къ дорогѣ, что ѣздятъ съ Москвы въ село Крылатцкое, а на дорогѣ черезъ рѣчку Меленку мостъ, а межъ рѣчки Меленки и Крылатцкой дороги на моску (такъ) отъ Москвы-рѣки по правую сторону рѣчки Меленки поставленъ столбъ бере-

зовъ, а на немъ грань, а отъ того столба черезъ дорогу лугомъ на столбъ березовъ на немъ грани; а столбъ поставленъ возлѣ ивова куста, а отъ столба и отъ куста прямо на лужу на мочевище, а поконецъ мочевища поставленъ столбъ березовъ на немъ грани. А въ мочевищѣ противъ столба кустъ ивовъ; а отъ того столба отъ мочевищъ и отъ куста колѣномъ на право къ Москвѣ-рѣкѣ на столбъ сосновой на немъ грани, а отъ столба черезъ дорожку къ Москвѣ-рѣкѣ до воды по тѣмъ гранемъ отъ рѣки отъ Москвы и отъ рѣчки Меленки по Москвужъ рѣку правая сторона лугъ сѣнные покосы б. И. Д. Милосл. церковные земли Покрова Прч. Б-цы, а лѣвая сторона сѣнные жъ покосы села Крылатцкаго церковные. А межу отводилъ старожилецъ государевы дворцовые деревни Ѣхоловы, Мневнины тожъ, крестьянинъ Терешка Ортемьевъ.

Межа б. И. Д. Мил. вотчинные пустоши Кунцовы отхожимъ сѣннымъ покосамъ, что подъ деревнею Гусаревымъ въ лугахъ по Москвѣ-рѣкѣ, почепъ отъ кустарнику и отъ болота къ Москвѣ-рѣкѣ, у болота въ лугу поставленъ столбъ осиновъ на немъ грань, а отъ того столба къ Москвѣ-рѣкѣ на столбъ же осиновъ на немъ грани; а промежъ тѣхъ двухъ столбовъ въ длинникѣ на межѣ въ разныхъ мѣстахъ лежатъ въ землѣ каменье старинное. А отъ того столба на лѣво поперешникомъ къ деревнѣ Гусаревѣ межею промежъ переложные пашни и сѣнныхъ покосовъ на столбъ же осиновъ на немъ грани; а отъ того столба на лѣво жъ длинникомъ къ селу Хвилямъ на столбъ же осиновъ на немъ грани, а межъ столбовъ по межнику лежатъ каменья; а отъ того столба на лѣво поперешникомъ къ первому столбу съ гранью, что стоитъ болотцо и у кустарнику правая сторона за грани лугъ сѣнные покосы государевы дворцовые, села Хвилей съ деревнями, а лѣвая сторона въ граняхъ отхожіе сѣнные покосы б. И. Д. Милославскаго вотчинной пустоши Кунцова.

А на межеваньи были окольніе люди...

ПРИМѢЧАНІЕ.

Г. Васильчиковъ, въ своей статьѣ: „Родъ Нарышкиныхъ" (Русскій Архивъ, изд. г. Бартеневымъ, годъ 1871, стр. 1487 — 1519), свидѣтельствуетъ, что Кунцово продано „со всѣми фамильными портретами, бумагами и памятниками". Однако наши поиски какихъ либо свѣдѣній объ исторіи Кунцова въ самомъ Кунцовѣ остались безуспѣшны и новый владѣлецъ дачи удостовѣрилъ насъ, что никакихъ бумагъ, и въ точномъ смыслѣ ни одной бумаги, съ пріобрѣтеніемъ Кунцова къ нему не перешло. Весьма желательная разработка мѣстной и фамильной исторіи у насъ вообще очень затруднительна именно по неимовѣрной скудости источниковъ, которыхъ почти вовсе не находимъ или пока еще мало видимъ въ качествѣ фамильныхъ хранилищъ и которые добываются съ немалымъ трудомъ лишь въ общихъ казенныхъ архивахъ, доставляющихъ однако свѣдѣнія разрозненныя и разсѣянныя по крупицамъ и притомъ всегда оффиціально-сухія и голыя, безъ всякой исторической одежды, то есть, безъ всякаго объясненія старобытныхъ отношеній, и безъ отвѣта на историческіе вопросы: какъ и почему что случилось?

Для раскрытія исторіи Кунцова и Сѣтунскаго Стана, кромѣ печатныхъ, весьма недостаточныхъ, а отчасти и невѣрныхъ свидѣтельствъ, мы исключительно пользовались хранящимися въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи Писцовыми и Межевыми книгами и другими документами по городу Москвѣ, XVII и начала XVIII ст., изъ которыхъ заимствована и приведенная выше межевая опись Кунцовской дачи 1649 года. Подробный обзоръ этихъ источниковъ см. въ „Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи", Книга первая, Спб. 1869, подъ №№ 1294—1628.

РАЗСТОЯНІЕ СЕЛЕНІЙ СѢТУНСКАГО СТАНА ОТЪ ДОРОГОМИЛОВСКОЙ ЗАСТАВЫ.

По правую сторону отъ большой дороги, между Москвою-рѣкой и дорогою.

	Версты.
Кладбище Дорогомиловское	1
Кутузовская изба	2
Поклонная гора	3
Покровское-Хвили (ц.)	$3^1/_2$
(Паромъ на Шелепиху)	
Хвили деревня	4
Гусарево	$5^1/_2$
(Бродъ въ Мневники)	
Мазилово	5
Кунцово (ц)	6
Кунцовское Городище	7
Крылатское	9
(Бродъ подъ Тереховымъ)	
Татарово	10
(Мостъ въ Хорошово)	
Черепково	12
Екатериновка	13
Троицкое-Лыково-Бутурлино (паромъ)	15
Строгино	$17^1/_2$
(Паромъ въ Тушино)	

По лѣвую сторону отъ большой дороги, по р. Сѣтуни и ея притокамъ.

	Версты.
Дача Воспитательнаго дома	2
Троицкое-Голенищево	4
(Воробьево)	5
Каменная Плотина	5
Гладышево	5
Матвѣевская	$6^1/_2$
Раменки	$7^1/_2$
Никольское	9
Никулина	11
Тропарево (ц.)	12
Волынское (ц.)	6
Давыдково	6
Жуковка	$7^1/_2$
Аминево	$7^1/_2$
Очаково (ц.)	10
Михалково	$11^1/_2$
Вавулино	13
Говорово (ц.)	13
Терешково	14
Румянцево	16

	Версты.
Мекинино	18
(Паромъ въ Павшино)	
Лугъ, Лухи	18
Рублево	16
(Перевозъ въ Архангельское)	
Ромашково (ц.)	15
Раздоры	16
Дубровка-Поповка	18
Лохина	19
(Мостъ къ Ильинскому у Глухова).	
Куркино (противъ Архангельскаго)	20
(Архангельское)	18
Барвиха-Самынка	18
(Перевозъ въ Ильинское)	
Шульгино	17
Подушкино-Рожествено (ц)	18
Подушкинское Городище	19
Акишево	19
Усово-Спасское	21
Лайково-Мелтехино (ц.)	23
Рѣчка Медвенка	25

	Версты.
(Саларево)	16
(Истокъ р. Сѣтуни)	
Сѣтунь на б. дорогѣ	9
Спасское-Манухино (ц.)	10
Троекурово-Хорошово	11
(Проспектъ въ Вавулино)	
Суково (ц.)	$15^{1}/_{2}$
Орлово (ц. и молитв. домъ)	$17^{1}/_{2}$
Картмазово	18
Марфутка на б. дорогѣ	11
Новая на б. дорогѣ	$12^{1}/_{2}$
Марѳина	$12^{1}/_{2}$
Сколково	13
Нѣмчиново	14
Лукино (ц.)	17
Ѳедосьино (ц.)	18
Мамоново на б. дорогѣ	16
Одинцово на б. дорогѣ (ц.)	$17^{1}/_{2}$
Вырубово-Марково	19
Измалково (ц.)	19
Передѣлецъ	19
Глазынино	19
Губкино	20
Яскино	20
Внуково	22
Окулово-Покровское-Самодуровка (ц.)	22

(ц.) означаетъ, что въ селеніи находится церковь.

СОДЕРЖАНІЕ.